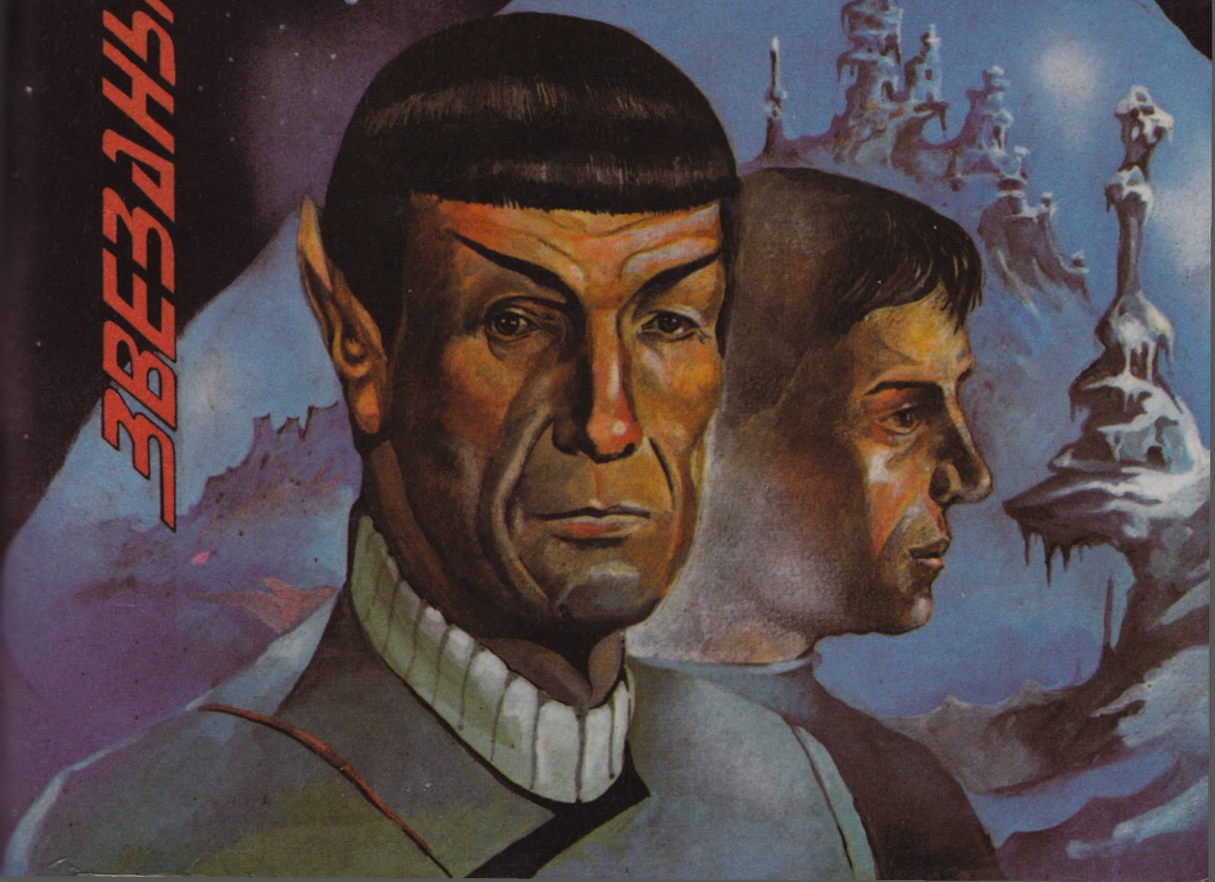




ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ
Х. Бим ПАЙПЕР
Кэрл М. КЭППС

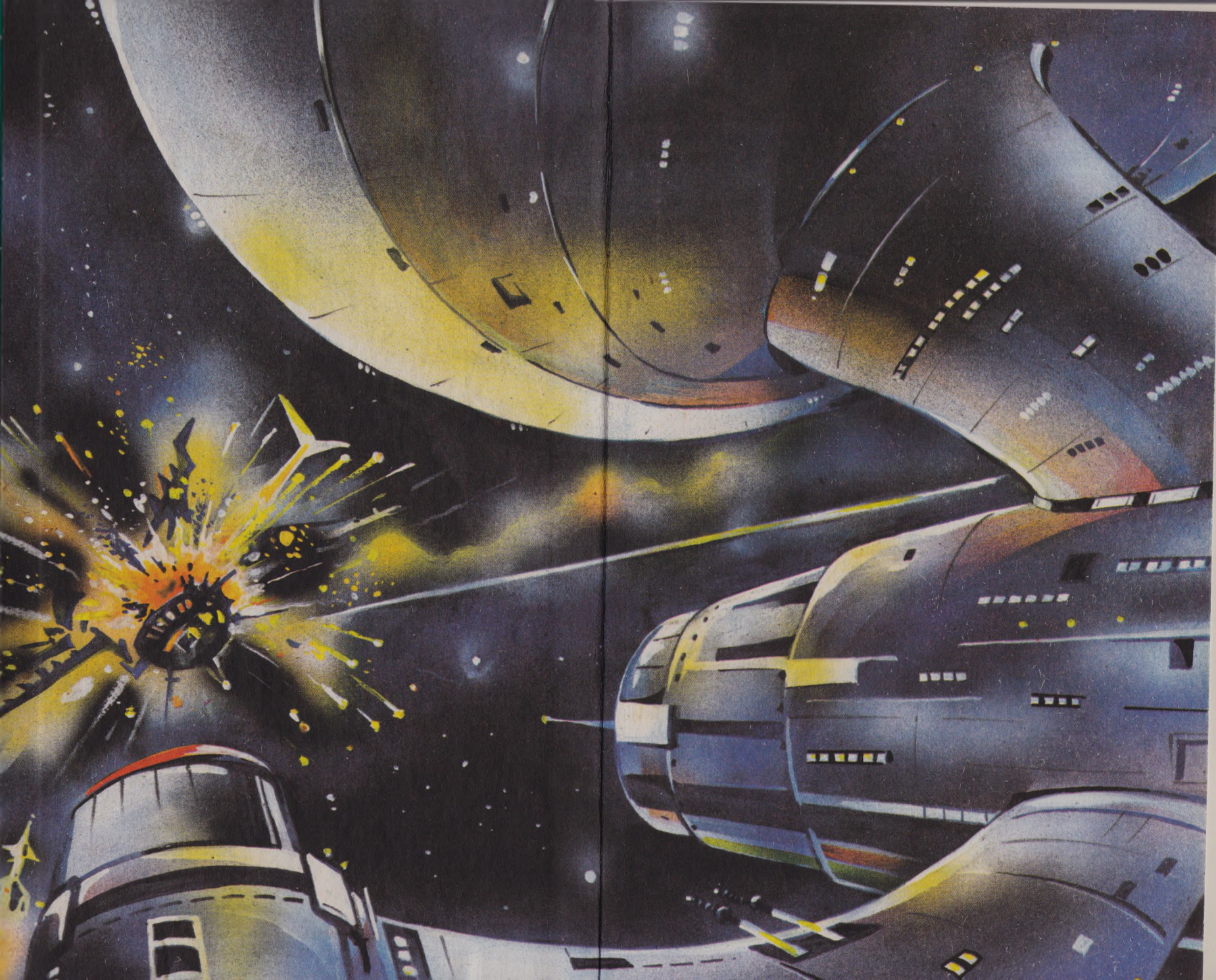


ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ



ЗВЕЗДАНЫЙ ПУТЬ





ИЗДАТЕЛЬСТВО

МСТ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

STAR TREK
ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

**САМЫЙ ЗНАМЕНИТЫЙ
КИНОСЕРИАЛ
ФАНТАСТИКИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1992**

STAR TREK

James BLISH

STAR TREK

H. Beam PIPER

LITTLE FUZZY

Carroll M. CAPPS

RECALL NOT EARTH

PRINTED IN THE UNITED STATES OF AMERICA

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Х. Бим ПАЙПЕР

МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

Кэрол М. КЭППС

ЗАБЫТЬ О ЗЕМЛЕ



ББК 84.7 США

*Серия основана в 1992 г.
Перевод с английского.*

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Джеймс БЛИШ
Х. Бим ПАЙПЕР
Кэрол М. КЭППС

*Составление А. Сазонова
Оформление В. Гусакова*

З-43 Сборник фантастических произведений (Пер. с
англ. М. Коркин, И. Русакова). — СПб.: издательство
«МСТ», 1992 г., 448 с.

ISBN 5-7109-0001-X

© Перевод: М. Коркин, И. Русакова, 1992.
© Составление: А. Сазонов, 1992.
© Оформление серии: В. Гусаков, 1992.
© АО «МСТ», 1992.



Джеймс БЛИШ

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Фантастический роман

Перевод с английского

Закон Чарли

Хотя капитан звездолета «Энтерпрайз» Джеймс Кирк безраздельно властвовал над четырьмя сотнями офицеров и членов команды, не считая небольшой, меняющейся группы пассажиров; хотя более чем за двадцать лет, проведенных в пространстве, он сполна получил свою долю риска, — он был убежден, что никто не доставил ему столько беспокойства, сколько этот семнадцатилетний парнишка.

Чарльза Эванса подобрали на планете Тация, где он прожил в одиночестве четырнадцать лет после катастрофы исследовательского корабля его родителей. Его нашел исследовательский корабль «Антарес», грузоподъемностью раз в десять меньше «Энтерпрайза». Затем его передали на корабль Кирка, одетого кое-как, с надувным пакетом, в котором находились все его вещи.

Офицеры «Антареса», доставившие его на борт «Энтерпрайза», отмечали высокий интеллект Чарли, желание учиться, интуитивное понимание инженерных принципов (он мог бы сам управлять «Антаресом» при необходимости) и исключительно дружелюбный характер. Но Кирка удивило, что офицеры словно соревновались друг с другом в восхвалении Чарли, и поспешили вернуться на свой тесный кораблик, не попросив даже бутылки бренди.

Любопытство Чарли с самого начала было очевидно, хотя при этом он и проявил некоторое беспокойство. Это было неудивительно, учитывая его долгое пребывание в одиночестве. Кирк приказал старшине Рэнд отвести парня в выделенную ему каюту. И тут-то Чарли удивил всех присутствующих и ее саму, без обиняков спросив Кирка:

— А это — девушка?

Леонард Мак-Кой, корабельный врач-хирург, проверил Чарли с головы до пят и нашел, что он находится в отличном физическом состоянии. Никаких следов недоедания, радиационных ожогов, каких-либо лишений. Просто поразительно для парня, который вынужден был с трехлетнего возраста сам о себе заботиться на чужой планете. С другой стороны, логич-

но было предположить, что через четырнадцать лет Чарли мог быть либо в хорошем состоянии, либо мертвым. Ему неизбежно пришлось как-то приспособиться к окружающей обстановке за эти годы.

О себе Чарли не рассказывал, но сам задавал множество вопросов. Похоже, он действительно хотел знать, как правильно себя вести. И, видимо, ему хотелось, чтобы его любили. Но направление некоторых вопросов Мак-Коя, очевидно, сбивало его с толку.

Нет, никто не остался в живых после катастрофы. Он выучился английскому, общаясь с банком памяти корабля, который по-прежнему действовал. Нет, тациане не помогли ему. Их просто не существовало. Сперва он ел то, что хранилось в корабельных кладовых, затем то, что росло вокруг.

Чарли попросил, чтобы ему показали корабельный свод инструкций. На «Антаресе» он вечно делал или говорил не то, что следовало. Когда это случалось, люди сердились. И он тоже сердился. Ему не хотелось совершать дважды одинаковые ошибки.

— Я тоже так считаю, — ответил ему Мак-Кой. — Но с таким вещами невозможно спешить. Просто держи распахнутыми глаза и когда сомневаешься — улыбнись и промолчи. Это всегда неплохо действует.

Чарли ответил улыбкой на улыбку Мак-Коя, и врач отпустил парня, шлепнув его при этом по мягкому месту, к удивлению Чарли.

Мак-Кой снова вернулся к этой проблеме, находясь на командном мостике с Кирком, его старшим офицером, мистером Споком и старшиной Рэнд, занимавшейся вахтенным расписанием. Она тут же хотела уйти. Но, так как девушка имела возможность наблюдать за Чарли не меньше, чем остальные, Кирк попросил ее остаться. Кроме того, Кирку она нравилась, хотя он наивно полагал, что это является секретом для нее.

— Земная история полна случаев, когда маленькому ребенку удавалось выжить в диких местах, — продолжил Мак-Кой.

— Я читал кое-какие из ваших легенд, — заговорил Спок, родившийся на планете Вулкан, не принадлежащей к солнечной системе. — Похоже, всем подобным детям требовалась волчица для ухода.

— Ну какой смысл мальчику лгать, если бы тациане и существовали?

— Тем не менее, есть кое-какие свидетельства, что они

существовали, по крайней мере, тысячелетие назад, — заметил Спок. — Первая исследовательская экспедиция сообщила о находке некоторых весьма сложных артефактов. И условия не менялись на Тации, по крайней мере, примерно три миллиона лет. На самом деле кое-кто из них мог и уцелеть.

— Чарли утверждает, что никого не было, — заметил Кирк.

— Уже то, что он выжил, указывает на то, что были. Я проверил записи в библиотечном компьютере о Тации. Там сказано: «Съедобной растительной пищи нет». Ему просто необходима была чья-то помощь.

— Мне кажется, вы думаете о нем хуже, чем он того заслуживает, — проговорил Мак-Кой.

— Ладно, пока будем считать так, — произнес Кирк. — Мистер Спок, подготовьте программу опроса для Чарли. Займите его чем-нибудь, пока мы не доберемся до Колонии Пять, где за него возьмутся опытные педагоги. А тем временем он должен, по крайней мере, не мешать нам здесь, на борту корабля... Старшина Рэнд, что вы думаете о нашем трудном ребенке?

— Н-ну, — протянула она, — быть может, я и несколько предубежденно отношусь. Я не хотела рассказывать об этом, но... вчера он догнал меня в коридоре и предложил флакончик духов. Моих любимых. Я не знала, что это ему известно. А на корабле таких нет, я в этом уверена.

— Гм-м, — хмыкнул Мак-Кой.

— И только я собралась спросить его, где он их взял, как он шлепнул меня по мягкому месту. После этого я постаралась как можно быстрее очутиться в другом месте.

Послышался взрыв удивленного смеха, тут же стихнувшего.

— Что-нибудь еще? — спросил Кирк.

— Ничего особенного. Вы знаете, что он умеет показывать карточные фокусы?

— Постойте-ка, а где он этому-то научился?

— Я не знаю. Но он показывает их мастерски. Я играла в солитер в комнате отдыха, когда вошел он. Лейтенант Ухура играла на синтезаторе и напевала «Чарли, дорогой мой». И сперва, похоже, ему показалось, что она насмехается над ним. Но когда он понял, что она лично к нему не обращается, подошел и стал наблюдать за мной. Казалось, его удивило, что я никак не могу построить игру. Неожиданно он сделал так, что она выстроилась — даже не прикасаясь к картам. Я клянусь, что

Его голос смолк. Теперь из динамика не доносилось никаких звуков, кроме «белого шума» звездного пространства, не было слышно даже несущей волны.

— Посмотрите, можно ли их снова поймать, — приказал Кирк.

— Нечего ловить, капитан, — с досадой произнесла лейтенант Ухура. — Они больше ничего не передают.

— Держите канал открытым.

Позади Кирка Чарли произнес тихим голосом:

— Это был старый корабль. Не очень хорошо сконструированный.

Кирк уставился на него, затем резко обернулся к пульту Спока.

— Мистер Спок, проверьте место, откуда велась передача, сканирующими сенсорами.

— Я уже засек это место, — немедленно ответил Спок. — Но там какая-то рябь необычная, даже для такого расстояния.

Кирк снова обернулся к парню.

— Что случилось, Чарли? Ты знаешь?

Чарли посмотрел на него с выражением, похожим на еле сдерживаемый вызов.

— Я не знаю, — ответил он.

— Зона ряби становится шире, — доложил Спок. — А по краям я теперь засекаю какие-то отчетливые всплески. Похоже, это обломки.

— Но «Антареса» нет?

— Капитан Кирк, это и е с т ь «Антарес», — тихо ответил Спок.

— Невозможно никакое другое объяснение. Совершенно очевидно, что корабль взорвался.

Кирк продолжал пристально смотреть Чарли в глаза. Парень отвернулся.

— Мне жаль, что он взорвался, — наконец произнес Чарли. Казалось, он чувствовал себя несколько не в себе, но не более того.

— Но я не буду жалеть о них. Они не были хорошими. Они меня не любили. Я могу это сказать.

Последовала долгая, ужасно напряженная тишина. Наконец Кирк осторожно разжал кулаки.

— Чарли, — произнес он, — одна из первых вещей, от которых тебе необходимо избавиться, это твоя чертова хладнокровность. Или эгоистичность, или что там еще. Пока это

не будет у тебя под контролем, ты будешь меньше даже, чем полчеловека.

Кирк замолчал, так как, к его удивлению, Чарли заплакал.

— Он — что? — переспросил Кирк, уставившись на стоявшую перед ним старшину Рэнд. Она чувствовала себя весьма неуютно, но все же держалась молодцом.

— Он попытался за мной ухаживать, — повторила она. — Не то, чтобы на это у него ушло много слов. Нет. Но для него это была все же длинная, хоть и запинаящаяся речь. Он хочет меня.

— Старшина, он же семнадцатилетний мальчишка.

— Именно, — ответила девушка.

— И все это из-за шлепка?

— Нет, сэр, — сказала она. — Из-за его речи. Капитан, мне уже знаком такой взгляд. Мне ведь уже не семнадцать. И если не предпринять что-нибудь, рано или поздно мне придется отталкивать Чарли, может быть, шлепнуть его самой, и не в шутку. А это не будет для него полезно. Я — его первая любовь, первое крушение и первая женщина, которую он увидел и...

Она перевела дыхание.

— Капитан, всего этого слишком много для одного человека, даже если оно сваливается на голову по очереди. А все вместе — так просто убийственно. Чарли просто не понимает обычных отказов. Если же я попытаюсь отказать ему так, чтобы он понял, могут быть неприятности. Вы меня понимаете?

— Думаю, да, старшина, — ответил Кирк. И все же он еще не мог вполне серьезно воспринять ситуацию. — Хотя не думал, что мне придется объяснять все насчет птичек и пчелок кому-нибудь, по крайней мере, не моего возраста. Но я сейчас же вызову его.

— Благодарю вас, сэр.

Она вышла. Кирк вызвал Чарли. Тот появился почти мгновенно, словно ожидал чего-то подобного.

— Входи, Чарли, присаживайся.

Парень подошел к креслу, стоявшему у стола напротив Кирка, и уселся в него осторожно, словно в ловушку. Как и прежде, он опять опередил Кирка, начав разговор.

— Дженис, — прошептал он. — Старшина Рэнд. Это из-за нее, не так ли?

Черт поberi быстроту этого мальчишки!

— Не совсем, в большей степени это касается тебя.

— Я больше не буду так шлепать ее. Я обещал.

— Ну, это еще не все, — сказал Кирк. — Тебе надо кое-что научиться понимать.

— Все, что я делаю или говорю — неправильно, — в отчаянии произнес Чарли. — Я всем мешаю. Доктор Мак-Кой не хочет показать мне правил. Я не знаю, кто я или чем я должен быть, или хотя бы к е м. И я не знаю, почему у меня все так внутри постоянно болит...

— Зато я знаю, — сказал Кирк, — и ты будешь жить. С тобой не произошло ничего опасного или такого, что не происходило бы со всеми людьми мужского пола со времен их появления. Нет возможности как-то обойти это или перепрыгнуть. Тебе придется пережить это, Чарли.

— Но это словно выворачивает меня наизнанку. Я все время хожу как пришибленный. Дженис... старшина Рэнд... она хочет отдать меня кому-то другому. Старшине Лаутону. Ну, он даже пахнет не так, как девушка. Никто на корабле не похож на Дженис. И я не хочу никого другого.

— Все правильно, — мягко успокоил его Кирк. — Чарли, во Вселенной существуют миллионы вещей, которые ты можешь иметь. Но есть также примерно сотни миллионов других, которые ты иметь не можешь. В понимании этого нет ничего приятного, но тебе придется с этим смириться. Так уже все заведено.

— Мне это не нравится, — произнес Чарли, словно это все объясняло.

— Я тебя не виню. Но тебе придется выдержать все и пережить. Кстати, это мне напомнило: следующий предмет у тебя по расписанию — защита без оружия. Пошли-ка со мной в гимнастический зал и попытайся отработать несколько падений. Многие века назад, еще в викторианскую эпоху, существовало поверье, что изнурительные упражнения помогают отвлечься от мысли о женщине. Я никогда, правда, не проверял это на себе, но думаю, стоит попробовать.

Чарли был невозможно неуклюж — впрочем, не больше, чем любой начинающий. Корабельный офицер Сэм Эллис, сотрудник команды Мак-Коя, одетый как Кирк и Чарли, в спортивную форму, был весьма терпелив с ним.

— Вот так уже лучше. Когда падаешь, шлепайся на мат, Чарли. Он гасит удар. А теперь еще раз.

Эллис плюхнулся на мат по собственной инициативе и, грациозно перекатившись, вскочил на ноги.

— Вот так.

— Я никогда не научусь этому, — уныло произнес Чарли.

— Ты обязательно научишься, — заверил его Кирк. — Давай.

Чарли неуклюже упал. Он забыл собраться и вспомнил об этом лишь в последнее мгновение, так что шлепок сопровождался одновременно и довольно сильным ударом.

— Ну что ж, уже лучше, — заметил Кирк. — Как и в любом деле, здесь требуется практика. Еще раз.

На этот раз у него получилось уже лучше.

— Ну, вот, — произнес Кирк. — Хорошо, Сэм, покажи ему теперь перекат через плечо.

Эллис шлепнулся на мат, и тут же снова оказался на ногах, быстро и легко.

— Я не хочу этого делать, — проговорил Чарли.

— Но это же часть курса, — пояснил Кирк. — Это не трудно. Посмотри. — Он сделал кувырок сам.

— Попробуй.

— Нет. Вы говорили, что научите меня драться, а не перекачиваться по полу.

— Ты должен научиться падать, не причиняя себе боли, прежде чем мы сможем приступить к этой части. Сэм, будет лучше, наверное, если мы ему покажем. Пару легких бросков.

— Конечно, — согласился Эллис. Двое офицеров схватились друг с другом, и Эллис, будучи в гораздо лучшей форме, чем Кирк, позволил капитану бросить себя. Затем, поднявшись на ноги, Эллис перебросил его через себя, словно карточную колоду. Кирк перекатился и вскочил на ноги, довольный схваткой.

— Теперь понимаешь, что я имел в виду?

— Думаю, да, — ответил Чарли. — Со стороны это выглядит не таким уж и трудным.

Он подошел и схватился с Кирком, пытаясь провести захват, который, как он видел, использовал Эллис. Он был силен, но не подготовил необходимого усилия. Кирк провел контрприем и перебросил его. Это был несильный бросок, но Чарли снова забыл собраться при падении на мат. Он вскочил на ноги, покрасневший от гнева, и уставился на Кирка.

— Так не пойдет, — произнес, усмехаясь, Эллис. — Тебе придется еще много раз падать, Чарли.

Чарли резко повернулся к нему. Тихим, напряженным голосом он сказал:

— Не смейтесь надо мной.

— Успокойся, Чарли, — сказал, теперь уже открыто усмехаясь, Эллис. — Добрая половина этой премудрости — в том, чтобы не потерять голову.

— Не смейтесь надо мной! — выкрикнул Чарли. Эллис развел руками, но улыбка не покинула его лица.

Секундой позже раздался удар, словно лопнула самая большая в мире электрическая лампочка. Эллис исчез.

Кирк тупо уставился на место, где только что стоял Эллис. Чарли тоже замер на мгновение, а затем начал осторожно придвигаться к двери.

— Стой, — приказал Кирк. Чарли остановился, но не повернулся лицом к Кирку.

— Он не должен был смеяться надо мной, — произнес Чарли. — Это нехорошо смеяться над кем-то. Я пытался терпеть.

— Не очень-то... Ладно, это неважно. Что произошло? Что ты сделал с моим офицером?

— Он исчез, — угрюмо ответил Чарли.

— Это не ответ.

— Он исчез, — повторил парень. — Это все, что я знаю. Я не хотел этого. Он меня заставил. Он смеялся надо мной.

Кирк побледнел. А вдруг Дженис пришлось бы шлепнуть его? И... ведь был еще взрыв «Антареса»...

Кирк быстро подошел к ближайшему интеркому и включил его. Чарли повернулся, чтобы посмотреть на него.

— Капитан Кирк в гимнастическом зале, — произнес Кирк. — Двух человек службы безопасности сюда, немедленно.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил Чарли.

— Я отсылаю тебя в твою каюту. И я хочу, чтобы ты там оставался.

— Я не позволю им прикоснуться к себе, — тихо произнес Чарли. — Я сделаю так, что они тоже исчезнут.

— Они не причинят тебе боли.

Чарли не ответил, но у него был вид загнанного в клетку зверя, готового наброситься на дрессировщика. Открылась дверь, вошли двое людей из службы безопасности. У обоих в кобурах торчало по фазеру. Они остановились и посмотрели на Кирка.

— Иди с ними, Чарли. Мы поговорим об этом позже, когда оба успокоимся. Ты должен мне все толком объяснить.

Кирк кивнул головой в сторону Чарли. Охранники подошли к нему и взяли за руки.

Или, точнее, попытались. В действительности, — Кирк был уверен, — они так и не прикоснулись к нему. Один из них просто отшатнулся назад, другой же был резко отброшен к самой стене, словно он вдруг очутился во власти невесть откуда взявшегося урагана. Тем не менее, он все же удержался на ногах и потянулся к своему оружию.

— Нет! — заорал Кирк.

Однако приказ немного запоздал. Оружие исчезло из руки охранника, едва тот прицелился в Чарли. Оно исчезло так же, как исчез и Сэм Эллис. Чарли посмотрел на Кирка, глаза его сузились и вызывающе поблескивали.

— Чарли, — произнес Кирк, — ты ведешь себя очень плохо. Иди в свою каюту.

— Нет.

— Иди с охранниками, или я тебя сгребу и отнесу туда сам.

Он начал медленно надвигаться.

— Это твой единственный выбор, Чарли. Или ты сделаешь как я тебе сказал, или тебе придется услать меня туда, куда ты услат фазер и Сэма Эллиса.

— О, ну ладно, — произнес Чарли, сдаваясь. Кирк глубоко вздохнул.

— Но скажите им, чтобы они меня не трогали и держали руки при себе.

— Они не сделают тебе ничего плохого. Если только ты сделаешь, как я тебе сказал.

Кирк созвал общее совещание на командном мостике. Но Чарли оказался проворнее. Ко времени, когда там собрались все офицеры Кирка, на корабле не осталось ни одного фазера. Чарли заставил их «исчезнуть». Кирк объяснил, что произошло, коротко и угрюмо.

— Если судить по развитию событий, — произнес МакКой, — совершенно ясно, что Чарли не нужна была никакая помощь от гипотетических тациан. Он сам мог удовлетворить все свои потребности.

— Не обязательно, — возразил Спок. — Мы знаем лишь, что он может заставлять вещи исчезать — но не появляться. Я признаю, что даже одно это могло бы быть весьма полезным для него.

— А какова возможность того, — спросил Кирк, — что он сам — тацианин? Или, по крайней мере, что-то совершенно беспрецедентное для инопланетянина?

— Вполне вероятно, — ответил Мак-Кой, — но я склоняюсь к тому, чтобы исключить его. Если помните, я его тщательно обследовал. Он человек, вплоть до группы крови. Конечно, я мог что-то упустить, но он ведь был подключен к пультам контроля жизнедеятельности. Машина сразу бы сообщила, по меньшей мере, шестнадцатью тревожными сигналами, если бы что-то оказалось не так.

— Что ж, так или иначе, он нечеловечески силен, — произнес Спок. — И, весьма вероятно, что «Антарес» уничтожен им. Несмотря на огромное расстояние — далеко за пределами действия корабельных фазеров.

— Отлично, — произнес Мак-Кой. — При таких обстоятельствах как же нам удастся держать его взаперти?

— Все гораздо сложнее, Пустомеля, — произнес Кирк. Мы не можем привезти его на Колонию Пять. Вы представляете, что он натворит в открытом, нормальном окружении?

Разумеется, Мак-Кой не представлял. Кирк вскочил и начал ходить взад-вперед.

— Чарли еще только мальчик — а может быть, мужчина, но совершенно не имеющий опыта общения с другими людьми. Он вспыльчив, потому что хочет сразу всего, а все — это ему пока не очень-то доступно. Он полон юношеской боли и хочет быть одним из нас, хочет быть любимым, полезным. Но... я помню, когда мне было семнадцать, я хотел иметь возможность заставлять исчезать вещи и людей, которые меня раздражали. Это мечта о могуществе, которую испытывает большинство парней такого возраста. А Чарли не нужно этого желать. Он это может.

Другими словами, чтобы нам остаться в живых, джентльмены, нам придется быть чертовски осторожными, чтобы его не раздражать. Иначе — бах!

— Раздражение относительно, капитан, — произнес Спок. — Все будет зависеть от того, как Чарли себя будет чувствовать, минута за минутой. И из-за его биографии, или отсутствия оной, мы никоим образом не можем предположить, какая мелочь вызовет его раздражение в следующий раз, как бы мы ни старались предугадать. Он самое разрушительное оружие в галактике, и он — на взводе.

— Нет, — произнес Кирк. — Он — не оружие. Оно у него и м е е т с я. И это та разница, которую мы можем использовать. Это ведь ребенок, ребенок в теле мужчины, пытающийся стать полноценным мужчиной. Дело не в его жестокости. Это просто неведение.

— А вот и он сам, — произнес Мак-Кой с фальшивой сер-

дечностью. Кирк развернул кресло и увидел спускающегося по эскалатору, безмятежно улыбающегося Чарли.

— Привет, — произнесло самое разрушительное оружие в галактике.

— Мне кажется, я просил тебя оставаться в каюте, Чарли.

— Правда, — ответил он, улыбка пропала с его лица. — Но я просто устал там.

— Ну что ж, хорошо. Ты — здесь. Может быть, ты ответишь на несколько наших вопросов. Ты ответственен за то, что произошло с «Антаресом»?

— Почему?

— Потому что я хочу знать. Отвечай мне, Чарли.

Все затаили дыхание, пока Чарли обдумывал ответ. Наконец он сказал:

— Да. Среди экранирующих плиток их генератора Нерста была одна плохая. Я заставил ее исчезнуть. Она все равно рано или поздно отказала бы.

— Ты мог сказать им об этом.

— Зачем? — спросил Чарли. — Они не любили меня и относились ко мне плохо. Вы видели их, когда они привезли меня к вам на борт, чтобы избавиться от меня. Больше им это не удастся.

— Ну, а как насчет нас? — спросил Кирк.

— О, вы мне нужны. Я должен добраться до Колонии Пять. Но если вы будете относиться ко мне плохо, я придумаю что-нибудь другое.

Юноша неожиданно повернулся и вышел.

Мак-Кой вытер пот со лба.

— Ну ты и рисковал.

— Мы не можем постоянно ходить по яйцам, — произнес Кирк. — Если любое действие, любой вопрос способен стать раздражителем, нам придется делать все так, чтобы ничто не выводило его из себя. Иначе мы все окажемся парализованными.

— Капитан, — медленно произнес Спок, — а вы не предполагаете, что силовое поле может его удержать? Он слишком хитер, чтобы позволить заманить себя в тюремную камеру, но мы могли бы попытаться установить силовое поле в его собственной каюте. Все лабораторные кабели проходят по главному коридору пятой палубы, и мы могли бы использовать их. Конечно, это весьма призрачный шанс, но...

— Сколько времени вам потребуется? — спросил Кирк.

— Предположительно семьдесят два часа.

— Это будут долгие семьдесят два часа, мистер Спок. Займитесь этим.

Спок кивнул и вышел.

— Лейтенант Ухура, вызовите Колонию Пять. Я хочу поговорить с Администратором. Лейтенант Зулу, проложите курс в сторону от Колонии Пять — не слишком кардинально, лишь для того, чтобы мы получили необходимое время. Пустомеля...

Его прервал громкий щелчок искрового разряда и приглушенный взглас боли, изданный Ухурой. Она зажала судорожно дергающиеся руки между колен. Мак-Кой подскочил к ней и попытался разжать сведенные судорогой пальцы.

— Все... в порядке, — произнесла она. — Я думаю, просто шок. Но по какой причине панель оказалась так заряжена...

— Наверное, по очень весомой причине, — угрюмо произнес Кирк. — Не прикасайтесь к ней до моего приказа. На что это похоже, Пустомеля?

— Легкие ожоги, — ответил Мак-Кой. — Но кто знает, что может быть дальше?

— Я могу сказать вам, — заговорил Зулу. — Я не могу ввести новые координаты в этот пульт, он работает, но отказывается воспринимать изменение курса. Мы намертво нацелены на Колонию Пять.

— Я тороплюсь, — произнес голос Чарли. Он снова спустился с эскалатора, но остановился, заметив неприкрытую ярость на лице Кирка.

— Я уже начал уставать от всего этого, — произнес Кирк. — А как насчет передатчика?

— Вам не нужно беспокоиться насчет всей этой субпространственной болтовни, — произнес Чарли, словно извиняясь. — Если возникнут какие-нибудь трудности, я с ними справлюсь сам. Я быстро учусь.

— Мне не нужна твоя помощь, — произнес Кирк. — Чарли, в данный момент я ничего не могу сделать, чтобы прервать твоё вмешательство. Но вот что я тебе скажу: ты совершенно прав. Ты мне не нравишься. Ты мне совершенно не нравишься. А теперь — убирайся.

— Я уйду, — холодно произнес Чарли. — Мне все равно, что я вам теперь не нравлюсь. Но вы скоро измените свое мнение обо мне. Я вас заставлю.

Когда он ушел, Мак-Кой начал ругаться вполголоса.

— Прекрати, Пустомеля, это не поможет. Лейтенант

Ухура, проверьте, у нас закорочена только внешняя связь, или интерком тоже?

— Нет, похоже, интерком в порядке, капитан.

— Хорошо, соедините меня со старшиной Рэнд... Дженис, у меня для тебя весьма неприятная работенка. Быть может, самая неприятная, о которой когда-либо тебя просили. Я хочу, чтобы ты заманила Чарли в его каюту... Именно так. Мы будем наблюдать. Но помни, что если ты разъяришь его, мы почти ничего не сможем сделать для твоей защиты. Ты можешь отказаться, если хочешь. Может ведь и не выйти.

— Если и не выйдет, — ответил голос Рэнд, — то не потому, что я не пыталась.

Они наблюдали; руки Спока зависли над кнопкой, активизирующей силовое поле. Сначала Дженис находилась в каюте Чарли одна, и ожидание казалось очень долгим. Наконец, дверь скользнула в сторону, и подросток вошел в поле зрения скрытой камеры, на лице его смешались надежды и подозрения.

— Очень мило с твоей стороны прийти сюда, — начал он. — Но я больше не верю людям. Они все такие запутанные и полны ненависти.

— Нет, они не такие, — сказала Дженис. — Просто ты не принял в расчет то, как о н и чувствуют. Ты должен подождать.

— В таком случае... Я тебе нравлюсь?

— Да. Достаточно для того, чтобы попытаться как-то исправить тебя. Иначе я не пришла бы сюда.

— Прекрасно, — сказал Чарли. — Я тоже могу быть хорошим. Посмотри. У меня для тебя что-то есть.

Из-за спины, которая уже находилась в поле зрения камеры, он достал один-единственный цветок розы и протянул его девушке. На борту звездолета не было ни одной розы; судя по розе и духам, он действительно мог заставлять предметы появляться так же успешно, как и исчезать. Это был грозный признак.

— Розовый — твой любимый цвет, правда? — спросил Чарли. — В книгах пишут, что все девушки любят розовый цвет. Голубой — для юношей.

— Это... приятно, Чарли. Но сейчас не время для ухаживания. Мне действительно необходимо с тобой поговорить.

— Но ты хотела прийти ко мне. Во всех книгах написа-

но, что это означает нечто очень важное. — Он протянул руку, пытаясь дотронуться до ее лица. Дженис инстинктивно отступила назад, пытаясь продвинуться к дверям, которые сейчас управлялись дистанционно, пульт находился у Спока под рукой. Но девушка не видела, куда пятится, и уперлась в стул.

— Нет. Я же сказала, что хочу только поговорить с тобой, и все.

— Но я всего лишь хотел быть хорошим для тебя.

Она каким-то образом миновала стул и продолжала незаметно пятиться.

— В Законе Чарли есть только один пункт, — сказала она.

— Что ты имеешь в виду? Что это?

— Закон Чарли гласит: каждому лучше быть хорошим с Чарли, иначе...

— Неправда! — крикнул мальчик.

— Нет? А где Сэм Эллис?

— Я не знаю, где он. Он просто исчез, Дженис. Я только хочу быть хорошим. Они не дают мне. Я могу дать тебе все, что ты захочешь. Только скажи мне.

— Хорошо, — сказала Дженис. — Тогда, я думаю, было бы лучше, если бы ты позволил мне уйти. Это единственное, чего я хочу сейчас.

— Но ты сказала... — Юноша сглотнул и попытался снова заговорить. — Дженис, я... люблю тебя.

— Нет, ты не любишь. Ты не знаешь, что значит это слово.

— Тогда покажи мне, — сказал он, дотягиваясь до нее. Ее спина была уже в дверях, и Спок повернул выключатель. Глаза мальчика расширились, когда дверь скользнула в сторону и Дженис вышла. Он бросился за ней, но сработал другой выключатель.

Включилось силовое поле, и Чарли был отброшен назад в каюту. Он мгновение стоял там, как жеребец в конюшне, раздувая ноздри и тяжело дыша. Затем он произнес: — Хорошо. Ладно тогда.

Он медленно двинулся вперед. Кирк поворачивал камеру вслед за ним. Чарли прошел сквозь силовое поле, будто его не существовало. И снова обратился к Дженис.

— Почему ты это сделала? — спросил он. — Ты не дала мне даже попытаться. И никто из вас. Хорошо. С этого момента я не буду пытаться. Я не буду беречь никого из вас, кроме тех, кто мне нужен. Ты не нужна мне.

Затем снова раздался характерный взрыв. Дженис исчезла. Мир вокруг Кирка превратился в серый, болезненный туман.

— Чарли, — прохрипел он. Интерком донес его голос до каюты. Мальчик, как слепой, повернулся на звук.

— Вы тоже, капитан, — сказал он. — То, что вы сделали, тоже нехорошо. Я оставляю вас на время. «Энтерпрайз» совсем не такой корабль, как «Антарес». Управлять «Антаресом» было легко. Но если вы будете пытаться повредить мне, я заставлю исчезнуть других людей... Я сейчас поднимусь на мостик.

— Я не могу остановить тебя, — ответил Кирк.

— Знаю, что не можете. Быть человеком не так уж и трудно. Я не человек, но кое-что могу. Вы нет. Может быть, я человек, а вы нет.

Кирк отключился и посмотрел на старшего офицера. Спустя некоторое время тот произнес:

— Это были его последние слова, насколько я понял.

— Похоже, что да. А что, поле вообще не среагировало на Чарли во второй раз?

— Да. Он прошел сквозь него как луч света. Даже легче — я мог бы остановить луч света, зная его частоту. Кажется, мало, чего он не в состоянии сделать.

— Исключая умение управлять кораблем — и самостоятельно достичь Пятой Колонии.

— Слабое утешение.

Оба оборвали разговор, когда вошел Чарли. Он шел естественно прямо. Не сказав никому ни слова, он подошел к креслу штурмана и махнул Зулу, чтобы тот освободил его. Обменявшись быстрым взглядом с Кирком, Зулу покорно встал, а Чарли сел на его место и начал играть рычагами управления. Звездолет дернулся и чуть-чуть накренился, и он отдернул руки.

— Покажите мне, что делать, — попросил он Зулу.

— Это заняло бы тридцать лет учебы.

— Не спорьте со мной. Просто покажите.

— Давай, покажи ему, — вмешался Кирк. — Может быть, он взорвет нас. Это лучше, чем позволить ему добраться до Пятой Колонии.

— Капитан Кирк, — вмешалась лейтенант Ухура. — Я кое-что поймала извне по субпространственному каналу F. Мне кажется, информация идет от корабля к кораблю. Это фиксируют приборы. Я не могу это услышать.

— Там ничего нет, — сказал Чарли, его голос стал грубым. — Просто оставь их в покое.

— Капитан?

— Я капитан, — вмешался Чарли. Кирк внезапно понял, что Чарли испугался. И почему-то почувствовал, что «Энтерпрайз» должен получить это сообщение.

— Чарли, — сказал он, — ты сам сотворил это послание, или заблокировал то, которое идет?

— Это моя игра, мистер Кирк, — ответил Чарли. — Вы все должны выяснить сами. Как вы говорили — таковы правила игры. — Он встал с кресла и сказал Зулу: — Теперь можете его занять. Курс проложен к Пятой Колонии.

Вряд ли за этот короткий промежуток времени он что-либо мог сделать, не считая нескольких грубых попыток овладеть рычагами управления. Вероятно, блокировка, установленная вначале, по-прежнему действовала. Но в любом случае, ситуация оставалась довольно неприятной; ведь до Пятой Колонии осталось лететь приблизительно двенадцать часов.

И тем не менее, руки Чарли заметно дрожали. Кирк сказал:

— Хорошо, Чарли, пусть это игра — но игра окончена. Я не думаю, что ты и дальше сможешь держать корабль под контролем. Ты уже на пределе и не сможешь натворить что-либо еще. Но тебе придется разобраться со мной.

— Я мог бы отправить вас раньше, — ответил Чарли. — Не вынуждайте меня это делать теперь.

— Не посмеешь. У тебя мой звездолет. Я хочу получить его назад, а также весь мой экипаж — даже если придется свернуть тебе шею.

— Не давите на меня, — прошептал Чарли. — Не давите на меня.

В следующий момент взрыв боли отбросил Кирка на палубу. Он не смог сдержать стон.

— Извините, — взмокнув, сказал Чарли. — Извините...

Внезапно громко загудел субпространственный передатчик, и затем начал передавать отчетливые сигналы. Ухура потянулась к дешифратору.

— Прекратите! — крикнул в смятении мальчик. — Я сказал, прекратите это!

Боль прошла. Кирк был свободен. После секундного замешательства он вскочил на ноги. Спок и Мак-Кой также наступали, но Кирк был ближе. Он уже занес кулак.

— Пульт свободен, — раздался за его спиной голос Зулу. — Корабль слушается управления.

Чарли увернулся от Кирка, всхлипывая. Он никогда не казался так мало похожим на капитана, как сейчас, — он не мог командовать даже самим собой.

В изумлении Кирк опустил руку.

Хлоп! Дженис Рэнд появилась на капитанском мостике, вытянув вперед обе руки, чтобы удержать равновесие. Она была очень бледна и потрясена, но, впрочем, невредима.

Хлоп!

— Это было адское падение, Джим, — раздался голос Сэма Эллиса. — В следующий раз полегче — эй, что все это значит?

— Получено сообщение, — бесстрастно произнес голос лейтенанта Ухуры. — Корабль по правому борту. Говорит, что он с Тации.

С воплем панического ужаса Чарли упал на палубу, барабана по ней кулаками.

— Не слушайте, не слушайте! — вопил он. — Нет, нет, пожалуйста. Я не могу больше жить с ними.

Кирк смотрел бесстрастно, не двигаясь. Мальчик, который запугивал их и командовал ими так долго, был раздавлен на его глазах.

— Вы мои друзья. Вы г о в о р и л и, что вы мои друзья. Помните — когда я попал на звездолет? — Он жалобно взглянул на Кирка. — Возьмите меня домой, на Пятую Колонию. Это все, что я хочу. Это действительно все!

— Капитан, — сказал Спок спокойно. — Что-то здесь происходит. Похоже на телепортационную материализацию. Смотрите.

Чувствуя себя человеком, попавшим под множество падающих одновременно костяшек гигантского домино, Кирк бросил взгляд на Спока. Действительно, что-то материализовалось на капитанском мостике. Сквозь это что-то самого Спока можно было рассмотреть лишь с трудом. Это был неправильный овал, высотой в две трети человеческого роста, постепенно уплотнявшийся. Он колебался и изменялся, переливаясь разными цветами. Какое-то мгновение он выглядел, как огромное человеческое лицо; потом как нечто, даже отдаленно не напоминающее человека; затем — как искаженный силуэт далекого, но громадного строения. Казалось, он не способен был сохранять какой-нибудь облик достаточно долго.

Затем оно заговорило. Голос был глубок и гулок. Но шел он не от создания, а от субпространственного передатчика. Но, как и само создание, голос постоянно менялся, смазывался, замолкал, изменял окраску, словно ускользал из-под контроля.

— Мы очень сожалеем о случившемся, — произнес он. — Мы поняли слишком поздно, что человеческий мальчик убежал от нас. Мы очень долго искали его, так как полеты в космосе уже давно забыты нами. Мы глубоко огорчены, что его побег стоил жизни тем людям, что были на первом корабле. Мы не смогли помочь им потому, что они взорвались в этом кадре Вселенной. Но мы вернули ваших людей и ваше оружие, поскольку они были невредимы в следующем кадре. Теперь все стало по-прежнему. Нет необходимости его опасаться. Он у нас под контролем.

— Нет, — выдохнул Чарли. Его тело сотрясали конвульсивные рыдания. Поднявшись на колени, он схватил Кирка за руку. — Я больше никогда этого не сделаю. Пожалуйста. Я буду хорошим. Я никогда не сделаю ничего такого. Мне жаль «Антарес», действительно жаль. Пожалуйста, позвольте мне отправиться с вами, пожалуйста!

— Охо-хо, — выдохнул Мак-Кой. — Вот и говорите о высадке десантников...

— Все не так просто, — проговорил Кирк, глядя на тацинина.

— Чарли уничтожил тот, первый корабль, и должен быть наказан за это. Но благодаря вам прочий ущерб возмещен... И кроме того, он — человек и должен быть с людьми.

— Ты сошел с ума, — произнес Мак-Кой.

— Заткнись, Пустомеля. Он — один из нас. Лечение может действительно сделать его одним из нас, воссоединить с людьми. Мы, по крайней мере, должны помочь ему в этом, если он не станет пользоваться своей силой.

— Мы дали ему эту силу, — заговорило создание, — чтобы он мог жить. Это нельзя отобрать или забыть. Он будет ее использовать и ничем не сможет себе помочь. Он уничтожит вас и ваш народ, или вы будете вынуждены уничтожить его. Только мы можем предложить ему жизнь.

— Не совсем, — возразил Кирк. — Вы предлагаете ему тюрьму... Даже не полужизнь.

— Мы знаем. Но этот вред был нанесен ему уже очень давно. И мы можем сделать лишь то малое, что осталось. Так

как мы виновны в этом, то мы и должны позаботиться о нем. Иди сюда, Чарльз Эванс.

— Не позволяйте им! — выкрикнул Чарли. — Не позволяйте им забрать меня! Капитан... Д ж е н и с ! Разве вы не понимаете, ведь я даже не могу прикоснуться к н и м...

Юноша и тацианин в полной тишине исчезли. Глухо слышалось лишь многозвучие механизмов «Энтерпрайза».

И плач рыдающей Дженис Рэнд, плач матери по утраченному дитя.

Кинжал Разума

Симон ван Гелдер очутился на борту «Энтерпрайза» после того, как улизнул из исправительной колонии на Тантале с помощью телепортационного передатчика, воспользовавшись ящиком, который был адресован Исправительному бюро в Стокгольме. Это была отчаянная попытка, хотя и не слишком разумная по исполнению. Он едва ли провел на борту более трех минут, когда Тристан Адамс, директор и главный врач колонии, сообщил капитану Споку о побеге («потенциально особо опасное дело»), и начался поиск.

Тем не менее, за это короткое время ван Гелдер (рост шесть футов четыре дюйма, возраст — чуть за сорок), смог подкараулить члена команды, оглушить его и обменяться с ним одеждой, приобретя таким образом фазер. Никем не узнанный, он смог добраться до командного мостика, где потребовал убежища и смог парализовать работу еще на три минуты, прежде чем был обезоружен и захвачен одним из знаменитых парализующих приемов мистера Спока. Затем его доставили в госпитальный отсек. И это было все.

Или, по крайней мере, должно было быть все. Далее предполагалось, проверив самочувствие пленного, переправить его телепортатором назад на Тантал, где его ожидали терапевтические приемы доктора Адамса. Кирк давно был почитателем системы реабилитации доктора Адамса и все сожалел, что корабельное расписание не позволяло ему под благовидным предлогом посетить колонию. А теперь вот это странное дело, похоже, представляло собой отличную возможность. Кроме того, было еще кое-что, касавшееся самого ван Гелдера, заинтриговавшее Кирка. Во время их короткой встречи тот не показался обычным преступником, хотя его и загнали в угол. А Кирк не знал, посылались ли на Тантал, помимо преступников, и психически больные люди. И он направился в госпитальный отсек навестить пленника.

Доктор Мак-Кой окружил того успокоительными препаратами, на всякий случай привязал, пока проверял жизнен-

ные функции его тела. Пленник спал, и во сне лицо его было спокойным, расслабленным и беззащитным, как у ребенка.

— Электроэнцефалограф показывает уплотнения дельта-ритма, — сказал Мак-Кой, показывая на панель контроля функций жизнедеятельности. — Весьма необычно, но это не шизофрения, не повреждение мозговой ткани или какое-то еще состояние, знакомое мне. Когда его сюда доставили, мне пришлось применить утроенную дозу успокаивающих средств, чтобы...

Его прервал звук, донесшийся с постели, странное сочетание стона и рычания. К пациенту возвращалось сознание, и он стал пытаться высвободиться.

— В докладе упоминалось, что он достаточно разговаривал, — заметил Кирк.

— Но не слишком информативен. Он утверждал что-то одно, затем, казалось, забывал, после этого начинал утверждать что-нибудь другое...и все же то малое, что мне пока удалось понять, похоже, несет в себе отголосок правды. Очень жаль, что у нас нет времени, чтобы как следует пронаблюдать его.

— Так вот как, значит, такова система, а? — хрипло произнес человек, лежавший на постели, все еще борясь со своими путами. — Вернуть его назад! Умыть руки! Пусть беспокоится кто-нибудь другой! Черт вас побери...

— Как вас зовут? — спросил Кирк.

— Меня зовут... меня зовут... — Неожиданно Кирку показалось, что человек борется не со сковывающими его движения путами, а с какой-то болью. — Меня зовут... зовут Симон ван Гелдер.

Он откинулся на постели и тихо добавил:

— Я не думаю, что вы раньше слышали обо мне.

— То же имя он называл и раньше, — вставил Мак-Кой.

— Разве? — спросил ван Гелдер. — Я позабыл. Я был директором... директором... на колонии Тантал. Не пленник... я был... ассистентом. Выпускником... — Его лицо искривилось.

— И затем я проводил дипломные работы в... работы в...

Чем сильнее мужчина старался вспомнить, тем, похоже, больнее ему было это сделать.

— Не беспокойтесь, — мягко произнес Кирк. — Все в порядке. Мы...

— Я знаю, — процедил ван Гелдер сквозь сжатые зубы. — Они все стерли... отредактировали, подчистили... они разру-

шили меня! Я не хочу...не хочу забывать это! Не хочу возвращаться туда! Лучше умереть! Умереть, умереть!

Неожиданно его вновь охватило буйство, он начал рваться и что-то выкрикивать, лицо его превратилось в слепую яростную маску. Мак-Кой наклонился к нему; послышалось шипение иньектора. Крик перешел в бормотание, а затем и вовсе прекратился.

— Какие-нибудь предположения есть? — спросил Кирк.

— Ну, в одном мне совершенно не надо чего-то предполагать, — ответил Мак-Кой. — Он не хочет возвращаться в эту — как ты описал ее? «Скорее курорт, а не тюрьма». Совершенно очевидно, клетка — есть клетка, как ты ее ни называешь.

— Или что-то там произошло внизу, и весьма серьезное, — задумчиво произнес Кирк. — Поаккуратнее с ним, Боунс. А я займусь небольшим исследованием.

К тому времени, как Кирк вернулся на командный мостик, Спок уже вынимал кассету из просмотрового блока.

— Я получил это из нашей библиотеки, капитан, — сказал он. — Без сомнения, наш пленник — доктор ван Гелдер.

— Доктор?..

— Совершенно верно. Шесть месяцев назад направлен в колонию Тантал как ассистент доктора Адамса. Не приговорен, назначен. Высокоуважаемый человек в своей области.

Кирк подумал мгновение над услышанным, затем повернулся к офицеру связи.

— Лейтенант Ухура, соедините меня с доктором Адамсом, на Тантале... Доктор? Это капитан Кирк с «Энтерпрайза». Это касается сбежавшего от вас...

— С доктором ван Гелдером все в порядке? — прервал его голос Адамса, в котором явственно звучали нотки тревоги. — А как ваши люди? Никаких ранений? В том диком состоянии, в котором он находится...

— Никакого вреда ни ему, ни кому-либо другому не причинено, сэр. Но мы подумали, что вы могли бы объяснить нам, что с ним случилось и, каково его состояние. Мой медик просто в растерянности.

— Неудивительно. Он проводил некоторые эксперименты, капитан. Экспериментальный луч, который, как мы надеялись, мог бы помочь лечению неисправимых. Доктор ван Гелдер считал, что он не имеет морального права подвергать другого человека тому, что не испытал на самом себе.

Пока Адамс говорил, из лифта вышел Мак-Кой и, подойдя к компьютеру-библиотеке, стал слушать вместе с Кирком и

Споком. А встретившись взглядом с Кирком, сделал жест, древний как мир: провел ладонью по горлу.

— Понятно, — произнес Кирк в микрофон. — Прошу, подождите минутку, доктор Адамс.

Ухура прервала связь, и Кирк резко обернулся к Мак-Кой.

— Объясни.

— Все это не звучит правдиво, Джим, — произнес медик. — Я не думаю, что состояние нашего пациента — результат его собственных действий. Что-то с ним сделали. Правда, доказательств нет, это всего лишь впечатление — но сильное.

— Этого недостаточно, — произнес Кирк, раздражаясь неизвестно почему. — Вы здесь имеете дело не с обычной колонией, Боунс. За последние двадцать лет Адамс сделал так много, чтобы революционизировать, сделать более гуманными тюрьму и лечение преступников, чем все остальное человечество за сорок веков. Я бывал в исправительных колониях в то время, когда на преступниках стал применяться его метод. Это уже больше не «клетки», они стали чистыми, нормальными госпиталями для больных людей. И я не собираюсь разбрасываться беспочвенными обвинениями против такого человека.

— А кто сказал что-то про обвинения? — холодно возразил Мак-Кой. — Просто надо задать вопросы. Предложи провести расследование. Если что-то не так, Адамс постарается увильнуть. Думаешь, это может повредить?

— Думаю, нет. — Кирк кивнул Ухуре, которая снова включила связь. — Доктор Адамс? К сожалению, меня это смущает. Но один из моих офицеров только что напомнил мне, что согласно четким правилам наших звездолетных реестров, я обязан начать расследование этого дела, с тем чтобы надлежащий рапорт...

— Не надо извиняться, капитан Кирк, — произнес голос Адамса. — Я буду только рад, если вы сможете телепортироваться сюда, к нам, и сами разобраться во всем. Как вы понимаете, здесь у нас не так часто бывают посетители. Да, я был бы весьма вам признателен, если бы вы при проверке ограничились минимальным сопровождением. Мы вынуждены ограничивать наши внешние контакты, насколько это возможно.

— Понятно, мне уже приходилось посещать исправительные колонии раньше. Очень хорошо. Конец связи... Удовлетворены, Мак-Кой?

— Временно, — ответил, ничуть не смущаясь, медик.

— Хорошо. Так или иначе, мы будем держать ван Гелдера здесь, пока я не закончу расследование. Найдите мне кого-нибудь в вашем отделе, кто имел бы опыт в психиатрии и пенологии... — если возможно, пусть это будет один человек.

— Хелен Ноэль, думаю, вполне подойдет. У нее степень магистра, но она уже опубликовала несколько статей по проблемам реабилитации.

— Очень хорошо. Телепортация через час.

Хотя среди офицеров команды «Энтерпрайза» было весьма много женщин, Хелен Ноэль оказалась сюрпризом для Кирка. Он не знал, что эта молодая и почти невероятно хорошенькая девушка — из команды корабля. Первая их встреча случилась еще на рождественской вечеринке в медлаборатории. Тогда у него создалось впечатление, что она — пассажир; похоже, пассажиры-женщины чаще удостоивались беседы с капитаном. Атмосфера праздника позволила Кирку несколько выиграть в ее глазах... А теперь оказалось, что она была — впрочем, уже тогда — пополнением медгруппы корабля. Выражение ее лица, когда они встретились в телепортационной, было сдержанным, но он видел, что ей нравится его смущение.

Тантал представлял собой мрачный, безжизненный, опустошенный мир из-за отвратительно ураганного климата. Атмосфера планеты, в основном, состояла из азота, слегка разбавленного несколькими благородными газами — слишком плохое место, чтобы попытаться удрать. В этом он весьма напоминал другие исправительные колонии. И, как обычно, сама колония находилась под землей, на поверхности же было небольшое строение, где находились телепортационный отсек, лифт и несколько других служебных модулей.

Доктор Тристан Адамс встретил их в своем кабинете. На вид ему было чуть за сорок, на добродушном лице виднелись старые веснушки; в нем чувствовалась агрессивнo-дружественная манера, которая, казалось, обещала твердое рукопожатие, юмор, глоток брэнди в нужное время и постоянную сердечность. Он едва ли казался маститым, несмотря на заслуженную им огромную репутацию. Его кабинет напоминал хозяина. Он был несколько неприбран, но не до уровня неряшества, обставлен с комфортом и вкусом любителя примитивных скульптур, — и, в то же время, социальной медицины.

С ним была высокая молодая женщина, хотя и несколько

отчужденная, которую он представил как Леду. Кирк заметил в ней что-то странное, но не мог определить, что: наверное, отсутствие непринужденности в жестах и в голосе. Словно предугадав подобную реакцию, доктор Адамс продолжил:

— Леда прибыла сюда для лечения, но сейчас осталась у нас как терапевт. И очень хороший.

— Мне нравится моя работа, — бесцветным голосом произнесла девушка.

Взглядом спросив у Адамса разрешения, Кирк спросил:

— А кем вы были до того, как здесь оказались?

— Я была другой личностью, — ответила Леда. — Злой, ненавидящей.

— Могу я спросить вас, какое преступление вы совершили?

— Я не знаю, — ответила Леда. — Это не имеет значения. Та личность больше не существует.

— Часть нашего лечения, капитан, заключается в том, чтобы похоронить прошлое, — произнес Адамс. — Если пациент может сжиться со своей памятью, тогда все в порядке. Но если воспоминания невыносимы, зачем их тащить за собой? Достаточно и той ноши, что предстоит нести далее. Что ж, пожалуй, начнем экскурсию?

— Боюсь, у нас не хватит времени на полный обход, — сказал Кирк. — При сложившихся обстоятельствах, я бы хотел ознакомиться с экспериментальным аппаратом, который нанес урон доктору ван Гелдеру. В конце концов, это главный пункт в нашем расследовании.

— Что ж, совершенно верно. Мало кому приятно говорить о своих неудачах, но все же отрицательный результат тоже важен. Если вы проследуете со мной...

— Одну минуту, — произнес Кирк, вытаскивая передатчик из кармана брюк. — Мне необходимо связаться с кораблем. Если вы позволите...

Адамс кивнул, и Кирк отошел в сторону, слегка отвернувшись. Через мгновение послышался тихий голос Спока:

— Ван Гелдеру не лучше, но доктор Мак-Кой вытянул еще кое-какую информацию из его памяти. Это, однако, не слишком меняет ситуацию. Он настаивает, что Адамс — злобный тип, а аппарат опасен. И никаких деталей.

— Хорошо. Я буду связываться с вами через каждые четыре часа. Пока все вроде бы в порядке. Конец связи.

— Готовы, капитан? — дружелюбно спросил Адамс. — Хорошо. Сюда, пожалуйста.

Отсек, в котором ван Гелдер, очевидно, претерпел свое таинственное изменение, для непривычного глаза Кирка выглядел точно так же, как и любой другой медицинский кабинет, пожалуй, более всего напоминая рентгеноскопическую лабораторию. Когда вошли Адамс, Кирк и Хелен, на столе лежал пациент, — похоже, без сознания. Из небольшого, но сложного прибора, свисавшего с потолка, на лбу пациента сфокусировался узкий, монохромный луч, наподобие лазерного. Рядом с дверью, у небольшого пульта, не защищенного экраном, стоял терапевт в униформе. Очевидно, что радиация, какова бы она ни была, не несла в себе опасности даже на таком небольшом расстоянии. Все выглядело совершенно спокойным.

— Вот это и есть наш прибор, — мягко произнес Адамс. — Нейронный потенциатор, или подавитель. Эти два термина звучат как полная противоположность друг другу, но в действительности они касаются одного и того же эффекта: увеличения проводимости нейронов, что, в свою очередь, увеличивает число соединений между клетками головного мозга. А при определенном уровне, как мы предсказывали на основе существующей теории информации, увеличение числа соединений ведет к потере информации. Мы считали, что это поможет пациенту лучше справляться с наиболее беспокойными мыслями и воспоминаниями.. Но воздействие пока только временное. Я сомневаюсь, что это будет столь полезно, как мы надеялись.

— Гм-м... — хмыкнул Кирк. — Тогда, если это не совсем помогает...

— Почему мы используем этот прибор? — как бы извиняясь, улыбнулся Адамс. — Мы надеемся, вот и все, капитан. Может быть, нам все же удастся получить кое-какую пользу от него, особенно в тяжелых случаях, не исключая такие, как паллиатив.

— Поскольку лекарства-транквилизаторы, — предположила Хелен Ноэль, — действуют не постоянно, необходимо все время вводить их в кровь человека, для того, чтобы держать его под контролем...

Адамс кивнул, соглашаясь.

— Именно так, доктор.

Он повернулся к двери, но Кирк продолжал разглядывать пациента, лежавшего на столе. Неожиданно он повернулся к терапевту и спросил:

— А как этот прибор работает?

— Достаточно просто — он неизбежный, — ответил терапевт. — Всего лишь выключатель, включатель и потенциометр. Обычно мы старались подобрать выход по уровню дельта-ритма пациента, находящегося в спокойном состоянии, но затем обнаружили, что это неважно. Похоже, мозг сам проводит постоянный мониторинг, лишь с небольшой помощью извне. Но для этого, конечно, мы должны хорошо знать пациента. Его нельзя просто так взять и положить на стол, ожидая, что машина будет обрабатывать его, как пленку компьютера.

— И нам не следует много разговаривать в его присутствии, по той же самой причине, — произнес Адамс, в голосе которого впервые почувствовались легкие нотки раздражения. — Лучше, если вы подождете дальнейших пояснений, пока мы не вернемся в офис.

— Я предпочитаю задавать вопросы, когда они возникают, — пояснил Кирк.

— Капитан, — пояснила Хелен Адамсу, — импульсивный человек.

Адамс улыбнулся.

— Вы немного напоминаете мне древнего скептика, который потребовал, чтобы его научили всем премудростям мира, пока он стоит на одной ноге.

— Я просто хочу быть уверенным, — с каменным выражением произнес Кирк, — что именно здесь и произошло несчастье с доктором ван Гелдером.

— Да, — ответил Адамс, — и это была его собственная неосторожность, как вы уже поняли. Мне не нравится плохо говорить о коллеге, но Симон — исключительно упрямый человек. Он мог бы год просидеть здесь, под лучом, настроенным на такую или даже большую интенсивность. Или, если бы у пульта стоял кто-нибудь, кто смог бы отключить энергию, при необходимости. Но он все сделал один, причем на полной мощности. Естественно, ему это нанесло вред. Даже вода может отравить человека, если ее достаточно много.

— Очень непредусмотрительно с его стороны, — по-прежнему без выражения произнес Кирк. — Хорошо, доктор Адамс, давайте взглянем на остальное.

— Очень хорошо. Я бы хотел, чтобы вы встретились с некоторыми нашими весьма неплохими удачами.

— Введите.

В комнате, предоставленной ему на ночь сотрудниками Адамса, Кирк вызвал «Энтерпрайз», но ничего нового не услышал. Мак-Кой по-прежнему пытался пробраться мимо шрамов на памяти ван Гелдера, но пока то, что ему удалось обнаружить, было несущественным. Ван Гелдер чувствовал себя опустошенным и произнес только: — Он опустошает нас... и затем заполняет самим собой. Я убежал прежде, чем он смог меня наполнить. Это так одиноко — быть опустошенным...

Какая-то чепуха. И все же, это как-то совпадало с ощущениями Кирка. И спустя некоторое время он осторожно выбрался в коридор и постучал в дверь соседней комнаты, где разместились Хелен Ноэль.

— Так-так! — произнесла она из-за двери. — В чем дело, капитан? Вы считаете, что снова наступило Рождество?

— Корабельное дело, — произнес Кирк. — Впустите, пока меня никто не заметил. Это приказ.

Несколько помешкав, она впустила его и он захлопнул за собой дверь.

— Спасибо. А теперь, доктор, что вы думаете о тех, кого мы сегодня видели?

— Ну что ж... в целом это произвело на меня впечатление. Похоже, они выглядели счастливыми, или по крайней мере — приспособившимися, прогрессирующими...

— И, может, несколько пустыми?

— Но они же не были нормальными. Я и не ожидала этого.

— Хорошо. Я бы хотел осмотреть процедурный отсек снова. Вы мне нужны. Вы, должно быть, лучше меня можете разобратся в теории.

— А почему бы не попросить доктора Адамса? — натянута спросила она. — Он здесь — единственный эксперт по этому вопросу.

— И если он лжет, то он продолжит лгать, и я ничего не узнаю. Есть лишь один путь удостовериться и понять, как работает эта машина. Мне нужен оператор. И вы — единственная кандидатура.

— Что ж... хорошо.

Они нашли лечебный отсек без особых затруднений. Там никого не было. Кирк быстро настроил управление, как показывал терапевт, и занял место пациента. Затем он уныло посмотрел на прибор, свисавший с потолка.

— Я думаю, вы сможете определить, наносит мне эта машина какой-нибудь вред или нет, — сказал он. — Адамс утверждает, что она совершенно не опасна. Именно это я и хочу знать. Начните с минимального усиления на секунду или две.

— Ну? Вы готовы?

— Я уже давала вам две секунды.

— Гм-м. Совершенно ничего не произошло.

— Нет, что-то случилось. Вы почему-то нахмурились. Затем ваше лицо разгладилось. Когда я отключила энергию, вы нахмурились опять.

— Я ничего не заметил. Попробуйте еще раз.

— А как вы теперь себя чувствуете?

— Как-то... э, ничего определенного. Просто жду. Я думал, что мы еще раз попробуем.

— Мы так и сделали, — сказала Хелен. — Похоже, ваша память совершенно стирается, вы даже не чувствуете хода времени.

— Так-так, — угрюмо процедил Кирк. — Весьма эффективный прибор, чтобы, как Адамс, счесть его непригодным. Тот техник упомянул, что еще должно быть и небольшое внушение. Попробуйте что-нибудь такое — безобидное, пожалуйста. Знаете, когда мы закончим с этим, я надеюсь, мы сможем совершить набег на какую-нибудь кухню.

— Это сработало, — произнесла Хелен напряженным голосом. — Я дала вам две секунды на низкой интенсивности и сказала — «вы голодны». И теперь вы действительно голодны.

— Я ничего не слышал. Давайте еще попытаемся. Я не хочу, чтобы у меня остались какие-то сомнения на этот счет.

— Совершенно верно, — произнес голос Адамса. — Кирк вскочил и обнаружил, что ему в лицо смотрит дуло фазера. Тут же был и терапевт, нацеливший другой пистолет на Хелен.

— Тюрьмы и психиатрические клиники, — продолжил Адамс, улыбаясь почти вежливо, — контролируют каждую беседу, каждый звук — иначе они долго не протянут. Так что я вполне могу удовлетворить ваше любопытство, капитан. Мы предоставим вам надлежащую демонстрацию.

Адамс подошел к пульту и повернул ручку потенциометра. Кирк так и не увидел, как он нажал на кнопку включения-выключения. Комната просто растворилась в волне невыносимой боли.

Как и прежде, не было никакого ощущения хода времени. Кирк вдруг обнаружил, что стоит на ногах и сам отдает Адамсу свой фазер. И в то же время Кирк понимал, что это была за боль: это любовь к Хелен, и боль одиночества оттого, что он находился не с ней. Хелен исчезла. И все, что у него осталось — это воспоминание, как он на руках отнес ее в ее каюту на Рождество, воспоминание о ее протестах и его лжи, которая стала правдой. Странно, но почему-то эти воспоминания казались бесцветными, одномерными, а голоса, звучавшие в них — монотонными. Но одиночество и желание были в них настоящими. И чтобы как-то облегчить их, он готов был лгать, красть, обманывать, продать свой корабль, свою репутацию... Он закричал.

— Ее здесь нет, — сказал Адамс, передавая фазер Кирка терапевту. — Через некоторое время я пришлю ее назад, и тогда будет лучше. Но сейчас пора связаться с кораблем. Важно, чтобы они знали, что все в порядке. Тогда потом мы, возможно, сможем увидеться с доктором Ноэль.

Сквозь возобновившиеся уколы боли Кирк вытащил свой передатчик и включил его.

— Капитан... «Энтерпрайзу», — произнес он. Он обнаружил, что говорить ему очень трудно, связь казалась чем-то совершенно неважным.

— «Энтерпрайз» на связи, капитан, — ответил голос Спока.

— Все в порядке, мистер Спок. Я по-прежнему нахожусь с доктором Адамсом.

— По голосу мне кажется, что вы здорово устали, капитан. Никаких проблем?

— Совершенно никаких, мистер Спок. Мой следующий вызов — через шесть часов. Конец связи.

Он стал было убирать передатчик, но Адамс протянул руку.

— И это тоже, капитан.

Кирк замешкался, и тогда Адамс протянул руку к пульта управления и боль вернулась, удвоенная, утроенная, учетверенная, а затем наступило настоящее, спасительное забытие.

Кирк очнулся от звука женского голоса и ощущения влажной ткани на лбу и открыл глаза. Он лежал в своей постели, в каюте на Тантале, и ему казалось, что его только что сюда швырнули. Рука закрыла поле зрения, и он снова почувствовал на лбу влагу. Затем голос Хелен произнес:

— Капитан... Капитан. Они унесли вас из процедурной. Сейчас вы в своей комнате. Проснитесь, пожалуйста, проснитесь!

— Хелен, — непроизвольно он потянулся к ней, но был еще очень слаб. И она без труда уложила его на постель.

— Попробуйте вспомнить. Он стер все это из вашей памяти. Адамс отобрал у меня управление — вы помните боль? И затем его голос, говорящий, что вы меня любите...

Он приподнялся на локте, по-прежнему испытывая боль и желание. Но он сражался и с тем, и с другим, и по его лицу струился пот.

— Да... я думаю, это так, — произнес он. Новая волна боли. — Его машина несовершенно. Я помню... кое-что.

— Хорошо. Позвольте мне еще раз намочить эту тряпку.

Когда она отодвинулась, Кирк заставил себя встать на ноги и мгновение стоял, как в тумане, а затем кинулся к двери. Заперта, конечно. Здесь, в этой комнате, от него и Хелен ожидалось, что они усилят внушенную им любовь, сделают ее реальной и забудут про «Энтерпрайз». Черта с два! Осмотревшись, он заметил решетку кондиционера.

Хелен вернулась, и он поманил ее, приставив палец к губам. Она с любопытством последовала за ним. Он потряс решетку — та слегка подалась. Напрягая все мышцы, Кирк начал сгибать ее. Со второй попытки решетка, заскрипев, оказалась у него в руках. Он присел и просунул голову в отверстие. Открывшийся тоннель был не просто воздухопроводом, он предназначался и для обслуживания энергокабелей, и в нем легко можно было ползти, — во всяком случае, так казалось Кирку. Он попытался втиснуться в него, но плечи оказались слишком широки.

Кирк встал и протянул руки девушке. Она отодвинулась, но он резко качнул головой, надеясь, что в выражении его лица не было ничего похожего на желание. Помедлив мгновение, Хелен подошла к нему.

— Он может и наблюдать за нами, а не просто подслушивать, — прошептал Кирк. — Я надеюсь лишь, что его внимание сейчас сконцентрировано на постели. Но этот тоннель должен соединяться с целым комплексом других. В конце концов он наверняка ведет на их энергостанцию. Если ты сможешь пробраться по нему, то отключишь все энергоснабжение. И, таким образом, отключишь их сенсоры, так что Спок сможет телепортировать к нам какую-нибудь помощь без риска быть обнаруженным. Попробуешься?

— Конечно.

— Не прикасайся к этим кабелям. Это будет слишком сильный шок.

— Все же лучше, чем процедурная Адамса.

— Хорошая девочка.

Он посмотрел на нее сверху вниз. Боль была сильная, приумноженная воспоминаниями и ощущением опасности, ее глаза были полуприкрыты, и рот — податлив. И все же каким-то образом ему удалось оторваться. Упав на колени, она проползла в тоннель и исчезла, и Кирк тут же начал вставлять на место решетку.

Она была слишком сильно погнута, чтобы легко встать на место. Кирк смог лишь придать ей более-менее нормальный вид и надеялся, что никто этого не заметит, когда решетка будет стоять на месте. Капитан уже поднялся на ноги и убирал в карман сломанные винты, когда услышал шум открываемой двери. Он повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как вошел терапевт, держа в руке фазер старого образца. Человек осмотрелся вокруг без всякого любопытства.

— А где девушка? — спросил он.

— Один из ваших зомби забрал ее. Если вы причините ей боль, я вас убью. Что, подошло время еще для одного «лечения»?

— Отойдите назад! Идите передо мной и в коридоре повернете направо. Если что — стреляю.

— Потом вам будет трудно объяснить все боссу. Ну ладно, я иду.

Адамс ждал его, он вежливо указал ему на стул.

— Что вам еще нужно? — спросил Кирк. — Я ведь сотрудничаю с вами, не так ли?

— Если бы это было действительно так, вы бы не спросили, — произнес Адамс. — Тем не менее, я вовсе не собираюсь объяснять свои действия вам, капитан. Ложитесь. Хорошо. Сейчас.

Луч потенциатора упал на голову Кирка. Он боролся с ним, чувствуя растущую пустоту. На этот раз он чувствовал, как проходит время, хотя, казалось, более ничего этим не добился. Само желание бороться убывало, словно кто-то открыл слив в его черепе.

— Вы полностью верите мне, — произнес Адамс. — Вы верите в меня. Вы полностью доверяете мне. Сама мысль о неверии мне исключительно болезненна. Вы верите.

— Я верю, — произнес Кирк. — Все прочее было дерготе-ней. Я верю в вас. Я доверяю вам. Доверяю! Прекратите, прекратите!

Адамс выключил прибор. Боль слегка поутихла, но далеко не ушла.

— Отдаю вам должное, — задумчиво произнес Адамс. — Ван Гелдер к этому моменту уже хныкал, стоя на коленях, а у него был сильный характер. Я рад, что у меня появилась пара таких, как вы. Я многому научился.

— Но... для... какой... цели? Ваша репутация... ваша... работа...

— А, так вы еще можете задавать вопросы? Прекрасно. Не имеет значения. Я устал работать за других, и все. Я хочу обеспечить себе комфортабельную старость на моих условиях — а я весьма разборчивый человек. И вы мне можете.

— Конечно... но так ли необходимо... просто верить...

— Верить вам? Естественно. Или верить, что человечество вознаградит меня? Все, что они мне пока дали — Тантал. Этого недостаточно. Я-то знаю, как действуют их мозги. Никто лучше меня не знает.

У двери послышался шум, и Кирк смог разглядеть женщину-терапевта, Леду. Она сказала:

— Доктор Ноэль исчезла. Ее никто не уводил. Она просто исчезла.

Адамс резко повернулся к пульту и сделал переключение. Луч снова возник на полной мощности. Мозг Кирка, казалось, стал таким пустым, словно его содержимое спустили по сливному желобу.

— Где она?

— Я... не знаю...

Боль усилилась.

— Где она? Отвечай!

Не было никакой возможности отвечать. Он просто не знал, а боль блокировала любой другой ответ, кроме того, который от него требовали. Словно поняв это, Адамс чуть убавил интенсивность луча.

— Куда вы ее послали? С какими инструкциями? Отвечай!

Боль взмыла почти до экстаза — и в то же мгновение разом погасли все огни, кроме чуть заметных ламп аварийного освещения на потолке. Кирк не стал медлить и думать, что случилось. Разозленный дергающей болью, он действовал чисто на рефлексх и тренировке. Спустя мгновение терапевт распростерся на полу, а он держал Адамса и Леду под прицелом старомодного фазера.

— Сейчас у меня нет на вас времени, — сказал он. За-

тем, установив фазер в положение «глушитель», нажал на спуск. Спустя мгновение он уже неся по коридору, полный желания, одиночества и страха. Он должен найти Хелен. Больше в его разуме не было ничего, кроме белой полосы боли от того, что он предал кого-то, кому приказано было доверять.

Испуганные больные, вытаращив глаза, увертывались с его пути, пока он пробирался к центру комплекса, разыскивая энергоотсек. Он отталкивал их с дороги. Затем вдруг он очутился рядом с Хелен, и они стали целоваться. Он прижал ее к себе. Она поддалась, но без особого желания. А мгновение спустя позади него послышался характерный звук. Звук телепортационной материализации. Затем голос Спока спросил:

— Капитан Кирк, в чем дело...

Хелен вырвалась из его объятий.

— Это не его вина. Быстро, Джим, где Адамс?

— Наверху, — тупо ответил Кирк. — В процедурной... Хелен...

— Позже, Джим. Нам надо поторопиться.

Они обнаружили Адамса лежащим на столе. Машина еще была включена. Леда пассивно стояла за пультом управления. И когда они вошли в сопровождении целой группы охранников с корабля, она выключила машину.

Из ниоткуда вдруг появился Мак-Кой и склонился над Адамсом. Затем выпрямился.

— Мертв.

— Не понимаю, — произнесла Хелен. — Машина не была установлена на большое усиление. Я не думаю, что она могла убить.

— Он был в одиночестве, — каменным голосом произнесла Леда. — Этого оказалось достаточно. Я не говорила с ним.

Кирк обхватил свою гудящую голову.

— Кажется, я понимаю.

— Я не могу сказать того же, Джим, — произнес Мак-Кой. — Человек должен умереть от чего-то.

— Он умер от одиночества, — сказала Леда. — Этого достаточно. Я знаю.

— И что же мы будем теперь делать, капитан? — спросил Спок.

— Не знаю... позвольте мне подумать... а, вот — отправить ван Гелдера сюда, вниз, и вылечить его, я думаю.

Ему придется принять управление на себя и разгипнотизировать меня. Хелен, я этого не хочу, я всего этого не хочу, но...

— Я тоже этого не хочу, — мягко сказала она. — Так что нам обоим придется пройти через это. Все было хорошо, Джим... ужасно, но прекрасно.

— Все же трудно поверить, — говорил Мак-Кой гораздо позже, — что человек может умереть от одиночества.

— Нет, — ответил Кирк. Теперь с ним все было в порядке. Абсолютно в порядке. И Хелен была для него всего лишь еще одной женщиной-доктором. Но...

— Нет, — повторил он, — в это совсем нетрудно поверить.

Фальшивый Мак-Кой

Лагерь, расположенный в кратере — или лагерь Бирса, как он был обозначен в документах, — на Регуле VIII представлял собой разрушенные остатки того, что когда-то являлось храмом, состоявшим из нескольких сооруженных одновременно зданий. А сейчас вокруг этих развалин велись археологические раскопки, стояло несколько сараев; рядом располагалась груда археологических инструментов вперемежку с брезентом и побитыми временем археологическими находками. Не считая самого кратера да пятен низкорослой растительности, довольно колючей, планета была пуста. Однообразный унылый пейзаж мог тянуться в любом направлении, покуда не открывался другой кратер — а их было множество, но за неимением времени их изучение свелось к очевидному выводу, что все они были населены неизвестно сколько тысячелетий назад. В этом не было ничего из ряда вон выходящего; галактика буквально кишела руинами, о которых никто ничего не знал, — существовали сотни подобных планет, на выбор для любого археолога, желавшего покопаться в такой поверхности. Бирсу просто повезло, фантастически повезло.

И все же Регул VIII вызывал беспокойство у Кирка — капитана Джеймса Кирка, командира звездолета «Энтерпрайз», повидавшего на своем веку множество планет. «Энтерпрайз» прибыл сюда в соответствии с правилами. Точнее, с той их частью, которая гласила, что исследовательский персонал на чужих планетах должен проходить ежегодную проверку состояния здоровья, каковую обязан проводить корабельный врач. «Энтерпрайз» оказался неподалеку от лагеря Бирса и как раз в такое время, и корабельный врач Мак-Кой по телепортатору отправился на планету, чтобы выполнить предписание. В общем, совершенно обычная работа, не считая того, что, как упомянул Мак-Кой, когда-то его весьма интересовала жена Бирса, Нэнси. Правда, с тех пор прошло уже больше десяти лет. В общем, ситуация совершенно понятная.

И вот из храма — если это было храмом — вышла Нэнси, чтобы их встретить.

Их было трое: Мак-Кой, Дарнелл — член экипажа, свободный от вахты, и сам Кирк, спустившийся из любопытства. Она подбежала к ним, протянула руки, и после короткого замешательства Мак-Кой обнял ее.

— Леонард! — воскликнула она. — Дай же мне взглянуть на тебя.

— Нэнси, — сказал Мак-Кой. — Ты... ты не состарилась и на год.

Кирк с трудом удержался от улыбки. Нэнси Бирс была приятной женщиной, но ничего особенного: хорошо сложенное тело, лет примерно сорока; она обладала определенной величественностью движений, но волосы уже тронула седина. Нелегко было поверить, что врач, столько повидавший на своем веку, мог быть так влюблен в нее, что даже не заметил следы возраста. И все же, — у нее была замечательная улыбка.

— Это капитан «Энтерпрайза» — Джим Кирк, — представил командира Мак-Кой. — А это — член экипажа Дарнелл.

Нэнси улыбнулась Кирку, затем повернулась к космолетчику. Реакция Дарнелла оказалась поразительной. У того буквально отвисла челюсть, и он откровенно уставился на нее. Кирк готов был его пнуть, если бы только мог дотянуться.

— Проходите, проходите, — сказала она. — Возможно, нам придется немного подождать Боба. Как только он начинает что-нибудь раскапывать, совершенно забывает о времени. Мы разместились там, где когда-то было нечто вроде древнего алтаря — не особо комфортно, но зато много места. Входи, Толстячок.

Она проскользнула в низкую, полуразвалившуюся каменную дверь.

— Толстячок? — спросил Кирк.

— Старое интимное прозвище, — ответил раздосадованный Мак-Кой. Затем он последовал за ней. Раздраженный собственной бестактностью, Кирк резко обернулся к Дарнеллу.

— Так на что это вы так уставились, мистер?

— Извините, сэр, — смущенно ответил Дарнелл. — Она напоминает мне кое-кого — вот и все. Одну девушку, которую я когда-то знал на планете Ригли. Это...

— Этого достаточно, — угрюмо произнес Кирк. — Сле-

дующая подобная мысль, надеюсь, появится у вас, когда вы будете наедине с собой. Наверное, вам лучше подождать снаружи.

— Есть, сэр. Спасибо, — казалось Дарнелл действительно был благодарен.

— Я бы немного побродил тут. Если вы не возражаете, капитан.

— Пожалуйста. Только не слишком удаляйтесь, чтобы не потерять связь.

В общем-то, ничего особенного — Дарнелл не видел посторонних женщин с тех пор, как последний раз высаживался на планете. Но все же это было весьма любопытно.

Бирса все не было, и Нэнси, извинившись отправилась его искать, оставив Кирка и Мак-Коя осматривать каменный зал, но заговорить друг с другом они не решались. Кирк никак не мог выбрать — вернуться ли ему на «Энтерпрайз» или просто лечь вот тут и умереть. Еще никогда за долгие годы дипломатичность так его не подводила.

По счастью, раньше, чем Кирк решил, стоит ли ему убраться восвояси или покончить с собой, объявился Бирс. Это был необыкновенно высокий человек, с мощными руками и ногами и крупными чертами лица, в выцветшей одежде. Ростом он был чуть выше Мак-Коя, а его лицо и тело казались высеченными из камня. Выражение глаз, — отметил Кирк, — было умным и в чем-то горьким. Но, в общем-то, Кирк никогда не претендовал на понимание ученых академического склада.

— Доктор Бирс, — сказал он, — я — капитан Кирк, а это — корабельный врач...

— Я знаю, кто вы, — прервал его Бирс голосом, в котором прозвучала явственная интонация занятого человека. — Мы не испытываем необходимости в вашем присутствии. И если вы просто пополните наши запасы аспирина, соляных таблеток и прочего, то сэкономите себе массу времени.

— Ничего не могу поделать, — по правилам мы должны провести ежегодную проверку, — ответил Кирк. — Если вы согласитесь, я уверен, что доктор Мак-Кой сделает все очень быстро.

И правда, Мак-Кой уже привел свои инструменты в полную готовность.

— Мак-Кой? — спросил Бирс. — Я слышал это имя... Ах, да, Нэнси иногда рассказывала о вас.

— Опустите руки вдоль тела, пожалуйста, и дышите ровно... Да, разве она не упомянула, что я приехал?

После еле заметной паузы Бирс спросил:

— Вы... видели Нэнси?

— Она была здесь, когда мы прибыли, — ответил Кирк. — Затем отправилась искать вас.

— Именно так. Конечно же, я рад, что она может повидаться со старым другом, получить возможность побыть в обществе. Сам я люблю уединение, но для женщины это иногда трудновато.

— Я понимаю, — сказал Кирк, хотя совершенно не был уверен в этом. Неожиданная попытка казаться зачем-то нарочито гостеприимным выглядела неестественной на фоне недавней неприязни: та, во всяком случае, была подлинной.

Мак-Кой закончил проверку с помощью трикордера и, немного помешкав, достал анализатор.

— Она совсем не изменилась, — сказал он. — Пожалуйста, откройте рот.

После некоторой паузы Бирс все же повиновался. И в тот же момент раздался крик ужаса. На какой-то чудовищный, сумасшедший миг Кирку показалось, что кричал Бирс. Но затем прозвучал еще один крик, и Кирк понял, что кричала женщина.

Все трое одновременно бросились к двери. На открытой местности Кирк и Мак-Кой обогнали Бирса. Несмотря на кочевую жизнь, Бирс не был хорошим бегуном. Но им и не надо было бежать далеко. У самого края кратера, судорожно прикусив сжатые в кулаки пальцы, над телом Дарнелла стояла Нэнси.

Когда они подбежали, она придвинулась к Мак-Кой, но тот не обратил на нее внимания и присел рядом с телом. Дарнелл лежал лицом вниз. Пощупав пульс, Мак-Кой осторожно повернул его голову набок, что-то хмыкнул и осторожно перевернул тело.

Даже Кирку стало ясно, что космонавт был мертв. Его лицо было покрыто мелкими круглыми красноватыми ранками, которые медленно бледнели и исчезали.

— Что с ним случилось? — напряженно спросил Кирк.

— Не знаю. Эти точки немного похожи на вакуумные ожоги или, может быть, что-то, связанное с иммунологией. Эй, а это что?

Тяжело дыша, подбежал Бирс. В это же время Мак-Кой с трудом разогнул пальцы Дарнелла, сжатые в кулаке. Это был

измятый, шероховатый предмет, бесцветный, похожий на высохший пастернак. Похоже, часть его была откушена. Кирк резко повернулся к Нэнси.

— Что произошло? — резко спросил он.

— Не нападайте на мою жену, капитан, — предостерегающе процедил Бирс. — Совершенно ясно, что это не ее вина!

— Один из моих людей мертв. Я никого не обвиняю, но миссис Бирс — единственный свидетель.

Мак-Кой поднялся и мягко произнес:

— Нэнси, скажи нам, что ты видела. Не волнуйся.

— Я просто... — начала она и затем судорожно сглотнула, словно стараясь обрести контроль над собой. — Я не смогла найти Боба и возвращалась назад, когда увидела вашего космолетчика. Он держал в руке корень борджиа и нюхал. Я хотела его окликнуть, но тут он откусил его. Я не думала, что он так поступит; лицо его исказилось, и он упал...

Она замолчала и закрыла лицо руками. Мак-Кой мягко дотронулся до ее плеча. Кирк, не чувствуя необходимости сделать то же самое, произнес более спокойно:

— А как вы узнали, что за растение у него было в руках, если вы тогда находились на расстоянии крика?

— Это перекрестный допрос... — начал было Бирс.

— Боб, пожалуйста, не надо. Конечно же, я не знала. Пока не увидела его сейчас. Но так обращаться с любым растением незнакомого мира опасно.

Это была правда. И Дарнелл это знал. Кирк с беспристрастным выражением лица приказал Мак-Кой:

— Собирайся, Боунс. Мы возобновим осмотр завтра.

— Я уверен, что в этом нет необходимости, — сказал Бирс. — Только переправьте наши припасы, капитан...

— Все не так просто, доктор Бирс, — ответил Кирк. Затем он включил свой передатчик.

— Кирк телепортационному отсеку. Подготовить луч — двое людей и один труп.

На столе в медотсеке лежало вскрытое тело Дарнелла, сейчас его не смогла бы узнать даже родная мать, будь она еще жива. Кирк, стоявший у пульта связи, наблюдал с легким, чисто физиологическим отвращением, как Мак-Кой аккуратно опустил в стеклянную чашу мозг Дарнелла и, повернувшись, вытер руки, пока они снова не стали белыми, как бумага. Кирку приходилось видеть множество трупов разного возраста с самыми разными ранами, но такой

тип кровопускания как клиническое вскрытие, представлял себе плохо.

— Я не могу, конечно, исключить яд полностью, — сказал Мак-Кой тоном эксперта. — Некоторые из наиболее известных ядов действуют мгновенно и оставляют мало следов, например, ботулин. Но у него в желудке или во рту нет и намека на какую-то растительную субстанцию. Все, что я могу сказать — у него произошло массивное повреждение капилляров, которое могло наступить в результате чего угодно, даже шока. Да еще эти отметины на лице.

Мак-Кой накрыл тело простыней.

— Я еще проведу химический анализ крови, но хотел бы я знать, что искать. Я также хотел бы знать, какие симптомы этот «корень борджиа» может вызвать. А пока, Джим, я совершенно во тьме.

— Спок сидит за библиотечным компьютером и разыскивает материалы по растительности, — сказал Кирк. — Я думаю, он с этим быстро справится. Но должен признать, я в полной растерянности. Дарнелл был слишком опытным космолетчиком, чтобы вот так попробовать на вкус первую попавшуюся штуку.

— Так что же тогда остается, Джим? Нэнси? Джим, в последнее время я не слишком доверяю своим глазам, но Нэнси не была способна к убийству — и уж тем более незнакомца!

— Убивают не только люди — подождем, что скажет Спок.

— У нас нет ничего по этому корню борджиа, кроме того, что сообщили сами Бирсы шесть лет назад в одном из докладов, — отчеканил Спок. — Там это растение упоминается как относящееся к семейству лилий. Говорится, что в нем содержится от двадцати до пятидесяти алкалоидов, ни один из которых без соответствующей аппаратуры не определяется. Свежий корень действует на мышей как яд. Никаких упоминаний симптомов отравления для человека. За исключением...

— За исключением чего? — переспросил Мак-Кой.

— Ну, доктор Мак-Кой, это не симптом. В докладе добавляется, что у этого корня приятный запах, резкий, но весьма вкусный, как у тапиоки. И это все.

— Спасибо. — Кирк отключился. — Пустомеля, мне непонятно, почему Дарнелл так возжаждал отведать корень неизвестного растения? Неужели только потому, что оно пахло тапиокой? Он не стал бы пробовать на вкус даже нечто, пах-

нущее свежими персиками, если бы не знал его состав. Это был опытный человек.

Мак-Кой в недоумении развел руками.

— Ты знал его, Джим, — но что нам это дает? Симптомы слегка напоминают отравление аконитом. И кроме этого — у нас нет ничего.

— Не совсем, — ответил Кирк. — Боюсь, нам еще осталось завершить проверку Бирсов, Пустомеля. И в этом мне нужна будет твоя помощь.

Мак-Кой отвернулся и продолжил мыть руки.

— Что ж, ты ее получишь, — ответил он, но голос его был холоден.

Метод обследования Бирсов, избранный Кирком, был простым, но жестким. Он приказал им обоим прибыть на борт корабля, что разъярило Бирса.

— Если вы думаете, что можете телепортироваться на поверхность планеты, угрожать нам, мешать моей работе, учитывая тот неоспоримый факт, что вы вторгаетесь в мои владения на планете...

— Ваша жалоба принимается, — спокойно произнес Кирк. — И я приношу свои извинения за неудобства. Но также является неоспоримым фактом то, что мы не понимаем, отчего погиб один из наших людей. С таким же успехом это может представлять опасность и для вас.

— На этой планете мы находимся уже больше пяти лет. И если бы на ней существовало что-то враждебное, мы бы уже давно об этом узнали, не так ли?

— Не обязательно, — ответил Кирк. — Двое людей не могут исследовать всю планету вдоль и поперек не то что за пять лет, а даже за всю жизнь. В любом случае, миссия «Энтерпрайза» — защита человеческой жизни в местах, подобных этому. В создавшихся обстоятельствах я выполняю роль судьи и на сем прекращаю наш спор.

Вскоре после того, как они прибыли на борт, Мак-Кой переслал свой рапорт по анализам тела Дарнелла.

— Это точно был шок, — угрюмо сообщил он Кирку по видеофону. — Но очень странный шок. Ионный состав его крови совершенно изменен. Массивное понижение уровня солей в крови. Черт, в его теле не осталось и микрограмма солей. Ни в крови, ни в слезах, ни в органах — нигде. Я даже представить не могу, из-за чего это могло произойти, да еще так быстро.

— А отметины на его лице?

— Лопнувшие капилляры. Такие отметины у него на всем теле. Это нормально при сложившихся обстоятельствах, хотя я не могу объяснить, почему их больше всего на лице и почему они имеют кольцеобразную форму. Совершенно очевидно, что он не отравился.

— Тогда это растение, которое он якобы укусил, — так же угрожающе произнес Кирк, — было всего лишь растением — и не с криминологической, а с ботанической точки зрения. Тупик. Что ж, за всем этим чувствуется ум. И я бы не сказал, что мне это нравится.

— И мне тоже, — ответил Мак-Кой и отвел глаза.

— Хорошо. Что ж, значит, нам придется все же порасспросить Бирсов. Дальше я займусь этим сам. Боунс, все это тяжело для тебя, я знаю, и ты уже без сна двое суток. Прими-ка парочку таблеток и вздремни хорошенько.

— Со мной все в порядке.

— Приказ, — сказал Кирк. Он выключил экран и направился в каюту, предоставленную Бирсам.

Но там оказался один Бирс. Нэнси не было.

— Я думаю, она отправилась вниз, — бесстрастно произнес Бирс. — Я бы и сам удрал, если бы смог хотя бы на десять секунд получить доступ к вашему телепортатору. Мы не просили, чтобы нас заперли здесь.

— А Дарнелл не просил, чтобы его убивали. Ваша жена может подвергаться серьезной опасности. Должен сказать, вы, похоже, совершенно не волнуетесь.

— Она в полной безопасности. Все это зло только в вашем воображении.

Бирс пожал плечами.

— Никто не знает, что могло его убить. Быть может, вы сами что-то такое притащили с собой, откуда мне знать.

Больше из него ничего не удалось вытянуть. Раздраженный Кирк вернулся на командный мостик и приказал начать общий поиск. Все результаты оказались отрицательными, включая и доклад из телепортационного отсека. Никто не пользовался его аппаратурой с тех пор, как группа вернулась с планеты на борт корабля.

Но этот же поиск, хотя и не обнаружил Нэнси, обнаружил кое-что другое — мертвого члена команды, Барнхарта, на двенадцатой палубе. Следы на его теле в точности соответствовали отметинам на теле Дарнелла.

Взбешенный Кирк вызвал Мак-Коя.

— Извини, что прервал твой сон, Пустомеля, но все это

зашло уже слишком далеко. Я хочу, чтобы Бирс подвергся допросу под пентаталом.

— Гм, — хмыкнул Мак-Кой. Его голос звучал приглушенно, словно он еще не вполне очнулся после принятых им транквилизаторов. — Пентатал. Сыворотка правды. Нарко-синтетик. Гм. Займет время. А как насчет гражданских прав пациента?

— После он, если захочет, сможет сочинить жалобу. Давай, подготовь-ка его.

Часом позже Бирс лежал в трансе на своей постели. Над ним напряженно склонился Кирк. Мак-Кой и Спок стояли сзади.

— Где ваша жена?

— Не знаю... Бедная Нэнси, я любил ее... Последняя из этого рода...

— Объясните, пожалуйста.

— Пассажирский голубь... бизон... — Бирс застонал. — Я чувствую себя странно.

Кирк жестом попросил подойти Мак-Коя, который проверил пульс археолога и поднял его веки.

— Он в порядке, — произнес врач. Его просто немного запутало то, что вопросы теперь задаете вы, а не я. Он уже приходит в себя.

— А что насчет бизонов? — спросил Кирк, чувствуя полную нелепость вопроса.

— Миллионы... прерии чернели от их стад. Одно стадо занимало три штата. Когда они передвигались... как гром. Теперь они все пропали. Как здешние существа.

— Здешние? Вы имеете в виду — здесь, на планете?

— На планете. Их храмы... великая поэзия... Когда-то их были миллионы, а теперь остался лишь один. Нэнси понимала.

— Все время в прошлом, — пробормотал Спок.

— А где Нэнси? Где она сейчас?

— Мертва. Погребена на холме. Оно убило ее.

— Погребена! Но когда это случилось?

— Год назад..., — произнес Бирс. — Или, может быть, два? Я не помню. Все это так туманно. Нэнси и не Нэнси. Им была необходима соль, понимаете? Когда она кончилась, они умерли... все, кроме одного.

Смысл сказанного ошеломил Кирка. Но вопрос задал Спок.

— И это создание маскируется под вашу жену?

— Не маскируется, — прогнусавил Бирс. — Оно может быть Нэнси.

— Или кем-нибудь еще?

— Кем угодно. Когда оно убило Нэнси, я чуть не уничтожил его. Но я не смог. Оно было последним.

Повторения становились все чаще, и это раздражало.

Кирк холодно произнес:

— Это единственная причина, Бирс? Скажите мне, когда это существо с вами — это всегда Нэнси?

Бирс судорожно дернулся. Он не ответил. Мак-Кой подошел ближе.

— На твоём месте я бы не стал больше давить, Джим, — сказал он. — Если тебе нужен ответ, ты его получишь, но в этом случае ты подвергаешь пациента опасности.

— Нет, мне не нужен другой ответ, — произнес Кирк. — Так, значит, мы наткнулись на маленький частный рай. Это существо может быть женой, любовницей, лучшим другом, идолом, рабом, мудрецом, дураком — кем угодно. Потрясающая жизнь — иметь всех, кто тебе нужен, подле себя — только позови — и, таким образом, выигрывать любые споры.

— Это прямой и бесповоротный путь к паранойе, — сказал Спок. Кирк резко повернулся к человеку, находившемуся в наркотическом трансе.

— А вы можете опознать создание — вне зависимости от того, чью форму оно принимает?

— Да...

— Вы поможете нам?

— Нет.

Кирк и не ожидал большего. Он сделал знак Мак-Кою.

— Мне нужно организовать поиск. Постарайся сломить сопротивление, Пустомеля. Меня не волнует, как ты это делаешь, насколько при этом ты ему можешь повредить. В нынешнем его состоянии он так же опасен для нас, как и его «жена». Спок, придержи его, пока ему не введут еще дозу — он может быть агрессивен.

Кирк вышел из отсека.

Из командирской рубки он вызвал центральный корпус и, отдав приказы, несколько успокоился — теперь на каждой палубе, в каждом коридоре дежурили пары вооруженных людей.

— Каждому внимательно проверить своего напарника, — приказал он по интеркому. — На борту — чужое существо, маскирующееся под одного из нас. Лейтенант Ухура, уста-

новить телевизионную связь со всеми постами и пультами. Если вы увидите кого-нибудь одновременно в двух местах — объявляйте тревогу.

Звук, раздавшийся сзади, заставил его резко обернуться. Это был Спок. Одежда его была изорвана, и он тяжело дышал.

— Спок! Что произошло?

— Это был Мак-Кой, — потрясенно выдохнул Спок. — Или точнее, это был не Мак-Кой. Едва ты вышел из каюты, оно схватило меня. Я вырвался, но у него мое оружие, и я не знаю где оно сейчас.

— Мак-Кой! Ведь я же подумал — как-то странно, что он не хочет применять пентатал. Не хочет, и вроде бы роется в своей памяти. Неудивительно. Что ж, есть только одно место, куда оно могло пойти — туда, откуда появилось.

— На планету? Это невозможно.

— Нет. В каюту Мак-Коя. — Он стал было подниматься с места, но Спок вдруг сделал рукой предостерегающий жест.

— Лучше сперва взглянуть, капитан. Быть может, оно еще не убило Мак-Коя, и если мы его встревожим...

— Вы правы.

Кирк быстро набрал по интеркому код каюты Мак-Коя и после секундного замешательства нажал на клавишу приоритета, позволявшую ему видеть все, что происходит в каюте, без ведома абонента.

Мак-Кой был там. Точнее, их там было два: Мак-Кой, спящий на постели, и другой, стоявший у закрытой двери, озирающийся по сторонам. Стоявшая фигура двинулась вперед, пройдя прямо перед скрытой камерой и на мгновение закрыв поле зрения. Когда существо вновь стало видно — это уже был не Мак-Кой. Это была Нэнси.

Она присела на постель и затормошила спящего врача. Тот что-то пробормотал, но проснуться не захотел.

— Леонард, — прозвучал голос Нэнси. — Это я, Нэнси. Проснись. Пожалуйста, проснись. Помоги мне.

Кирк не мог не отдать должное мастерству «Нэнси». То, что он видел, было, без сомнения, инопланетным существом, но его ужас был абсолютно убедителен. Несомненно, оно и с п ы т ы в а л о ужас.

Она снова потрясла Мак-Коя. Тот сонно заморгал глазами и сел на постели.

— Нэнси! В чем дело? Я долго спал?

— Помоги мне, Леонард.

— Что случилось? Ты напугана?

— О да, — ответила она. — Умоляю, помоги мне. Они хотят меня убить!

— Кто? — спросил Мак-Кой. — Ну, ну, спокойнее. Никто тебе не причинит вреда.

— Ну все, хватит, — произнес Кирк, инстинктивно понизив голос, хотя пара на экране никак не могла его расслышать. — По счастью, это существо пытается убедить его что-то сделать, вместо того, чтобы убить. Давай-ка быстрее туда, пока оно не передумало.

Несколькими мгновениями позже они ворвались в каюту Мак-Коя. Врач и девушка вскочили, заведя их. «Нэнси» вскрикнула.

— Отойди от нее, Боунс, — приказал Кирк, нацелив на нее фазер.

— Что? Что здесь происходит, Джим?

— Это не Нэнси, Боунс.

— Не Нэнси? Да ты что — конечно, это она. Ты что, рехнулся?

— Оно убило двух членов экипажа.

— И Бирса тоже, — вставил Спок, также держа существо под прицелом.

— О н о?

— Оно, — сказал Кирк. — Смотри, сейчас я тебе покажу.

Он вытянул вперед свободную руку и медленно раскрыл ладонь. В ней была кучка белых кристалликов, несколько подтаявшая по краям от пота.

— Посмотри, Нэнси, — сказал он. — Соль. Свободно можно взять. Чистая, концентрированная соль.

«Нэнси» заворуженно шагнула к нему, затем остановилась.

— Леонард, — тихо произнесла она. — Скажи ему, чтобы он ушел. Если ты меня любишь, сделай так, чтобы он ушел.

— Ну конечно, — хрипло ответил Мак-Кой. — Твое поведение, Джим, — поведение сумасшедшего. Ты напугал ее.

— Нет, это не страх, — ответил Кирк. — Голод. Посмотри на нее!

Существо, словно загипнотизированное, сделало еще шаг вперед. Затем, без малейшего предупреждения, последовал ураган движений. Кирку показалось, что он увидел тело, размерами примерно с человека, но совершенно на него не похожее, и щупальца, снабженные присосками,

протянувшиеся к его лицу. Затем раздался грохот выстрела, и он упал.

Прошло довольно много времени, пока Кирк и Мак-Кой пришли в себя. Капитан — после контузии от выстрела, произведенного Споком с близкого расстояния, а Мак-Кой — после психического шока. К тому времени, когда они все собрались на командном мостике, планета Бирса уже удалялась.

— Соль была блестящей идеей, — объяснял Спок. — Совершенно очевидно, что существо охотилось только тогда, когда не могло найти чистой соли. Именно так Бирс держал его под контролем.

— Тем не менее, я не думаю, что отсутствие соли было единственной причиной вымирания этой расы, — заметил Кирк. — А в общем-то, это существо не было так уж высоко развито — оно не использовало все свои преимущества так, как могло бы.

— Вполне возможно, что эта раса была регрессирующей, — предположил Спок. — У нас ведь по-прежнему сохранились и ногти и зубы, но мы же не царапаемся и не кусаемся.

— Вполне возможно. Но одного я не могу понять. Как оно очутилось в твоей каюте, Пустомеля? Или, может быть, ты не хочешь говорить об этом?

— Да нет, — ответил Мак-Кой. — Просто я чувствую себя, как все шесть подтипов идиота сразу. Все просто. Она пришла ко мне после того, как я принял транквилизатор, и уже ощущал его действие. Она сказала, что больше не любит своего мужа и хотела бы, чтобы я забрал ее с собой на Землю. В общем... то, что у меня было с Нэнси столько лет тому назад — это было по-настоящему. И меня не так уж и трудно было заманить, тем более, что я уже принял лекарство. И позже, когда я заснул, она, должно быть, ввела мне еще дозу — иначе бы я не проспал весь переполох, вызов из центрального корпуса и прочее. Все это лишний раз доказывает — не устраивай разборки с гражданскими.

— Хороший принцип, — согласился Кирк. — Но, к сожалению, неосуществимый на практике.

— Однако, я не понимаю, — добавил Мак-Кой. — Существо и Бирс оставались довольно долго наедине со Споком в каюте Бирсов, а судя по тому, что я обнаружил при вскрытии, это существо, по меньшей мере, вдвое превосходило по силам любого человека. Как же вам удалось выбраться, мистер Спок, не потеряв ничего, кроме своего оружия?

Спок улыбнулся.

— По счастью, мои предки вышли из совсем другого океана, доктор Мак-Кой, — ответил он. — И минеральные соли в моей крови совершенно отличны от ваших. Очевидно, я оказался для нее не слишком аппетитным.

— Ну конечно, — произнес Мак-Кой. Затем посмотрел на Кирка. — Ты все еще выглядишь печальным, Джим. Что-то все еще не так?

— М-мм? — Кирк посмотрел на Мак-Коя. — Что-то не так? Да нет, пожалуй. Просто я думал о бизонах.

Джим
Мак-Кой

Равновесие страха

Когда началась стычка с ромуланами, капитан Джеймс Кирк находился в церкви звездолета «Энтерпрайз» в ожидании церемонии бракосочетания.

Конечно же, он мог и уклониться от этого, поскольку был не единственным человеком на борту звездолета, имевшим право совершать подобные церемонии и многие другие, принятые между людьми. Новобрачные, кстати, были членами команды корабля: специалист Роберт Томлинсон (фазерные установки) и специалист второго класса Анжела Мартин (фазерные установки).

Впрочем, капитан и не думал уклоняться. Путешествия меж звезд, даже при релятивистских или околосветовых скоростях — процесс довольно длительный. И никто не в силах запретить возникающие в полете естественные человеческие взаимоотношения, если только это не дурак и не сторонник излишне строгой дисциплины. А Кирк не был ни тем, ни другим.

Да и не было ничего более символичного среди его обязанностей, чем церемония бракосочетания — и для него самого, и для «Энтерпрайза». Опять-таки из-за огромных расстояний и связанных с их преодолением временных промежутков, только звездолеты были эффективным и плодотворным средством связи между цивилизованными планетами. Даже гораздо более оперативное межзвездное радио, подверженное, по меньшей мере, дюжине различного рода помех, предназначалось лишь для передачи информации. Однако для нормального человеческого общения оно подходило менее всего. С другой стороны, звездолеты были полезны, как рабочие пчелки: они несли на себе припасы, медицинскую помощь, технические знания, новости из дома и, самое главное, живое общение с другими людьми.

Именно поэтому на борту «Энтерпрайза» имелаась церковь. Устроенная каким-то наемником в надежде, что она никому не помешает (или, — как заявляла официальная служба по связям с общественностью, — соединить вероиспо-

ведения всех планет), церковь была исключительно проста и лишена символики. Но само ее существование указывало на то, что даже такой корабль, как «Энтерпрайз» сам по себе являлся целым миром, и на его борту могли быть верующие.

Новобрачные уже находились там, когда появился Кирк. Кроме них, в церкви было около дюжины других членов команды, вполголоса переговаривавшихся между собой. Неподалеку главный инженер Скотти устанавливал и настраивал небольшую телекамеру. Предполагалось, что церемония будет передаваться по внутренней сети корабля, а также на наблюдательные спутники нейтральной зоны Ромула-Рема. Скотти мог легко перепоручить всю эту возню кому-нибудь из своих подчиненных, но сейчас он сам делал эту работу, и этот знак признания важности происходящего был его подарком новобрачным. Кирк слегка улыбнулся. Сегодня атмосфера корабля была наполнена массой символов.

— Все в порядке, Скотти?

— Не могу ответить за новобрачных, сэр, но в остальном — да.

— Прекрасно.

Находящиеся в церкви притихли, когда Кирк подошел к неоформленному, без всяких украшений алтарю. Где-то в глубине сознания его немного беспокоило то, что он собирается проводить подобную церемонию столь близко к нейтральной зоне. Ромулане некогда показали себя очень стойкими противниками. Но за прошедшие с тех пор пятьдесят лет они даже носа не казали в нейтральную зону, которой была окружена их система. Если они и замыслили там какую-нибудь пакость, то смогли бы они сейчас напасть на тяжеловооруженный звездолет, находящийся практически у них на задворках?

Скотти, закончив возиться с камерой, аккуратно пригладил волосы: в его обязанности входило вручение невесты. Из интеркомов полились звуки музыки — Кирк мог лишь предполагать, что это было что-то традиционное, так как не обладал музыкальным слухом. И затем вошла Ангела в сопровождении свидетельницы — старшины Рэнд. Скотти предложил ей свою руку. Томлинсон и его лучшие друзья уже были готовы.

И в этот момент неожиданно включилась корабельная система тревоги.

Ангела мгновенно побледнела. Поскольку на борту корабля она находилась недавно, ей еще не приходилось слы-

шать этот звенящий рев, но что он означает, она поняла сразу. Рев стих, и раздался голос офицера связи Ухуры:

— Капитан Кирк вызывается на командный мостик! Капитан Кирк вызывается на командный мостик!

Но «пастор» уже сломя голову неся к выходу.

Спок, старший офицер корабля, стоял рядом с лейтенантом Ухурой у пульты, когда Кирк и инженер влетели на командный мостик. Спок родился от брака земной женщины и мужчины с Вулкана — планеты звездной системы 40 Эрида-на, на которой земляне даже не планировали основывать колонию. Поэтому Спок не обладал большей частью человеческих эмоций. А лейтенант Ухура обладала хладнокровием большинства женщин племени банту. Но, тем не менее, в воздухе командного мостика ощущалась напряженность. Кирк спросил:

— В чем дело?

— Это командор Хансен, сторожевой спутник четыре ноль два три, — четко доложил Спок. — Они засекали явные сигналы нарушителя нейтральной зоны.

— Идентификация?

— Пока еще нет, но анализ работы двигательной установки позволяет утверждать, что она вполне современна. Кажется, это не ромулане.

— Извините меня, мистер Спок, — неожиданно раздался голос с пульты связи. — Я вас слышу. Сейчас мы сможем рассмотреть корабль. Это современный звездолет, но его опознавательные знаки ромуланские.

Кирк придвинулся ближе к пульту и взял микрофон.

— Это капитан Кирк. Вы уже послали запрос, Хансен?

— Посылаю постоянно. Ответа нет. Вы можете поддерживать нас, капитан? Вы единственный звездолет, находящийся в этом секторе.

— Поддержим.

— Мы следим за их приближением и примерно... — на мгновение Хансен смолк и вновь появился. — Извините, только что мы потеряли их из виду. Исчезли с наших мониторов.

— Попробуйте передать картинку с ваших мониторов. Лейтенант Ухура, поместите ее на видеоэкран командного мостика.

Какое-то время на экране ничего не было видно, кроме звездного неба, затем неожиданно появился странный корабль. Он был похож на корабль класса «Энтерпрайза». Конический диск, казалось, напалзал ребром на экран, хотя в дей-

ствительности приближался к спутнику, а не к «Энтерпрайзу». Тем не менее, его размеры было трудно определить, не зная точного расстояния до корабля.

— Максимальное усиление, лейтенант Ухура.

Казалось, чужак резко приблизился. Скотти безмолвно указал на что-то рукой, и Кирк кивнул. При таком усилении, полосы на корпусе корабля были отчетливо видны. Широкие тени, напоминавшие полураскрытые крылья хищной птицы. Точно, ромулане.

Неожиданно со Спутника-4023 донесся голос Хансена:

— Снова вижу их! Капитан Кирк, вам видно...

— Мы их видим.

Но в тот момент, когда он произнес эти слова, экран неожиданно вспыхнул белым огнем, и лейтенант Ухура поспешно уменьшила уровень яркости. Кирк сморгнул слезу и напряженно придвинулся к экрану.

Корабль-чужак выпустил, словно торпеду, из нижней части корпуса ослепительно белый луч. Странно медлительный, этот световой столб все увеличивался в поле зрения камеры С-4023, словно собираясь охватить и «Энтерпрайз».

— Они открыли огонь! — закричал Хансен. — Наши экраны не выдерживают... мы...

На видеоэкране «Энтерпрайза» полыхнуло адское пламя, осветившее весь командный мостик. Микрофон бессильно пискнул и умолк.

— Батареи, — тихо приказал Кирк Ухуре. — Общая тревога. Мистер Спок — полный вперед. Идем на перехват.

Никто давно уже не видел живого ромуланина. Можно было точно утверждать, что сами себя «ромулане» не называли — это установили по останкам кораблей, кровавым смерчем выносившимся из системы Ромула-Рема добрых семьдесят пять лет тому назад. Удалось установить, что они не уроженцы этой системы и не относятся к числу рас, известных землянам. Замерзшие тела, найденные в пространстве за время войны, принадлежали гуманоидам, но походили они скорее на орлиноносых вулканитов, а не на землян. Эксперты предполагали, что ромулане — это группа отщепенцев, попавшая на эту планету после того, как была изгнана менее воинственными соплеменниками, желавшими мирной жизни. Ромул и Рем — планеты-близнецы, вращавшиеся вокруг общего Троянского центра — белого карлика, не представляли никакого интереса для расы, не склонной к суровым условиям жизни.

Почти все это было только предположением, не подкрепленным ни историей, ни данными опросов. Раса вулканитов, входившая в состав Федерации, утверждала, что им ничего не известно о ромуланах. Да и сами ромуланы никогда не сдавались в плен — очевидно, самоубийство являлось частью их милитаристских традиций — и никогда не брали пленных. Достоверно известно было лишь то, что ромуланы вырвались из своей сумасшедшей планетной системы на примитивных, неуклюжих цилиндрических кораблях, представлявших собой легкую добычу для флота Федерации. На самом же деле потребовалось почти двадцать пять лет, чтобы загнать их туда, откуда они явились; двадцать пять лет все ужесточавшейся безжалостной бойни с обеих сторон.

Нейтральная зона со сферой спутников-наблюдателей была создана вокруг системы Ромула-Рема вскоре после тех событий, и уже многие годы весьма тщательно патрулировалась. И в течение пятидесяти лет из этой зоны ничего не появлялось. Возможно, ромуланы все еще залечивали раны и готовили месть и новое оружие, а может быть, они уже поняли преподанный урок и сдались или просто устали...

Пустые предположения. Но одно теперь было ясно. Сегодня они появились снова — по меньшей мере, один корабль.

Команда «Энтерпрайза» заняла свои места по боевому расписанию с такой четкостью, что сторонний наблюдатель вряд ли догадался бы, что многие из них еще ни разу не стреляли. Даже неудачная супружеская пара находилась у передовых пультов управления огнем фазерных батарей. Они были так же напряжены, ожидая приказа обрушить на противника сокрушительный шквал энергии, как за несколько часов до этого — в ожидании создания новой семьи.

Но пока что в прицелах фазеров не было видно ничего, по чему можно было бы открыть огонь. На мостике Кирк устроился в своем капитанском кресле, по обе стороны от него расположились Спок и Скотти. Пилотировал корабль Зулу, второй офицер Стайлс исполнял обязанности штурмана. Как обычно, у пульта связи сидела лейтенант Ухура.

— Спутники четыре ноль два три, два четыре и два пять не отвечают, — сказала она. — Нет и их следов на орбите. Оставшиеся сторожевые спутники — на местах. Никаких наблюдений вторгшегося корабля. Показания сенсоров — в норме. Нейтральная зона — ноль.

— Передайте им — оставаться в полной готовности и докладывать о любых происшествиях.

— Есть, сэр.

— Входим в зону местонахождения спутника четыре ноль два три, — сообщил Зулу.

— Лейтенант Ухура?

— Ничего, сэр. Хотя нет, теперь я наблюдаю эхо. Думаю, это все еще разлетающиеся металлические обломки. Центральная точка примерно там, где должен был бы находиться спутник. Сейчас я сверюсь с компьютером, но...

— Не может быть никаких сомнений в том, что произошло, — угрюмо произнес Кирк. — Теперь у них оказалось куда как больше силенок, чем пятьдесят лет тому назад — и почему-то это меня совсем не удивляет.

— А что же это было за оружие? — прошептал Стайлс.

— Прежде, чем предполагать, мы проверим, — ответил Кирк. — Мистер Спок, нацельте телепортационный луч и доставьте на борт немного этих обломков. Мне нужен полный анализ: спектральный на прочность, диффузионный, рентген-анализ, молекулярный и прочее. Мы знаем, из чего был изготовлен корпус спутника. А я хочу знать, что этот материал представляет собой сейчас. И мне нужны хотя бы какие-нибудь предположения из лаборатории, что могло с ним случиться. Все понятно?

— Конечно, сэр, — ответил старший офицер. Из уст любого другого человека это могло прозвучать как хвастовство или даже в некотором роде — вызов. Но не из уст Спока. Он уже связывался по интеркому с лабораторным отсеком.

— Капитан, — позвала Кирка Ухура. Голос ее звучал странно.

— В чем дело?

— У меня здесь что-то есть. Двигающаяся масса. Но ничего видимого, даже крошечного пятнышка, на радаре. И никаких излучений. Ничего, кроме возмущений волн Де Бройля, фиксируемых компьютером. Это может быть что-то очень маленькое и плотное неподалеку, либо что-то очень большое и разреженное, вроде кометы, и довольно далеко. Но следы не походят ни на то, ни на другое.

— Навигатор? — спросил Кирк.

— Поблизости имеется одна холодная комета — часть системы Ромула-Рема, — тут же ответил Стайлс. — Квадрант 973, к востоку от галактического центра, расстояние — один и три десятых светового часа, курс примерно совпадающий...

— Я уже давно ее засекала, — заметила Ухура. — Это что-то другое. Относительно нас скорость объекта составляет примерно полсветовой, направление — нейтральная зона. Может быть, какое-то электромагнитное поле... но такой разновидности мне еще встречать не приходилось. Уверена, что оно не естественное.

— Нет, оно не естественное, — абсолютно хладнокровно проговорил Спок. С таким же успехом он мог прокомментировать прогноз погоды, если бы таковой существовал. — Это экран невидимости.

Стайлс хмыкнул, но Кирк по многолетнему опыту знал, что, будучи наполовину вулканитом, его старший офицер никогда бы не сделал такого категорического заявления, не имея подтверждающих данных. По земным стандартам, Спок казался очень странной фигурой, но ум его был подобен рапире.

— Поясните, — приказал Кирк.

— Курс тела совпадает с курсом корабля, атаковавшего последний исчезнувший сторожевой спутник, — произнес Спок. — Не тот, который мы сейчас ищем, четыре ноль два пять. Вся его орбита полностью совпадает по Хоманну Д, и он должен был перехватить ромуланский корабль. Компьютер уже подтверждает это.

— Лейтенант Ухура? — спросил Кирк.

— Точно, — ответила она, чуть погодя.

— Во вторых: командор Хансен потерял врага из виду, когда тот находился прямо перед ним. И он не проявился вновь, пока не атаковал спутник, затем вновь исчез и с тех пор более не появлялся. В третьих: теоретически это возможно для корабля класса «Энтерпрайза», если направить на это почти всю энергию корабля, но, чтобы подать энергию на фазеры или на иное энергетическое оружие, придется стать видимым.

— И в четвертых: все это выдумки, — произнес Стайлс.

— Не совсем, мистер Стайлс, — медленно произнес Кирк. — Это во многом объясняет, почему только один ромуланский корабль попытался войти в нейтральную зону, причем прямо под носом у «Энтерпрайза». Ромуланы считают, что теперь они могут спокойно атаковать нас, и пока послали лишь один корабль для проверки.

— Слишком длинная цепочка предположений, сэр, — произнес Стайлс с подчеркнутой вежливостью.

— Я это хорошо понимаю. Но это лучшее, что у нас имеется на данный момент. Мистер Зулу, измените курс и уве-

личьте скорость, чтобы показатели совпали с сигналом, получаемым лейтенантом Ухурой, и фиксируйте каждое его перемещение. Но ни при каких обстоятельствах не следуйте за ним в нейтральную зону без моих прямых приказаний. Лейтенант Ухура, проверьте все частоты несущих волн связи, фиксируйте наличие любых передач, кроме возмущений Де Бройля. В особенности, попробуйте обнаружить, имеется ли какая-нибудь связь между планетой и кораблем. Мистер Спок и мистер Скотти, встретимся в командирской рубке. Я хотел бы еще раз обсудить все, что нам известно о ромуланах. Да, и неплохо бы пригласить доктора Мак-Коя. Есть вопросы?

Таковых не оказалось.

Тогда Кирк приказал:

— Выполняйте.

Встреча в командирской рубке все еще продолжалась, когда Кирка вызвали в лабораторный отсек. Как только он ушел, атмосфера стала более официальной — ни Стайлс, ни Мак-Кой не испытывали особой симпатии к вулканиту, и даже Кирк, высоко ценивший своего старшего офицера, в его присутствии чувствовал себя несколько не в своей тарелке.

— Я могу уйти, Джим? — мягко спросил Мак-Кой. — Мне кажется, тебе необходимо какое-то время, чтобы поразмыслить.

— Будет лучше, если ты останешься, Пустомеля. И ты тоже, Скотти. Потому как это может быть началом большого конфликта. У нас здесь на патрульной службе люди чуть ли не с половины планет Федерации. И если мы войдем в зону на боевом звездолете без весомой причины, возможно, нам придется побеспокоиться не только о ромуланах. Ведь так начинаются и гражданские войны.

— А разве потеря трех спутников — не весомая причина? — спросил Скотти.

— Я бы сказал — да. Но что именно уничтожило эти спутники? Мы утверждаем — ромуланский корабль. Но возможно ли это доказать? Пока что нет. Эта штука невидима. Даже Стайлс смеется над нами — но он ведь на нашей стороне. В последний раз, когда мы с ними сталкивались, ромуланы далеко отставали от нас по технологии, и смогли вырваться вперед во время войны только за счет преимущества внезапности, да еще чистой дикости. А теперь неожиданно у них оказался корабль, столь же совер-

шенный, как и наш, да плюс еще экран невидимости. Я сам-то едва могу в это поверить.

— Но, с другой стороны, джентльмены... Пока мы здесь сидим и обсуждаем этот вопрос, возможно, они готовятся атаковать нас. Это обычная ситуация угрозы войны: мы имеем неприятности, если что-нибудь предпримем, и в том случае, если ничего не предпримем — тоже.

Открылись створки лифта. Вернулся Спок.

— Сэр...

— Давайте, мистер Спок. Выкладывайте.

Одной рукой Спок прижимал к себе толстую пачку листов, сшитых скрепкой. Другая — была сжата в кулак. На лице вулканита ничего нельзя было прочесть, но что-то в его осанке указывало на заметное напряжение.

— Вот анализы обломков, — произнес он нечеловечески спокойным голосом. — Я не хотел бы беспокоить вас деталями, если вы не запросите их. А принцип действия оружия, которое, как мы видели, ромулане использовали на С-4023, похоже, основывается на поле, ослабляющем молекулярные связи.

— И что это значит? — грубо спросил Мак-Кой.

— Спок поднял правый кулак над папкой, все еще держа его сжатым. Затем чуть пошевелил пальцами, и тончайшая металлическая пыль посыпалась на стол.

— Мгновенная усталость металла, — произнес он. — Кристаллики теряют связь друг с другом и превращаются в пыль — вот в такую. Затем все, что заключено внутри такого металла, взрывается само по себе, потому что металл более это не удерживает. Я думаю, это понятно, доктор Мак-Кой. Если нет, я попытаюсь объяснить еще раз.

— Черт возьми, Спок...

— Заткнись, Пустомеля, — устало сказал Кирк. — Мистер Спок, присядьте. Вот так. Не хватало нам еще выяснять отношения друг с другом. Совершенно очевидно, что мы находимся в еще худшем положении, чем считали. Если доверять фактам ромулане, во-первых, имеют экран невидимости, и во вторых — оружие, по крайней мере, весьма сопоставимое с нашим.

— И во многом даже его превосходящее, — с каменным выражением лица произнес Спок. — По крайней мере, в некоторых ситуациях.

— Оба этих прибора, — произнес Мак-Кой, — вполне возможно, являются изобретениями мистера Спока. По край-

ней мере, его интерпретация фактов вызывает у нас беспокойство.

— Иных интерпретаций пока не существует, — произнес Кирк, стиснув зубы. — Имеет ли смысл спорить об этом? Хорошо. Давайте тогда прикинем, что мы можем сделать со своей стороны. Чем бы мы могли им ответить, исходя из того, что эти ромуланские приборы — реальность? Невозможно атаковать невидимый объект и невозможно увертываться от невидимого стрелка. Что же нам тогда остается?

— Мы остаемся полностью вооруженными, быстрыми и маневренными, — ответил инженер. — Кроме того, они не так уж и невидимы. Лейтенант Ухура засекает возмущение волн Де Бройля, производимое ими во время движения. Это означает, что они расходуют практически всю имеющуюся в их распоряжении энергию лишь на то, чтобы удрать, оставаясь невидимыми. У нас есть преимущество в скорости, и, мне кажется, они не знают, что наши сенсоры их засекают.

— Что означает — мы можем их обогнать и знать, хотя бы приблизительно, что они делают. Но мы не можем ни превзойти их в огневой мощи, ни увидеть их.

— Вот, пожалуй, так все выглядит на данный момент, — закончил Скотти. — Я бы сказал, что это примерное равновесие сил, Джим. Во всяком случае лучшее, на что могут рассчитывать многие командиры в бою.

— Это пока еще не боевая ситуация, — заметил Кирк. — И даже не разведка боем. Это всего лишь самый краешек межзвездной войны. Мы не имеем права ошибиться.

— Но мы и так не можем ошибаться с теми фактами, которыми располагаем, сэр, — заметил Спок.

Мак-Кой скривил губы.

— Вы так чертовски уверены...

Сигнал интеркома прервал его на полуслове. Где-то в воздухе между сидящими в командирской рубке прозвучал голос лейтенанта Ухуры:

— Капитан Кирк.

— Слушаю, лейтенант, — произнес Кирк, потирая неожиданно вспотевшие ладони.

— Я зафиксировала передачу с корабля; хотя я по-прежнему не могу его увидеть, но слышу голоса.

Даже Мак-Кой понесся со всеми на мостик. Там, из главного динамика на пульте управления связью корабля слышалась странная, приглушенная речь, то пропадающая, то появ-

ляющаяся вновь, то и дело прерываемая пространственными шумами. Но речь совершенно непонятная, даже когда была слышна отчетливо. Голоса звучали отрывисто и едва походили на человеческие; но это вполне можно было отнести на счет иллюзии странности, производимой непонятным языком.

Женщина-банту не обращала внимания ни на что, кроме своих приборов. Ее большие мощные руки осторожно вращали ручки настройки, стараясь уследить за ускользающими голосами, пытаясь удержать их. У левого локтя работал магнитофон, записывающий речь на случай, если она понадобится позже группе аналитиков.

— Похоже, мне удастся получать это из их системы внутренней связи, — произнесла она в микрофон магнитофона. — Слабый сигнал с большим сопротивлением, импульсно-модулированный. Стоит проверить, какое поле может пропускать такой сигнал, и какой фильтрационный спектр он мог бы показать — о черт, опять потеряла его — нет, вот он, здесь. Скотти, это ты мне дышишь в затылок?

— Да, дорогая. Тебе помочь?

— Задай-ка работенку компьютеру — пусть проверит этот волновой сигнал по моим показаниям. У меня уже устали руки. Если мы сможем разобраться, быть может, получим картинку.

Пальцы Скотти запорхали по клавиатуре компьютера. И очень скоро уровень речи стабилизировался, и лейтенант Ухура откинулась в своем кресле со вздохом облегчения, шевеля пальцами в воздухе. Тем не менее, она не расслабилась.

— Лейтенант, — произнес Кирк. — Как вы думаете — вы действительно сможете получить картинку их передачи?

— Не узнаю, пока не попробую, — ответила офицер связи, снова придвинувшись к пульту. — Такие размеры утечек вполне достаточны, чтобы сквозь них могли просочиться даже камни, если, конечно, немного повезет. Они блокировали видимый свет, но оставили открытыми множество других окон. Тем не менее, давайте попробуем...

Но некоторое время ничего не происходило. Тихо вошел Стайлс и принял управление компьютером у Скотти, намеренно на почтительном расстоянии обогнув Спока. Тот, казалось, этого не заметил.

— Странно все это, — произнес Мак-Кой как бы самому себе. — Эти чудики лет, по крайней мере, на сто оставали от

нас, когда мы загнали их назад в норы. Но этот корабль ничуть не хуже нашего. Он даже п о х о ж на наш. И оружие...

— Заткнитесь-ка на минутку, пожалуйста, доктор Мак-Кой, — попросила лейтенант Ухура. — Кажется, я кое-что начинаю получать.

— Зулу, — произнес Кирк. — Есть какие-либо изменения в курсе?

— Нет, сэр. Двигается к дому.

— Эврика! — триумфально воскликнула Ухура. — Вот оно!

Вспыхнул экран. Очевидно, как предположил Кирк, картинка передавалось каким-то монитором на борту ромуланского корабля. Само по себе это было странно. Хотя на борту «Энтерпрайза» и имелись камеры-мониторы, размещенные почти во всех отсеках корабля, на мостике не было ни одной — в конце концов, кто имел право наблюдать за капитаном?

На экране были видны трое ромулан, сидевших за сканнерами, и блики света от их экранов играли на лицах. Они были похожи на людей или почти похожи. Худощавые, бронзоволицые, одетые в военные униформы, на которых были эмблемы в виде волчьей головы. Тусклый красноватый свет придавал им оттенок зловещего выжидания. На голове у каждого из ромулан был тяжелый шлем.

А на переднем плане человек, который, судя по всему, был командиром, работал в углублении, похожем на кресло пилота. По сравнению с мостиком «Энтерпрайза» эта рубка управления казалась очень тесной. Толстые кабели проходили прямо у ромулан над головами, и их можно было достать рукой.

Все это было моментально отмечено — и тут же забыто. Все внимание Кирка сконцентрировалось на командире. Одет он был в униформу белого цвета, на которой почти не было знаков отличия. И шлема на голове почему-то не было. Своей фигурой, позой, цветом волос, даже лицом он, как две капли воды, походил на Спока.

Даже не отрывая глаз от экрана, Кирк почувствовал, как головы всех присутствовавших на мостике обернулись к полувулканиту. Какое-то время стояла напряженная тишина, нарушаемая только шумом двигателей и звуками беседы ромулан.

Затем, как бы про себя, Стайлс произнес:

— Так, теперь-то мы знаем. Они заполучили наши кора-

бильные планы с помощью шпионов. Они могут сойти за наших... по крайней мере, за некоторых из нас.

Кирк не обратил особого внимания на это замечание. Возможно, оно предназначалось только для его ушей, а может, и ни для чьих. И он предпочел считать пока так.

Он сказал:

— Лейтенант Ухура, я хочу, чтобы лингвисты и криптографы поработали с этим языком. Если мы сможем разобраться в нем...

Затем Стайлс снова что-то пробормотал, так же неразборчиво, но немного громче, чем прежде. И уже невозможно было его проигнорировать.

— Я не расслышал, мистер Стайлс.

— Я лишь разговаривал сам с собой, сэр.

— Так повторите это громче. Я хочу это услышать.

— Я ничего особенного не сказал...

— Повторите это, — приказал Кирк, выговаривая каждую букву, словно пуская пулю. Теперь за Кирком и Стайлсом наблюдали все, кроме Спока, словно сцена на экране более не представляла для них интереса.

— Хорошо, — произнес Стайлс. — Я просто подумал, что мистер Спок мог бы перевести это для нас гораздо быстрее, чем аналитики или компьютер. Ведь они все-таки принадлежат к его расе. Вам достаточно лишь взглянуть на них и увидеть. Мы все можем это видеть.

— Это обвинение?

Стайлс глубоко вздохнул.

— Нет, сэр, — ровным голосом ответил он. — Это просто наблюдение, и я не хотел делать его всеобщим достоянием. Если оно не принесло пользы, я бы хотел отказаться от него. Но все же, это наблюдение уже сделано большинством из нас.

— Ваши извинения не удовлетворяют меня. Тем не менее, поскольку все только что было высказано, давайте поразмыслим. Мистер Спок, вы понимаете тот язык, на котором говорят эти существа? Как бы то ни было, мне неприятно сказанное мистером Стайлсом, очевидна этническая схожесть между ромуланами и вами. Это что-нибудь означает?

— Без сомнения, — тут же ответил Спок. — Большинство народов, населяющих эту часть пространства, похоже, происходят из одного корня. Это наблюдение не ново. Тем не менее, у вулканитов не было контактов с ромуланами, как не было таковых и у Земли в предыдущие исторические периоды. И я совершенно не понимаю язык. Правда, в нем

есть намеки на общие корни с моим родным языком — точно так же, как и у английского имеются греческие корни. Но это не поможет вам понять греческий сразу же, хотя и поможет хоть что-то разобрать в языке, — конечно, со временем. Я не против попытаться, но я не питаю особой надежды на то, что окажусь чем-то полезен в нынешней ситуации.

В ненадолго наступившей тишине Кирк заметил, что разговор на экране прекратился. И секундой позже изображение ромуланского корабля также исчезло.

— Они блокировали утечку, — доложила Ухура. — Невозможно понять, засекли они, что мы их подслушивали, или нет.

— Продолжайте наблюдение и немедленно сообщите мне, как только засечете их. Сделайте копию пленки для мистера Спока. Доктор Мак-Кой и мистер Скотти, пройдемте со мной в мою каюту. Все остальные — помните, что мы в боевой готовности, пока все это чем-нибудь не закончится.

Кирк встал и, казалось, уже было повернулся к лифту, но вдруг резко обернулся к Стайлсу.

— Что касается вас, мистер Стайлс. Ваше предположение действительно может оказаться полезным. Но, тем не менее, сейчас оно кажется мне весьма близким к слепой уверенности, и подобные домыслы, я бы хотел, чтобы вы впредь держали при себе. А если у вас возникнут какие-либо иные подобные подозрения или мысли, позаботьтесь о том, чтобы я услышал их *п р е ж д е*, чем вы выразите их вслух на мостике. Надеюсь, я выразился достаточно понятно?

Побелевший, как молоко, Стайлс ответил тонким голосом:

— Именно так, сэр.

В каюте Кирк устроил ноги на кресле и угрюмо посмотрел на инженера и врача.

— Словно у нас нет других неприятностей, — произнес он, — а вообще Спок довольно странная личность. От него у всех то и дело волосы встают дыбом, даже в обычное время. А это... совпадение... оказалось чертовски некстати.

— Если это совпадение, — заметил Мак-Кой.

— Я думаю, что это так, Пустомеля. Я верю Споку; он отличный офицер. Его манеры отвратительны по земным стандартам, но я невысокого мнения и о манерах Стайлса. Так что давайте-ка пока опустим этот вопрос. Я хочу лишь знать, как быть. Ромуланин, похоже, удирает. Он достигнет

нейтральной зоны через несколько часов. Мы будем продолжать гнаться за ним?

— Если вы это продолжите, то получите войну, — произнес Мак-Кой. — Вы и сами прекрасно знаете. А быть может, и гражданскую войну.

— Именно так. Но с другой стороны, мы уже потеряли три сторожевых спутника. Это шестьдесят человек и дорогое оборудование. Я учился вместе с Хансеном в школе, знаете ли... Ладно, это не имеет значения. Скотти, что ты думаешь?

— Я не хотел бы списывать эти шестьдесят жизней, — произнес Скотти. — Но на борту «Энтерпрайза» почти четыре сотни человек, и я не хочу списывать их. У нас нет никакой защиты от этого ромуланского оружия, что бы это ни было — а фазеры не могут нанести удар по цели, которую не видно. Так, может, лучше им предоставить возможность удрать обратно в нейтральную зону, передать жалобу Федерации и подождать, пока этим делом займется целый флот. Кроме того, это позволит нам дольше изучать их приборы.

— Язык и видеозаписи, — добавил Мак-Кой. — Неоценимые, уникальные данные, которые будут потеряны, если мы навяжем им бой и проиграем его.

— Логично и благоразумно, — признал Кирк. — Я не согласен ни с одним из произнесенных здесь слов, но совершенно точно, в журнале все это выглядело бы отменно. Что-нибудь еще?

— А что тебе еще надо? — потребовал Мак-Кой. — Либо в этом есть смысл, либо нет. Я надеюсь, ты не накинешься на меня со всякими нехорошими мыслями, Джим.

— Ты это знаешь гораздо лучше меня. Я же сказал тебе, что учился вместе с Хансеном в школе; и я уже собирался поженить двух ребятшек, когда прозвучала тревога. Ни слава, ни общественные связи меня не интересуют. Я х о ч у п р е д о т в р а т и т ь э т у в о й н у. Именно эта обязанность возложена на меня. Единственный вопрос — как?

Он рассеянно посмотрел на носки своих сапог и через мгновение добавил:

— Эта ромуланская вылазка — определенно проверка силы. У них есть два вида оружия. Они вышли из нейтральной зоны и вызвали на поединок звездолет, натворив достаточно много, чтобы привлечь наше внимание. Таким образом, это еще и проверка наших намерений. Им хочется узнать, не смягчились ли мы с тех пор, как побили их в прошлый раз. И мы позволим, чтобы наших друзей и имущество уничтожа-

ли просто потому, что шансы кажутся не в нашу пользу? И сколько еще «мирных отношений» с ромуланами нам тогда придется иметь, если мы сейчас позаботимся только о своей безопасности, особенно если мы позволим им ускользнуть обратно в нейтральную зону, которую они сами перешагнули? Так или иначе, я не думаю, что в этом наше будущее — Земли, Федерации и ли д а же р о м у л а н. Пришло время еще раз кулаком напомнить уже преподанный урок.

— Возможно, вы и правы, — произнес Скотти. — Я бы сам никогда так не сказал, и я рад, что решение зависит не от меня.

— Боунс?

— Что ж, пусть так. Но, тем не менее, у меня есть еще одно предложение. Мне кажется, имеет смысл поженить этих двух молодых прямо на батарейной палубе: для укрепления морали.

— Ты считаешь, что сейчас время для этого?

— Я не уверен, что это вообще нормальное время. Но если ты заботаешься о своей команде — а я отлично знаю, что это так — именно таким образом ты сможешь доказать это в данный момент. Мгновение любви накануне битвы. Надеюсь, я не слишком смутил тебя.

— Иногда ты делаешь со мной именно это, — произнес, улыбаясь, Кирк, — но ты прав. Но все это должно пройти очень быстро.

— А ничто и не длится долго, — загадочно произнес Мак-Кой.

На мостике, похоже, ничего не произошло. И до Кирка далеко не сразу дошло, что совещание в его каюте заняло всего десять минут. Ромуланский корабль, снова засекаемый только с помощью возмущений волн Де Бройля, явно удирал в нейтральную зону, но не спеша.

— Вполне возможно, что их сенсоры все еще не смогли засечь нас сквозь этот экран, — предположил Спок.

— Пожалуй, — сказал Кирк, — или же он пытается заманить нас в какую-то ловушку. Так или иначе, пока мы не можем разобраться с ним в открытом бою. Нам нужно какое-то преимущество... какой-то отвлекающий маневр. Найдите мне что-нибудь такое, мистер Спок.

— Предпочтительно не фатальное, — добавил Стайлс. Зулу посмотрел на него от пульта управления.

— Думаю, здесь ты очень крупно ошибаешься, — сказал

он. — Мне кажется, что ты уже совершил все ошибки, отпущенные тебе до конца жизни.

— По крайней мере, одну из них — уж точно, — натянуто ответил Стайлс.

— Прекратите это, — приказал Кирк. — Следите за приборами, мистер Зулу. Следующий пункт на повестке дня — свадьба.

— В соответствии с законами пространства, — провозгласил Кирк, — мы собрались здесь, чтобы соединить эту женщину, Анжелу Мартин, и этого мужчину, Роберта Томлинсона, узами брака...

На этот раз никто его не прервал. Кирк закрыл свой журнал и посмотрел на молодых.

— ...И таким образом, согласно данным мне полномочиям, как капитану звездолета «Энтерпрайз», я объявляю вас мужем и женой.

Он кивнул Томлинсону, который вспомнил, что должен поцеловать супругу. Затем начался обычный в таких случаях шум, ничуть не меньший от того, что непосредственно присутствующих зрителей было незначительное количество.

Старшина Рэнд подскочила к Анжеле, чтобы поцеловать ее; Мак-Кой потряс руку Томлинсону и одобрительно хлопнул его по плечу, собираясь тут же получить причитающийся ему поцелуй от новобрачной, однако Кирк опередил его.

— Капитанские привилегии, Пустомеля.

Но он так и не успел это сделать; его прервал настенный интерком.

— Капитан — мне кажется, что у меня для вас кое-что есть, — сказал Спок.

— Иногда, — сокрушенно промолвил Кирк, — мне кажется, что на этом корабле ничто не доделывается до конца. Сейчас приду, мистер Спок.

То, чем Спок отвлек Кирка от церемонии, оказалось холодной кометой, которую они заметили ранее; теперь она уже не была «холодной», ибо по мере приближения к центральному светилу системы Ромула-Рема, хвост кометы начал увеличиваться. Спок обнаружил ее координаты в эфемеридах и проверка по компьютеру их элементов показала, что комета пройдет между ромуланским кораблем и «Энтерпрайзом» че-

рез 440 секунд, так что появлялась возможность ее использовать.

— Что ж, попробуем, — тут же заявил Кирк. — Мистер Зулу, будем приближаться на максимальном ускорении в момент пересечения орбиты кометой. Скотти, передай в рубку управления фазерными установками — нам понадобится пристрелочный залп; поскольку мы будем нацеливаться только с помощью сенсоров, да еще с этим куском льда поблизости, появится небольшое рассеяние.

— И все таки, на столь близком расстоянии мы должны попасть хотя бы раз, — сказал Скотти.

— Одна минута до сближения, — сообщил Спок.

— А вдруг залп не пробьет их экран? — спросил Стайлс.

— Вполне возможно, — согласился Кирк. — Но тут уж мы ничего не можем сделать.

— Тридцать секунд... двадцать... пятнадцать... десять, девять, восемь, семь, шесть, пять, четыре, три, две, одна, ноль.

Свет несколько притух, когда звездолет рванулся вперед, и в тот же момент катушки фазеров потребовали подпитки. Комета расцветала на экране.

— Отлично. Томлинсон... залп!

«Энтерпрайз» взревел, как атакующий лев. В следующую секунду свет снова разгорелся в полную яркость и шум прекратился. Фазеры отключились.

— Перегрузка, — тоном, лишенным эмоций, доложил Спок. — Перегорела главная катушка — он уже вовсю копался в раскрытом пульте, проверяя цепи. Спустя какой-то миг, к нему на помощь подбежал Стайлс.

— Капитан! — воскликнул Зулу. — Их корабль — он начинает проявляться! Я думаю, мы все же попали — да-да, попали!

— Но не слишком точно, — произнес Кирк, сразу догадавшись об истинных причинах действий ромуланского корабля.

— Полное торможение! Разворот!

Но враг все же оказался быстрее. На экране возникла сияющая торпеда, подобная той, которая, как они видели, уничтожила спутник 4023, — сразу же метнулась к «Энтерпрайзу». И на этот раз это не было иллюзией — звездолет действительно был атакован.

— Плохо, — доложил Зулу, — две минуты до удара.

— Старшина Рэнд, — приказал Кирк, — через девяносто секунд произвести отстрел спасательного маяка.

— Погодите, — сказал Зулу, — эта штука начала менять очертания...

И точно, приближающийся луч, казалось, начал смазываться, колебаться. Создавалось впечатление, что его ярко-голубое пламя постепенно разваливалось на части, и само его сияние постепенно угасало. Может, у него имелся предел дальности...

Луч исчез с экрана. «Энтерпрайз» резко тряхнуло. Несколько человек упали, включая и Спока — к счастью, в сторону, противоположную раскрытому пульту, в котором что-то вспыхнуло и посыпались искры.

— Скотти! Данные о повреждениях!

— Пробит один из грузовых отсеков. В остальном — повреждения незначительны. Главная фазерная установка по-прежнему бездействует до замены перегоревшей катушки.

— Мне кажется, враг получил более серьезные повреждения, — доложил Зулу. — Я засек разлетающиеся впереди обломки, обрывки кабеля, детали обшивки — в общем, весьма похоже на хорошее попадание.

Послышался разнобой торжествующих возгласов, но Кирк прервал резким жестом.

— Продолжать торможение. Совершенно очевидно, что им необходимо держать свой экран отключенным, тогда они смогут продолжать огонь — их экран по-прежнему отключен.

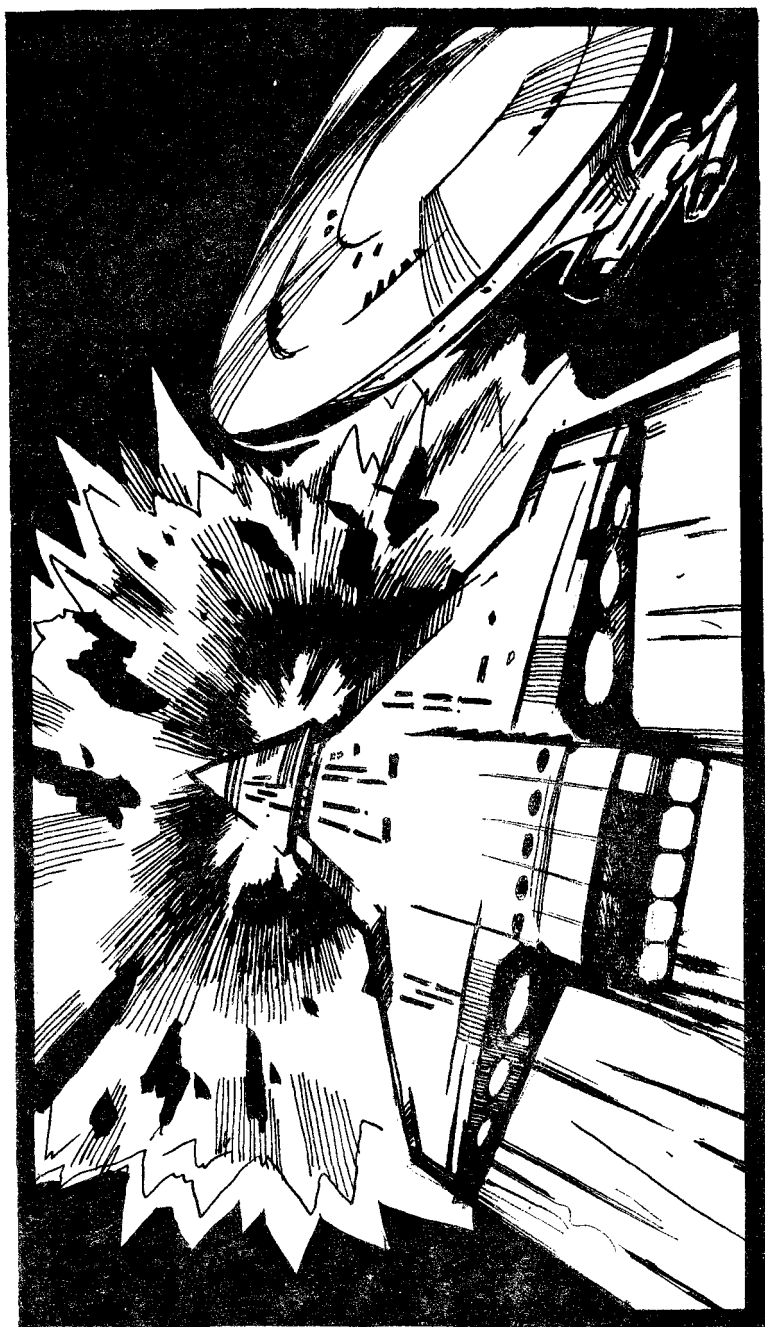
— Нет, они снова исчезают, — сообщил Зулу. — Дуплеровские линии указывают на то, что они тоже тормозят... Все, они пропали.

— Никаких излучений от их интеркома, лейтенант Ухура?

— Ничего, сэр. Даже возмущения волн Де Бройля пропадают. Мне кажется, теперь комета работает против нас.

Во имя пространства — что же это могло означать? Сражение с неизвестным врагом само по себе уже достаточно плохо — но борьба с врагом, который мог исчезать и появляться по собственному желанию... И если этот корабль вернется на свою базу со всеми собранными данными, — возможно, им больше ничего не удастся разузнать о ромуланах до тех пор, пока те снова не вырвутся из нейтральной зоны, но на этот раз уже во множестве, все сметая на своем пути. Этот корабль необходимо остановить.

— В их тактике есть смысл, но она рассчитана на кратковременный эффект, — задумчиво произнес Кирк. — Они произвели контратаку на относительно слабые места, отсут-



пили по центру «шахматной доски», тем самым заставив нас израсходовать энергию, затем произвели фланговую атаку и укрылись. Наверняка ромулане имеют что-то вроде шахмат. Если бы я был на их месте, то следующим ходом снова избрал бы полный переход «доски». И если они это сделали, то сейчас должны находиться прямо у нас за кормой, в шлейфе нашего выхлопа, и ожидать подкреплений.

— А как же насчет обломков, сэр? — спросила Ухура.

— Продувка вакуумных труб вслепую — старая уловка, существующая еще со времен войны между подводными лодками. В следующий раз, когда они это сделают, могут к обломкам добавить еще и атомную боеголовку, чтобы поиграть с нами. Лейтенант Зулу, я хочу, чтобы вы произвели разворот так, чтобы главная фазерная установка могла бы открыть огонь по контркурсу. Мистер Спок, мы не можем ждать замены главной катушки. Отправляйтесь на фазерную палубу и руководите боем, используя ручную наводку. Мистер Стайлс, сопровождайте его и помогите, если потребуется. Откроете огонь по моей команде, как только мы совершим разворот. Все понятно?

Вскоре ромуланский корабль вновь стал материализоваться, и именно там, где предсказывал Кирк, и пока они ничего не могли с этим поделать. На командном мостике воцарилась мертвая тишина. Стиснув зубы, Кирк наблюдал, как перекрестья на экране с безграничной медлительностью наползали на твердеющий призрак врага...

— Хорошо, мистер Спок, — о г о н ь !

Ничего не произошло. Мгновенно возникшее подозрение уже ничем нельзя было подавить. Кирк резким движением включил экран, подающий картинку того, что происходило на фазерной палубе.

Какое-то время Кирк ничего не мог разобрать; казалось, весь экран был заполнен клубящимся зеленым туманом. Сквозь него едва виднелись две распростертые на полу чело-веческие фигуры — примерно в том месте, где должны были располагаться пульты управления фазерными установками. Затем на экране появился Стайлс, одной рукой прикрывая нос и рот. Другой рукой он пытался дотянуться до пульта управления, но, вероятно, уже вдохнул зеленого газа. На полпути он рванул воротничок комбинезона и упал.

— Скотти! Что это за штука...

— Охлаждающая жидкость, — хрипло произнес Скотти. — Должно быть, треснула оболочка изолятора... смотрите, там мистер Спок...

Теперь на экране действительно видна была фигура Спока, ползущего к пульту. Кирк запоздало понял, что распростертые на полу фигуры — должно быть, Томлинсон и его помощник. Оба погибли, наверное, еще в тот момент, когда ромуланин нанес первый удар по «Энтерпрайзу». На главном экране показался еще один энергетический луч, приближающийся к ним, словно карающий меч. Казалось, все двигалось со сверхъестественной медлительностью.

А затем Спок каким-то образом достиг пульта управления, кое-как поднялся на колени и провел почти парализованными пальцами по клавишам. Он дважды ударил по клавише открытия огня ребром ладони и упал.

Огни притухли. Ромуланский корабль взорвался.

На борту «Энтерпрайза» оказалось трое погибших: Томлинсон, его помощник и Стайлс. Анжела уцелела; ее не было в отсеке, когда наружу вырвалась кипящая охлаждающая жидкость. Уцелела: жена в течении полудня — вдова на всю оставшуюся жизнь. Сдерживаясь, Кирк все это занес в корабельный журнал.

Закончилась Вторая Ромуланская война. И, несмотря на то, что имелись погибшие, сейчас это уже не было столь важным: официально — война так никогда и не началась.

Время обнажиться

Естественно, никому не хотелось пропустить момент, когда планета расколется. Хотя ее даже не побеспокоились как-то назвать: на картах она проходила под кодовым названием УЛАПХ42821ДБ, естественно сокращенным кем-то из младших офицеров «Энтерпрайза» до «Ла Пиг».

Правда, и это прозвище несколько ей не подходило. Планета — каменный шар, около десяти тысяч миль в диаметре, ее поверхность представляла собой замерзшую, необитаемую пустыню, на которой не росло не только никакого кустика, но даже лишайника, способного хоть как-то оживить монотонный пейзаж, расстилавшийся насколько мог охватить глаз. И лишь в одном смысле это имя подходило — планета была слишком велика для своего класса.

Спустя относительно короткое время существования, в несколько сот миллионов лет, напряжения между ее замороженной поверхностью и сжимающимся ядром готовы были разорвать планету на части.

На «Ла Пиг» находилась наблюдательная станция, где работали шесть человек. Их необходимо было снять с планеты, и звездолет «Энтерпрайз», находящийся поблизости, получил соответствующий приказ. Приказ гласил, что кораблю следует оставаться на орбите вокруг планеты и наблюдать за ее распадом. Собранные данные могли представлять огромный интерес для ученых Земли. Быть может, когда-нибудь им удастся, используя эти данные, раскалывать планеты по собственному желанию.

Капитан Кирк, как и большинство его офицеров, имел не слишком высокое мнение о научной службе, к которой принадлежал сам.

Но оказалось, что снимать с «Ла Пиг» некого. Наблюдательная станция была распахнута настежь, и внутри уже был лед. Его массивные глыбы покрывали все — полы, пульта, даже кресла. Двери нараспашку. Энергопитание отключено.

Шестеро членов экипажа наблюдательной станции были

мертвы. Один из них, в тяжелом гермокостюме, лежал полу-согнувшись на пульте. На полу, у выхода в один из коридоров, лежало тело женщины, одетой очень легко, более чем наполовину покрытое льдом. Тем не менее, проверка показала, что она умерла еще до того, как адский холод добрался до нее: ее задушили.

В нижней части станции находились оставшиеся четверо. Инженер сидел за своим пультом, и все системы жизнеобеспечения были установлены на «Отключено»; он также замерз, но как будто ему на все было наплевать. Энергии по-прежнему имелось в достатке, но ему она была больше не нужна. Двое умерли в своих постелях, что в общем было совершенно нормально и предсказуемо при такой температуре. Но шестой, последний человек, умер, принимая душ — будучи при этом полностью одетым.

— Больше ничего нам не удалось обнаружить, — позже докладывал капитану Кирку мистер Спок, офицер, руководивший экспедиционной группой. — За исключением крошечных капелек и лужиц воды, расплескавшихся там и сям, хотя при такой температуре они должны были замерзнуть, несмотря на их необычный состав. Мы доставили небольшое количество воды для анализа в лаборатории. Замороженные тела поместили в морг. Что касается людей, то мне кажется, что здесь больше работы для драматурга, чем для следователей.

— Воображение — весьма полезный талант даже для полицейского офицера, — прокомментировал Кирк. — Первое, что приходит мне в голову, — нечто весьма токсичное и быстродействующее распространилось по станции. Оно обрызгало одного из людей, и тот бросился в душ, стараясь смыть с себя капли — прямо в одежде. Кто-нибудь открыл все двери в попытке выдуть эту гадость наружу.

— А задушенная женщина?

— Наверное, кто-нибудь обвинил ее в инциденте — который, быть может, был лишь одним в длинной цепочке безответственности; а может быть, кого-то раздражало ее поведение. Вы ведь знаете, как быстро взаимоотношения в малых изолированных группах поднимаются до точки кипения.

— Очень хорошо, капитан, — произнес Спок. — Ну, а как насчет инженера, отключившего системы жизнеобеспечения?

Кирк поднял руки вверх.

— Сдаюсь. Быть может, он увидел, что ничего не помога-

ст, и решил покончить жизнь самоубийством. Или, что более вероятно — я ошибаюсь во всем, вплоть до последнего предположения. Что бы ни случилось там, внизу, вполне возможно — это тайна за семью печатями.

И для записи в бортовом журнале весьма кстати оказалось его «возможно».

Джо Тормолен, один из членов команды, сопровождавших мистера Спока в экспедиции на наблюдательную станцию, первым проявил признаки недомогания. Он обедал в полном одиночестве в зале отдыха — что было не слишком странно само по себе, — хотя Джо был отличным и надежным работником, он не слишком был расположен к общению с другими членами команды. Неподалеку от него сидели Зулу, шеф-пилот и навигатор Кевин Рили; они спорили о пользе фехтования и, конечно же, Зулу придерживался положительного мнения о фехтовальных тренировках. В какой-то момент спора Зулу обратился за поддержкой к Джо.

Но вместо ответа Джо вдруг несказанно разъярился, заорав отрывисто, словно под чудовищным грузом, что на «Ла Пиг» погибло шестеро, и что человеку вообще нечего делать в космосе. В самый разгар этой яростной тирады Джо схватил нож, которым только что резал отбивную, и попытался применить его против себя.

В результате происшедшей борьбы, и из-за того, что Рили и Зулу совершенно не поняли намерений Джо, — они подумали, что он собирается атаковать одного из них, — Джо удалось довольно тяжело поранить себя ножом. Все трое были просто измазаны кровью к тому моменту, когда его удалось успокоить и доставить в госпитальный отсек. Как только появились сотрудники службы безопасности, то сперва никак не могли понять, кто на самом деле ранен из этих трех фигур, покрытых кровью.

Времени на детальное обсуждение происшедшего не было; «Ла Пиг» уже начала раскалываться, и Зулу вместе с Рили были срочно нужны на командном мостике. По мере распада масса планеты начинала изменяться, и, соответственно, изменялся ее центр тяжести. При этом ее мощное магнитное поле так исказилось, что стабильная до той поры стационарная орбита «Энтерпрайза» в одно мгновение утратила свою стабильность. Изменения были настолько быстрыми и непредсказуемыми, что компьютер смог их детально рассчитать лишь в общем виде; человеческий разум дол-

жен был постоянно наблюдать и вносить необходимые коррективы.

Доклад доктора Мак-Коя о смерти Джо Тормолена достиг Кирка лишь через двадцать четыре часа, и прошло еще четыре часа, прежде чем он смог связаться и ответить на просьбу Мак-Коя о консультации. К тому моменту процесс распада, похоже, достиг какого-то равновесия, которое могло сохраниться на час или около того. И теперь он мог оставить бразды управления Зулу и Рили, чтобы нанести короткий визит в отсек Мак-Коя.

— Я бы тебя не вызвал, если бы Джо не был одним из двух людей, побывавших на «Ла Пиг», — сразу же перешел к делу Мак-Кой. — Но дело это странное, и мне кажется, что между этими событиями имеется связь.

— А что в этом странного?

— Что ж, — произнес Мак-Кой, — попытка самоубийства сама по себе странна. Уровень самооценки Джо всегда был достаточно высок, и он, пожалуй, был замкнутой, интроспективной личностью. Но совершенно непонятно, что могло вызвать столь неожиданный взрыв и выплеснуть все это наружу, да еще с такой силой.

И Джо — он не должен был умереть. Да, у него были повреждения внутренностей, но я все заштопал и очистил кишечник; он не получил никакого вторичного заражения. И все же он умер, и я не знаю почему.

— Быть может, он просто сдался, — предположил Кирк.

— Я видел, как это произошло. Но я не могу указать это в его свидетельстве о смерти. Я должен указать какую-то реальную причину — скажем, нарушение кровообращения головного мозга или отравление. У Джо, похоже, произошло общее нарушение кровообращения, но по какой причине — неясно. И эти шестеро мертвецов с «Ла Пиг» навевают на меня невеселые мысли.

— Да, ты прав. А что с образцом, который принес с собой Спок?

Мак-Кой пожал плечами.

— Все что угодно. Пока я могу сказать только, что эта штука — всего лишь вода со следами минералов, сильно понижающих точку ее замерзания. Мы обращаемся с ней со всеми мерами предосторожности, хотя бактериологически она чиста, что, кстати, означает и полное отсутствие вирусов, и химически она почти абсолютно чиста. Я уже начинаю думать, что это тупик, хотя, конечно же, собираюсь еще прове-

сти некоторые исследования на образцах. Нам придется это сделать.

— Что ж, я присмотрю за Споком, — сказал Кирк. — Он был вторым человеком, побывавшим внизу — хотя его метаболизм совершенно иной, и не знаю, что я смогу в нем разглядеть. А тем временем нам придется надеяться лишь на то, что это — простое совпадение.

Он вышел из отсека. А когда отвернулся от двери, поразился, увидев Зулу, спускающегося ему навстречу по боковому коридору и пока еще не заметившего Кирка. Очевидно, он шел из гимнастического отсека, потому что на нем не было его велюровой рубашки, а только черная тенниска, а вокруг шеи у него было намотано полотенце. Под мышкой он держал фехтовальную рапиру с защитным колпачком на острие — в общем, он был совершенно доволен собой и не походил на человека, покинувшего пост во время тревоги.

Он взмахнул рапирой, нацелив острие в потолок, а потом пропустил клинок между пальцами, так что колпачок оказался у него перед глазами. После секундного изучения он снял его. А затем взял оружие за рукоять и стал изучать ее.

— Зулу!

Пилот отпрянул назад и занял оборонительную позицию. Кончик рапиры описывал крошечные круги в воздухе между ними.

— Ага! — почти радостно вскричал Зулу. — Стража Королевы или человек Ришелье? Отвечайте!

— Зулу, что это значит? Вы должны находиться на посту.

Зулу начал надвигаться на него осторожными шажками фехтовальщика.

— Думаешь перехитрить меня, а? Ну-ка обнажи свое оружие!

— Ну ладно, хватит, — резко сказал Кирк. — Немедленно направляйтесь в госпитальный отсек!

— И оставить тебе поле боя. Не раньше...

Он сделал неожиданный выпад. Кирк отскочил назад и выхватил фазер, установив его на положение «обездвиживание», но Зулу оказался проворнее. Он прыгнул в стенной проем, где располагались межпалубные лестницы, и понесся вверх по ступенькам. Из прохода, в котором он только что скрылся, донеслось затихающее:

— Тру-у-у-у-с-с-с-с!

Кирк бросился на мостик. Когда он ворвался туда, Ухура как раз сдала навигационную вахту сменщику и направилась

к своему пульту управления связью. В кресле Зулу уже сидел сменщик. Кирк спросил его:

— А где Рили?

— Наверное, ушел, — ответил Спок, в свою очередь уступая Кирку командирское кресло. — Его видел только старшина Хэррис.

— Симптомы? — спросил Кирк пилота.

— Он не был вспыльчивым и ничего такого, сэр. Я спросил его, где мистер Зулу, а он начал напевать: «Не бойся, дорогой, Рили с тобой». Затем он заявил, что ему жаль, что я не ирландец — но я-то как раз ирландец, сэр — и сказал, что ему пора проверить боевые посты.

— Зулу тоже заразился, — коротко сказал Кирк. — Погнался за мной с рапирой в руке на второй палубе, в коридоре три, а затем исчез в межпалубном переходе. Лейтенант Ухура, сообщите службе безопасности — найти и поместить обоих под замок. Каждый из членов команды, кто входил с ними в контакт, должен быть немедленно обследован врачом.

— Я бы предложил психиатрическую проверку, капитан, — произнес Спок.

— Объясните.

— Эти припадки, чем бы они не были, похоже, выталкивают на поверхность глубоко скрытые эмоции. Тормолен был в депрессии: это довело его до самой низкой точки цикла и даже ниже — он покончил жизнь самоубийством. Рили вообразил себя наследником ирландских королей. Зулу в душе — фехтовальщик и весельчак восемнадцатого века.

— Хорошо. А каково состояние планеты?

— Распадается быстрее, чем предполагалось, — ответил Спок. — К этому моменту ускорение приращения схода с орбиты составило два процента.

— Попытайтесь стабилизировать. — Кирк повернулся к пульту управления, но голос пилота снова отвлек его внимание.

— Сэр, управление не реагирует.

— Включите тогда нижние верньерные двигатели. Позже займем более точную орбиту.

Пилот сделал переключения на пульте. Ничего не произошло.

— Верньерные двигатели не реагируют, сэр.

— Главные двигатели: вихревой фактор один! — выкрикнул Кирк.

— Но это же выкинет нас из системы, — напомнил Спок, словно сообщал о какой-то мелкой ошибке.

— Ничего не поделаешь.

— Нет подтверждения, сэр, — снова доложил пилот.

— Двигательный отсек, ответьте! — произнес Спок в интерком. — Дайте энергию. Наше управление не реагирует.

Кирк указал на лифт.

— Мистер Спок, пойдите и посмотрите, в чем там дело.

Спок направился было туда, но в этот момент распахнулись створки лифта и оттуда выскочил Зулу с рапирой в руке.

— Ришелье! — воскликнул он. — Наконец-то!

— Зулу, — приказал Кирк, — положите эту чертову...

— За честь королевы и Франции! — Зулу бросился на Спока, который едва не позволил проткнуть себя, пораженный происходящим. Кирк попытался продвинуться вперед, но острое тут же описало полукруг и уставилось в его сторону.

— А теперь, поганый Ришелье...

Он уже приготовился сделать выпад, когда увидел, что Ухура пытается зайти ему в тыл. Зулу резко развернулся, и она застыла на месте.

— Ага, прекрасная дева!

— Извините — ни то, ни другое, — спокойно ответила Ухура. Она демонстративно бросила взгляд через левое плечо Зулу, и когда он дернулся, чтобы повернуться в этом направлении, рука Спока схватила его за правое плечо парализующим приемом вулканитов. Зулу рухнул на пол, словно куль муки.

Тут же совершенно забыв о его существовании, Кирк бросился к интеркому.

— Мистер Скотти! Нам нужна энергия! Двигательный отсек — отвечайте!

Ему ответил музыкальный тенор, безмятежно прозвучавший из интеркома:

— Вы звонили?

— Рили?! — воскликнул Спок, пытаясь подавить клоочущую в нем ярость.

— Это говорит капитан Кевин Томас Рили, звездолет «Энтерпрайз». С кем имею честь беседовать?

— Это Кирк, черт побери.

— Кирк? Что-то я не припомню в своем экипаже такого офицера.

— Рили, это говорит капитан Кирк. Немедленно покиньте двигательный отсек, навигатор. Где Скотти?

— А теперь послушайте, поварята, — сказал Рили. — Это говорит ваш капитан, и я хочу, чтобы вся команда получила двойные порции мороженого. Поздравления капитана, в честь дня святого Кевина. Ваш капитан сделает соответствующий выбор.

Кирк бросился к лифту. Спок автоматически направился к командирскому креслу.

— Сэр, — произнес он, — при нашем нынешнем уровне снижения менее чем через двадцать минут мы войдем в экзосферу планеты.

— Хорошо, — угрюмо произнес Кирк. — Я посмотрю, можно ли что-нибудь сделать с этой обезьяной. Будьте готовы направить энергию, как только ее получите.

Створки лифта сомкнулись за ним. А по всему кораблю завывал голос Рили: «Я повезу тебя домой, Кэтлин.» — Это был отнюдь не певец.

Все это было бы смешно, если бы не звучащая по системе внутренней связи, путавшая все карты серенада. Судя по происшедшему с Джо Тормолоном, и его бессмысленной смертью, сам «Энтерпрайз» в скором времени мог оказаться одной из частиц клубящейся внизу массы планетарного мусора.

Скотти и двое членов его команды находились у двигательного отсека и сенсорами проверяли дверь, когда появился Кирк. Скотти быстро взглянул на капитана, затем вернулся к делу.

— Пытаемся открыть ее, сэр, — доложил он.

— Рили отключил управление и энергоресурсы, — сказал Кирк. — Вы можете как-нибудь обойти его и работать с дополнительного пульта?

— Нет, капитан, у него все идет через основной пульт, там внутри, — Скотти обратился к одному из членов команды. — Подымитесь в мою каюту и принесите планы этого отсека. Если придется его вскрывать, я не хочу перерезать какие-нибудь цепи. — Тот кивнул головой и убежал.

— Но хотя бы энергию батарей вы могли бы подать на пульт управления? — спросил Кирк. — Это не предотвратит падение, но, по крайней мере, мы бы стабилизировали свое положение. У нас есть примерно девятнадцать минут, Скотти.

— Я слышал. Попытаюсь.

— Хорошо. — Кирк направился назад на мостик.

— «И слезы затуманят влюбленные глаза...»

Оказавшись на мостике, Кирк отрывисто бросил: — Нельзя ли вырубить этот шум?

— Нет, сэр, — ответила Ухура. — Он оттуда может переключить любой канал с главного пульта управления.

— Но есть одна штука, которую он не может отключить, — сказал Кирк. — Мистер Спок, изолируйте все корабельные сектора. Если эта штука заразна, может быть, мы предотвратим ее распространение. И в то же время...

— Понял, — ответил Спок, включив сервоуправление перегородками секторов. Автоматически прозвучал сигнал общей тревоги, полностью перекрывший голос Рили. На какое-то мгновение после того воцарилась полная тишина. Затем голос Рили произнес:

— Лейтенант Ухура, это капитан Рили. Вы прервали мою песню. Это было нехорошо с вашей стороны. Мороженого вам не будет.

— Осталось семнадцать минут, сэр, — доложил Спок.

— Внимание, команда, — продолжил Рили. — Вечером в семь часов в холле корабля состоятся танцы. У всего персонала будет бал. — Затем последовал взрыв зловещего смеха. — По этому случаю всем женщинам из корабельных запасов будет выдано по пинте духов. А всем мужчинам в качестве компенсации будет повышена одна из выплат по жалованию. Приготовьтесь и к другим подаркам.

— Был ли какой-нибудь доклад о Зулу, прежде чем переключился интерком? — спросил Кирк.

— Доктор Мак-Кой держит его в госпитальном отсеке на транквилизаторах, — ответила лейтенант Ухура. — Ему тогда не было хуже, но все тесты отрицательные... У меня сложилось впечатление, что у врача возникла какая-то идея, но его прервали прежде, чем он сумел ее объяснить.

— Ладно, наша насущная проблема сейчас — Рили.

Появился вестовой. Отдав честь Кирку, он сообщил:

— Сэр, сообщение от мистера Скотта. Он подал энергию от батарей на ваш пульт и возобновил попытки взрезать дверь в двигательный отсек. Ему потребуется примерно четырнадцать минут.

— В общем-то, это на пределе оставшегося времени, — произнес Кирк. — И еще уйдет минуты три на подготовку двигателей. Передайте мои наилучшие пожелания мистеру

Скотти, и еще — пусть режет так, как сочтет нужным, и пусть не боится что-нибудь перерезать, кроме главных цепей.

— А теперь вот что я вам скажу, — снова заговорил Рили. — Скоро все женщины члены экипажа будут носить волосы свободно спадающими на плечи и перестанут усиленно пользоваться косметикой. Повторяю, женщины не должны выглядеть искусственно.

— Сэр, — произнес Спок напряженным голосом.

— Одну секунду. Я хотел бы, чтобы двое сотрудников службы безопасности присоединились к группе мистера Скотти. Рили может быть вооружен.

— Я уже сделал это, — произнес Спок. — Сэр...

— «...Через широкий и глубокий океан...»

— Сэр, я болен, — четко доложил Спок. — Прошу разрешения направиться в госпитальный отсек.

Кирк схватился за голову.

— Симптомы?

— Просто общее недомогание, сэр. Но в свете...

— Да, да. Но вы не сможете д о б р а т ь с я до госпитального отсека: все секции корабля изолированы.

— Прошу разрешения закрыться в своей каюте, сэр. Я смогу добраться до нее.

— Разрешаю. Кто-нибудь, проводите его.

Когда Спок вышел, еще одна ужасающая мысль пришла в голову Кирка. А вдруг и Мак-Кой получил дозу чего-то такого — чем бы это ни было? За исключением Спока и теперь уже мертвого Тормолена, он дольше всех соприкасался с этим, и лишь Спок, похоже, проявил необычайную стойкость.

— Лейтенант Ухура, вы вполне можете покинуть этот пульт, все равно от него сейчас нет никакой пользы. Найдите кусок телефонного кабеля и подслушивающее устройство. И направляйтесь к переборке госпитального отсека. Вы сможете услышать, о чем говорит доктор Мак-Кой, но не отвечайте ему. Привлеките его внимание с помощью перестукивания. Передайте сюда вашу беседу с ним с помощью карманного передатчика. Исполняйте.

— Есть, сэр.

С ее уходом на мостике не осталось никого, кроме Кирка. Он ходил по мостику взад-вперед и наблюдал за большим экраном.

Оставалось двенадцать минут.

Затем зазвучал зуммер передатчика. Он выхватил его из кармана.

— Здесь Кирк.

— Лейтенант Ухура, сэр. Я установила контакт с доктором Мак-Коем. Он утверждает, что нашел частичное решение проблемы.

— Спросите его, что он имеет в виду под частичным.

Прошло несколько мгновений мучительного ожидания, пока Ухура отстукала этот вопрос по стене госпитального отсека. Металл был толстым; возможно, она пользовалась молотком, но даже и в этом случае стук едва-едва можно было слышать.

— Сэр, он хочет что-то выпустить в вентиляционную систему корабля — какой-то газ, сэр. Он говорит, что может это сделать прямо из госпитального отсека, и этот газ быстро распространится. Он сказал, что это подействовало на лейтенанта Зулу, и, очевидно, излечит всякого, кто заболел, но он не может ручаться за его воздействие на здоровых членов экипажа.

— Это похоже на обычное предупреждение Мак-Коя, но спросите его, как он сам себя чувствует.

Опять долгое ожидание. Затем:

— Он говорит, что чувствовал себя очень плохо, сэр, но сейчас все в порядке благодаря противоядию.

Это могло быть правдой, а могло и не быть. Если сам Мак-Кой заболел, невозможно предсказать, что он там приготовился выпустить в атмосферу корабля. С другой стороны, запрет тоже может не остановить его. Если бы только прекратилось это чертовое пение! Из-за него совершенно невозможно собраться с мыслями.

— Спросите у него, может ли Зулу что-нибудь сказать; обратите внимание на то, насколько естественно он будет передавать.

Вновь ожидание. Теперь осталось лишь десять минут — три из которых уйдут на подготовку двигателей. И нельзя сказать, сколь быстро распространится противоядие Мак-Коя и как много времени потребуется на то, чтобы оно подействовало.

— Сэр, он говорит, что лейтенант Зулу еще слишком слаб и не хочет будить его, в силу обстоятельств и своих полномочий.

У Мак-Коя имелись такие полномочия, это уж точно. Но это могло быть и хитростью обезумевшего разума.

— Хорошо, — тяжело произнес Кирк. — Разрешите ему исполнять свой план.

— Слушаюсь, сэр.

Передачик Ухуры отключился, свой Кирк убрал в карман, чувствуя себя совершенно беспомощным. Девять минут.

Затем голос Рили вдруг запнулся. Похоже, он вдруг забыл кое-какие слова из своей нескончаемой песни. Неожиданно он упустил целую фразу, затем попытался продолжить, напевая просто «Ля, ля, ля», но спустя мгновение прекратил и это.

Тишина.

Кирк ощутил биение своего сердца. До сих пор он ничего не чувствовал, кроме головной боли, которая, по представлению продолжалась уже более часа. Он быстро направился к пульту Ухуры и вызвал двигательный отсек.

Послышался щелчок включенных динамиков, и голос Рили сбивчиво произнес:

— Здесь Рили.

— Мистер Рили, это Кирк. Где вы?

— Сэр, я... я, похоже, нахожусь в двигательном отсеке. Я... не на посту, сэр.

Кирк глубоко вздохнул.

— Это не имеет значения. Немедленно подайте нам энергию. Затем откройте двери и впустите главного инженера. Да, и отойдите в сторону, когда будете это делать, потому что он пытается прорваться в отсек, используя фазер на полной мощности. Вы все поняли?

— Да, сэр. Сперва энергия, затем дверь — и отойти в сторону при этом. Сэр, а в чем дело?

— Сейчас это не имеет значения, просто выполняйте.

— Есть, сэр.

Кирк сделал переключения на пульте. И тотчас послышался тяжелый гул открывающихся переборок между секторами корабля, — словно камень оттаскивали с могилы. Нажав на клавишу общей тревоги, Кирк заорал:

— Все старшие офицеры — на мостик! Шестиминутная тревога — угроза столкновения! Исполнять!

И в тот же момент стрелки энергопульты пробудились к жизни. Рили активировал двигатели. А спустя мгновение его голос, полный невинного сожаления, произнес в пустоту:

— А теперь в холле корабля не будет сегодня вечером никаких танцев.

Как только «Энтерпрайз» занял новую орбиту над распа-
дающейся массой «Ла Пиг», Кирк нашел время, чтобы погово-
рить с Мак-Коем. Медик выглядел изможденным донельзя,
что само по себе было неудивительно. У него оказалась самая
долгая вахта. Но, как обычно, он начал с характерного ухода
в сторону.

— Что-нибудь знаешь о кактусах, Джим?

— Только то, что знают все. Они растут в пустыне и ко-
лючие. А, да, некоторые из них запасают воду.

— Правильно, и именно последнее — самое важное. Кро-
ме того, многие кактусы находились в музеях по пятьдесят-
семьдесят лет и вдруг, к удивлению сотрудников, неожиданно
расцвели. Зерна египтян, тысячелетия пролежавшие в гроб-
ницах, иногда давали всходы.

Кирк терпеливо ждал. Мак-Кой в соответствующий мо-
мент перейдет к главному.

— Обе эти вещи происходят из-за любопытной формы
хранения, называющейся с в я з а н н а я в о д а. Обычные
минеральные кристаллы, вроде сульфата меди, часто доволь-
но свободно соединяются с молекулами воды. Это так называ-
емая кристаллизационная вода. Если она есть, например, в
сульфате меди — это красивый голубой камешек, хотя и ядо-
витый; без воды — это ядовитый зеленый порошок. Так вот,
органические молекулы могут привязывать воду гораздо эф-
фективнее, делать молекулу воды частью своей молекулы, а
не просто соединения типа молекула-молекула. За многие го-
ды эта вода поступала в различных комбинациях и станови-
лась доступной для кактуса или зерна жидкостью, и затем
жизнь начиналась снова.

— Любопытное устройство, — заметил Кирк. — Но мне
еще непонятно, как это всех нас чуть не погубило.

— Образец жидкости, доставленный мистером Споком —
это природный катализатор, который у с к о р я л связыва-
ние воды. И даже если бы у нее не с чем было связаться, она
начала бы связываться сама с собой. Оказавшись в крови,
катализатор начал связывать сыворотку крови. Сначала из-
за него оказалось затрудненным извлечение питательных
веществ из крови, и прежде всего — сахара, что привело к
голоданию мозга — отсюда различные психиатрические
симптомы. По мере продолжения процесса кровь станови-
лась слишком густой, чтобы ее можно было нормально прока-
чивать по артериям и особенно по небольшим капиллярам —

отсюда последовавшая смерть Джо от нарушения кровообращения.

Как только я понял, что происходит, я сразу же начал искать способ как разложить катализатор. Эта штука весьма заразна, ее можно получить через дыхательные пути, через кровь или любую другую жидкость тела. И катализатор не принимает участия ни в одной из химических реакций, которые он приводит в действие, так что в наличии всегда первоначальное его количество. Я думаю, этот катализатор может даже размножаться, наподобие некоего поливируса. Мне почти вовремя удалось найти противоядие, о чем я сообщил лейтенанту Ухуре через стену, но не знал, как это может подействовать на здоровых людей. По счастью — никак.

— Великая Галактика, — произнес Кирк. — Это мне напомнило кое о чем. Спок почувствовал себя плохо и попросил освободить от обязанностей, почти перед самым концом кризиса, и до сих пор еще не вернулся. Лейтенант Ухура, вызовите каюту Спока.

— Слушаюсь, сэр.

— После щелчка клавиши из интеркома послышался странный вой, наподобие арабского: звуки музыкального инструмента вулканитов, на котором Спок обычно упражнялся в своей каюте, так как никто другой на мостике просто не в силах был вынести его звучание. Перекрывая этот шум, грубый голос Спока подвывал:

— Алаб, уэс-крауниш, спрай пу ристу,

Ор эн р'лджиикмаджиир ауооо...

Кирк поморщился.

— Я не могу понять, в порядке ли Спок, — сказал он. — Никто бы не мог этого понять, кроме другого вулканита. Но раз он не вернулся к своим обязанностям по сигналу тревоги, быть может, твое противоядие сделало с ним что-то такое, что не сделало с нами. Надо бы пойти и посмотреть, что с ним.

— Сразу же, как только найду затычки для ушей.

Мак-Кой ушел. А из каюты Спока продолжал звучать голос:

— Риджии, бебе, п'салку пирту, Фрор ом...

Голос набирал силу, и Кирк отключился. Уж лучше «Я отвезу тебя домой, Кэтлин», чем это. С другой стороны, Рили точно так же звучал для Спока, так, может быть, Споку нет никакой причины чувствовать себя плохо. Вздохнув, Кирк стал наблюдать за последними судорогами «Ла Пиг». Сейчас

планета представляла собой расширяющееся облако пыли. На экране оно довольно четко напоминало огромный набухший и разваливающийся мозг.

Но схожесть, подумал Кирк, была чисто умозрительной. Как только планета начинает разваливаться, это ее конец. Но мозг-то не таков.

Если ему предоставить даже половинку шанса, он снова восстанавливается.

Иногда.

Мири

Любой «СОС», раздавшийся в пространстве, тут же привлекает внимание, но по весьма веской причине именно этот вызвал особый интерес на командном мостике «Энтерпрайза». Прежде всего потому, что установить источник сигнала не составило труда, он шел не с корабля, терпящего бедствие, а с планеты, и распространялся в межзвездном пространстве на волне двадцать один сантиметр генераторами гораздо более мощными, чем были в распоряжении даже крупного звездолета.

Вся планета терпит бедствие? Но предстояли еще большие сюрпризы. Предполагаемая планета входила в состав звездной системы 70 Офиуки, светила, находившегося менее чем в пятнадцати световых годах от Земли, так что теоретически сигнал бедствия можно было бы засечь через десять с небольшим дней после того, как он был послан, если бы не одна деталь. С Земли 70 Офиуки видна на фоне Млечного Пути, чьи массивные облака ионизированного водорода излучают радиоволны на волне двадцать один сантиметр с интенсивностью, примерно в сорок раз превосходящей интенсивность излучения остальной части звездного неба. И даже мощные планетарные генераторы не могли пробить брешь в этой звездной структуре каким-то понятным сигналом, даже столь простым, как «СОС». Лейтенант Ухура, офицер связи «Энтерпрайза», приняла сигнал только потому, что звездолет в этот момент приближался к «местной группе» — условной сфере диаметром около 100 световых лет с Землей в центре — почти перпендикулярно плоскости эклиптики Галактики.

Все это, тем не менее, бледнело в сравнении со сведениями об этом районе, выуженными библиотечным компьютером. Потому что четвертая планета системы 70 Офиуки, как сообщил компьютер, была первой планетой вне солнечной системы, колонизированной человеком. Эта колония была основана небольшой, но хорошо оснащенной группой беженцев — жертв политических беспорядков, известных как «Холодный Мир», происшедших более пятисот лет тому назад. С тех пор

эту планету посетили только однажды. Колонисты, не забывшие своих прошлых ошибок, открыли огонь по посетителям, и намек был понят. Кроме того, Галактика была полна мест гораздо более интересных, чем захолустье вроде 70 Офиуки, которую первая гигантская волна настоящей колонизации давно уже обошла. И беженцев оставили в покое — радоваться их угрюмому одиночеству.

Но теперь они взывали о помощи.

Вблизи стало понятно, почему колонисты, несмотря на спешку, расположились на мире, казалось, находившемся в опасной близости от дома. Планета очень напоминала Землю; огромные океаны, покрыли большую часть ее поверхности, скрытой и затененной облаками. В одном полушарии располагался большой, покрытый зеленью, гористый континент, напоминающий очертаниями ромб. Другие — поменьше, похожие на два треугольника, — соединялись длинным архипелагом островов, некоторые из них превосходили Борнео. При большом увеличении на корабельном экране удалось разглядеть бесчисленные города, и на удивление — едва заметными казались возделанные поля.

Но на ночной стороне не было ни одного огонька, и радио не смогло засечь ни одной передачи, даже энергетического шума высокоразвитой цивилизации, находящейся в расцвете сил. Попытки связи, когда «Энтерпрайз» вышел на околопланетную орбиту, не привели к успеху — только постоянно повторяемый «СОС», который теперь начал звучать подозрительно механически.

— Чтобы там не происходило, — решил мистер Спок, — ясно, что мы опоздали.

— Похоже, что так, — согласился капитан Кирк. — Но мы спустимся вниз и посмотрим. Доктор Мак-Кой, старшина Рэнд и два человека из службы безопасности — подготовить снаряжение и доложить мне в телепортационный отсек.

Исследовательская группа избрала для материализации центральную площадь самого большого города, который они разглядели на экранах, — но там никого не оказалось. Ничуть не удивленный Кирк огляделся.

Архитектура примерно соответствовала стилю начала двадцать второго века, когда с Земли бежали первые колонисты, и в зданиях явно довольно давно никто не жил. Свидетельства разрушений, причиненные временем, были заметны везде: разбитые тротуары, затянувшие почти все лианы, пустые окна, слой грязи и пыли. Там и тут на пло-

щади виднелись полуразвалившиеся приземистые скульптуры, покрытые слоем ржавчины, которые, наверное, когда-то были машинами.

— Никаких следов войны, — произнес Спок.

— Эпидемия? — Предположил Мак-Кой. Словно сговорившись, они переговаривались шепотом.

У покрытого пылью фонтана, рядом с которым стоял Кирк, на боку лежал еще один антикварный объект — детский трехколесный велосипед. Он тоже был проржавевшим, но все еще работоспособным, словно большую часть времени, так изуродовавшего большие машины, этот велосипед провел внутри здания, а не снаружи. К рулю был прикреплен колокольчик и, движимый каким-то странным импульсом, Кирк нажал пальцем на рычажок.

В неподвижном воздухе он прозвенел с каким-то тупым звуком. И на этот жалобный звон тут же последовал отклик — почти нечеловеческий визг гнева и досады, раздался позади них.

— Мой! М о й !

Кирк резко обернулся, чтобы рассмотреть источник ужасного звука. Человекообразное существо бросилось к ним из укрытия в здании по соседству, размахивая руками и угрожающе вопя. Оно двигалось столь быстро, что Кирку трудно было различить детали. Единственное, что он запомнил: грязь, лохмотья и внушительный рост, и еще то, как существо прыгнуло на Мак-Коя, сбив его с ног.

Все бросились на помощь врачу, но существо обладало огромной силой. На миг Кирк оказался лицом к его старческому лицу, — в зловонном рту не было ни одного зуба, черты были искривлены дикостью и ненавистью, из глаз текли слезы. И Кирк ударил, почти наугад.

Удар, казалось, не достиг цели, но существо всхлипнуло и упало на полуразрушенный тротуар. Это действительно был старик, одетый лишь в шорты, носки и грязную полуразорванную рубашку. Кожа его была покрыта разноцветными прыщами. И еще что-то странное было в нем, что-то — но что?

Все еще всхлипывая, он повернулся и посмотрел на велосипед, и его старческая рука потянулась к нему.

— Починить, — произнесло существо, всхлипывая. — Кто-нибудь, починить.

— Конечно, — произнес Кирк, внимательно наблюдая за ним. — Мы его починим.

Существо хихикнуло.

— Лихорадка, — произнесло оно. И его голос снова поднялся до уровня визга, старческого гнева. — Вы сломали его! Лихорадка, лихорадка!

Рука с длинными ногтями сжала велосипед, словно существо хотело использовать его как оружие, — но в этот миг, казалось, заметило прыщи у себя на руке. И визг перешел в хныканье. — Исправьте это — пожалуйста, исправьте...

Затем его глаза расширились, грудь опала и существо рухнуло навзничь, на тротуар. Оно было мертво.

Мак-Кой нагнулся над ним, провел над телом трикордемом.

— Невозможно, — пробормотал он.

— То, что оно мертво? — спросил Кирк.

— Нет, то, что оно вообще могло жить. Температура его тела свыше полутораста градусов. Оно, наверное, сгорало заживо. Никто не может жить при такой температуре.

Неожиданно Кирк резко повернул голову. Из какой-то аллеи слева раздался звук.

— Еще один? — напряженно прошептал он. — Кто-то следит за нами... вон там. Попробуем его поймать и получить еще какую-нибудь информацию... Давай!

Они бросились в аллею и смогли разглядеть бегущую фигуру.

Аллея оканчивалась тупиком позади того, что, похоже, было когда-то небольшим коттеджем. Другого места для укрытия у беглеца нигде не было. Они вошли в дом со всеми предосторожностями, с фазерами наизготовку.

В конце концов, поиски привели в комнату, некогда бывшую гостиной. В центре ее стояло покрытое пылью пианино, на пюпитре стоял детский сборник упражнений. На полуистлевшей странице было написано: «Упражняться, упражняться, упражняться!» Кроме шкафа, спрятаться было негде. Стоя у двери и прислушиваясь, Кирк вроде бы слышал учащенное дыхание, а затем — явственный скрип. Он махнул рукой, и Спок с двумя сотрудниками службы безопасности тихо подкрались к нему.

— Выходи, — громко произнес он. — Мы не причиним тебе вреда. Выходи оттуда.

Ответа не последовало, но дыхание стало более шумным.

Неожиданно резким движением Кирк распахнул дверь шкафа.

Свернувшись среди полуистлевшего тряпья, старых ту-

фель и зонтов, сидела темноволосая девочка, не старше четырнадцати лет — а может, и младше. Она была ужасно напугана.

— Пожалуйста, — прошептала она. — Не надо, не делайте мне больно. Почему вы вернулись?

— Мы не причиним тебе вреда, — сказал Кирк. — Мы хотим помочь. — Он протянул ей руку, но она только забилась вглубь шкафа. Кирк растерянно оглянулся на старшину Рэнд, та вышла вперед и присела у открытой двери.

— Все в порядке, — мягко произнесла она. — Никто не причинит тебе вреда. Мы обещаем.

— Я помню, что вы делали, — произнесла девочка, не двигаясь. — Кричали, жгли, делали людям больно.

— Это были не мы, — сказала Дженис Рэнд. — Выходи и расскажи нам об этом поподробнее.

Девочка с подозрением посмотрела, но все же позволила Дженис подвести себя к стулу. Когда она села, со стула поднялось облако пыли, и она по-прежнему была готова вскочить и ударить.

— У вас есть дурашка, — сказала она. — Но я не могу играть. Я не знаю правил.

— И мы тоже, — сказал Кирк. — Что случилось с людьми? Была война? Эпидемия? А может, все они просто куда-то ушли и случайно оставили тебя здесь?

— Вы должны знать. Вы все это сделали, вы и другие старшие.

— Старшие? Какие старшие?

Девочка удивленно посмотрела на Кирка.

— Вы — старшие. Все, кто старые.

— Взрослые, — сказала Дженис Рэнд. — Она имеет виду взрослых, капитан.

Спок, который все это время обследовал комнату трикордером, подошел к Кирку, в полном недоумении.

— Она не могла здесь жить, капитан, — сказал он. — Пыль здесь не трогали уже лет триста, а то и больше. Никакой радиоактивности, никаких химических соединений — просто очень старая пыль.

Кирк повернулся к девочке.

— Барышня, а как вас зовут?

— Мири.

— Хорошо, Мири, ты сказала, что старшие что-то сделали. Все сжигали, делали людям больно. Почему?

— Они стали это делать, когда начали болеть. Нам при-

шлось прятаться. — Она с надеждой посмотрела на Кирка. — Я все делаю правильно? Это правильная дурашка?

— Все просто замечательно. Ты сказала, что старшие начали болеть. Они умирали?

— Старшие всегда умирают. — Конечно, это было верно, но не слишком проясняло ситуацию.

— А дети?

— Конечно, остались. Мы ведь здесь, не так ли?

— И сколько же их? — вставил Мак-Кой. — Сколько их осталось?

— Все, кто есть.

— Мистер Спок, — сказал Кирк, — возьмите кого-нибудь из сотрудников службы безопасности и посмотрите, не найдется ли еще кого-нибудь живой... Так значит, все старшие умерли?

— Ну, они не умирают, пока это с ними не случается, — Да вы знаете. А когда с кем-либо из оставшихся это происходит, он становится похожим на них. Ему хочется делать людям плохо, как это делали они.

— Мири, — сказал Мак-Кой, — кто-то набросился на нас там, снаружи. Ты видела? Это был старший?

— Это был Флloyd, — ответила она, поежившись. — Это произошло с ним. Он превратился в старшего. И со мной тоже это происходит. Поэтому я больше не могу общаться со своими друзьями. Когда один из нас начинает изменяться, остальные так боятся... Мне не нравится ваша дурашка. Это неинтересно.

— А чего они пугаются? — настаивал Кирк.

— Вы видели Флойда. Они пытаются всем причинить вред. Сперва у вас на коже появляются эти страшные болячки. Затем вы превращаетесь в старшего, и скоро вы уже хотите причинять боль людям, убивать их.

— Нам это не нравится, — сказал Кирк. — Мы прибыли издалека, с самых звезд. Мы знаем много хорошего. Может быть, мы сможем помочь тебе, если ты нам поможешь.

— Старшие не помогают, — ответила Мири. — Это ведь они сделали.

Дженис провела рукой по ее личику и сказала:

— Ну, пожалуйста?

И спустя мгновение, Мири впервые осмелилась робко улыбнуться.

Но, прежде, чем она смогла сказать хотя бы слово, снаружи раздался долгий звенящий грохот, словно кто-то кинул пустой бак из-под мусора на крышу дома.

Вдалеке тонюсенький — похоже, детский голос выкрикнул:

— Не, не, не, не, не, не!

— Охрана! — раздался голос Спока.

Ему ответило множество голосов со всех сторон:

— Не, не, не, не, не, не!

Затем воцарилась тишина, осталось лишь эхо.

— Похоже, — сказал Кирк, — твои друзья не хотят чтобы их нашли.

— А может быть, это все-таки первый шаг, Джим, — сказал Мак-Кой. — Что бы здесь ни произошло, должны быть документы. Если мы собираемся что-то предпринять, сначала нужно найти причины. Я думаю, больше всего подходит местный центр здравоохранения. Как, Мири? Есть такое место, где обычно работали доктора? Может быть, большой офис?

— Я знаю такое место, — с отвращением ответила девочка. — Они и их иголки. Это плохое место. Никто из нас туда не ходит.

— Как раз туда нам и придется пойти, — сказал Кирк. — Это очень важно, если мы сможем тебе помочь. Пожалуйста, отведи нас.

Кирк протянул ей руку, и, помедлив, она взяла ее, посмотрев на него снизу вверх так, словно ее что-то поразило.

— Джим — хорошее имя, — сказала она. — Мне оно нравится.

— И мне твое нравится тоже. И ты мне нравишься.

— Я знаю. Ты не можешь быть по-настоящему старшим. Ты — другой. Она улыбнулась и грациозно встала. Затем она взглянула вниз, и Кирк почувствовал, как сжалась ее ладошка. Она осторожно высвободила руку.

— О! — глухо воскликнула она. — Уже!

Он тоже посмотрел вниз, уже наверняка зная, что увидит там. На тыльной стороне его ладони рос синий прыщ, величинной примерно с яйцо малиновки.

Лаборатория оказалась хорошо оснащена, она была заперта, не имела окон. На столах и приборах там оказалось гораздо меньше пыли. Ее размеры и отсутствие окон придавали ей весьма неприятный вид, словно ты оказывался внутри огромной могилы, но никто не жаловался на это. Кирк был доволен тем, что ее содержимое оказалось не-

привлекательным для вероятных грабителей, которые могли бы сюда ворваться.

К этому моменту синие прыщики появились у всех, хотя на мистере Споке их было меньше, да и распространялись они, похоже, медленнее. И неудивительно: ведь он происходил из совершенно другого племени, чем остальная команда или, скажем, колонисты. Его неземные корни не дали ему иммунитета, но немного усилили его сопротивляемость.

Мак-Кой сделал биопсию ранок. Из одного образца он получил взвесь, а остальные высевал на различных культурах. Посев крови на агаре выявил сверкающую, сморщенную голубую колонию, состоявшую из активных плодовитых бактерий, весьма напоминавших спирохеты. Тем не менее, Мак-Кой был убежден, что они были не причиной болезни, а лишь вторичными поселенцами.

— Во всяком случае, они никак не хотят приживаться на тех лабораторных животных, что мне прислали с корабля, — сказал он, — а значит, не отвечают закону Коха. Во-вторых, число митозных клеток в срезах ненормально высокое, и общее впечатление таково, словно это чешуйчатая метаплазма пополам с обычной неоплазмой. В третьих, таблица хромосом показывает множество изменений...

— Охо-хо, хорошо, ты меня убедил, — запротестовал Кирк. — Но, суммируя все сказанное, к чему это ведет?

— Я думаю, что сама болезнь вызвана вирусом, — ответил Мак-Кой. — Конечно же, спирохеты в чем-то могут способствовать ее развитию. На земле есть болезнь, называемая ангиной Винсента, которая вызывается совместными действиями двух микроорганизмов.

— А спирохета заразна?

— Очень, при контакте. Вы и старшина Рэнд заразились от Мири, а мы — от вас.

— Что ж, тогда мне лучше бы позаботиться о том, чтобы это больше ни с кем не случилось, — сказал Кирк и вытащил передатчик.

— Кирк «Энтерпрайзу». Никто, повторяю, никто, ни при каких обстоятельствах, не должен телепортироваться сюда, на планету, до следующего приказа. Планета сильно заражена. Подготовьте полные обеззараживающие процедуры для тех из нас, кто вернется.

— Компьютер, — напомнил Мак-Кой.

— Да, конечно. Кроме этого, пришлите нам сюда самый сильный портативный биокомпьютер — универсальный. По-

мимо прочего, это поможет подготовить лекарство прежде, чем мы вернемся назад.

— Капитан, — позвал Спок. Он просматривал многочисленные ящики для документов, занимавшие большую часть одной из стен. Сейчас он держал в руке папку. — Мне кажется, кое-что здесь есть.

Все подошли к нему, за исключением Мак-Коя, склонившегося над микроскопом. Спок передал папку Кирку и начал вытаскивать остальные.

— Тут их полно. Похоже, этим занимались сотни людей. Никакой портативный биокомпьютер не сможет обработать эту массу данных даже за год.

— Тогда мы передадим все это на корабельный компьютер по линии связи, — сказал Кирк. Затем он посмотрел на папку.

Она была озаглавлена:

Доклад о ходе исследований

ПРОЕКТ УВЕЛИЧЕНИЯ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ЖИЗНИ

Генетическая группа

— Так вот что это было, — сказала Дженис Рэнд.

— Пока мы еще не знаем, — сказал Кирк. — Но если это так, должно быть, это самая большая неудача в Галактике, приведшая к совершенно обратным результатам. Впрочем, пора приниматься за работу. Мири, ты тоже можешь помочь — разложи все эти папки на том большом столе по разделам: один — генетика, другой — вирусология, третий — иммунология или что там еще. Не обращай внимания на значение слов, просто старайся подобрать одинаковые.

Общая картина возникала раздражающе медленно. Общий принцип стал ясен почти с самого начала: попытка приостановить процесс старения с помощью избирательного изменения мутировавших клеток тела. Процесс старения — в основном аккумуляция в теле клеток, чьи нормальные функции частично приведены в негодность мутациями, которые, в свою очередь, вызваны появлением свободных радикалов в ядре клетки, своим присутствием нарушающих генокод. Ученые колонии прекрасно понимали что невоз-

можно блокировать свободные радикалы, которые создавались практически повсеместно в природе: фоновой радиацией, солнечным светом, двигателями внутреннего сгорания, даже пищеварением. Вместо этого они предложили создать самовосстанавливающуюся вирусоподобную субстанцию, которая должна была оставаться в крови пассивной до тех пор, пока не происходило повреждение клетки. Тогда вирус должен был проникнуть в клетку и заменить поврежденный элемент. Инъекцию намечалось делать при рождении, прежде, чем включится иммунный механизм ребенка, чтобы вирус стал «своим» — так сказать, был отмечен, как естественный «житель» организма, а не захватчик, с которым надо бороться. Но он должен был оставаться пассивным вплоть до активизации половыми гормонами в период созревания чтобы не нарушать нормальный процесс развития.

— Самый смелый проект о котором мне когда-либо приходилось слышать, — объявил Мак-Кой. — Если бы это получилось, мы бы могли иметь прекрасную защиту от рака. Ведь по сути своей рак — всего лишь местный взрыв процесса старения в особенно тяжелой форме.

— Но это не сработало, — заметил Спок. — Их субстанция оказалась слишком п о х о ж е й на вирус — и вырвалась из-под контроля. О, она, действительно, продлевает жизнь, но только детям. Когда же начинается созревание, она их убивает.

— И как долго? — спросила Дженис Рэнд.

— Ты спрашиваешь, насколько она продлевает жизнь? Мы не знаем, потому что эксперимент продолжался не так уж долго. Мы знаем только уровень: инъецированный организм стареет примерно на месяц своего биологического времени за каждую сотню лет объективного времени. Для детей, совершенно очевидно, это вот так и срабатывает.

Дженис устала на Мири.

— Месяц за сто лет! — воскликнула она. — И эксперимент был проведен три века назад! Вечное детство... Это словно сон.

— И очень плохой, старшина, — сказал Кирк. — Мы учимся на примерах и обязанностях. Мири и ее друзья были лишены и того, и другого. Это тупик.

— С особо уродливой смертью в конце, — согласился Мак-Кой. — Просто поразительно, что такому количеству детей удалось выжить. Мири, как ты жила после того, как умерли все старшие?

— У нас были дурашки, — ответила Мири. — И нам бы-

ло весело. Не было никого, кто бы нам что-то запрещал. И когда мы хотели есть, мы просто брали что-нибудь. В банках сохранилось множество всяких вещей, и у нас было много момми.

— Момми?

— Ну, вы знаете. — Мири помахала рукой в воздухе, имитируя действия открывателя банок. Дженис Рэнд всхлипнула и отвернулась

— Джим... теперь, когда ты нашел то, что искал... ты уйдешь?

— О, нет, — ответил Кирк. — У нас еще осталось много дел. Ваши старшие похоже, проводили свои эксперименты в определенной последовательности, что-то вроде расписания. Не нашли ничего такого, мистер Спок?

— Нет, сэр. Скорее всего, это хранилось где-то в другом месте. Будь это мой собственный проект, я бы сохранил это где-нибудь в сейфе — это ключ ко всему делу

— Боюсь, мне придется согласиться. И если только мы не сможем разобраться в этом, Мири, мы не сможем идентифицировать вирус, синтезировать его и изготовить вакцину

— Так это хорошо, — воскликнула Мири. — Значит, вы не уйдете! Мы можем поиграть — пока э т о не случится.

— Все-таки, быть может, нам и удастся остановить э т о. Мистер Спок, как я понял, вам не удалось подобраться к остальным детям?

— Никакого шанса. Они слишком хорошо знают местность. Как мыши.

— Ладно. Попробуем иной подход. Мири, ты не можешь нам найти кого-нибудь из них?

— Вы никого не найдете, — уверенно ответила Мири. — Они боятся. Вы им не понравитесь. А теперь, они и меня боятся, с тех пор, как... — она замолчала.

— Мы постараемся, чтобы они нас поняли.

— Оставшиеся? — спросила девочка. — У вас это не получится. Оставшимся лучше всего. Никто не ждет от тебя, что ты что-то поймешь.

— Но ты же понимаешь.

Неожиданно глаза Мири наполнились слезами.

— Я уже больше не оставшаяся, — прошептала она и побежала из комнаты.

Дженис с жалостью посмотрела ей вслед и произнесла:

— Эта маленькая девочка...

— ...на триста лет старше чем вы, старшина, — закончил

за нее Кирк. — Не делайте скоропалительных заключений. Все же какое-то отличие в ней должно образоваться, независимо от того, сможем мы это заметить или нет.

Но спустя минуту, Мири вернулась, ее горе испарилось, будто бы его и не было, и она была готова заняться чем-нибудь. Мистер Спок засадил ее за заточку карандашей, которых здесь, в древней лаборатории имелось множество. Она с радостью занялась делом — но тем не менее, ее глаза неотрывно следили за Кирком. И он старался ничем не выдать, что все время чувствует на себе этот взгляд.

— Капитан? Это Фаррел, с «Энтерпрайза». Мы готовы к обработке информации.

— Хорошо, сейчас начнем. Мистер Спок, что вам необходимо?

Мири протянула пригоршню карандашей.

— Этого достаточно?

— А? О, нам бы неплохо еще больше, если ты не возражаешь.

— О, нет, Джим, — ответила она. — Почему я должна возражать?

— Этот парень, — заметил Спок, раскладывая листы бумаги на столе, — составил свои записи в последние недели жизни — уже после начала катастрофы. Я отбросил самые последние записи, где он пишет, что процесс уже далеко зашел в нем самом, и он слишком болен, и не уверен, что его не лихорадит. Тут я с ним согласен. Но вот эти, более ранние записи, показывают, сколько времени у нас осталось. Ясно, что конечная стадия, которую мы здесь наблюдали, однозначна. Мания убийства.

— И ничего, хотя бы намекающего на штамм вируса или его химический состав? — спросил Мак-Кой.

— Ничего, — ответил Спок. — Он считал, что кто-то другой пишет аналогичный доклад. Может быть, кто-то и занимался этим, но мы пока не нашли ничего подобного. А может быть, это была одна из первых его галлюцинаций. Это первая стадия сильной лихорадки... боль в суставах... затуманивание зрения. А затем все захватывает мания. Кстати, доктор Мак-Кой, вы были правы насчет спирохет, они вносят свой вклад. Это они создают манию, а не вирус. И в нашем случае все будет гораздо быстрее, потому что, в отличие от Мири, мы не несли в себе спящую болезнь так долго.

— А она? — тихо спросил Кирк.

— Необходимо свериться с компьютером. Но примерно

могу предположить, что она переживет нас на пять-шесть недель — если только один из нас не убьет ее...

— А теперь хватит? — одновременно с этими словами спросила Мири, показывая большую кучу заточенных карандашей.

— Нет! — яростно заорал Кирк.

Уголки ее рта опустились и нижняя губа задрожала.

— Ну, ладно, Джим, — прошептала она. — Я не хотела тебя разозлить.

— Прости, Мири. Я разговаривал не с тобой. И я не сержусь.

Он снова повернулся к Споку.

— Ладно. Мы все еще не знаем, с чем боремся. Передавайте все данные Фаррелу, тогда хотя бы мы будем знать точное значение временного фактора. Проклятье! Если бы только получить этот вирус в руки, на корабле можно было бы создать вакцину за двадцать четыре часа. Но мы не знаем, с чего начать.

— А может быть есть с чего начать, — медленно произнес Мак-Кой. — Это, конечно, исключительно крепкий орешек, но мне кажется, это может сработать. Джим, ты же знаешь, как работает ум, если его хозяин постоянно сидит за столом. Если эта лаборатория похожа на любой другой правительственный проект, с которыми мне приходилось сталкиваться, здесь должны быть бланки заказов на все, что им могло потребоваться. Где-то здесь, в бухгалтерских архивах должны храниться копии этих заказов. Из них мы узнаем все о потреблении определенных реагентов на различных стадиях. И я, наверное, смогу заметить такие простые вещи, как среды для разведения культур, или что-то вроде этого — но нам придется проанализировать все, что хоть мало-мальски покажется важным. Во всяком случае, есть шанс, что анализ поможет реконструировать недостающее расписание.

— Очень изящная идея, — заметил мистер Спок. — Весь вопрос в том...

Его прервал зуммер передатчика Кирка.

— Кирк на связи.

— Фаррел — наземной группе. Расписание мистера Спока дает конечный срок через семь дней.

Долгое время не было слышно ни звука, кроме шуршания заточиваемых карандашей. Затем Спок спокойно произнес:

— Именно этот вопрос я и собирался задать. Несмотря на то, что я с большим уважением отношусь к схеме доктора

Мак-Коя, несомненно, что на нее потребуется гораздо больше времени, чем у нас осталось.

— Необязательно, — возразил Мак-Кой. — Если спирохета действительно создает манию, мы могли бы подавить их антибиотиками и держать наше сознание ясным немного дольше...

Что-то ударилось об пол и разбилось. Кирк резко обернулся. Дженис Рэнд очищала несколько слайдов Мак-Коя в сосуде с хромовой кислотой. Едкий желтый состав разлился по всему полу. Часть его попала на ноги Дженис. Схватив кусок хлопчатобумажной ткани, Кирк бросился на колени, чтобы стереть жидкость.

— Нет, нет, — всхлипнула Дженис. — Ты не можешь мне помочь — ты не можешь мне помочь!

Спотыкаясь, она пробежала мимо Спока и Мак-Коя, и, все еще всхлипывая, выскочила из лаборатории. Кирк бросился вслед за ней.

— Оставайтесь здесь, — приказал он. — Продолжайте работать. Не теряйте ни минуты.

Он нашел Дженис в коридоре. Уткнувшись лицом в стену, она рыдала, содрогаясь всем телом. Кирк вновь стал протирать ее ноги, пытаясь не обращать внимания на покрывающие их, уродливые синие прыщи. Наконец, слезы иссякли, и спустя некоторое время она сказала:

— А там, на корабле, ты никогда не обращал внимания на мои ноги.

Кирк через силу усмехнулся.

— Тяжесть командирства, старшина: я обязан видеть только то, что указано в уставе... Вот так уже лучше, но все же еще надо помыть мылом и водой.

Он встал.

Она выглядела осунувшейся, но истерика уже прошла. Затем Дженис сказала:

— Капитан, я не хотела этого, правда, не хотела.

— Я знаю, — ответил Кирк. — Забудь об этом.

— Все это так глупо, так бесполезно... Сэр, знаете, я теперь могу думать только об одном. Я все понимаю, конечно, но продолжаю думать — ведь мне всего лишь двадцать четыре года, и я боюсь.

— Я ненамного старше вас. Но я тоже боюсь.

— Вы?

— Ну конечно. Я хочу превратиться в одно из этих существ ничуть не больше, чем вы. Я даже еще больше



боюсь. Вы — моя команда. Я привел вас сюда. И я в ответе за всех вас.

— Вы не должны показывать этого, — прошептала она. — Вы никогда этого не показывали. Вы, казалось, всегда были храбрее, чем десятеро таких, как мы.

— Чепуха, — резко ответил он. — Только идиот не боится, когда есть чего бояться. Человек, не чувствующий страха, вовсе не храбрец. Это глупец. А храбрость состоит в том, чтобы идти вперед и бороться с опасностью, а не быть парализованным страхом. И особенно — не позволять себе паниковать из-за кого-то другого.

— Я поняла мораль, — ответила Дженис, стараясь выпрямиться. Но слезы вдруг снова тихо потекли по ее щекам. — Жаль, — продолжила она сдавленным голосом. — Когда мы вернемся назад, сэр, вам придется заменить меня старшиной, у которого глаза не все время на мокром месте.

— Ваша просьба о переводе не удовлетворена. — Он мягко обнял ее, и она попыталась улыбнуться ему. Неожиданно, какое-то движение заставило их обернуться ко входу в лабораторию.

Там стояла Мири, и, закусив кулачок, глядела на них. Глаза ее были широко раскрыты, и в них можно было прочесть неопределенную смесь эмоций — удивление, протест, даже ненависть. Впрочем, в последнем Кирк не был уверен. Только он собрался что-то сказать, как Мири резко развернулась и убежала. Он слышал удаляющийся звук ее шагов. Затем наступила тишина.

— Ну вот, неприятности никогда не приходят в одиночку, — устало вздохнул Кирк. — Нам бы лучше вернуться.

— А куда это Мири направилась? — с интересом спросил его Мак-Кой, когда они снова вошли в лабораторию. — Похоже, она куда-то очень торопилась.

— Не знаю. Может быть, решила попробовать найти других оставшихся. Или мы ей просто надоели. У нас нет времени беспокоиться о ней. Что у нас дальше?

— Дальше мы должны предотвратить случайности, — сказал Мак-Кой. — Я должен был подумать об этом раньше, но инцидент с Дженис лишний раз напомнил мне об этом. Здесь полно сильных растворителей, а если нам повезет, то скоро мы будем работать с опасным инфекционным материалом. Я хочу, чтобы мы все переоделись в лабораторную одежду, какую нам только удастся найти. Вон там ее полный шкаф. А наша собственная — должна быть сложена вне лабо-

ратории, в прихожей, либо нам просто придется ее сжечь, когда будем возвращаться на корабль.

— Хорошо. Значит, таков и будет приказ. А как насчет снаряжения — фазеров и прочего?

— Оставим один фазер здесь, на всякий случай, если вы готовы выбросить его, когда будем возвращаться, — сказал Мак-Кой. — Все остальное — вон.

— Хорошо. Дальше?

— Меданализ я провел, насколько это возможно в таких условиях, — сказал Мак-Кой. — И теперь все будет зависеть от статистики, и хотя идея и принадлежала мне, боюсь, что мистеру Споку придется принять ее реализацию на себя. Статистика просто сводит меня с ума.

Кирк усмехнулся.

— Хорошо. Мистер Спок — принимайте руководство.

— Да, сэр. Прежде всего, нам необходимо найти эти копии заказов. То есть еще раз просмотреть архивные ящики.

Проблема решалась достаточно просто: нужно было изобрести болезнь.

Нашлись бланки бухгалтерских счетов, почти полные и достаточно детальные. Предположение Мак-Коя оказалось правильным. Ум бюрократа совершенно не изменился от того, что его переместили более чем на дюжину световых лет с родной планеты. Все, что когда-либо заказывалось лабораторией, сопровождалось, по меньшей, мере тремя копиями документов.

Мак-Кою удалось приблизительно рассортировать все это по категориям, числом с десятков (от 0 — очевидной чепухи до 10 — очевидно необходимого), и биокомпьютер закодировал все категории индексом выше «5» так, чтобы как можно быстрее передать на компьютер находящегося на орбите «Энтерпрайза». Кодирование было произведено очень быстро. Но определение соотношения кодируемых элементов, (что также было необходимо закодировать), оставалось на совести человека. И, несмотря на возражения, Мак-Кой оказался единственным, кто мог сделать это хоть с какой-то уверенностью. При статически достоверном количестве данных Спок был способен точно утверждать. Но только Мак-Кой мог предположить, носят ли данные статические группы медицинский, финансовый или просто случайный характер.

На все это ушло двое суток непрерывной работы, и на утро третьего дня, Спок смог заявить:

— Вот на этих картах содержится все, что биокомпьютер

может для нас сделать. — Он повернулся к Мири, которая вернулась днем раньше без всяких объяснений, но и без заметной перемены в настроении, и горя желанием работать ничуть не меньше, чем ранее. — Мири, если ты сложишь их вот так и опустишь сюда, в этот паз, мы передадим их на «Энтерпрайз», и там их сможет прочесть и ввести в компьютер Фаррел. Должен признаться, что все еще не вижу во всем этом ни малейшего намека на какую-то закономерность.

— А я — вижу, — удивленно произнес Мак-Кой. — Несомненно, активный реагент не может быть просто вирусом, иначе без самовоспроизводства он был бы выведен из тела в период между инъекцией и созревaniem. А настоящие вирусы не могут воспроизводиться без вторжения в клетки тела, что этой штуке запрещено делать в течение примерно десяти или двенадцати лет, в зависимости от пола организма, в котором она обитает. Так что должно существовать что-то, более похожее на риккетсии, с какими-то незатронутыми энзимными механизмами, чтобы эта штука могла питаться и размножаться за счет материала, который абсорбирует из жидкостей тела, в н е клеток. И когда на нее начинают воздействовать половые гормоны, она сбрасывает эту часть своей конструкции и становится настоящим вирусом. Эрго, отработавший механизм должен растворяться стероидами. И на него могут воздействовать только половые стероиды. Так что все эти условия неминуемо подводят нас к решению, шаг за шагом.

— И достаточно близко, чтобы назвать это? — напряженно потребовал Кирк.

— Никоим образом, — ответил Мак-Кой. — Я даже не знаю, на правильном ли я пути. Но в этом есть смысл. Я думаю, нечто похожее выдаст и корабельный компьютер, когда обрабатает все наши коды. Кто-нибудь хочет побиться об заклад?

— Мы давно уже побились об заклад своими жизнями, нравится нам это или нет, — произнес Кирк. — Но мы должны через час получить ответ. Мистер Спок, вызовите Фаррела.

Спок кивнул и вышел в прихожую, теперь отгороженную от остальной части лаборатории. Через мгновение он вернулся. Хотя на его лице не заметно было и тени эмоций, что-то в его взгляде заставило Кирка тут же вскочить на ноги.

— В чем дело?

— Передатчики исчезли, капитан. Там ничего нет, кроме пустых карманов.

Дженис вскрикнула. Кирк резко повернулся к Мири, чувствуя, как сходятся его брови. Девочка немного отступила от него, но в то же время глядела вызывающе.

— Ты знаешь что-нибудь об этом, Мири?

— Я думаю, оставшиеся забрали их, — ответила она. — Им нравится воровать вещи. Это дурашка.

— А куда они их утащили?

Она пожала плечами.

— Я не знаю. Это тоже дурашка. Когда ты что-нибудь утаскиваешь, то прячешь это где-нибудь в новом месте.

В два шага он подскочил к ней и схватил ее за плечи.

— Это не дурашка. Это — катастрофа. Нам очень нужны передатчики, иначе мы никогда не справимся с этой болезнью.

Она неожиданно хихикнула.

— Тогда вам не нужно будет уходить, — сказала она.

— Нет, мы просто умрем. А теперь прекрати. Скажи нам, где передатчики.

Девочка собралась с духом и попыталась изобразить из себя взрослую. Учтывая, что она впервые после катастрофы увидела взрослого человека меньше недели назад, это была, пожалуй, неплохая имитация.

— Пожалуйста, капитан, вы мне делаете больно, — проговорила она, запинаясь. — В чем дело? Как я могу знать?

К сожалению, концовка представления была испорчена еще одним смешком, что Кирку совершенно не понравилось, учтывая недостаток времени.

— Это что, шантаж? — спросил Кирк, уже не в силах сердиться. Он больше не в силах был ощущать ничего, кроме тяжелого чувства потери. — Ведь это и твоя жизнь под вопросом, Мири.

— О, нет, — сладко протянула Мири. — Мистер Спок сказал, что я проживу примерно на пять-шесть недель дольше, чем вы. Может, кое-кто из вас умрет раньше, чем другие. А я все еще буду здесь. — И она рванулась к двери. При других обстоятельствах она могла бы быть хорошенькой, пожалуй, даже очаровательной. В последний момент она обернулась, и помахала рукой. — Конечно, я не знаю, что заставляет вас думать, будто мне все известно. Но, быть может, если вы будете со мной хорошо обращаться, я задам своим друзьям кое-какие вопросы. А пока, капитан, прощайте.

Послышались сдержанные рыдания и удаляющиеся шаги.

— Что ж, — произнес Мак-Кой, — теперь можно заключить, что на этой планете, во всяком случае при жизни Мири, существовало телевидение.

Угрюмая шутка отчасти сняла напряжение.

— Что мы можем сделать без корабля? — спросил Кирк.

— Очень немного, капитан. Биокomпьютер совершенно не подходит для подобного рода работ. Уйдут часы на то, что у корабельного компьютера займет секунды.

— Человеческий мозг существовал задолго до появления компьютеров. Боунс, а как насчет твоей интуиции?

— Конечно, я постараюсь ее использовать, — устало ответил Мак-Кой. — Но время — вот та ценность, которую компьютер помог бы нам сэкономить и это единственное, чего нам не хватает. Когда я думаю об этом огромном корабле там наверху, крутящемся вокруг планеты как бесполезная груда металла...

— Простые жалобы тоже попусту расходуют время, — рявкнул Кирк. Мак-Кой удивленно уставился на него. — Извини, Боунс. Мне кажется, это начинает действовать и на меня тоже.

— А я жаловался, — ответил Мак-Кой. — Так что извинения за мной. Что ж, пусть снова будет человеческий мозг. Ведь помог же он Пастеру... хотя он был немножко поумнее меня. Мистер Спок, выньте карты из этого тупого котенка и давайте-ка их переберем. Прежде всего, я хочу получить анализ ДНК. Если при этом возникнет какая-то стройная картина, достаточная, чтобы подобрать подходящие штаммы, мы снова попытаемся разобраться с ними и, быть может, подобрать что-нибудь для разведения культуры.

— Я вас не понимаю, — признался Спок.

— Вот что, я буду просто давать вам коды, так как времени на объяснения нет. Сперва отберите все с кодом ЛТС-426. Затем мы попросим нашу кису рассортировать эти карточки на простые неcodируемые элементы. Возможно, таковых и не окажется, но это единственное обещающее начало, которое пришло мне в голову.

— Хорошо.

Кирк чувствовал это даже лучше, чем Спок. У него не было ни медицинского образования, ни знания статистики, чтобы понять, что происходит. Он просто стоял и автоматически делал ту механическую часть работы, которая ему оставалась.

Часы сложились еще в одни сутки. Несмотря на стимулирующие таблетки, выданные Мак-Косм, все чувствовали себя заторможенно, словно двигались под водой. Все это походило на падение из какого-то кошмарного сна.

Где-то днем вернулась Мири, чтобы понаблюдать за ними; при этом она старалась казаться умиротворенной. На нее никто не обратил внимания. Мири нахмурилась, потом стала постукивать ногой.

— Прекрати, — произнес Кирк, даже не оборачиваясь, чтобы посмотреть на нее, — или я сверну твою детскую шейку.

Постукивание прекратилось. Мак-Кой произнес:

— Еще раз введем это в кису, мистер Спок. А теперь отделим все Т, являющиеся функциями Д2. Если останется больше трех — мы пропали.

Биокомп пошумел, поплевался, переваривая двадцать две карточки, скормленные ему Споком и выкинул лишь одну. Мак-Кой откинулся в кресле с возгласом удовлетворения.

— Это то, что нужно? — спросил Кирк.

— О, нет, Джим. В о з м о ж н о, это сам вирус. Но это лишь возможность — не больше.

— И несущественная, — произнес Спок. — Если бы это был тест нового продукта или что-то подобное, я бы выбросил его не медля ни секунды. Но при данных обстоятельствах...

— При данных обстоятельствах нам придется синтезировать сам вирус, — сказал Мак-Кой, — а затем изготовить убивающую его вакцину. Нет, нет, не так, что это я? Не вакцину. Антитоксин. Гораздо сильнее. Джим, разбуди-ка этих двоих охранников — они уже столько для нас сделали! Нам понадобится намного больше бутылок в следующие сорок восемь часов.

Кирк вытер вспотевший лоб.

— Боунс, я чувствую себя совершенно отвратительно, и уверен, что и ты тоже. Официально у нас осталось сорок восемь часов, но будем ли мы еще соображать что-то через двадцать четыре часа?

— Либо мы поймаем рыбешку, либо она сорвет наживку, — холодно ответил Мак-Кой. — Так, все за дело. Настоящие курсы по обучению стряпне объявляю открытыми.

— Как жаль, — сказал Спок, — что вирусы нельзя так же легко выводить, как метафоры.

И в этот момент Кирк понял, что находится на грани истерики. Почему-то у него создалось четкое ощущение, что

мистер Спок только что пошутил. А следующем этапе он поверит в существование портативного компьютера с мозгом котенка.

— Кто-нибудь, передайте мне бутылку, — сказал он, — прежде чем я засну стоя.

К исходу первых двадцати часов у Дженис Рэнд начались конвульсии; ее пришлось привязать и ввести колоссальную дозу транквилизаторов, прежде, чем она прекратила биться. Через час с один из охранников случилось тоже самое. Они оба были почти полностью покрыты синими отметинами, расстройство психики явно прогрессировало, в то время как отдельные прыщи сливались друг с другом и постепенно покрывали всю кожу.

Мири то появлялась, то исчезала, но и в том, и в другом случае была в лаборатории. Наверное, она пыталась выглядеть все понимающей, или знающей, а может быть — удивленной. Кирк не мог сказать точно. Он уже настолько ослаб, что даже мелкие работы, поручаемые ему старшим офицером и корабельным врачом, занимали все его внимание и не оставляли места ни на что иное.

Где-то в пространстве голос Мак-Коя произнес:

— Так, теперь у нас все под покрытием СПФ. На следующей ступени мы получим живую. Кирк, когда я сниму крышку с чашки Петри, туда надо ввести два кубика формалина. Не пропусти.

— Не пропущу.

Каким-то образом это ему удалось. А затем, после долгой паузы, в которую он словно провалился, Кирк увидел окантованную резиной стеклянную ампулу, с прозрачной жидкостью, в которую Мак-Кой вставлял иглу инъектора. Туннельное зрение — только это, и ничего больше: ампула, инъектор, руки.

— Вот, либо это — антитоксин, голос Мак-Коя доносился откуда-то издалека, — либо не антитоксин. Быть может, это — чистый яд. Лишь компьютер мог бы сказать точно.

— Первой — Дженис, — услышал Кирк свой хрип. — Затем — охраннику. Они ближе всех к смертельной грани.

— Я отказываюсь подчиниться, капитан, — ответил голос Мак-Коя. — Я — единственное экспериментальное животное в этой группе.

Игла выдернулась из резиновой нащепки. Каким-то образом Кирку все же удалось перехватить единственную видимую им руку Мак-Коя. Это движение принесло боль. Суставы болели ужасно и, не меньше — голова.

— Подожди минуту, — сказал он. — Одна минута роли не играет.

Он поворачивал свою звенящую голову, пока в туннеле зрения не очутилась Мири. Почему-то она вся расплылась по краям. Кирк подошел к ней, осторожно переставляя ноги на медленно покачивающемся полу.

— Мири, — сказал он. — Послушай меня. Ты должна меня выслушать.

Она отвернулась. Он протянул руку и схватил ее за подбородок — гораздо более грубо, чем ему хотелось, — и заставил ее посмотреть на себя. Он едва соображал, что выглядит далеко не лучшим образом — обросший, покрытый потом и грязью, с запавшими красными глазами, с трудом выдавливающий из себя слова, которые никак не хотели складываться во фразы.

— У нас осталось... всего лишь несколько часов. У нас и у всех вас... у тебя... и твоих друзей. И... мы можем ошибиться. После этого не будет больше никаких старших, никаких оставшихся... никого... навсегда. Верни мне одну из этих... машин, передатчиков. Или ты хочешь, чтобы на твоих руках оказалась кровь всего этого мира? Подумай, Мири, подумай хотя бы раз в своей жизни!

Она отвела взгляд. Теперь она смотрела на Дженис. Он снова заставил ее посмотреть себе в глаза. — Сейчас же, Мири. Сейчас. С е й ч а с !

Она судорожно глотнула воздух.

— Я попытаюсь достать тебе одну машинку, — сказала она. Затем вырвалась из его рук и исчезла.

— Мы больше не можем ждать, — услышал он холодный голос Мак-Коя. — Даже если бы у нас и имелось заключение компьютера, оно ничем бы нам не помогло.

— Я могу побиться об заклад на всю вашу годовую зарплату, — сказал Спок, что — этот антитоксин — смертоносен.

Сквозь туман боли Кирк смог разглядеть, что Мак-Кой усмехнулся.

— Принято, — сказал он. — Болезнь смертельна — это уж точно. Но если я и проиграю, мистер Спок, то как вы получите выигрыш?

Он поднял руку.

— Стой! — Прохрипел Кирк. Но он опоздал — если даже предположить, что Мак-Кой в этот последний момент мог послушаться своего капитана. Этот миг принадлежал Мак-Кою, это была его вселенная, неподвластная никому. Раздалось

шипение инъектора, приставленного к покрытой синими прыщами руке врача.

Мак-Кой спокойно положил инъектор на стол и сел.

— Сделано, — сказал он. — Я ничего не чувствую.

Вдруг глаза его закатились, и он судорожно ухватился за стол. — Как видите... джентльмены... все в полном...

И упал головой на стол.

— Помогите мне его перенести, — мертвым голосом произнес Кирк.

Вместе со Споком он перенес тело врача на ближайшую кушетку. Лицо Мак-Коя, за исключением прыщей, было совершенно восковым. И впервые за последние несколько дней он выглядел умиротворенно. Кирк присел на край кушетки рядом с ним и пощупал пульс. Он был частым и неравномерным, но все же был.

— Я... не понимаю, как антитоксин мог так быстро подействовать, — произнес Спок. Его голос прозвучал, как шепот из могилы.

— Быть может, он лишь потерял сознание. Я уже сам почти готов. Черт бы побрал упрямство этого человека.

— Знание, — откуда-то издали сказал Спок, — имеет свои привилегии.

Кирк ничего не понял. Спок был напичкан подобными многозначительными сентенциями. Очевидно, это были вулканианские афоризмы. В ушах Кирка стоял странный шум, словно его слух готов был составить компанию пропавшему зрению.

Затем Спок заметил:

— Похоже, что я тоже на грани — быстрее, чем я думал. Начались галлюцинации.

С огромным трудом Кирк оглянулся. Затем попытался усмехнуться. Если у Спока начались галлюцинации, то значит, они начались и у Кирка.

В комнату входила целая процессия детей, возглавляемая Мири. Они были различного роста и возраста — от почти грудных, до подростков лет двенадцати. И выглядели они так, словно провели жизнь в магазине. Кое-кто из мальчишек постарше был одет в костюмы, некоторые — в военную форму или в ушитые костюмы звездолетчиков, в невероятно большие спортивные костюмы. Девочки выглядели получше, так как почти все были одеты в вечерние платья; у некоторых платья были, словно у оперных певиц, многие увешаны драгоценностями. Но заправлял всеми высокий рыжий мальчуган — или нет, это были не волосы, а парик, с ценником,

все еще свисавшим на нити. Позади него подпрыгивал толстенный мальчишка, несший на бархатной подушечке нечто, похожее на корону.

Это смахивало на сумасшедшее видение Детского Крестового Похода. Но, самым идиотским было то, что все дети были нагружены оборудованием — оборудованием их группы. Здесь были три передатчика: Дженис и охранники свои не привезли. Были также два пропавших трикордера — свой Мак-Кой держал в лаборатории. И, наконец, на бедре у парня в рыжем парике был, болтался фазер. В каком же изнеможении они были, если даже не заметили исчезновения одного смертоносного предмета! Кирк попытался прикинуть, не пользовался ли им этот парень, и если да — то не причинил ли он кому-нибудь вреда.

Мальчуган заметил его взгляд и каким-то образом догадался, о чем подумал Кирк.

— Я использовал его на Луизе, — угрюмо произнес он. — Мне пришлось. Она вдруг стала старшей — совершенно неожиданно — когда мы играли в школу. Она была чуть постарше меня.

Он протянул оружие Кирку и тот отрешенно взял фазер. А другие дети подошли к длинному столу и начали молча складывать на него оборудование. Мири осторожно приблизилась к Кирку.

— Мне жаль, — сказала она. — Все это было неправильно, и я не должна была этого делать. Мне было довольно трудно убедить Яна, что это уже больше не дурашка. — Она оглянулась на восковую фигуру Мак-Коя. — Неужели слишком поздно?

— Может быть, — прошептал Кирк. У него хватило сил лишь на это. — Мистер Спок, как вы думаете, вы могли бы передать данные Фаррелу?

— Я попытаюсь, сэр.

Возмущенный Фаррел, несколько успокоившись, потребовал объяснений. Спок оборвал его и передал цифры. Затем оставалось только ждать, пока материал обработают. Кирк снова подошел к Мак-Коя, чтобы посмотреть на него, и к нему присоединилась Мири. Теперь он как-то отстраненно понимал, что она, несмотря на все неприятности, причиненные ею, сделала гигантский шаг к взрослой жизни, решив вернуть оборудование. Было бы обидно потерять сейчас все это — и больше всего Мири, вступившую в весну своих обещаний, которую она ждала три убогих века. Он обнял ее, и она с благодарностью взглянула на него.

Но что это, неужели опять ухудшилось зрение, или прыщи все же начали пропадать с тела Мак-Коя? Нет, действительно, они стали меньше и почти потеряли цвет.

— Мистер Спок, — произнес Кирк, — подойдите, проверьте меня.

Спок посмотрел и кивнул головой.

— Отступают, — сказал он. — А теперь, если не будет серьезных побочных эффектов... — Зуммер передатчика прервал его. — Спок на связи.

— Фаррел — планетной группе. Идентификация верна, повторяю, верна. Поздравляю. Объясните мне, как вы переварили всю эту массу кусочков и осколков не имея ничего, кроме биокомпа?

Кирк и Спок обменялись усталыми усмешками.

— Нет, — ответил Спок, — мы все это проделали в уме доктора Мак-Коя. Конец связи.

— А все же биокomp помог, — заметил Кирк. Он протянул руку и погладил приземистую машину. — Хорошая киса.

Мак-Кой пошевелился. Затем попытался сесть, но выражение его лица все еще было словно затуманенное.

— Прошу прощения, доктор, — сказал Кирк. — Если вы уже достаточно отдохнули, то проведение инъекций, по моему, является вашей прерогативой.

— Сработало? — хрипло произнес Мак-Кой.

— Все отлично сработало, и корабельный компьютер сообщил, что это то, что надо. И вы — герой этого часа, безмозглый вы идиот.

Они покинули систему недель позже, оставив на планете все запасы антитоксина, которые только смогли произвести корабельные машины. Вся группа, побывавшая на планете, стояла вместе с Фаррелом на командном мостике «Энтерпрайза», глядя на удаляющуюся планету

— А все же мне как-то не по себе, — сказала Дженис Рэнд. — Как бы не были они стары хронологически, они все еще только дети. И оставить их там одних, с одной лишь медгруппой в качестве помощи...

— Они не прожили бесцельно все эти годы, — сказал Кирк. — Только погляди, что сделала Мири. Они схватывают все очень быстро, их нужно лишь чуть-чуть направить. Кроме того, я уже приказал лейтенанту Ухуре передать сообщение на Землю... Если бы на этой планете было субпространственное радио, не произошло бы такой длительной

агонии. Но, когда улетели первые колонисты, его еще не изобрели... Космоцентр пошлет туда учителей, техников, администраторов... — наверное... и воспитателей, — добавил Мак-Кой.

— Без сомнения. С детишками все будет в порядке.

Затем Дженис Рэнд медленно, как бы в задумчивости, произнесла:

— Мири... она... действительно была в вас влюблена, капитан. Вы это знаете? Вот почему она сыграла с вами эту шутку.

— Знаю, — ответил Кирк. — И, разумеется, польщен. Но скажу вам по секрету, старшина. Я принял за правило, никогда не связываться с женщинами старше себя.

Совесть Короля

— Любопытное зрелище, — сказал Кирк. — В каких только костюмах не приходилось мне видеть «Макбет», — от звериных шкур до военных униформ, но в арктурианском платье еще не доводилось. Наверное, актерам приходится приспосабливаться к аудиториям самого разного рода.

— Это точно, — ответил доктор Лейтон. Он обменялся взглядами с Мартой Лейтон; в его голосе чувствовались интонации, которые Кирк никак не мог определить. Казалось, не было никаких оснований для тревоги. Сад Лейтона, освещенный яркими лучами Арктура, был теплым и приятным; их гостеприимство, включая пьесу, сыгранную прошлым вечером, было отменным. Но время шло; старые друзья — старыми друзьями, но Кирку пора было возвращаться к своим обязанностям.

— У Каридана отличная репутация, — сказал он, — он ее заслужил. Но теперь, Том, пожалуй, пора перейти к делу. Мне сообщили, что твой новый синтетик — как раз то, в чем мы очень нуждаемся.

— Нет никакого синтетика, — тяжело вздохнул Лейтон. Помнишь Каридана? Какой голос! Ты должен его помнить; ты там был.

— Где был? — удивленно спросил Кирк. — На представлении?

— Нет, — ответил Лейтон, и его изуродованное, скрюченное тело беспокойно вздрогнуло в кресле. — На Тарсе IV, во время Мятежа. Конечно, это было двадцать лет назад, но ты не мог забыть. Вся моя семья была уничтожена, погибли многие твои друзья. И ты видел Кодоса — и слышал его.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнес Кирк, — что заставил меня сделать крюк в три световых года только потому, что обвиняешь актера в том, что он якобы является Кодосом-Палачом? И что же я запишу в свой бортовой журнал? Что ты солгал? Что ты изменил курс звездолета на основании фальшивой информации?

— Она не фальшивая. Каридан — это Кодос.

— Я не об этом. А о твоей сказке про синтетическую пищу. Кроме того, Кодос — ведь мертв.

— Неужели? — спросил Лейтон. — Тело, обожженное до неузнаваемости — разве это свидетельство? И осталось так мало свидетелей, Джим; ты, я, да, может быть, еще шестеро или семеро тех, кто действительно видел Кодоса и слышал его голос. Может ты и забыл, но я никогда не смогу забыть это.

Кирк повернулся к Марте, но она лишь мягко произнесла:

— Я ничего не могу ему сказать, Джим. Как только он услышал голос Каридана, все сразу же вновь нахлынуло на него. И едва ли я могу обвинять его в этом. Потому, что до нас дошло — это была кровавая бойня... и Том не был просто свидетелем. Он был жертвой.

— Нет, это я знаю, — произнес Кирк. — Но месть тоже не поможет, — и я не могу позволить всему «Энтерпрайзу» участвовать в личной вендетте, что бы я сам при этом не испытывал.

— А как насчет справедливости? — спросил Лейтон. — Если Кодос жив, не должен ли он заплатить? Или, по крайней мере, быть лишенным права общаться с людьми пока он не устроил побоище? Четыре тысячи людей, Джим!

— Здесь я вынужден с тобой согласиться, — неохотно признал Кирк. — Хорошо, вот что я сделаю; я проверю корабельную библиотеку и по компьютеру посмотрю, что у меня есть по о б о и м. Если твоя догадка — всего лишь дикое подозрение, это, пожалуй, скорейший вариант все выяснить. Если же нет — я готов выслушать тебя до конца.

— Достаточно честно, — ответил Лейтон.

Кирк вытащил передатчик и вызвал «Энтерпрайз».

— Библиотечный компьютер... Дайте мне все, что у вас есть по человеку, известному как Кодос-Палач. Потом, проверьте все по актеру по имени Энтон Каридан.

— Работаю, — ответил компьютер. Затем сообщил:

— Кодос-Палач, Глава Военного Совета мятежников, планета Тарс IV, двадцать лет тому назад. Население из восьми тысяч землян понесло жестокие потери. Почти все запасы пищи были уничтожены в результате заражения грибом. Кодос использовал ситуацию для проведения в жизнь своей теории евгеники, уничтожив при этом примерно пятьдесят процентов населения колонии. Разыскивался земными силами с момента подавления мятежа. Найдено обожженное тело; дело закрыто. Биографические данные...

— Это пропустить, — прервал Кирк. — Продолжай.

— Каридан, Энтон. Руководитель и ведущий актер бро-

дочей труппы актеров, финансируемой по проекту межзвездного культурного обмена. Последние девять лет в основном гастролирует по официальным приглашениям. Дочь, Ленора, девятнадцати лет, ведущая актриса труппы. Каридан — затворник; нынешний, согласно его заявлению, тур является последним. Отзывы...

— Это тоже пропусти. А данные о его деятельности до того, как он стал актером?

— Ничего нет. Это вся информация.

Кирк медленно убрал передатчик.

— Так-так, — произнес он. — Знаешь, я все еще считаю, что это всего лишь предположение, Том... но, думаю, мне тоже стоило бы посетить сегодняшнее представление.

После представления Кирк, обогнув сцену, отправился за кулисы, имевшие вполне традиционный вид, и постучался в дверь с изображением звезды. Спустя мгновение ему открыла Ленора Каридан, столь же прекрасная, хотя и не столь странная, как арктурианская Леди Макбет. Она вопросительно подняла брови.

— Я видел ваш спектакль сегодня вечером, — произнес Кирк. — И прошлым вечером тоже. Я только хотел выразить свое восхищение... вам и Каридану.

— Благодарю вас, — вежливо ответила она. — Мой отец будет очень рад, мистер...?

— Капитан Джеймс Кирк, звездолет «Энтерпрайз».

Это произвело на нее заметное впечатление — как и то, что он два вечера подряд был на их спектаклях. Она сказала:

— Мы польщены. Я передам ваш отзыв отцу.

— Нельзя ли мне его увидеть?

— Извините, капитан Кирк. Но он ни с кем не видится лично.

— Актер, отворачивающийся от своих поклонников? Это очень необычно.

— Каридан — очень необычный человек.

— Тогда я поговорю с Леди Макбет, — сказал Кирк. — Если у вас нет возражений. Я могу войти?

— Ну... разумеется. Она отступила в сторону. В гримерной была свалена целая груда театральных ящиков, готовых к отправке. — Простите, ничего не могу вам предложить.

Кирк с улыбкой посмотрел на нее.

— Вы очень скромны.

Она улынулась в ответ.

— Как видите, все уже упаковано. Следующие два спектакля у нас на Венеции, если «Звездная Королева» нас туда вовремя доставит. Мы уезжаем сегодня вечером.

— Это хороший корабль, — заметил Кирк. — А вам нравится ваша работа?

— В основном. Но играть классику сегодня, когда большинство публики предпочитает смотреть эти абсурдные трехмерные видеопостановки... Это не всегда приносит такое удовольствие, как могло бы.

— Но вы продолжаете, — заметил Кирк.

— О, да, — ответила она с едва заметной горечью. — Отец считает, что это наш долг перед публикой. Но из этого не следует, что публика всегда понимает классику.

— Она сегодня вечером очень хорошо вас принимала. Вы были исключительно убедительны как Леди Макбет.

— Благодарю вас. А как Ленора Каридан?

— Вы произвели на меня впечатление. — Он помедлил мгновение. — Мне хотелось бы увидеться с вами еще раз.

— Как с актрисой?

— Необязательно.

— Я... думаю, я была бы не против, но, сожалению, мы должны придерживаться графика.

— Ну, график не всегда столь жесток, как может показаться на первый взгляд, — сказал Кирк. — Что ж, посмотрим, что будет?

— Хорошо. Будем надеяться на лучшее.

Ответ был обещающим, хотя и несколько неопределенным. Но у Кирка не оказалось возможности продолжить свое исследование. Неожиданно, настойчиво зазвучал сигнал вызова.

— Извините, — сказал он. — Это вызывает мой корабль... Кирк слушает.

— Вызывает Спок, капитан. Я должен немедленно сообщить вам. Доктор Лейтон мертв.

— Мертв? Вы уверены?

— Абсолютно, — произнес Спок. — Мы только что получили сообщение от Кью-Центра. Он был убит — заколот.

Кирк медленно убрал прибор обратно в карман. Ленора наблюдала за ним. На ее лице не было видно ничего, кроме простодушной симпатии.

— Я должен покинуть вас, — сказал он. — Возможно, я свяжусь с вами позднее.

Кирк направился прямо в дом Лейтонов. Тело все еще находилось там, рядом не было никого, кроме Марты, но это ни о чем ему не говорило: он не был специалистом в подобных вещах. Он мягко взял Марту за руку.

— На самом деле он умер еще в день приезда этих актеров, — очень тихо произнесла она. — Его убила память. Джим... ты думаешь, что кто-нибудь из уцелевших смог хоть на миг забыть об этой трагедии?

— Мне очень жаль, Марта.

— Он был убежден, когда увидел этого человека, — продолжала она. — Двадцать лет прошло с тех ужасных событий, но он был уверен, что Каридан — именно тот человек. Это возможно, Джим? Неужели он все-таки Кодос?

— Я не знаю. Но пытаюсь разузнать.

— Двадцать лет к нему по ночам приходили кошмары. Я будила его, и он говорил, что все еще слышит крики невинных — и молчание казненных. Ему так никогда и не сказали, что произошло с его семьей.

— Боюсь, что в их участи не приходится сомневаться, — сказал Кирк.

— И эта неизвестность, Джим, неизвестность — те, кого ты любил мертвы или живы? Когда ты знаешь, ты их оплакиваешь, но рана затягивается, и ты продолжаешь жить. Но когда ты не знаешь ничего, каждый рассвет для тебя — погребение. Это убило моего мужа, Джим, а вовсе не нож... Я знаю это точно.

Она попыталась улыбнуться, и Кирк порывисто сжал ей руку.

— Все в порядке, — сказала она, словно это она должна была кого-то успокаивать. — По крайней мере, теперь он успокоится. У него ведь никогда не было спокойствия. Наверное, мы никогда не узнаем, кто убил его.

— Я узнаю, черт бы меня побрал, — заявил Кирк, — узнаю это.

— Это уже не имеет значения. Довольно мстить. Пора это прекратить. Давно пора.

И вдруг слезы все же полились из ее глаз.

— Но я не забуду его. Никогда.

Кирк ворвался на борт корабля в такой неопишущей ярости, что никто даже не осмелился с ним заговорить. По пути в каюту он рывкнул в интерком:



- Ухура!
- Да, капитан, — ответила офицер связи; ее обычно твердый голос, прозвучал чуть ли не как писк.
- Соедините меня с капитаном Дэли, «Звездная Королева». Она сейчас пристыкована к орбитальной станции. И включите скрэмблер.
- Есть, сэр... Он на связи, сэр.
- Джон, это Джим Кирк. Ты мог бы оказать мне маленькую услугу?
- Я должен тебе, по крайней мере дюжину, — ответил ему Дэли. — И еще дюжины две стаканчиков выпивки. Выкладывай свое убойное.
- Спасибо. Я хочу, чтобы ты передал мне свой груз.
- Ты хочешь заграбастать актеров?
- Именно, — ответил Кирк. — Я повезу их дальше. И если возникнут какие-нибудь сложности, все под мою ответственность.
- Сделаем.
- Я рад. Объясню все позже — надеюсь. Конец связи... Лейтенант Ухура, теперь мне нужен библиотечный компьютер.
- Библиотека.
- Запросите файл Кодоса. Мне сказали, что уцелело восемь или девять человек, бывших живыми свидетелями резни. Я хочу знать их имена и статус.
- Работаю... По порядку возраста: Лейтон Т., покойный. Молсон Е., покойный...
- Минутку, мне нужны оставшиеся в живых.
- Они остались в живых после резни, — четко доложил компьютер. — Покойные — недавние жертвы убийств, все дела еще не закрыты. Инструкции.
- Кирк сглотнул. — Продолжай.
- Кирк Дж., капитан, Зт. «Энтерпрайз». Вейганд Р., покойный. Эймс С, покойный. Дайкен Р., связист, Зт. «Энтерпрайз»...
- Что?
- Дайкен Р., связист, «Энтерпрайз», возраст во время инцидента с Кодосом — пять лет.
- Хорошо, прервись, — приказал Кирк. — Ухура, соедините меня с мистером Споком... Мистер Спок, проследите чтобы подобрали трупку актеров Каридана и чтобы их занесли в бортовой журнал как отставших. Вероятно, они дадут специальное представление для офицеров и команды. Наш следующий пункт назначения — Эта Бенеции. Сообщите мне время прибытия, как только обработаете данные.

— Слушаюсь, сэр. А что насчет образчиков синтетической пищи которые мы должны были забрать у доктора Лейтона?

— Таковых не существует, мистер Спок, — коротко ответил Кирк.

— Это тоже необходимо отметить. Отклонение звездолета с курса...

— Это серьезное дело. Что ж, пятнышко на имени доктора Лейтона уже ничем ему не может повредить. И еще, мистер Спок. Покой труппы Каридана требую соблюдать свято. Они могут свободно передвигаться по кораблю, как предусмотрено правилами, но их каюты — экстерриториальны. Передайте это всем.

— Да, сэр. — В голосе Спока невозможно было уловить никаких эмоций; впрочем, как и всегда.

— И, наконец, последнее, мистер Спок. В отношении лейтенанта Роберта Дайкена, офицера связи. Пожалуйста, переведите его в инженерную секцию.

— Сэр, — сказал Спок, — он только что перешел из инженерной секции.

— Я знаю. Отошлите его назад. Ему нужно поднабраться еще немного опыта.

— Сэр, будут ли какие-нибудь пояснения? Он неминуемо заподозрит, что этот перевод — дисциплинарная мера.

— Ничем не могу помочь, — вежливо ответил Кирк. — Выполняйте. И сообщите мне, когда Кариданы прибудут на борт.

Он помедлил и посмотрел на потолок, не в силах сдержать угрюмую улыбку.

— Я думаю, — сказал он, — мне придется провести с молодой леди экскурсию по кораблю.

Последовала довольно долгая тишина. Наконец, Спок совершенно нейтрально ответил:

— Как прикажете, сэр.

В этот час двигательный отсек был пуст, и в нем было тихо, если не считать тихого пульсирующего гудения огромных двигателей; «Энтерпрайз» шел в пространстве. Ленора огляделась и улыбнулась Кирку.

— Вы специально приказываете, в таких случаях притушить свет?

— Хотел бы я сказать «да», — ответил Кирк. — Но на самом деле, мы просто стремимся как можно точнее имитиро-

вать смену дня и ночи. У человеческих существ имеется встроенный цикл чередования сна и бодрствования; и мы стараемся следовать ему.

Он показал на огромные кожухи.

— Вам это интересно?

— О, да... Вся эта энергия — и в полной вашей власти. Вам это нравится, капитан?

— Я надеюсь, что во мне больше от человека, чем от машины, — ответил он.

— Во всяком случае — интригующее сочетание того, и другого. Вся эта сила в вашем распоряжении... Но решения...

— ...абсолютно человеческие.

— Вы уверены? — спросила она. — Абсолютно, пожалуй; но человеческие ли?

Кирк мягко произнес:

— Можете быть уверены.

Сзади неожиданно раздались чьи-то шаги. Кирк выжидающе обернулся. Это оказалась старшина Рэнд, выглядящая в этом свете особенно привлекательно, несмотря на свою униформу... и излишне серьезное выражение лица. Она протянула конверт.

— Извините, сэр, — сказала она. — Мистер Спок подумал, что вы должны получить это немедленно.

— Именно так. Благодарю вас, — Кирк убрал конверт в карман. — Это все.

— Да, сэр. — Девушка удалилась, не моргнув и глазом. Ленора наблюдала, как она уходила, и, казалось, ее что-то позабавило.

— Красивая девушка.

— И очень исполнительная.

— А вот и тема, капитан. Расскажите мне о женщинах вашего мира. Изменили ли их машины? Сделали ли они из женщин просто людей?

— Вовсе нет, — ответил Кирк. — На этом корабле у них те же права и обязанности, что и у мужчин. Они совершенно равноправны; соревнуются на равных и не имеют никаких особых привилегий. Но они, по-прежнему, — женщины.

— Я это вижу. Особенно та, которая только что ушла. Такая хорошенькая. Боюсь, я ей не понравилась.

— Чепуха, — воскликнул Кирк несколько более просто-душно, чем намеревался. — Вам просто кажется. Старшина Рэнд — исключительно деловой человек.

Ленора опустила взгляд.

— Все же вы мужчина, капитан. Вы, командир звездолета, так мало знаете о женщинах. И все же, я едва ли могу винить ее.

— Человеческая натура не изменилась, — сказал Кирк. — Повзрослела, может быть, стала богаче... но ничуть не изменилась.

— Это меня немного успокаивает. Понимание того, что люди по-прежнему могут чувствовать, мечтать, влюбляться... все это, но и могущество тоже! Словно Цезарь... и Клеопатра.

Она придвигалась все ближе и ближе, но очень медленно. Кирк оценил ситуацию и обнял ее.

Поцелуй был страстным и долгим. Она первая прервала его, посмотрев ему в глаза; выражение ее лица было наполовину умиротворенным, наполовину шутливым.

— Я должна была знать, — сказала она. — Я никогда еще не целовала Цезаря.

— Репетиция, мисс Каридан?

— Представление, капитан.

Они снова поцеловались. Что-то хрустнуло на груди Кирка. Спустя какое-то время он осторожно взял ее за плечи и слегка отстранил, но недалеко.

— Не прерывайтесь.

— Я не прерываюсь, Ленора. Но надо бы посмотреть, что мне переслал Спок, что он счел настолько важным. У него имелся приказ не следить за мной.

— Понятно, — сказала она, посерьезнев.

— Капитаны звездолетов прежде говорят, а уж потом целуются. Что ж, посмотрите, что вам прислали.

Кирк вытащил конверт и разорвал его. Послание было коротким, четким, в духе Спока. Оно гласило:

«Офицер корабля Дайкен отравлен, состояние серьезное. Доктор Мак-Кой выясняет причину и подбирает противоядие. Требуется вашего присутствия.»

Спок.»

Ленора увидела, как изменилось лицо Кирка. Наконец она сказала:

— Мне кажется, что я вас потеряла. Надеюсь, не навсегда.

— Вряд ли, — ответил Кирк, пытаясь улыбнуться, но это

ему не удалось. — Просто я должен был раньше посмотреть эту записку. Извините меня, пожалуйста; и, — доброй ночи Леди Макбет.

Когда Кирк прибыл в госпитальный отсек, Спок и Мак-Кой уже были там. Дайкен лежал на столе, от его покрытого испариной тела тянулись многочисленные провода к контрольному пульту, который, казалось, тихо сходил с ума. Кирк бросил быстрый взгляд на пульт, однако показания этих приборов мало что ему говорили. Он спросил:

— Он выживет? Что произошло?

— Кто-то подложил ему в молоко тетралубизол, — сказал Мак-Кой. — Неуклюжая работа — эта штука весьма ядовита, но почти не растворяется. Так что выделить ее оказалось легко. Он еще плохо себя чувствует, но шансы неплохие. Больше, мне нечего сказать, Джим.

Кирк бросил острый взгляд сперва на врача, затем на Спока. Они оба следили за ним, как коты.

— Прекрасно, — сказал он. — Вижу, что теперь, я следующий. Так почему бы вам не начать свою лекцию, мистер Спок?

— Дайкен был предпоследним свидетелем по делу Кодоса, — ровно проговорил Спок. — Вы — последний. Доктор Мак-Кой и я проверили библиотеку, как и вы, и получили ту же информацию. Мы предполагаем, что вы ухаживаете за мисс Каридан, чтобы получить информацию, — но следующее покушение будет на вас. Совершенно очевидно: вы и Дайкен до сих пор оставались в живых только потому, что находились на борту «Энтерпрайза». Но если был прав доктор Лейтон, — у вас больше нет такого преимущества, и покушение на Дайкена, похоже, это подтверждает. Короче, вы сами пригласили смерть.

— Я уже делал это прежде, — ответил устало Кирк. — Если Каридан — это Кодос — я хочу его прижать. И все. Установление истины — часть моей работы.

— Вы уверены, что это все? — спросил Мак-Кой.

— Нет, Боунс, совсем не уверен. Помнишь, кем я тогда был на Тарсе — простым механиком, попавшим в гущу революции. Я видел, как женщин и детей загоняли в камеры, из которых не было выхода... и возомнивший себя мессией, полусумасшедший Кодос нажимал клавишу. И затем, внутри никого не оказывалось. Четыре тысячи людей — исчезнувшие, мертвые, — а я должен был стоять и дожидаться своей очереди.

ди... Я не могу забыть этого, как не мог забыть Лейтон. Я думал, что забыл, но ошибался.

— И что будет, если ты решишь, что Каридан — это Кодос? — спросил Мак-Кой. — Что тогда? Ты триумфально пронесешь по коридорам его голову? Этим мертвых не вернешь!

— Конечно же, нет, — ответил Кирк. — Но, по крайней мере, они смогут покоиться в мире.

— Мне отмщение, и аз воздам, сказал Господь, — почти прошептал Спок. Оба мужчины испуганно уставились на него.

Наконец Кирк сказал:

— Это правда, мистер Спок, что бы это ни означало для человека другого мира, вроде вас. Я ищу не отмщения. Я ищу справедливости и предотвращения. Кодос убил четыре тысячи человек, и пока он на свободе, он может снова устроить резню. Но еще учтите, Каридан — такое же человеческое существо, как и все мы, и обладает теми же правами. Он заслуживает той же справедливости. И если это возможно, с него необходимо снять все подозрения.

— Я не знаю, что хуже, — произнес Мак-Кой, переводя взгляд со Спока на Кирка, — человек-машина или капитан-мистик. Идите оба к черту и оставьте меня с пациентом.

— С радостью, — ответил Кирк. — Я собираюсь побеседовать с Кариданом, не обращая внимания на его правило не давать интервью. Он может попытаться убить меня, если ему захочется, но при этом ему придется уложить и моих офицеров.

— Короче, — произнес Спок, — вы считаете, что Каридан — это Кодос.

Кирк поднял руки.

— Конечно же, мистер Спок, — сказал он. — Неужели я настолько туп, чтобы так не думать? Но я хочу в этом убедиться. Это единственное определение справедливости, которое мне известно.

— Я, — произнес Спок, — назвал бы это логикой.

Каридан с дочерью не только не спали, когда открыли на стук Кирка, но уже наполовину были одеты в костюмы, готовясь к спектаклю, который они должны были дать перед командой «Энтерпрайза». Каридан был одет в рубище, которое могло быть одеянием Гамлета, призрака или короля-убийцы; что бы это ни было, выглядел он величественно.

Это впечатление он еще усилил, подойдя к высокому резному креслу и усевшись в него, словно на трон. В руках он держал довольно потрепанный томик пьесы, на котором карандашом было написано его имя.

Ленору было легче определить: она была сумасшедшей Офелией... или просто девятнадцатилетней девушкой в ночной рубашке. Каридан взмахом руки отослал ее. Она отступила с осторожным выражением лица, но все же осталась стоять у двери каюты.

Каридан повернул неподвижные, сияющие глаза в сторону Кирка и спросил:

— Что вам угодно, капитан?

— Я хочу прямого ответа на прямой вопрос, — сказал Кирк. — И обещаю: вам не причинят вреда на этом корабле, и с вами поступят по справедливости, когда вы его покинете.

Каридан кивнул, словно и не ожидал ничего другого. Капитан явно раздражал его. Наконец Кирк сказал:

— Я подозреваю вас, мистер Каридан. Вы это знаете. Мне кажется, что лучшую свою роль вы играете вне сцены.

Каридан угрюмо улыбнулся.

— Каждый человек в разное время играет разные роли.

— Но меня интересует только одна. Скажите мне: вы Кодос-Палач?

Каридан посмотрел на свою дочь, но казалось, не видел ее; глаза его были раскрыты, зрачки сужены, как у кошки.

— Это было давно, — сказал он. — Тогда я был еще молодым характерным актером, путешествовавшим по земным колониям... Как видите, я до сих пор этим занимаюсь.

— Это не ответ, — сказал Кирк.

— А что вы ожидали? Будь я Кодос, у меня на руках была бы кровь тысяч. Так признался бы я чужаку двадцать лет спустя, на столь долгий срок избежав более организованного судилища? Кем бы ни был Кодос в те дни, я никогда не слышал, чтобы о нем сказали: он был дураком.

— Я оказал вам услугу, — сказал Кирк. — И я обещал относиться к вам честно. Это не просто слова. Я — капитан этого корабля, и каково бы ни было правосудие — здесь оно в моих руках.

— А я воспринимаю вас иначе. Вы стоите передо мной, как четкий символ нашего технологического общества: механизированного, электронного, обезличенного... и не совсем человеческого. Я ненавижу машины, капитан. Они обездолили человечество, лишили человека стремления достигать ве-

личные собственными силами. Вот почему я актер, играющий в живую, а не тень в видеофильме.

— Рычаг — всего лишь орудие, — возразил Кирк. — У нас теперь есть новые орудия, но великие люди выживают и не чувствуют себя обделенными. Злодеи используют, орудия чтобы убивать, как это делал Кодос. Но это не означает, что сами эти орудия — зло. Оружие само не стреляет в людей. Это делают люди.

— Кодос, — сказал Каридан, — кто бы он ни был, должен был решать вопрос жизни и смерти. Некоторые должны были умереть, чтобы остальные остались жить. Это право королей, но это и их крест. И командиров тоже. Иначе зачем бы вы оказались здесь?

— Я что-то не помню, чтобы мне пришлось убить четыре тысячи невинных людей.

— И я этого не помню. Но зато я помню, что остальные четыре тысячи были спасены. Если бы я ставил пьесу о Кодосе, первым делом я бы вспомнил об этом.

— Это была не пьеса, — сказал Кирк. — Я был там. Я видел, как это произошло. И с тех пор все оставшиеся в живых свидетели систематически убивались... кроме двоих или троих. Один из моих офицеров был отравлен. Я могу быть следующим. И вот вы здесь, — человек, о котором у нас никакой информации, больше чем девятилетней давности — и определенно опознанный, не важно ошибочно или нет ныне покойным доктором Лейтоном. Думаете, я могу все это игнорировать?

— Нет, конечно же, нет, — ответил Каридан. — Но это ваша роль. У меня своя. Я сыграл много ролей. — Он посмотрел на свои старческие руки.

— Рано или поздно, кровь холодеет, тело старится, и, наконец, человек начинает радоваться, что его память слабеет. Я больше уже не ценю жизнь, даже свою собственную. Смерть для меня — всего лишь освобождение от ритуала. Я стар и устал, и прошлое для меня — туман.

— И это все, что вы можете ответить?

— Боюсь, что так, капитан. Разве вы всегда получали то, что хотели? Нет, ни у кого так не получается. Но если вам так везло, что ж, — остается только пожалеть вас.

Кирк пожал плечами и отвернулся. Он заметил, что Лейнора пристально смотрит на него, но ему было нечего ей сказать. Он вышел.

Она проследовала за ним. В коридоре, напротив двери, она произнесла ледяным шепотом:

— Вы — машина. С огромным кровавым пятном жестокости на металлической шкуре. Вы могли пощадить его.

— Если он Кодос, — ответил также тихо Кирк, — тогда я уже и так проявил к нему неслыханное снисхождение. Больше, чем он заслуживает. Если же он не Кодос, тогда мы доставим вас на Эту Венеции без всякого вреда.

— А кто вы такой, — угрожающе произнесла Ленора, — чтобы говорить о причиненном зле?

— А кем я должен для этого быть?

Она, казалось, собралась ответить, в глазах ее металось яростное холодное пламя. Но тут открылась дверь, и показался Каридан, уже не казавшийся таким высоким и величественным, как прежде. По ее щекам побежали слезы; она протянула руки к его плечам, голова ее опустилась.

— Отец...отец...

— Пустяки, — мягко сказал Каридан, придав себе чуть-чуть былого величия. — Это давно прошло. Я всего лишь дух твоего отца, приговоренный являться в назначенный час ночи...

— Успокойся!

Чувствуя себя полудюжиной злобных чудовищ, Кирк оставил их наедине.

Для спектакля зал заседаний переоборудовали в небольшой театр; там и тут виднелись камеры, чтобы постановку по трансляции могли наблюдать те члены экипажа, которые должны были оставаться на своих постах. Свет уже погасили, и Кирк, конечно, снова опоздал. Он как раз опускался в свое кресло — как капитану, ему полагалось кресло в переднем ряду, и он, не мешкая уселся в него, — когда занавес раздвинулся и появилась Ленора в белом костюме Офелии и гриме.

Она произнесла чистым, почти веселым голосом:

— Сегодня Каридан представляет «Гамлета» — еще одну пьесу из цикла живых пьес пространства, посвященную традициям классического театра, которые, как мы верим, никогда не умрут. «Гамлет» — жестокая пьеса о жестоком времени, когда жизнь не стоила почти ничего, а честолюбие было всем. Это пьеса вне времени; она о личной вине, сомнениях, нерешительности и незаметной грани между Правосудием и Местью.

Она исчезла, оставив Кирка в задумчивости. Никому не нужно было представлять «Гамлета», этот монолог предназначался только для него. Ему тоже не надо было напоминать, но послание, содержавшееся в прологе, он уловил.

Раздвинулся занавес, и пьеса началась. Но Кирк упустил

большую часть начала, поскольку именно в эту минуту появился Мак-Кой и уселся рядом с Кирком, и довольно долго при этом устраивавшийся.

— А вот и мы, вот и мы, — пробормотал он. — За всю долгую историю медицины ни один доктор не поспевал к поднятию занавеса.

— Заткнись, — сказал ему вполголоса Кирк. — Тебя предупреждали заранее.

— Да, но никто не говорил мне, что в последнюю минуту я потеряю пациента.

— Кто-нибудь умер?

— Нет, нет. Просто лейтенант Дайкен удрал из госпитального отсека, вот и все. Мне кажется, он тоже хотел посмотреть пьесу.

— Но она транслируется в госпитальный отсек!

— Я знаю это. Да успокойся ты, а? Как я могу что-то слышать, если ты постоянно что-то бубнишь.

Ругаясь про себя, Кирк встал и вышел. Как только он очутился в коридоре, он подошел к ближайшему интеркому и приказал начать поиск. Но, по распоряжению Мак-Коя, он уже шел.

Но обычный поиск, решил Кирк, явно недостаточен. Вся семья Дайкена была уничтожена на Тарсе... и кто-то пытался убить его самого. На этот раз нельзя было допустить и малейшей случайности; во время спектакля не только Каридан, но и весь корабль мог оказаться во власти эмоций... или мести.

— Службе безопасности — тревога высшей степени, — приказал Кирк. — Обыскать каждый дюйм, включая груз.

Постепенно стала поступать информация, и он вернулся назад в преображенный зал заседаний. Он был все так же встревожен, но сейчас больше ничего не мог сделать.

До его ушей донесся звук барабана. Сцена была окутана мглой, рассеиваемой лишь красным светом прожектора, и актеры, игравшие Марцелла и Горацио, сейчас покидали ее. Очевидно, что шла уже пятая сцена первого акта. В красном луче материализовалась фигура призрака и подняла руку, приглашая Гамлета, но Гамлет отказался последовать за ней. Призрак — Каридан, снова поманил его, и гром барабана несколько усилился.

Кирк не мог сейчас думать больше ни о чем, кроме того, что Каридан — отличная цель. Он быстро обогнул захваченную действием публику, направляясь за кулисы.

— Говори, — произнес Гамлет. — Я дале не пойду.

— Внемли мне, — гулко произнес Каридан.

— Слушаю тебя.

— Близится тот час, когда я снова должен покориться мучительному пламени...

И вдруг Кирк увидел Дайкена, притаившегося сбоку. Он уже нацелил фазер на Каридана.

— ...и суждено тебе найти отмщение...

— Дайкен! — воскликнул Кирк. Он ничего больше не мог сделать; ему пришлось кричать через всю сцену. Диалог оборвался.

— Я дух твоего отца, приговоренный являться в назначенный в ночи...

— Он убил моего отца, — сказал Дайкен. — И мою мать.

— ...и днем горю я в адском пламени, пока те злодеяния, что совершились в дни моего правления...

— Вернись в госпитальный отсек!

— Я знаю. Я видел. Он убил их.

— ...не будут сожжены и очищены...

Зрители стали переговариваться между собой; они слышали каждое слово. Слышал и Каридан. Он посмотрел в сторону Дайкена, но свет был слишком слаб, чтобы можно было что-то рассмотреть. Ослабевшим голосом он попытался продолжать.

— Я... я мог бы рассказать тебе...

— Ты можешь ошибаться. Не трать свою жизнь на ошибку.

— ...историю, что душу надорвет, и кровь младую заморозит в жилах...

— Дайкен, отдай мне оружие.

— Нет.

Несколько человек из зала встали. Кирк смог увидеть, как сбоку осторожно продвигалось несколько сотрудников службы безопасности. Но они опоздают. Дайкен в упор нацелился на Каридана.

Но тут задник декорации вдруг распахнулся, и появилась Ленора. Ее глаза были светлы и лихорадочны, в руке она держала несуразно длинный кинжал.

— Все кончено! — сказала она звонким, театральным голосом. — Все это не важно, отец. Я сильна! Придите же, о вы, духи огня и воздуха, позвольте плоть покинуть! Услышьте же меня...

— Дитя, дитя!

Она не слышала его. Она была сумасшедшей Офелией; но строки принадлежали Леди Макбет.

— Все призраки мертвы. Кто мог подумать, что в них

столько крови? Я освободила тебя, отец. Я сняла с тебя кровь. Если бы он не напоминал мне так моего отца, когда он спал, разве я когда-нибудь сделала бы это...

— Нет! — воскликнул Каридан голосом, полным ужаса. — Ты мне ничего не должна! Тебя не коснулось то, что я сделал, ты еще даже не родилась тогда! Я хотел, чтобы ты осталась чистой...

— Бальзам! Я дам тебе его! Ты в безопасности, никто не сможет тронуть тебя! Видишь, Банко здесь, видишь, Цезарь — даже он не может тебя тронуть. В этом замке прекрасные кресла.

Кирк вышел на сцену, краем глаза наблюдая за сотрудниками службы безопасности. Дайкена, казалось, заворожило действие в дымке, но его оружие все также было направлено в цель.

— Хватит, — сказал Кирк. — Оба идите со мной.

Каридан повернулся к нему, разведя руками.

— Капитан, — сказал он. — Постарайтесь понять. Я был солдатом великой цели. Были вещи, которые оказалось необходимо сделать — тяжелые вещи, ужасные вещи. Вы знаете цену этому; ведь вы тоже капитан.

— Прекрати, отец, — сказала Ленора до странности расудительным голосом. — Здесь нечего объяснять.

— Есть что. Убийство. Побег. Самоубийство. Сумасшествие. И цена все равно недостаточна; погибла и моя дочь.

— Для тебя! Для тебя! Я спасла тебя!

— Ценой семи невинных людей, — сказал Кирк.

— Невинных? — Ленора громко и театрально рассмеялась, словно сейчас она стала Медеей. — Невинных! Они видели! Они были виновны!

— Хватит, Ленора, — сказал Кирк. — Пьеса закончена. Все это уже произошло двадцать лет назад. Ты идешь со мной, или мне придется тебя тащить?

— Лучше уйдите, — произнес Дайкен, появляясь сбоку. Он вышел к рампе, все еще держа оружие, нацеленным. — Я не был бы таким милосердным, но у нас уже хватает сумасшествия. Спасибо, капитан.

Ленора резко повернулась к нему. Мгновенным движением, — словно зарница полыхнула — она выхватила у него оружие.

— Все назад! — закричала она. — Отойдите назад, все! Пьеса продолжается!

— Нет! — хрипло вскричал Каридан. — Во имя Бога, дитя...

— Цезарь, повелитель! Вы могли получить весь Египет! Бойтесь мартовских ид!

Она нацелила оружие на Кирка и нажала спуск. Но как ни быстра была она в своем сумасшествии, Каридад оказался быстрее. Луч ударил ему прямо в грудь.

Ленора взвыла, как брошенный котенок, и рухнула на колени рядом с ним. Охранники ворвались на сцену, но Кирк отмахнулся от них.

— Отец! — причитала Ленора. — О, гордая смерть, ты радуешься в своей вечной келье, что такой великий принц кроваво убит! — Она снова начала смеяться.

— Суть, отец, суть! Нет времени на сон! Игра! Игра — вот тот удел, которым мы закабалим совесть короля...

Мягкие руки отстранили ее от тела. А в ухо Кирку прошептал голос Мак-Коя:

— В конце концов, ей даже не удалось правильно процитировать строки.

— Позаботьтесь о ней, — бесстрастно сказал Кирк. — Кодос мертв... но мне кажется, что она имеет привычку гулять во сне.



Х. Бим ПАЙПЕР

МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК

Фантастический роман

Перевод с английского

*КЕННЕТУ С. УАЙТУ,
который помог Маленькому
Пушистику найти свое мес-
то в печати.*

1

Джек Хеллоуэй прищурился, оранжевое солнце слепило ему глаза. Нагнувшись к пульту управления, изменяющему скорость пульсации генераторов антигравитационного поля, он надвинул шляпу на лоб и поднял манипулятор еще на сотню футов. Некоторое время он сидел, дымя короткой трубкой, от которой пожелтели кончики его светлых усов, и смотрел вниз, на красноватый песчаник, покрытый кустарником, на каменистый провал ущелья в пятистах ярдах от него. Он улыбнулся, предвкушая добычу.

— Это будет великолепно, — громко сказал он самому себе, как человек, долгое время находившийся в одиночестве, оторванный от общества. — Мне хочется увидеть это великолепие.

Он всегда поступал так. Он мог вспомнить по крайней мере тысячу выстрелов из бластера, которые он произвел в прошедшие годы на разных планетах, включая также несколько термоядерных взрывов; все они были разными и всегда чем-нибудь отличались друг от друга, даже такие маленькие взрывы, как этот. Щелкнул переключатель. Большим пальцем Джек нащупал кнопку разрядника и излучил радиоимпульс; красный песчаник исчез в облаке дыма и пыли, вырвавшемся из ущелья; облако вращалось, приобретая медный цвет, когда свет солнца падал на него. Большой манипулятор, висящий в антигравитационном поле, мягко покачнулся, падающие осколки камней застучали по деревьям и с плеском упали в маленький ручей.

Джек подождал, пока машина стабилизируется, потом плавно повел ее вниз, где в нависающей скале зияла огромная рана. Хороший выстрел: обвалилась масса песчаника, треснула жила кремня, но вокруг разбросало не слишком много. Бы-

ло освобождено множество огромных плит. Протянув вперед когтистые лапы-манипуляторы, он захватил и дернул одну из плит, а затем, пользуясь нижней стороной захватов, поднял кусок плиты и опустил его на ровную площадку между скалой и ручьем. Он опустил на него другой кусок, разбил оба обломка, а затем еще и еще раз, пока не переработал все, что было взорвано. Затем он сел, достал шкатулку ручной работы, отрегулировал антигравитационный подъемник и поднялся к площадке.

Разбив первый кусок, он ничего в нем не нашел; сканнер дал непрерывное изображение однородной структуры. Подобрал кусок манипулятором, Джек раскачал его и сбросил в ручей. В пятнадцати кусках он обнаружил прерывистую структуру, что могло означать, что внутри находится солнечный камень или что-то другое — скорее всего, что-то другое.

Почти пятьдесят миллионов лет назад, когда планета, названная Заратуштрой (в последние двадцать пять лет), была молода, здесь находилось море со своей жизнью, в том числе и с существами, похожими на медуз. Эти существа после смерти опускались на морское дно, в ил; песок покрывал ил и спрессовывал его все прочнее и прочнее, до тех пор, пока он не превратился в плотный кремнезем, а погребенные медузы — в твердые камешки. Некоторые из них благодаря причудливым биохимическим реакциям сильно термофлюоресцировали; они были похожи на драгоценные камни и светились от тепла тела, на котором их носили.

На Земле или Бальдуре, Фрейсе или Иштаре один единственный осколочек полированного солнечного камня стоил небольшое состояние. Даже здесь они приносят заметный доход Компании Заратуштры, которая продает их тем, кто покупает. Продолжив дело и ожидая результатов, Джек достал из шкатулки небольшой вибромолот и стал осторожно оббивать камень вокруг чужеродного включения, пока в кремне не появилась трещина и не открыла гладкий желтый эллипсоид в полдюйма длиной.

— Состояние в тысячу солей — если это вообще чего-нибудь стоит, — прокомментировал он находку. Искусный удар здесь, другой там, и из кремня вырвался желтый лучик. Подняв эллипсоид, Джек потер его между ладонями рук, одетых в перчатки. — Кажется, это не то. — Он потер сильнее, затем поддержал камешек над горячей чашечкой своей трубки. Однако камень никак не реагировал на это. Он отбросил его. — Еще одна медуза, которая не жила праведной жизнью.

Позади него в кустах что-то шевельнулось и сухо зашеле-

стело. Джек сбросил с правой руки свободную перчатку и повернулся, оставив ногу в сторону. Он увидел то, что вызвало шум — существо в твердом панцире с ногами (шесть пар), переходившими в щупальца, и с двумя парами острых челюстей. Он остановился, поднял кусок кремня и с ругательством швырнул его. Еще одна проклятая, жуткая сухопутная креветка.

Он ненавидел сухопутных креветок. Они были ужасными созданиями, но это, в конце концов, не было их виной. Они были опасны. Они забирались в лагерь; они пытались все пробовать на вкус. Они заползали в машины, возможно, пытаясь отыскать там вкусную смазку, и причиняли вред. Они обгрызали изоляцию с проводов. Они пробирались в постели и кусались или, вернее, щипались очень болезненно. Никто не любил сухопутных креветок, даже сами сухопутные креветки.

Креветка увернулась от брошенного в нее камня, быстро пробежала несколько футов, и повернулась, размахивая щупальцами, что казалось насмешкой. Джек потянулся к бедру, но сдержал движение. Патроны к пистолету стояли безумно дорого, их не стоило расточать в порыве ребяческого возбуждения. Затем он подумал, что трата патронов на такую цель не является расточительством и что он в последнее время совсем не стрелял. Нагнувшись снова, он поднял другой камень и кинул его на фут ниже и левее креветки. Как только камень вылетел из его пальцев, его рука метнулась к прикладу длинноствольного автоматического пистолета. Он извлек его из кобуры и снял предохранитель прежде, чем камень упал. Как только креветка отбежала в сторону, он выстрелил с бедра. Квази-ракообразное разлетелось на куски.

— О, выстрелы Хеллоуэя все еще попадают в цель.

Было время, и не так давно, когда он считал это само собой разумеющимся. Теперь же он стал слишком стар, чтобы подтвердить это. Он большим пальцем передвинул предохранитель и убрал пистолет в кобуру, затем поднял перчатку и снова надел ее.

Он никогда еще не видел такого губительного множества сухопутных креветок, как этим летом. Они и в прошлые года были вездесущи, но не было ничего, подобного этому. Даже старожилы, находящиеся на Заратуштре со времен первых колонистов, не видели ничего подобного. Конечно, специалисты находили этому множество простых объяснений, но его изумляла их глупость. Может быть, слишком сухая погода как-то повлияла на их численность. Или увеличилось количество их естественной пищи и уменьшилось количество врагов.

Он слышал, что сухопутные креветки не имели естественных врагов, но он сомневался в этом. Кто-то же убивал их. Он видел раздавленные панцири креветок, некоторые из них находили недалеко от лагеря. Может быть, их давило какое-нибудь копытное, а затем трупы начисто обгладывали насекомые. Он спросит об этом Бена Рейнсфорда. Бен должен это знать.

Полчаса спустя сканнер показал ему еще один прерывистый рисунок узора. Джек отложил сканнер в сторону и взял маленький вибромолот. На этот раз это был большой боб, светившийся розовым светом. Джек отделил его от породы и потер. Тот мгновенно запылал.

— Ага! Теперь у меня есть хоть что-то нужное!

Он потер сильнее, затем нагрел боб над чашечкой своей трубки. Камень красиво засветился. Этот потянет больше чем на тысячу солей, сказал себе Джек. К тому же великолепный цвет. Сняв перчатки, он вытащил маленький кожаный мешочек из-под рубашки и развязал шнурок, на котором он висел. В мешочке находилось полторы дюжины камней, все светящиеся, как раскаленные угольки. Он несколько мгновений смотрел на них, затем бросил туда вновь найденный солнечный камень, сразу же затерявшийся среди остальных. Джек счастливо улыбнулся.

* * *

Виктор Гrego, прислушиваясь к своему собственному голосу, потирал солнечный камень на пальце ребром ладони, и ждал, когда тот оживет. Он заметил нотки хвастовства в своем голосе — неучтивый, невыразительный, его собственный голос звучал с ленты донесения. Если кто-нибудь из них заинтересуется, почему это так, они проиграют эту ленту через шесть месяцев на Земле в Иоганнесбурге, а сейчас она будет находиться среди груза в трюме корабля, который доставит ее сквозь пространство на расстояние в пятьсот световых лет. Она будет находиться среди слитков золота, платины и гадолиния. Мехов, биохимических препаратов и бренди. Духов, не поддающихся синтетической имитации. Невероятно пластичной и твердой древесины. Пряностей. И вместе со стальным ящиком, полным солнечных камней. Там также находились всевозможные предметы роскоши и товары, действительно заслуживающие доверия в межзвездной торговле.

А он говорил в донесении о других вещах. Количество мяса степняков увеличилось на семь процентов по сравнению с

прошлым месяцем и на двенадцать процентов по сравнению с прошлым годом. И оно все еще пользуется спросом на дюжине планет, не способных производить питательные вещества, пригодные для людей. Зерно, кожа, лесоматериалы. И он добавил более дюжины пунктов к обширному списку того, что Заратуштра теперь может производить в достаточных количествах. И она теперь уже почти не нуждается в импорте. Ни в рыболовных крючках, ни в пряжках — а также ни во взрывчатых веществах, ни в ракетном топливе, ни в запчастях для генераторов антигравитационного поля, ни в инструментах, ни в лекарствах, ни в синтетических тканях. Компания больше не нуждалась в импорте на Заратуштру. Заратуштра могла сама обеспечивать и себя, и Компанию.

Пятнадцать лет назад, когда Компания Заратуштры отравила его сюда, здесь были груды бревен и сборные хижины рядом с импровизированным посадочным полем почти на том же месте, где теперь стоит этот небоскреб. Сегодня Мэллори-Порт является городом с семидесятитысячным населением; всего на планете находятся около миллиона человек, и население все время увеличивается. В городе имеются сталеплавильные заводы, химические предприятия, фабрики ракетного топлива и механические мастерские. Они сами получали радиоактивные вещества из местных руд и недавно начали экспортировать некоторое количество очищенного плутония. Они даже взялись за производство защитных экранов!

Голос на пленке умолк. Виктор перемотал кассету, установил скорость в шестьдесят метров в секунду и передал запись в радиоцентр. Через двадцать минут копия будет на борту корабля, который этой ночью отправится к Земле. Когда он уже заканчивал, зажужжал зуммер связи.

— Мистер Грег, вас вызывает доктор Келлог, — сказала ему девушка из бюро связи.

Он кивнул. Руки девушки шевельнулись, и она исчезла в многоцветной вспышке; затем экран прояснился. На нем появился глава Отдела Научных Исследований и Изысканий. Быстро взглянув на дешифратор над экраном, Виктор почувствовал теплоту, симпатию и чистосердечность и увидел слегка ироническую улыбку.

— Хелло, Леонард. У вас там все нормально?

Виктор заговорил первым: Леонард Келлог требовал больше доверия, чем заслуживал, и он пытался первым обвинить кого-нибудь, прежде чем кто-нибудь успевал обвинить его.

— Добрый день, Виктор. — Келлог упомянул его имя в первый раз, и в голосе его промелькнуло уважение. Большого

человека к большому человеку. — Ник Эммерт говорил вам сегодня о проекте Большой Черной Воды?

Ник был Генеральным Резидентом Федерации. На Заратуштре он был земным представителем Федерации по всем делам. К тому же он был крупным держателем акций и привилегированным человеком в Компании Заратуштры.

— Нет. Этот проект подает какие-то надежды?

— Ну, я очень удивлен, Виктор. Он только что появлялся на моем экране. Он с какой-то враждебностью говорил о тесте на количестве осадков в Пейдмондской зоне на Континенте Бета. Он очень обеспокоен этим.

— Хорошо. Что-то могло воздействовать на количество осадков. В конце концов, мы осушили полмиллиона квадратных миль болот и избавились от преобладающих западных ветров. К востоку от нас была зона сильной влажности. Что беспокоит Ника, и почему он враждебен?

— Ну, Ник испуган общественным мнением на Земле. Вы знаете чувства масс народа, большое стремление противопоставить свое мнение какой-нибудь форме разрушительной эксплуатации.

— Милостивый боже! Человек не может назвать высвобождение пятисот тысяч квадратных миль земли и их заселение разрушительной эксплуатацией. Он так сказал?

— Ну, нет. Он не говорил этого. Конечно, нет. Но он интересовался слухами о нашем нарушении экологического равновесия, вызывающем засухи. Слухами, которые достигли Земли. Есть и факты, я специально поинтересовался сам.

Он знал, что они оба обеспокоены этим. Эммерт, нануганный Федерацией Колониальной Службы, мог обвинить его, направляя на него огонь консервативно настроенной части населения. Келлог боялся, что его обвинят в том, что он не предвидел всех последствий, прежде чем проект был утвержден. Как руководитель проекта он продвинулся в иерархии Компании так далеко, как только мог. Теперь он находился на беговой дорожке Красной Королевы, которая, как дьявол, мчалась к цели.

— За прошлый год выпало всего десять процентов осадков и пятнадцать за позапрошлый, — говорил Келлог. — И некоторые люди, не имеющие отношения к Компании, на этом добились власти и высокого положения. Они использовали Межзвездные Новости. Что ж, даже некоторые из моих людей обсуждают экологические стороны проекта. Вы знаете, что произойдет, когда это станет известно на Земле. Оставшиеся там фанатики получают повод и будут критиковать Компанию.

Это сильно задевало Леонардо. Он отождествлял себя с Компанией. Она была для него чем-то более великим и могущественным, чем он сам, она была для него словно Господь Бог.

Виктор Грегго отождествлял Компанию с собой. Она была для него чем-то большим и могущественным, словно летательный аппарат, и он управлял им.

— Леонард, маленькая критика не повредит Компании, — сказал он. — Эти вопросы не повлияют на ее дивиденды. Я боюсь, вы тоже восприимчивы к критике. Во всяком случае, откуда Эммерт получает эти рассказы? От наших людей?

— Нет, конечно, нет, Виктор. Это не они. Их распространяет Рейнсфорд.

— Рейнсфорд?

— Доктор Беннет Рейнсфорд, естествоиспытатель, Институт Ксенобиологии. Я никогда ни на грош не доверял этим людям, они всегда суют свой нос не в свое дело, и Институт всегда передает их донесения Колониальной Службе.

— Я знаю, кого вы сейчас имели в виду: невысокий парень с рыжими бакенбардами, всегда выглядит так, будто он спит в одежде. Ну, конечно, люди из Института Ксенобиологии всегда суют нос не в свое дело, и, конечно, они докладывают о своих открытиях правительству, — он начал терять терпение. — Я не думаю, чтобы все это меняло дело, Леонард. Этот Рейнсфорд великолепно провел наблюдения за метеорологическими эффектами. Я предлагаю вашим метеорологам проверить его выводы, и если они верны, передавать их своим службам вместе с другими вашими открытиями.

— Ник Эммерт считает Рейнсфорда тайным агентом Федерации.

Это рассмешило Виктора. Конечно, на Заратуштре были тайные агенты, сотни агентов. У Компании здесь были люди, наблюдающие за ними. Он знал это и считался с этим. Так же поступали и крупнейшие акционеры, такие, как Межзвездные Исследования, Банковский Картель, Космическая Линия Земля — Бальдур — Мэрдок. У Ника Эммерта была своя команда шпионов и провокаторов, а Федерация имеет здесь людей, наблюдавших за ними и за Эммертом тоже. Рейнсфорд может быть агентом Федерации — скитающийся по планете натуралист, это может быть великолепным прикрытием. Но заниматься проектом Большой Черной Воды было совершенно глупым делом. Ник Эммерт взял немало взяток и подношений, и это было плохо, потому что переотягощенная совесть может внезапно взорваться.

— Он так предполагает. Что он может донести на нас? Мы основали Компанию, и у нас есть великолепный юридический отдел, который охраняет нас от нападений. К тому же наша Хартия очень либеральна. Это необитаемая планета класса 4; Компания открыто владеет здесь всем. Мы можем делать все, что угодно, пока не нарушим один из общественных законов или Конституцию Федерации. Пока мы не сделаем этого, Нику Эммерту нечего бояться. А теперь отбросим все эти проклятые дела, Леонард! — Виктор начал говорить резко, и Келлог, казалось, обиделся. — Я знаю, вы интересуетесь неблагоприятными для нас донесениями, поступающими на Землю, и это вполне достойно похвалы, но...

Через некоторое время он справился с собой. Келлог тоже казался обрадованным. Виктор выключил экран, откинулся в кресле и засмеялся. В это мгновение зуммер зажужжал снова. Когда экран включился, девушка сказала:

— Мистер Генри Стенсон, мистер Грег.

— Хорошо, соедините меня с ним. — Он прекратил смеяться, прежде чем включился экран; не очень приятная обязанность — говорить что-то с чувством.

Лицо, появившееся на экране, было пожилым и худощавым; рот был плотно сжат, а от уголков глаз расходились косяе морщинки.

— Здравствуйте, мистер Стенсон. Хорошо, что связались со мной. Как вы там?

— Спасибо, прекрасно. А вы? — Когда Виктор ответил ему, Стенсон продолжил: — Как движается наш Шарик? Все еще синхронно?

Виктор взглянул через все помещение на самую большую ценность, которая у него была, огромный глобус Заратуштры, сделанный для него Генри Стенсоном, подвешенный в шести футах над полом на собственном антигравитационном поле, освещенный оранжевым светом, имитирующим оранжевый свет заката солнца, и два спутника,двигающиеся вокруг него. Сам глобус тоже медленно вращался.

— Сам глобус все время движется нормально, да и с Дариусом все в порядке. Долгота Ксеркса на пять секунд уходит вперед по сравнению с нормальным положением.

— Это же ужасно, мистер Грег! — Стенсон был сильно обеспокоен. — Завтра я настрою его в первую очередь. Я давно должен был заглянуть к вам, чтобы проверить его, но вы же сами знаете, как это все бывает. Так много дел и так мало времени.

— Я немного обеспокоен, мистер Стенсон.

Они немного поболтали, затем Стенсон извинился за то, что отнял у мистера Грегга так много ценного времени. Он хотел сказать, что его время, так ценимое им, было растрчено зря. Выключив экран, Грегг некоторое время сидел, уставившись на него. Ему хотелось бы иметь в своей организации хоть сотню людей, подобных Генри Стенсону. Людей с мозгами и характером Стенсона, сотню мастеров на все руки, подобных Стенсону и могущих создать любой прибор и инструмент. Это желание могло бы быть и более умеренным, хотя было столько жаждущих. Но был только один Генри Стенсон, как был только один Антонио Страдивари. Почему же человек, подобный ему, работал в маленькой мастерской на пограничной планете, такой, как Заратуштра?

Затем Виктор горделиво посмотрел на глобус. Континент Альфа медленно двигался направо, маленькое пятнышко, изображающее Мэллори-Порт, сверкало оранжевым светом. Дариус, ближайшая к планете луна, на которой космическая линия Земля — Бальдур — Мэрдок арендовала конечную станцию, была видна, а дальняя луна, Ксеркс, уже уплывала из поля его зрения. Ксеркс был единственным небесным телом поблизости от Заратуштры, которое не являлось собственностью Компании; у Федерации на нем была военная база. И это было единственным напоминанием, что существует нечто более великое и могущественное, чем Компания.

* * *

Герд ван Рибик увидел Рут Ортерис, сошедшую с эскалатора, шагнувшую в сторону и теперь осматривающую коктейль-бар. Он поставил стакан с тепловатым, налитым на дюйм виски с содовой на стойку. Когда Рут повернулась в его сторону, он помахал ей рукой, увидел ее оживление и помахал снова, а затем направился к ней, чтобы встретить. Она быстро поцеловала его в щеку, увернувшись, когда он хотел обнять ее, и взяла за руку.

— Сначала выпьем, а потом поедим? — спросил он.

— О, боже! Конечно, да! Сегодня я заслужила это.

Он повел ее к одному из автоматов, выполняющих функции бармена, вставил в щель свою кредитную карточку и получил кувшинчик на четыре порции, заполненный по самое горлышко — это был коктейль, который они всегда заказывали, когда пили вместе. Сделав это, он заметил, во что она одета: короткая черная куртка, оранжевый шарф, светло-серая юбка. Ее обычные каникулы еще не наступили.

— Школьный департамент вызвал вас обратно? — спросил он, взяв кувшинчик.

— Всего лишь юношеское ухаживание, — она взяла из раковины автомата пару стаканов, а он поднял кувшинчик. — Пятнадцатилетний ночной налетчик.

Они обнаружили в глубине помещения пустой столик, туда почти не доносился шум, стоящий в коктейль-баре в этот час. Как только он наполнил ее стакан, она наполовину осушила его, затем закурила сигарету

— Провинциальный устль? — спросил он.

Она кивнула.

— Только двадцать пять лет прошло со времени открытия планеты, а у нас здесь уже есть трущобы. Я прочесывала их вместе с парой полицейских всю вторую половину дня, — ей, казалось, не хотелось говорить об этом. — Что вы делаете сегодня?

— Рут, вы должны были попросить дока Мейлина зайти как-нибудь к Леонарду Келлогу и попытаться ненавязчиво переубедить его.

— Уж не доставил ли он вам новых неприятностей? — озабоченно спросила она.

Рибик поморщился и прихлебнул свой напиток.

— Меня беспокоит его характер, Рут. Пользуясь одним из выражений вашего профессионального языка, могу сказать: Лен Келлог, несомненно, «твердый орешек», — он еще раз прихлебнул свой напиток и достал из пачки сигарету. — Вот, — продолжил он, прикурив, — пару дней назад он сказал мне, что получил сведения об этой напасти — сухопутных креветках, обитающих на Бете. Он предложил мне возглавить проект и выяснить, что и как.

— Ну и что?

— Я провел исследования. Связался и переговорил с двумя людьми, затем написал рапорт и отправил его ему. Этим я дернул за спусковой крючок; мне необходима пара недель, чтобы выбрать из этого что-нибудь реальное.

— Что вы рассказали ему?

— Факты. Сдерживающим фактором размножения креветок является погода. Их яйца созревают в почве, а весной молодые, еще незрелые креветки выползают наверх. Если там идет дождь, большинство из них тонет в своих норах или сразу же после выхода из них. Прошлая весна была самой сухой за все это столетие на Континенте Бета, и большинство креветок уцелело, а так как они могут размножаться и партеногенезом, все их самки отложили яйца и количество их снова

увеличилось, как годовые кольца на деревьях. Эта весна была еще суше, так что теперь сухопутные креветки буквально заполонили всю центральную часть континента Бета. И я не знаю, что с ними можно поделаться.

— Хорошо. Так он думал, что вам это известно?

— Я не знаю, о чем он думал. Вы психолог, так вот и попытайтесь представить себе это. Я отправил ему рапорт вчера утром. Он, казалось, был вполне удовлетворен им. Сегодня в полдень он послал за мной и сказал мне, что сделано еще не все возможное. Он пытался утверждать, что количество осадков на континенте Бета в норме. Это глупо. Я отослал его к метеорологам и климатологам, откуда я и получил эту информацию. Он выразил недовольство тем, что служебные новости доходили до него в последнюю очередь. Я ответил, что дал ему все имеющиеся у меня сведения. Он сказал, что просто не может употребить их. Ему нужны были другие объяснения.

— Если им не нравятся факты, то не информируйте их, а если им нужны иные факты, придумайте их для них, — сказала она. — Это типичное отклонение от реальности. Не психоз и даже не психоневроз. И, уж конечно, не здравомыслие. — Она уже допила первую порцию и сейчас медленно потягивала вторую. — Знаете, это довольно интересно. У него есть какая-нибудь теория, которая может конкурировать с вашей?

— Нет, это мне известно. У меня сложилось впечатление, что он не хочет при всех обсуждать вопрос об осадках на континенте Бета.

— Странно. В последнее время на континенте Бета не происходило ничего особенного?

— Нет. Мне ничего не известно, — ответил он. — Конечно, осушение болот явилось причиной сухой погоды, в прошлом году и в этом, но я не вижу... — его собственный стакан был пуст, и когда он наклонил над ним кувшинчик, из него вытекло всего несколько капель. Он посмотрел на кувшинчик, выжидая. — Как вы думаете, не стоит ли нам перед обедом повторить коктейль? — спросил он.

2

Джек Хеллоуэй опустил манипулятор перед группкой сборных хижин. Мгновение он сидел неподвижно, осознав свою усталость, затем выбрался из кабины управления, прошел по траве к двери главной жилой хижины, открыл дверь и,

потянувшись, повернул выключатель. Затем, поколебавшись, он посмотрел на Дариус.

Вокруг него виднелось широкое кольцо, и Джек вспомнил о замеченных им клочках перистых облаков, в полдень собравшихся над его головой. Может быть, вечером пойдет дождь. Эта засуха не может продолжаться вечно. В последнее время он оставлял манипулятор открытым на всю ночь. Теперь он решил загнать его в ангар. Джек пошел и открыл дверь под навес, затем вернулся к машине и отвел ее в ангар. Когда он вернулся к жилой хижине, он увидел, что оставил дверь широко открытой.

— Вот ведь проклятый дурак! — упрекнул он себя. — Туда же могли забраться крешетки!

Он быстро осмотрел жилую комнату — под сборной конторкой и под письменным столом, под оружейной пирамидой, под стульями, за экраном связи и видеоэкраном, за металлическим шкафчиком библиотеки микрофильмов — и ничего не нашел. Затем он повесил свою шляпу, взял пояс с пистолетом, положил пистолет на стол и пошел в ванную комнату вымыть руки.

Как только он включил свет, кто-то внутри душевой сказал испуганным голосом:

— Уииииик!

Джек быстро повернулся и увидел два больших глаза, тараторживших на него из клубочка золотистого меха. Что бы это ни было, у него была круглая голова, большие уши и лицо, похожее на человеческое. При этом оно было ростом около фута. У него были две крошечные ручки с широко отставленными большими пальцами. Чтобы получше рассмотреть это существо, Джек присел на корточки.

— Привет, парниша, — сказал он. — Раньше я не видел ничего подобного. Во всяком случае, кто же вы такой?

Маленькое существо серьезно посмотрело на него и робким голосом произнесло:

— Уиик.

— Ну, точно: вы Маленький Пушистик, вот вы кто.

Он осторожно придвинулся, чтобы не напугать его резкими движениями, продолжая говорить:

— Держу пари, вы проскользнули сюда, когда я оставил дверь открытой. Ну, а если Маленький Пушистик обнаружил открытую дверь, почему бы ему не войти в нее и не осмотреться?

Джек слегка коснулся его. Существо отпрянуло, затем вытянуло маленькую ручку и ощупало материю его рубашки.

Джек погладил его и сказал, что у него самый мягкий и шелковистый мех, который он когда-либо видел. Затем он взял его на колени. Существо довольно уикнуло и обхватило ручонками его шею.

— Ну, точно, мы ведь станем хорошими друзьями, не так ли? Может, вы хотите чего-нибудь поесть? Я думаю, мы с вами можем что-нибудь найти.

Джек посадил его на руку, поддерживая как младенца — по крайней мере, ему казалось, что он помнит, как надо держать младенцев. Детишки были теми существами, которых он не мог обмануть и которым он помогал, если чем-то мог им помочь. Он выпрямился. Вес существа был около пятнадцати — двадцати фунтов. Сначала существо начало в панике отбиваться, потом затихло и, казалось, начало даже наслаждаться тем, что его носят на руках. В жилой комнате Джек сел в кресло, стоявшее возле торшера, и стал разглядывать своего нового знакомого.

Это было млекопитающее — у него были довольно развитые молочные железы для Заратуштры — и это поставило Джека в тупик. Существо не было приматом в земном смысле этого слова. Оно не было похоже ни на что земное и даже ни на одно существо, обитающее на Заратуштре. Двухное существо, основывающее на этой планете свой собственный класс. Это был Маленький Пушистик, и это было все, чем Джек мог охарактеризовать его.

Этот вид был самым лучшим из всех обитателей планеты класса 3. На планетах класса 3, на таких, как Локи, Шише или Тори, давать названия было очень простым делом. Вы указываете на что-то и спрашиваете туземца, и тот выплескивает на вас целый поток звуков, которые могут означать: «Пра каво эта вы спрашиваете?», а вы берете фонетический алфавит, и имярек получает имя. Но на Заратуштре не у кого спрашивать. Значит, его имя будет Маленький Пушистик.

— Чего бы вам хотелось поесть, Маленький Пушистик? — спросил Джек. — Откройте ваш ротик и позвольте посмотреть папочке Джеку, чем это вы жуете.

Осмотрев зубы Маленького Пушистика, он признал, что за исключением того, что челюсти его закруглялись, его зубы были очень похожи на человеческие.

— Вы, вероятно, всеядны. А как вам понравится нечто вкусненькое из Аварийного Запаса Космических Сил, Внеземной Рацион Тип Три? — спросил он.

Маленький Пушистик издал звук, словно выражал согла-

сие попробовать это. Это было сравнительно безопасно. Внеземным Рационом Тип Три могло питаться некоторое количество млекопитающих Заратуштры без всяких вредных для них последствий. Он принес Маленького Пушистика на кухню и поставил его на пол, затем достал консервную банку с полевым рационом, открыл ее, отломил маленький кусочек и передал его гостю. Пушистик взял кусок золотисто-коричневого кекса, понюхал его, восторженно уикнул и засунул в рот сразу весь кусок.

— Это уж точно. Вам в жизни никогда не приходилось пробовать ничего подобного!

Он разделил кекс пополам, разломив одну половину на небольшие кусочки и положил их на блюдце. Может быть, Маленький Пушистик к тому же еще и хотел пить. Джек начал наливать воду в миску, в какую он налил бы ее для собаки, потом посмотрел на сидевшего на корточках и евшего обеими руками гостя и изменил свое решение. Он сполоснул пластиковый стаканчик-колпачок от пустой бутылки из-под виски и поставил его перед глубокой чашкой с водой. Маленький Пушистик хотел пить, и ему не надо было показывать, для чего служит стаканчик.

Было уже поздно готовить себе что-нибудь существенное. Он обнаружил в холодильнике какие-то остатки и смешал их с тушенкой. Пока все это разогревалось, он сел за кухонный стол и закурил трубку. Язычок пламени, вырвавшийся из зажигалки, отразился в глазах Маленького Пушистика, но что по-настоящему испугало его, так это папочка Джек, дышащий дымом. Он сидел, наблюдая за этим до тех пор, пока через несколько минут не разогрелась тушенка, а трубка не была отложена в сторону. Затем Маленький Пушистик начал доедать свой Внеземной Т-ри.

Внезапно он нетерпеливо уикнул и убежал в жилую комнату. Через несколько секунд он вернулся назад с чем-то длинным и металлическим. Он положил это на пол возле себя.

— Что вы там взяли, Маленький Пушистик? Позвольте взглянуть на это папочке Джеку.

Он осмотрел этот предмет и узнал в нем свой собственный однодюймовый резец по дереву. Он вспомнил, что оставил его снаружи после какой-то работы неделю назад, но не смог найти его, когда вернулся, чтобы его подобрать. Это обеспокоило его: люди, небрежно относящиеся к своему снаряжению, не живут долго в дикой местности. Кончив есть, он отнес посуду в раковину и присел на корточки рядом со своим новым другом.

— Позвольте папочке Джеку взглянуть на это, Маленький Пушистик, — сказал он. — О, я не отберу это у вас. Я хочу только посмотреть.

Лезвие было тупым и зазубренным; резец использовался для того, для чего он не был приспособлен. В качестве лопаты, рычага и тому подобного, а также в качестве оружия. Это был универсальный инструмент, как раз подходящий по размерам для Маленького Пушистика. Он положил его на пол, откуда взял, и занялся мытьем посуды.

Некоторое время Маленький Пушистик с интересом наблюдал за ним, а затем занялся исследованием кухни. Некоторые вещи, которые он хотел рассмотреть, Джек убрал от него. Сначала это сердило гостя, но затем он понял, что эти вещи ему не нужны. Наконец, вся посуда была перемыта.

В жилой комнате также было много вещей для исследования. Одной из них была корзина для бумаг. Маленький Пушистик обнаружил, что она может разгружаться, и быстро опорожнил ее, вытащив оттуда все, что не вывалилось само. Он оторвал кусочек бумаги, пожевал его и с отвращением выплюнул. Затем он обнаружил, что измятая бумага может быть расправлена, и расправил несколько листков, затем он обнаружил, что она может еще и складываться. Затем, весело уикая, он запутался в использованной магнитной ленте. В конце концов он потерял к этому интерес и отошел. Джек поднял его на руки и отнес обратно.

— Нет, Маленький Пушистик, — сказал он, — нельзя опорожнить корзину, а потом уйти от нее. Вы уберете все это назад. — Он коснулся корзины и сказал медленно и отчетливо: — Корзина... для... бумаг. — Затем он повернул ее так, чтобы Маленький Пушистик мог помогать ему, и, подняв кусочек бумаги, подбросил его на высоту плеч Маленького Пушистика. Затем подал его Маленькому Пушистику и повторил: — Корзина... для... бумаг...

Маленький Пушистик посмотрел на него и сказал что-то, что могло быть фразой: «Что с вами, папочка, вы сошли с ума или еще что-нибудь?» Тем не менее, после нескольких попыток он взял бумажку и бросил ее в корзину. В течение нескольких секунд он собрал все, за исключением коробки из-под патронов, сделанной из яркого пластика, и широкогорлой бутылки с винтовой нарезкой. Он выставил их и спросил:

— Уиик?

— Да, можно их взять. Идите сюда; позвольте папочке Джеку кое-что показать вам.

Он показал Маленькому Пушистику, как можно открывать и закрывать коробку. Затем, положив так, чтобы было видно, он взял бутылку, отвернул пробку и снова завернул.

— Ну, а сейчас попробуйте сделать то же самое.

Маленький Пушистик вопросительно взглянул на него, затем взял бутылку и зажал ее коленями. Неудачно. Он попытался вертеть пробку в противоположную сторону и только еще туже завернул ее. Он заунывно уикнул.

— Нет, продолжайте. Вы сможете это сделать.

Маленький Пушистик снова взглянул на бутылку. Затем он попытался повернуть пробку в другую сторону и ослабил ее. Он уикнул, что не могло означать ничего другого, кроме как «Эврика!», и, быстро сняв ее, поднял вверх. Выслушав похвалу, он осмотрел бутылку и пробку, ощупал резьбу, а затем снова завернул пробку.

— Знаете, Маленький Пушистик, вы не лишены остроумия, — потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, насколько он умен. Маленький Пушистик хотел знать, почему вы вращали пробку в одну сторону, когда закрывали ее, и в другую, когда открывали, и он узнал это. По способности к приручению он превосходил всех самых умных животных, которых когда-либо видел Джек. — Я пойду расскажу о вас Бену Рейнсфорду.

Подойдя к экрану связи, он набрал кодовый номер лагеря натуралиста, находившегося в пятидесяти милях вниз по Змеиной Реке, если считать от Холодного Ручья. Экран связи действовал автоматически, он вспыхнул, как только был набран код. Перед объективом на той стороне стояла карточка с надписью: «Ушел в поле. Вернусь к пятнадцати часам. Запись включена».

— Бен, это Джек Хеллоуэй, — сказал он. — Я только что столкнулся кое с чем интересным, — он кратко описал, как все произошло. — Я надеюсь, он останется у меня, пока ты не вернешься. Он вообще не похож ни на что, что я когда-либо видел на этой планете.

Маленький Пушистик был разочарован, когда Джек отключил экран: это заинтересовало его. Джек поднял его и посадил к себе на колени.

— Сейчас, — сказал он, протягивая руку к пульту управления. — Смотри сюда, сейчас мы увидим кое-что красивое.

Он наугад включил экран, на нем появилось изображение множества костров, мерцающих там, где люди Компании сжигали мертвые леса, чтобы исследовать Большие Болота Черной Воды. Маленький Пушистик испуганно вскрикнул,

обвил ручками шею папочки Джека и спрятал лицо в складках его рубахи. Да, лесные пожары, иногда начинающиеся от молний, были страшными для Маленького Пушистика. Джек переключил канал, и на экране появилось другое случайное изображение (на этот раз это был вид с верхней части Дома Компании в Мэллори-Порте, расположенном тремя временными поясами западнее) с панорамой расстилающегося внизу города и пылающего солнца, заходящего на западе. Маленький Пушистик изумленно смотрел на это чудо. Это было довольно впечатляющее зрелище для маленького парнишки, который всю свою жизнь провел среди огромных деревьев.

Сначала он увидел космопорт и множество других вещей, однако вид планеты целиком, как она видна с Дариуса, привел его в замешательство. Затем, в середине симфонии, передаваемой из Оперного Театра Мэллори-Порта, он изогнулся, прыгнул на пол и, схватив свой резец, вскинул его на плечо, словно двуручный меч.

— Какого дьявола... О-хо-хо!

Сухопутная креветка, которая, должно быть, вползла, когда была открыта дверь, пересекала комнату. Маленький Пушистик пробежал мимо нее и опустил лезвие резца на шею креветки, изящно обезглавив ее. Мгновение он смотрел на свою жертву, затем занес над ней резец, дважды плашмя ударил по ее спине и разбил панцирь. Затем он начал выдергивать мертвую креветку из панциря, обрывая кусочки мяса и с удовольствием съедая их. Разделавшись с большим куском, он вырубил из панциря жала креветки и использовал их для того, чтобы вытащить наименее доступные кусочки. Когда Пушистик закончил, он начисто вылизал пальцы и снова взобрался на подлокотник кресла.

— Нет, — Джек указал на остатки панциря. — Корзина для бумаг.

— Уиик?

— Корзина для бумаг.

Маленький Пушистик подобрал остатки панциря креветки, сбросив их туда, где им надлежало быть. Затем он вернулся, взобрался на колени папочки Джека и сел смотреть картины, появляющиеся на экране, до тех пор пока не заснул.

Джек осторожно поднял его и заботливо уложил на теплое сидение кресла, затем пошел на кухню, налил себе выпивки, поставил ее на большой стол, закурил трубку и начал записывать в дневник события, происшедшие в тот день. Через некоторое время Маленький Пушистик прос-

нулся и, обнаружив, что колени, на которых он заснул, исчезли, безутешно уикнул.

Сложенное одеяло в углу спальни было удобной постелью, однако Маленький Пушистик сначала убедился, что там нет насекомых. Он перенес к постели бутылку и пластиковую коробку и положил их на пол рядом с одеялом. Затем он подбежал к выходной двери жилой комнаты и, уикнув, попросился выйти. Отойдя на расстояние около двадцати футов от дома, он, пользуясь резцом, выкопал небольшую ямку и, убедившись, что она подходит для его целей, осторожно заполнил ее и бегом вернулся назад.

Вероятно, в естественных условиях Пушистики жили стаями и имели свои дома-берлоги, гнезда или что-то подобное. Никто не хочет, чтобы в его доме был беспорядок, и когда юные особи устраивают его, родители могут отшлепать их, чтобы научить хорошим манерам. Теперь этот дом был домом Маленького Пушистика, и он знал, как он должен вести себя.

* * *

На следующее утро Джек поднялся на рассвете и попытался откопать Маленького Пушистика из-под одеяла. Помимо того, что он был самым эффективным истребителем сухопутных креветок, он был еще и первоклассным будильником. Но лучше всего было то, что он стал Маленьким Пушистиком папочки Джека. Он захотел выйти; тем временем Джек взял переносную камеру и заснял все происходящее на пленку. Здесь нужна была маленькая дверца с пружиной, чтобы Маленький Пушистик мог действовать самостоятельно. Все было разработано за завтраком. Потребуется всего пара часов, чтобы сделать и установить ее. Маленький Пушистик все понял, как только увидел дверь и сообразил, как пользоваться ею, чтобы выйти.

Джек вернулся в мастерскую, разжег огонь в переносном горне и отковал острое, довольно широкое лезвие в четыре дюйма длиной, а на конце рукоять для этого импровизированного оружия-шпаги в фут длиной и четверть дюйма в диаметре. Когда он кончил, лезвие оказалось тяжелее, и чтобы сбалансировать его, он на другом конце приварил круглую ручку. Маленький Пушистик тотчас же понял, что это такое. Отбежав в сторону, он для практики выкопал пару ямок, а затем стал обшаривать траву в поисках сухопутной креветки.

Джек с камерой последовал за ним и заснял пару сцен убийства креветок, выполненных со спокойствием и поразительной точностью. Маленький Пушистик не мог добиться такой отточенности движений (удар-шлеп-шлеп) за неделю с тех пор, как он нашел резец по дереву.

Зайдя в сарай, Джек начал искать нечто, даже не представляя себе, как это может выглядеть, и обнаружил это там, куда это выбросил Маленький Пушистик, когда нашел резец. Это была палка из твердого дерева в фут длиной, обточенная и гладко отшлифованная, вероятно, куском песчаника. На одном ее конце было нечто похожее на весло с достаточно острым лезвием, чтобы обезглавить креветку, другой конец был заострен. Он отнес палку в хижину и сел за стол исследовать ее через увеличительное стекло. На остром конце налипли кусочки почвы — он использовался как кирка. Веслоподобный конец использовался в качестве лопаты, секиры и дробителя панцирей. Маленький Пушистик точно знал, что ему нужно, когда он изготавливал эту вещь. Он хранил ее до тех пор, пока она была настолько совершенна, насколько это было возможно, и выбросил без сожаления, когда ему попалось нечто более совершенное.

В конце концов Джек убрал все в верхний ящик стола. Он подумал о том, что пришло время ленча, когда Маленький Пушистик ворвался в жилую комнату, схватил свое новое оружие и возбужденно уикнул.

— Что случилось, малыш? У вас неприятности? — Джек поднялся, подошел к оружейной пирамиде, взял винтовку и осмотрел комнату. — Покажите папочке Джеку, что там такое.

Маленький Пушистик преследовал за ним к большой двери, предназначенной для людей, готовый, если возникнет необходимость, броситься назад. Неприятностью оказалась гарпия — нечто по размерам и поведению похожее на земного птеродактиля юрского периода, достаточно большое, чтобы заглотить Маленького Пушистика за один прием. Она, должно быть, уже бросилась на него один раз и готовилась напасть во второй. Напоровшись на пулю, выпущенную из шестимиллиметрового ружья, она перекувыркнулась в воздухе и камнем упала вниз.

Маленький Пушистик, удивленно смотревший на все это, несколько мгновений понаблюдая за мертвой гарпией, а затем отыскивал отлетевшую стреляную гильзу. Он схватил ее и выставил вперед, как бы спрашивая, может ли он взять ее. Получив разрешение, он побежал с гильзой в спальню. Когда он

вернулся, папочка Джек поднял его, перенес в ангар и усадил в кабину управления манипулятора.

Вибрация генератора антигравитационного поля и ощущение подъема сначала обеспокоили Маленького Пушистика, но когда они подцепили гарпию крюком и подняли ее на высоту пятисот футов, он начал наслаждаться полетом. Они бросили гарпию на пару миль выше по ручью, который на новейших картах значился как Ручей Хеллоуэя, а затем, возвращаясь назад, сделали широкий круг возле гор. Маленький Пушистик считал, что это было развлечение.

После ленча Маленький Пушистик вздремнул на кровати папочки Джека. Джек отвел манипулятор к прииску, произвел пару выстрелов, обнаживших кремьень, и нашел еще один солнечный камень. Такое бывало не часто. Он редко находил камни два дня подряд. Когда он вернулся в лагерь, Маленький Пушистик в стороне от хижины долбил еще одну сухопутную креветку.

После обеда — его стряпня тоже нравилась Маленькому Пушистику, если только не была слишком горячей — они пошли в жилую комнату. Джек вспомнил, что в письменном столе, куда он убрал деревянную палку-инструмент, он видел болт с гайкой, и, достав их оттуда, он показал все это Маленькому Пушистику. Тот несколько мгновений рассматривал их, затем сбегал в спальню и принес оттуда бутылку с закручивающейся пробкой. Он отвернул пробку, завернул ее снова, а затем накрутил гайку на болт и показал ее Джеку.

— Видишь, папочка? — укинул он это или что-то в этом роде. — Теперь все получилось.

Затем он свернул с бутылки пробку, положил туда болт с гайкой и закрыл бутылку снова.

— Уиик, — сказал он с заметным удовольствием.

Причина его удовлетворения была ясна. То, что он делал, было доведено до конца. Бутылочная пробка и гайка принадлежали к общему классу вещей-что-наворачивались-на-другие-предметы. Чтобы снять их, нужно поворачивать их влево, чтобы надеть — вправо, только сначала нужно убедиться, что нарезка зацепилась. Но поскольку он смог понять, в каком случае нужно крутить вправо, в каком — влево, это значило, что он мог размышлять о свойствах предметов, не имея их перед глазами, и это значило, что он обладает абстрактным мышлением. Может быть, это несколько отвлеченное понятие, но...

— Вы знаете, папочка Джек завел у себя очень умного Маленького Пушистика. Вы взрослый Маленький Пушистик

или еще Маленький Пушистик-дитя? Держу пари, что вы профессор, доктор Пушистик.

Желал бы он знать, что сделает профессор, если окажется таким, каким он предстал вначале, продолжая работать дальше, и усомнится ли он когда-нибудь в правильности того, что нужно разбирать вещь на части, как он это делал сейчас. Когда-нибудь Джек может вернуться домой и найти что-нибудь важное разобранным или, еще хуже, разобранным и собранным неправильно. В конце концов Джек пошел в чулан и копался там до тех пор, пока не нашел оловянную канистру. Вернувшись, он обнаружил, что Маленький Пушистик взобрался на стул, нашел в пепельнице его трубку и, затаившись, закашлялся.

— Эй, я не думаю, что это полезно для вас!

Он забрал трубку, вытер ее о рубашку и сунул в рот, затем поставил канистру на пол, а Маленького Пушистика опустил рядом с ней. В канистре было около десяти фунтов камней. Впервые поселившись здесь, он собрал коллекцию минералов, но когда он нашел то, что ему было нужно, он выбросил все, кроме двадцати или тридцати самых лучших образцов. Теперь он был доволен, что сохранил их.

Маленький Пушистик взглянул на канистру, решил, что крышка относится к классу вещей-которые-наворачиваются-на-другие-предметы, и снял ее. Внутри поверхность крышки была зеркально-блестящей, и это позволило ему сделать небольшое открытие: он увидел в ней самого себя. Он удовлетворенно уикнул и заглянул в канистру. Это, решил он, относится к классу вещей, которые-могут-выгружаться, как корзина для бумаг, и он тут же высыпал содержимое на пол. Затем он начал исследовать камни и разбирать их по цветам.

Исключая интерес к красочным картинам на экране, это было первым реальным доказательством, что Пушистики воспринимают и понимают цвета. Он продолжал трудиться и еще увереннее доказал это, раскладывая камни в различные кучки, разбив их по оттенкам, от куска аметистоподобного кварца до темно-красных камней. Ну, может быть, он видел раду-гу. Может быть, он жил возле большого водопада, где всегда бывает радуга, когда светит солнце. Или, может быть, для него вполне естественно видеть цвета.

Затем, перебирая все камни, он начал классифицировать их, складывая из них странные круглые и спиральные узоры. Каждый раз, заканчивая узор, он счастливо уикал, привлекая к себе внимание, некоторое время глядел на него, а затем ото-

двигался и принимался за новый. Пушистик был способен получать удовольствие от творчества. Он делал бесполезную работу, изготавливая узоры и любуясь ими.

Наконец он запихнул камни обратно в канистру и пока-тил ее в спальню, поместив среди других своих сокровищ. Укладываясь спать, он положил свое новое оружие на одеяло рядом с собой.

* * *

На следующее утро Джек раскрошил целую плитку Рациона Три, положил на блюдечко, налил в чашку воды и, убедившись, что не осталось ничего, что бы мог повредить Пушистик или обо что он мог бы пораниться, направил свой манипулятор к шурфам. Он проработал все утро, но, разбив около полутора тонн породы, ничего не нашел. Затем он произвел серию выстрелов, срезав ими верхний слой песчаника и обнажив новый пласт кремня, затем сел под дерево с шарообразной кроной, чтобы съесть свой ленч.

Примерно через полчаса он вернулся к работе, нашел какую-то окаменевшую медузу, которая не потребляла необходимых веществ в необходимых комбинациях, а немного погодя он нашел одну за другой четыре конкреции, и в двух из них были солнечные камни, а сделав еще четыре или пять срезов, он обнаружил третий солнечный камень. Возможно, он наткнулся на легендарное Место Погребения Медуз! Далеко за полдень, когда он перебрал весь кремень, у него уже было девять солнечных камней, включая темно-красного гиганта с дюйм в диаметре. Должно быть, в древнем океане существовало какое-то течение, стянувшее множество медуз в одно место. Он хотел срезать еще несколько футов песчаника, но, решив, что уже поздно, вернулся в лагерь.

— Маленький Пушистик! — позвал он, открыв дверь в жилую комнату. — Где вы, Маленький Пушистик? Папочка Джек разбогател! Мы отпразднуем это!

Тишина. Он позвал снова: ни ответа, ни топота ног. Вероятно, подумал Джек, очистив окрестности от креветок, он пошел поохотиться подальше в лес. Стянув с плеча ружье и бросив его на стол, он прошел на кухню. Большая часть Рациона Три исчезла. В спальне он обнаружил, что резец аккуратно лежит по диагонали одеяла, а из камней, высыпанных из канистры, Пушистик сложил узор.

Поставив обед на плиту, Джек вышел и некоторое время

звал его, затем смешал себе виски с содовой, принес в гостиную и уселся, чтобы просмотреть сегодняшние находки. Сначала он был довольно недоверчив, но потом все-таки осознал, что добыл камней за день, по крайней мере, на пятьдесят пять тысяч солей. Он сложил их в мешочек и, потягивая виски, предался приятным мечтам, пока колокольчик плиты не сообщил ему, что обед готов.

Он ел в одиночестве — впервые за все эти годы он делал это неохотно, неожиданно еда стала противной — а вечером, перебрав номера своей микрофильмотеки, он обнаружил только книги, которые читал и перечитывал десятки раз, или те, которые держал для справок. Несколько раз ему казалось, что он слышит скрип открываемой маленькой дверцы, но каждый раз он ошибался. И конце концов — лег спать.

Проснувшись, он тут же посмотрел на сложенное одеяло, но резак по-прежнему лежал поперек него. Прежде чем уехать на прииск, он раскрошил еще немного Рациона Три и сменил воду в чашке. В тот день, найдя еще три солнечных камня, он механически и без всякого удовольствия сложил их в мешочек. Закончив работу пораньше, он целый час описывал круги вокруг лагеря, но так ничего и не обнаружил. Рацион Три, раскрошенный на кухне, был нетронут.

Может, малый встретил нечто огромное, оказавшееся ему не по зубам, даже с его прекрасным новым оружием. Эльфо-дрозда, лешего или другую гарпию. Или, может быть, ему надоело торчать на одном месте, и он двинулся дальше.

Нет. Ему здесь нравилось. Он веселился и был счастлив. Джек грустно покачал головой. Когда-то он тоже жил в приятном месте, где мог быть счастливым, если бы не помнил о своих обязанностях. И он ушел, оставив там опечаленных людей. Может быть, Маленький Пушистик поступил точно так же. Может быть, он так и не осознал, как много он здесь значил и каким пустым стало без него это место.

Джек отправился на кухню за выпивкой, но остановился и задумался. Выпьешь из жалости к себе, а потом, пожалев себя, выпьешь еще, а когда обе порции смешаются внутри твоего желудка, ты начнешь пить все подряд, что попадает под руку, и в конце концов впадешь в беспробудный запой. Нет, перед тем как идти спать, он выпьет только одну единственную порцию виски с содовой, хотя, может быть, это и будет для него совершенно бесполезно.

Проснувшись, он протер глаза и посмотрел на часы. Было десять вечера с небольшим. Подошло время выпить еще и ложиться окончательно. Он тяжело поднялся, вышел на кухню, плеснул виски в стакан и, перенеся его на стол, уселся и достал дневник. Он почти закончил описание этого дня, когда маленькая дверца позади него открылась и тоненький голосок неожиданно произнес:

— Уиик.

Джек обернулся.

Тонкий звук нетерпеливо повторился. Маленький Пушистик придерживал открытую дверь, а отвечал кто-то снаружи. Затем вошел еще один Пушистик, и еще; всего их было четверо, а один из них нес на руках маленький ворочающийся клубочек белой шерсти. У всех у них были палки, подобные той, что лежала в ящике стола. Они остановились посреди комнаты, смущенно оглядываясь. Затем, бросив свое оружие, Маленький Пушистик подбежал к Джеку. Отставив кресло в сторону, Джек подхватил Маленького Пушистика и уселся с ним на пол.

— Так вот почему ты убежал и заставил волноваться папочку Джека! Ты хотел, чтобы твоя семья тоже была здесь.

Остальные сложили свои палки рядом со стальным оружием Маленького Пушистика и нерешительно подошли ближе. Джек заговорил с ними, и Маленький Пушистик повторял то же самое — по крайней мере, было похоже, что это так — и вот один из вновь пришедших подошел к Джеку и потрогал пальцем его рубашку, а другой потянулся и потрогал его за усы. Вскоре все они, включая и маму с ребенком, ползали по нему. Детеныш был настолько маленьким, что поместился в ладони Джека, но через минуту он уже взобрался к нему на плечо, а потом уселся на его голове.

— Эй, родичи, вы хотите обедать? — спросил Джек.

Маленький Пушистик выразительно уикнул: это слово он понимал. Джек пошел на кухню и предложил им холодное мясо степняка и жареные плоды шарообразного дерева. Пока они опустошали пару больших сковородок, он вернулся в жилую комнату, чтобы осмотреть то, что они принесли с собой. Две палки были деревянными, как и та, что Маленький Пушистик выбросил в сарае. Третья была сделана из рога, а четвертая, вероятно, из плечевой кости животного вроде зебры. Там была также так называемая дубина, выполненная на уровне раннего неолита, и осколок кремня, по форме напо-

минающий апельсиновую дольку, около пяти дюймов в длину. Если бы его изготовил человек, он мог бы называться скребком. Некоторое время Джек ломал над ним голову, но, заметив идущие по краю зазубрины, решил, что это пила. Было еще три очень хороших тонких ножа и несколько ракушек, вероятно, служащих сосудами для питья.

Когда он заканчивал осмотр, вошла Пушистик-мама. Она, казалось, что-то заподозрила, но теперь убедилась, что собственность ее семьи не растащена и не поломана. Пушистик-малыш одной ручонкой вцепился в ее мех, а другой держал плод шарообразного дерева. Засунув остатки плода себе в рот, он взобрался на Джека и снова уселся на его голове. Следовало бы отучить его от этого. Скоро он станет слишком большим для таких походов.

Через несколько минут вернулись все остальные члены семьи, толкаясь и счастливо уикая, начали бегать друг за другом. Мама сползла с колен Джека и присоединилась к потасовке, а Пушистик-малыш, прыгнув с его головы, приземлился на спину матери. Он-то думал, что потерял Маленького Пушистика, а здесь теперь, черт побери, появилось пять Пушистиков и еще малыш. Когда они навозились и устали, он сделал для них в жилой комнате постели и перенес туда одеяло Маленького Пушистика и все его сокровища. Когда в спальне находился один Маленький Пушистик, это было замечательно — но пятеро и маленький ребенок было слишком много для полного счастья.

Малыш и все остальные, копошась в его кровати, на следующее утро слишком рано разбудят его.

* * *

На следующее утро он сделал стальные инструменты в виде шпаг для каждого из них и с полдюжины на случай, если появятся другие Пушистики. Он сделал также маленький топорик с рукояткой из твердого дерева, из лезвия мотопилы — ножовку и из четвертьдюймовой плоской пружины — полдюжины маленьких ножей. Неприятностей по поводу изъятия собственности Маленьких Пушистиков было гораздо меньше, чем он ожидал. У них было развито чувство собственности, но они прекрасно понимали все выгоды обмена. Он спрятал все деревянные, роговые, костяные и каменные поделки в ящик стола. Так Хеллоуэй положил начало коллекции оружия и орудий труда Пушистиков с Заратуштры. Вполне возможно, что он завещает ее Федеральному Институту Ксенобиологии.

Конечно, все семейство тут же испытало новые инструменты-шпаги на креветках, а Джек следовал за ними с кинокамерой. За утро они истребили полторы дюжины креветок, и поэтому ленч был съеден без всякого интереса, хотя они сидели и откусывали маленькие кусочки, подражая ему. Закончив, они забрались на плащ, расстеленный на его кровати. А он провел эти полдня, бродя по лагерю и выполняя работы, которые он откладывал месяцами. Под вечер все Пушистики выбежали наружу, чтобы немного прогуляться на траве перед домом.

Джек был на кухне и готовил еду, когда они через маленькую дверцу ворвались в жилую комнату, что-то взволнованно выкрикивая. Маленький Пушистик и один из самцов прошли на кухню. Маленький Пушистик встал на четвереньки и, оттопырив мизинец и большой палец, поднес руку к нижней челюсти, а указательный палец он держал прямо. Затем он выбросил вперед правую руку и издал лающий звук, не похожий ни на один из тех звуков, что он издавал раньше. Прежде чем Джек понял, Пушистику пришлось проделать это еще раз.

Здесь существовал очень большой и опасный хищник под названием «чертов зверь» — очередной пример зоологического разнообразия не населенных разумными существами планет — у него был один рог на лбу и два на нижней челюсти, расположенные по бокам. Для Пушистика это было уже кое-что, впрочем, для человека тоже был повод поволноваться. Джек отложил в сторону разделочный нож и вкуснятника, которого он разделявал, вытер руки, прошел в гостиную и, произведя быстрый подсчет, убедился, что никто из семейства Пушистиков не пропал. Затем, подошел к оружейной пирамиде.

На этот раз вместо шестимиллиметрового ружья, которое он использовал против гарпии, он взял большую 12,7-миллиметровую скорострельную винтовку, проверил, заряжена ли она, и сунул в карман несколько запасных патронов. Маленький Пушистик выбежал вслед за ним и указал на левый угол хижины. Остальные члены семьи оставались внутри.

Пройдя около двенадцати футов, Джек стал поворачиваться против часовой стрелки, осматриваясь. В северном направлении чертова зверя не было, и он уже повернулся было к востоку, когда из-за его спины выскочил Маленький Пушистик и указал на что-то позади него. Он обернулся как раз вовремя, чтобы заметить готового броситься на него сзади чертова зверя; голова его с рогами была опущена. Ему следовало бы подумать об этом: чертов зверь мог быть хитрым и охотиться на охотника.

Джек инстинктивно прицелился и нажал курок. Крупнокалиберная винтовка взревела и ударила его в плечо, а пуля, попав в чертова зверя, отбросила его тело весом около полутонны назад. Вторая пуля вонзилась чуть пониже поганкоподобного уха. Животное спазматически содрогнулось и застыло. Джек машинально передернул затвор, но стрелять в третий раз не было необходимости. Чертов зверь был так же мертв, каким он мог быть сам, не предупреди его Маленький Пушистик.

Джек поблагодарил за это Маленького Пушистика, который спокойно перебирал пустые гильзы. Затем, потирая плечо, куда ударила винтовка, он вошел в дом и поставил оружие в пирамиду. Используя манипулятор, он выволок тело чертова зверя с территории лагеря и прикрепил его на верхушке дерева, где оно представляло собой приятное, но загадочное угощение для гарпий.

* * *

Вечером после еды произошел еще один переполох. Семейство, уставшее от возни, собралось в жилой комнате, где Маленький Пушистик демонстрировал ему принцип действия вещей-которые-навертываются-на-другие-предметы на примере широкогорлой бутылки и болта с гайкой, когда что-то огромное зарычало прямо над их головами. Они все замерли, посмотрели на потолок, а затем отбежали и остановились перед пирамидой. Это, вероятно, было что-то более серьезное, чем чертов зверь, а что мог поделаться папочка Джек, если у него чего-нибудь катастрофически не хватает? Они испуганно следили за папочкой Джеком, подошедшим к двери, открывшим ее и шагнувшим наружу. В конце концов, никто из них не слышал раньше клаксона полицейского аэрокара.

Кар, изящно накренившись, опустился на траву перед лагерьем и выключил антигравитационное поле. Два человека в мундирах выбрались из него, и в лунном свете он узнал обоих: лейтенанта Джорджа Ланта и его водителя Ахмада Кхадра. Приветствовав их, он спросил:

— Что-нибудь не в порядке?

— Нет. Просто мы решили посетить вас и посмотреть, как вы тут устроились, — ответил Лант. — Мы не часто залетаем сюда. Не было ли у вас каких-нибудь неприятностей в последнее время?

— Нет, после того раза ничего, — тот раз, это, когда пара лесных бродяг, безработных пастухов с юга, которые где-то

прослышали про мешочек, который он носил у себя на шее, появились тут. Все, что должны были сделать полицейские — это убрать трупы и написать рапорт. — Входите и на некоторое время забудьте о своем оружии. У меня есть кое-что, что я хочу показать вам.

Маленький Пушистик вышел из дома и дернул его за штанину. Джек остановился, поднял его и посадил на плечо. Отдыхающее семейство, вероятно, решило, что это неопасно, и, подойдя к двери, теперь выглядывало наружу.

— Эй! Что это за черти? — спросил Лант, резко останавливаясь на полпути от своего кара.

— Пушистики. Скажите, вы никогда раньше их не видели?

— Нет, не видели. Кто они?

Полицейские приблизились, и Джек, прогнав Пушистиков с дороги, шагнул в дом. Лант и Кхадра остановились в дверях.

— Я точно вам говорю. Они Пушистики. Название — это все, что мне известно о них.

Два Пушистика подошли и посмотрели снизу вверх на лейтенанта Ланта. Один из них сказал:

— Уиик?

— Они хотят знать, что вы такое, так что интерес взаимен.

Лант на мгновение замаялся, затем снял ремень с кобуры и повесил на одну из вешалок, прикрепленных к внутренней стороне двери. Сверху он подвесил свой берет. Кхадра быстро последовал его примеру. Это означало, что они временно считают себя не на службе, и если им предложат, могут даже выпить. Один Пушистик, чтобы на него обратили внимание, подергал за штанину Ахмеда Кхадру, а Пушистик-мама подняла малыша, показывая его Ланту. Кхадра немного нерешительно поднял Пушистика, который пытался привлечь его внимание.

— Раньше я никогда не видел ничего подобного этому, Джек, — сказал он. — Откуда они появились?

— Ахмед, вы ничего не знаете о них, — укорил его Лант.

— Он не повредит мне, лейтенант; они ведь безвредны, Джек? — он взглянул на пол, и к нему подошла еще пара Пушистиков. — Почему вы не хотите познакомиться с ними? Они очень милы.

Джордж Лант не мог позволить своему подчиненному делать то, что он боялся делать сам. Он тоже сел на пол, и Мамочка принесла ему своего малыша. Малыш немедленно перескочил на его плечо и попытался влезть на голову.

— Расслабься, Джордж, — сказал ему Джек. Они хорошие. Пушистики всего лишь хотят подружиться.

— Меня всегда немного пугают чужие формы жизни, — сказал Лант. — Уж вы-то должны бы знать, что случилось.

— Они не чуждая форма жизни, они млекопитающие с Заратуштры. Та же форма жизни, которую вы едите на обед каждый день с тех пор, как прибыли сюда. Их биохимия тождественна нашей. Думаете, они могут наградить нас чем-то вроде «узора в горошек» или чем-нибудь подобным? — он поставил Маленького Пушистика на пол рядом с остальными. — Мы изучаем эту планету двадцать пять лет, и никто не видел здесь ничего подобного.

— Поймите, лейтенант, — вмешался Кхадра, — Джеку лучше знать.

— Ладно... Они умные ребята. — Лант снял малыша с головы и отдал его Мамочке. Маленький Пушистик ухватился за один конец цепочки от свистка и попытался выяснить, что там, на другом конце. — Держу пари, их слишком много для вас.

— Вот вы и познакомились с ними. Будьте как дома, а я пойду и быстро приготовлю выпивку и закуску.

Пока он был на кухне, наполняя сифон содовой и доставая из холодильника лед, в гостиной пронзительно заверещал полицейский свисток. Когда Джек открывал бутылку виски, в кухню лихо влетел Маленький Пушистик, дуя в свисток, а большинство членов семейства, пытавшихся отнять свисток, преследовали его. Для Пушистиков он открыл банку Внеземного-Три. Как только он сделал это, в гостиной заверещал другой свисток.

— У нас на посту их целая коробка из-под обуви, — крикнул Лант, перекрывая шум. — Мы пришли к вам еще парочку, когда снова будем дежурить.

— Хорошо, что они действительно понравились вам, Джордж. Я хочу сказать, что Пушистики оценят это. Ахмед, я полагаю, вы возьмете на себя обязанности бармена, а я тем временем раздам детишкам сладости.

Пока Кхадра смешивал коктейли, а Джек раздавал Пушистикам Внеземной-Три, Лант опустился в удобное кресло, а Пушистики устроились на полу перед ним, все еще с любопытством разглядывая его. Наконец Внеземной-Три на время отвлек их мысли от свистков.

— Что я хочу знать, Джек, так это то, откуда они взялись, — сказал Лант, взяв свой стакан. — Я здесь на службе пять лет и никогда ничего похожего не видел.

— Я здесь на пять лет больше и тоже никогда не видел их раньше. Я думаю, они спустились с севера, из местности, расположенной между Кордильерами и Западным побережьем. Воздух там просматривался на десять тысяч футов, а несколько поездов, сделанных то там, то тут, ничто по сравнению с тем, что надо сделать, чтобы по-настоящему исследовать эту местность. Если она кому и известна, то только Пушистикам.

Он начал рассказывать о своей первой встрече с Маленьким Пушистиком и через какое-то время добрался до резца по дереву и до обезглавливания сухопутных креветок. Лант и Кхадра с изумлением посмотрели друг на друга.

— Вот это да! — сказал Кхадра. — Я находил панцири с выбранным мясом, разбитые именно таким способом, как вы описали. Но не у всех же у них есть резцы по дереву. Как вы думаете, чем они обычно пользуются?

— А вот этим! — Джек рывком открыл ящик стола и достал оттуда несколько предметов. — Один из них бросил Маленький Пушистик, когда нашел мой резец. Остальные принесли другие, когда пришли сюда.

Лант и Кхадра встали и подошли поближе, чтобы взглянуть на вещицы. Лант попытался доказать, что Пушистики не могли сделать этого сами. Но он не смог убедить в этом даже самого себя. Покончив с Внеземным-Три, Пушистики выжидающе смотрели на демонстрационный экран, и Джек вдруг подумал, что никто из них, кроме Маленького Пушистика, никогда не видел этого. Затем Маленький Пушистик прыгнул в кресло, которое освободил Лант, дотянулся до выключателя и повернул его. На экране возникло пустое пространство залитой лунным светом равнины. Картинка транслировалась телекамерой пастухов, пасших степняков, установленной на металлической вышке. Это было не очень интересно. Маленький Пушистик бесцельно вертел селектор и в конце концов нашел трансляцию вечернего футбольного матча из Мэллори-Порта. Это было великолепно. Он спрыгнул вниз и присоединился к другим, расположившимся перед экраном.

— Я видел Зеленых Обезьян и Кхолпхов Фрейна, которые тоже могли включать обзорный экран и пользоваться селектором, — сказал Лант. Это прозвучало, словно отзвук последних возражений перед капитуляцией.

— Кхолпхи Фрейна умные, — согласился Кхадра. — Они пользуются инструментами.

— Они изготавливают инструменты? Или пользуются тем,

что им дадут? — Никто ничего не ответил. — Нет, никто не делает их, кроме гуманоидов, подобных нам, и Пушистиков.

Это было произнесено впервые; но прежде чем сказать это, он все обдумал. Он понял, что все время сам себя убеждал в этом. Это поразило лейтенанта и его водителя.

— Значит, вы думаете... — начал Лант.

— Они не говорят и не разводят огня, — решительно произнес Ахмед Кхадра.

— Ахмед, вам хорошо должно быть все известно. Правило какого бы то ни было теста о речи и разведении огня не может распространяться на все.

— Это критерий, установленный законом, — поддержал Лант своего подчиненного.

— Это закон дилетантов, которые постановили, что поселенец на новой планете не может вступать в контакт с убивающими и берущими в рабство туземцами и утверждать, что те обладают разумом — ведь они могут только охотиться и убивать животных, — сказал Джек. — Все, кто имеет речь и разводит огонь, разумные существа, да. Это закон. Но это не значит, что те, кто не делает это, неразумны. Я не видел, чтобы Пушистики разводили огонь, но так как мне бы не хотелось, вернувшись домой, обнаружить пожарище, то я и не учу их этому. И я уверен, что у них есть какое-то средство общения между собой.

— Бен Рейнсфорд еще не видел их? — спросил Лант.

— Бен где-то бродит. Я вызвал его сразу, как только здесь появился Маленький Пушистик. Но он вернется только в пятницу.

— Да, все правильно, я об этом забыл. — Лант все еще с сомнением смотрел на Пушистиков. — Хотелось бы мне услышать, что он скажет о них.

Если Бен скажет, что они безопасны, Лант поверит ему. Бен — эксперт, а Лант уважал мнение экспертов. А до тех пор, пока он не уверится... Завтра первым делом он, вероятно, проведет медицинское исследование себя и Кхадры, чтобы быть уверенным, что они не подцепили кое-каких неприятных насекомых.

На следующее утро Пушистики довольно спокойно проводили манипулятор. Он не был каким-то ужасным чудовищем, он был тем, что папочка Джек взял с собой на прогулку. Утром он нашел только один средненький солнечный камень, а

после обеда — два хороших. Вернувшись домой пораньше, он обнаружил все семейство в гостиной: Пушистики опорожнили корзину для бумаг и теперь снова загружали ее. Кажется, еще одна сухопутная креветка забралась в дом: ее разбитый панцирь лежал в корзине вместе с другим мусором. Накормив Пушистиков, он усадил их в аэроджип, и они совершили продолжительную прогулку в юго-западном направлении.

На следующий день он определил местонахождение жили кремня на другой стороне ущелья и потратил большую часть утра, взрывая песчаник вокруг нее. Он решил, что в следующий раз, когда он будет в Мэллори-Порте, он приобретет себе хороший мощный экскаватор. Он взорвал русло ручья, пустив его в сторону от запруды, но не обнаружив выхода кремня, плюнул на все это до завтра. Вернувшись назад, он увидел еще одну гарпию, кружащуюся над лагерьем. Он догнал ее на манипуляторе и выстрелом из пистолета сбросил вниз. Гарпии, вероятно, нашли Пушистиков такими же вкусными, какими Пушистики находили сухопутных креветок. Когда он вошел в гостиную, все семейство сидело под пирамидой.

На следующий день он разбил жилу кремня и нашел три больших солнечных камня. Было действительно похоже, что здесь находилось Кладбище Мертвых Медуз. Он закончил работу около полудня, и когда перед ним открылась панорама лагеря, он увидел стоящий на лужайке аэроджип и невысокого мужчину с рыжей бородой в выцветшей куртке цвета хаки. Его окружали Пушистики, и он сидел на скамейке перед кухонной дверью. Камера и какое-то другое снаряжение лежало так, чтобы Пушистики не смогли достать его. Пушистик-малыш, конечно, сидел на его голове. Он взглянул вверх, пошевелился, а затем передал малыша матери и поднялся.

— Ну, что вы о них думаете, Бен? — спросил Джек, как только посадил свой манипулятор.

— Бог мой, не спрашивайте меня сейчас об этом! — ответил Бен Рейнсфорд и рассмеялся. — По пути домой я вернулся на полицейский пост. Я думаю, что Джордж Лант стал величайшим из лгунов в Галактике. Вернувшись домой, я прослушал запись вашего рассказа, и вот я здесь. — Долго ждали?

Как только было отключено антигравитационное поле манипулятора, Пушистики бросили Рейнсфорда и столпились под ним. Джек спрыгнул вниз, и они последовали за ним, цепляясь за его брюки и счастливо уикая.

— Не так уж и долго, — Рейнсфорд посмотрел на часы. — О, боже, уже три с половиной часа. Ну, время пролетело так быстро. Вы знаете, у ваших ребят отличный слух. Они услышали вас задолго до того, как это сделал я.

— Вы видели, как они убивают сухопутных креветок?

— Ничего себе! Я истратил на это целую пленку, — он качнул головой. — Джек, это почти невероятно.

— Вы, конечно, останетесь и пообедаете у меня?

— Вы устали и гоните меня? Мне бы хотелось побольше услышать о них. Если хотите, мы можем снять о них фильм. Согласны?

— С удовольствием. Мы сделаем это после того, как поедем. — Он сел на скамью, и Пушистики начали устраиваться около него. — Первым был Маленький Пушистик. Остальных он привел через два дня. Это Пушистик-Мама и Пушистик-Малыш. А это Майк и Майзи. Если бы вы проследили, как целенаправленно обезглавливает креветок вот этот, вы не стали бы спрашивать, почему я назвал его Ко-Ко.

— Джордж сказал, что вы называете их Пушистиками. Вы хотите, чтобы это стало официальным названием?

— Конечно. Кто же они такие, если не Пушистики?

— А подкласс позвольте назвать вашим именем, — сказал Рейнсфорд. — Семейство Пушистики, род Пушистик, вид Пушистик Хеллоуэя. ПУШИСТИК ПУШИСТЫЙ ХЕЛЛОУЭЯ. Ну и как?

Это должно быть прекрасно, подумал Джек. В конце концов, они больше не пытаются латинизировать внеземную биологию.

— Я полагаю, что сюда их привели необычайно размножившиеся сухопутные креветки.

— Да, конечно. Джордж говорил, что вы думаете, будто они пришли сюда с севера. Пожалуй, это единственное место, откуда они могли прийти. Это, вероятно, только авангард; вскоре Пушистики появятся повсеместно. Просто удивительно, как быстро они размножаются.

— Не очень быстро. В этой компании три самца и две самки и только один малыш, — он ссадил Майка и Майзи с колен. — Я пойду приготовлю обед. А вы пока можете осмотреть вещицы, которые они принесли с собой.

Джек поставил обед в духовку, взял виски с содовой и принес в гостиную, а Рейнсфорд все еще сидел за столом, разглядывая артефакты. Он взял стакан с виски, рассеянно сделал маленький глоток и поднял голову.

— Джек, эти вещицы изумительны, — сказал он.

— Даже больше. Они уникальны. Единственная коллекция оружия и орудий труда жителей Заратуштры.

Бен Рейнсфорд неожиданно резко взглянул вверх.

— Вы полагаете, будто я думаю, что они... — спросил он. — Да, именно так я и думаю, — он отпил немного виски, поставил стакан, поднял оружие, сделанное из полированного рога. — Если что-то — извините, тот, кто смог выполнить подобного рода работу, является для меня вполне подходящим туземцем. — Он немного поколебался. — Да, Джек, вы говорили, что мы сможем отснять пленку. Могу я передать копию Юану Джимензу? Он шеф отдела науки Компании, который занимается изучением млекопитающих. Мы с ним обмениваемся информацией. В Компании есть еще один человек, который хотел бы это увидеть — Герд ван Рибик. Он ксенонатуралист, как и я, но он в основном интересуется эволюцией животных.

— Почему бы и нет? Пушистики — научное открытие. А открытия обязательно должны публиковаться.

Маленький Пушистик, Майк и Майзи вышли из кухни. Маленький Пушистик вспрыгнул на подлокотник кресла и включил видеозэкран. Покрутив настройку, он нашел картину горящих лесов, сжигаемых для осуществления плана Большой Черной Воды. Майк и Майзи восторженно закричали, словно пар ребят, смотрящих фильм ужасов. Они уже знали, что ничто из того, что происходит на экране, не может повредить им.

— Вы не будете возражать, если они прибудут сюда и посмотрят Пушистиков?

— Пушистикам это может понравиться. Они любят общество.

Вошедшие Мамочка, Малыш и Ко-Ко, казалось, одобрили то, что происходило на экране, и тоже уселись, чтобы посмотреть. Когда на кухонной плите зазвонил колокольчик, они все поднялись, а Ко-Ко вспрыгнул на стул и выключил экран. Бен Рейнсфорд на мгновение задумался.

— Вы знаете, у меня много женатых знакомых, которые тратят массу времени на то, чтобы научить своих восьмилетних детей выключать экран, когда они посмотрят передачу, — произнес он.

* * *

После обеда они потратили час на то, чтобы заснять на пленку всю историю о Пушистиках. Когда все было сделано, Бен Рейнсфорд добавил несколько комментариев и выключил звукозапись. Он взглянул на свои карманные часы.

— Двадцать ноль-ноль. Значит, в Мэллори-Порте сейчас семнадцать ноль-ноль, — сказал он. — Если я позвоню прямо сейчас, Джимендза еще можно застать в научном центре. Он обычно задерживается.

— Вызывайте. Давайте покажем ему Пушистиков? — Джек отодвинул пистолет и патронташ, лежащие на столе, и посадил туда Маленького Пушистика, Пушистика-Маму и малыша, затем поставил стул в сектор обзора экрана связи и сел, взяв на колени Майка, Майзи и Ко-Ко. Рейнсфорд набрал кодовую комбинацию, затем поднял Малыша и посадил его себе на голову.

Экран вспыхнул и прояснился. С него смотрел молодой человек с честным, открытым лицом, ища взглядом того, кто хотел увидеть его.

— Да ведь это Беннет, вот приятный сюрприз, — начал он. — Я не надеялся... — он осекся и испустил звук изумления. — Как называется то, что на столе перед вами? — спросил он. — Я никогда не видел ничего... А ЧТО ЭТО У ВАС НА ГОЛОВЕ?

— Семейство Пушистиков, — сказал Рейнсфорд. — Самцы, самки и детеныш, — он снял малыша и передал его матери. — Разновидность ПУШИСТИК ПУШИСТЫЙ ХЕЛЛОУЭЯ с Заратуштры. Джентльмен слева от меня — Джек Хеллоуэй, специалист по добыче солнечных камней, первооткрыватель Пушистиков. Джек, это Юан Джименз.

Джек сцепил руки и потряс ими, приветствуя Джимензу древнекитайским жестом, используемым для приветствия по каналу связи. Тот сделал то же самое, но проделал это весьма рассеянно. Он не мог отвести глаз от Пушистиков.

— Откуда они взялись? — спросил он. — Вы уверены, что они местные?

— Они еще не совсем доросли до космических кораблей, доктор Джименз. По моему мнению, это ранний палеолит.

Джименз подумал, что Джек шутит. Раздался смех, который, подобно лампочке, может быть включен и выключен. Но Рейнсфорд заверил его, что Пушистики действительно местные.

— То, что мы узнали о них, запечатлено на пленке, — сказал он. — Время демонстрации где-то около часа. Вы можете включить скорость в шестьдесят метров в минуту? — Джименз переключил свой магнитофон. — Прекрасно. Посидите, пока мы закончим перезапись. И еще, вы можете вызвать Герда ван Рибика? Я бы хотел, чтобы он тоже увидел это; это немного расшевелит его.

Когда Джименз приготовился, Рейнсфорд нажал кнопку воспроизведения. Около минуты магнитофон издавал высокий переливчатый писк. Пушистики выглядели испуганными. Затем все кончилось.

— Когда вы посмотрите запись, я думаю, вам с Гердом захочется прибыть сюда и посмотреть на этих маленьких человечков. Если сможете, захватите с собой какого-нибудь психолога, способного оценить процесс мышления Пушистиков. Джек не ошибается насчет раннего палеолита. Но если они и не разумны, то отстают от разума всего лишь на какую-то долю миллиметра.

Джименз выглядел таким же испуганным, как и Пушистики.

— Вы, конечно, не думаете так? — Он перевел взгляд на Джека, затем снова на Рейнсфорда. — Хорошо, когда мы посмотрим ленту, я вызову вас. Вы западнее нас на три временных пояса? Значит, мы постараемся сделать это еще до вашей полуночи — по-нашему, в двадцать один ноль-ноль.

Вызов прозвучал на полчаса раньше. Вместо кабинета на экране была жилая комната. На переднем плане стоял портативный видеомагнитофон и низкий столик с легкой закуской и выпивкой. Рядом с Джимензом стояли еще два человека. Первый в хорошем настроении, с бледным, истощенным лицом, был примерно одних лет с Джимензом. Другим была женщина с блестящими черными волосами и улыбкой Моны Лизы. Сонные Пушистики, которые не ушли спать, подкупленные Рационом-Три, сразу же после вызова проявили к этому интерес. Это было гораздо интереснее, чем экран обзора.

Джименз представил своих компаньонов: Герд ван Рибик и Рут Ортерис.

— Рут из подразделения доктора Мейлина, она сотрудничает в юношеском суде и школьном департаменте. Она будет работать с вашими Пушистиками как квалифицированный ксенопсихолог.

— Да, я работала с внеземными существами, — сказала женщина. — Я была на Локи, Торе и Шеше.

Джек кивнул.

— Вы были на некоторых из моих планет. Вы прибудете сюда?

— О, да, — сказал ван Рибик. — Мы прилетим завтра, но это не доставит вам никаких неприятностей. У меня есть достаточно вместительная лодка, чтобы дать нам всем троим укрытие на ночь. Так как нам найти ваш лагерь?

Джек рассказал ему это и сообщил координаты по карте. Ван Рибик записал их.

— Есть одна оговорка, хотя мне и не хочется говорить об этом снова. С этим маленькими людьми надо обращаться деликатно, не так, как с подопытными животными. Вы не будете вредить или надоедать им, не будете заставлять их делать то, чего они не хотят?

— Мы понимаем это. Мы ничего не будем делать с Пушистиком без вашего одобрения. Не нужно ли вам чего-нибудь? Мы можем захватить это с собой.

— Да, нужно. Три ящика Рациона-Три и немного игрушек. Я расплачусь, когда вы прибудете сюда. Доктор Ортерис, вы просмотрели ленту или нет? Хорошо, подумайте, что бы вы хотели иметь, если бы вы были Пушистиком, и привезите это.

5

Виктор Грег медленно и задумчиво смял сигару.

— Да, Леонард, — терпеливо проговорил он, — это очень интересное и, несомненно, важное открытие, но я не пойму, чего вы боитесь. Вы боитесь, что эти люди могут избить вас? Или вы подозреваете, что Беннет Рейнсфорд задумал дьявольский заговор против Компании и, значит, против человеческой цивилизации?

Леонард Келлог с выражением страдания посмотрел на него.

— Я говорю о том, Виктор, что оба они, и Рейнсфорд, и этот Хеллоуэй, кажется, убеждены, что эти существа, которых они называют Пушистиком, не совсем животные. Они полагают, что это разумные существа.

— Нет, это... — он резко оборвал себя, как только смысл высказывания Келлога дошел до него. — Боже мой, Леонард! Я искренне молю вас о прощении, я не порицаю все, что вы приняли это так близко к сердцу. Это может сделать Заратуштру обитаемой планетой четвертого класса.

— А у Компании права на владение необитаемой планетой четвертого класса, — добавил Келлог. — На владение *не обитаемой* планетой. Если на Заратуштре будет открыта какая-нибудь раса разумных существ, все права Компании автоматически становятся недействительными.

— Вы знаете, что случится, если это окажется правдой?

— Ну, я полагаю, право на владение может быть пересмотрено, и даже теперь, когда Колониальная Служба узнает,

что обнаружено на этой планете, они сделают все, если Компания расщедрится...

— Они не пересмотрят право на владение, Леонард. Правительство Федерации просто заявит, что у Компании было достаточно времени, чтобы окупить первоначальные капиталовложения, и я надеюсь, что разрешат нам, так великолепно проявившим себя, владея этой планетой, остаться здесь на общественных началах.

Обширные равнины на Континентах Бета и Дельта со стадами степняков, и каждый степняк, не имевший тавра Компании, все невыкаченные минеральные ресурсы и невозделанные пахотные земли — все летело к чертям. Космическая линия Земля — Бальдур — Мэрдок может лишиться своего монопольного права голоса, и суды могут доставить ей множество неприятностей, и в любом случае Компания лишится права монополии на экспорт-импорт и пробкой вылетит отсюда. А незаконно поселившиеся здесь все разграбят и завалят все дело...

— Ну, почему мы не являемся этой богатейшей компанией «Югдрейсил», сидящей на груде гуано на единственном континенте! — воскликнул он. — Пять лет назад они имели больше денег от навоза летучих мышей, чем мы получали со всей этой планеты!

Главный акционер и лучший друг Компании Ник Эммерт тоже может оказаться вне игры, а Генеральный Управляющий Колониями может прибыть сюда с регулярными войсками и прекратить все эти бюрократические проволочки. Затем выборы — и каждый Том, Дик и Гарри, недовольный действиями Компании, может попытаться преступить закон. И, конечно же, Комиссия по Делах Колоний со своим длинным носом...

— Но не могут же они отнять у нас все права! — настаивал Келлог. Кого он пытался обмануть, самого себя? — Это же несправедливо! — словно утверждал он. — Это же не наша вина! В голосе Виктора была бездна терпения.

— Леонард, попытайтесь понять, что Правительство Земной Федерации не может доказывать, вопя пронзительным сопрано, справедливо это или нет, или это вообще ошибка. С того времени, как Правительство Федерации обнаружило, что вместе с правом они дали Компании и привилегии, оно очень сожалеет об этом. Эта планета гораздо лучше, чем когда-либо была Земля, даже до Атомной Войны. Теперь же, когда у них появилась возможность вернуть ее назад, даже благоустроенную, вы думаете, они не сделают этого? Что остановит их? Ес-

ли эти создания на Континенте Бета — разумные существа, наше право — не ценная бумага, написанная крупными буквами, а клочок туалетной бумажки, и это конец всему, — он на мгновение замолк. — Вы видели эту пленку, переданную Рейнсфордом Джимензи? Может ли он или Хеллоуэй с уверенностью утверждать, что эти существа действительно разумны?

— Ну, нет, не уверен. Хеллоуэй постоянно говорит о них как о людях, но ведь он всего лишь старый изыскатель. Рейнсфорд не утверждает ни того, ни другого, но он оставляет дверь широко открытой для любого решения.

— Если допустить, что в их докладе изложена правда, могут эти Пушистики быть разумными?

— Если допустить, то да, — устало сказал Келлог. — Они могут быть разумными.

Так оно, вероятно, и было, если уж Леонард Келлог уверился в этом.

— В таком случае, ваши люди, которые отправятся на Континент Бета сегодня утром, увидят разум и будут развлекаться с ним как с научной проблемой, совершенно не принимая во внимание никакие юридические аспекты. Леонард, пока они не подадут какой-либо рапорт, пошлите следствию обвинение.

Келлогу, казалось, не понравилось это. Это значило, что надо было проявить власть и быть жестоким с людьми, а он очень этого не любил. Он неохотно кивнул.

— Да, мне кажется, надо это сделать. Виктор, разрешите мне немного подумать над этим. Два слова о Леонардо: если вы поручили ему что-то, от чего он не может увильнуть или передать это другому, он будет работать. Возможно, не с радостью, но добросовестно.

— Я возьму с собой Эрнста Мейлина, — наконец проговорил он. — Рейнсфорд не очень силен в некоторых разделах психологии. Он может обмануть Рут Ортерис, но не Эрнста Мейлина. — Нет, после того, что я скажу первым. — Он задумался. — Мы заберем Пушистиков у Хеллоуэя. Когда мы опубликуем отчет об открытии, мы воздадим должное Рейнсфорду и Хеллоуэю — мы даже оставим название, которое они придумали для них — но мы ясно покажем, что, несмотря на то, что они выглядят очень симпатичными, Пушистики не являются расой разумных существ. Если Рейнсфорд будет продолжать делать подобные заявления, мы обвиним его в преднамеренном обмане.

— Что он может еще сообщить в своем отчете Институту Ксенобиологии?

Келлог покачал головой.

— Я думаю, он хочет обмануть наших людей, чтобы получить поддержку некоторых своих научных утверждений, подтвердить приписываемые ему и Хеллоуэю исследования. Вот почему я вылечу на Континент Бета как можно скорее.

Келлог убеждал себя, что как только он прибудет на континент Бета, его планы осуществятся. К тому же, вероятно, он убеждал себя и в том, что доклад Рейнсфорда был лишь чистой ложью.

— Что он и сделает, если его не остановить. А через год здесь будет целая армия исследователей с Земли. К тому времени хотелось бы полностью дискредитировать и Рейнсфорда, и Хеллоуэя. Леонард, вы заберете этих Пушистиков у Хеллоуэя, и я лично гарантирую, что к тому времени их уже не будет в распоряжении исследователей. Пушистики, — размышляя, сказал он. — Вероятно, они покрыты мехом?

— На ленте Хеллоуэя виден их мягкий и шелковистый мех.

— Хорошо. Подчеркните это в вашем докладе. Как только он будет опубликован, Компания предложит две тысячи солей за каждую шкурку Пушистика. Когда сюда прибудет кто-нибудь с Земли, кого приведет доклад Рейнсфорда, мы их всех уже переловим.

Келлог начал проявлять беспокойство.

— Но, Виктор, это же геноцид!

— Вздор! Геноцид — это истребление расы разумных существ. Эти же — покрытые мехом животные. Вот вы с Эрнстом Мейлином и докажете это.

* * *

Пушистики, играющие на лужайке перед лагерем, замерли в неподвижности. Их лица повернулись на запад. Затем они все побежали к скамейке возле кухонной двери и вскарабкались на нее.

— Что это? — заинтересовался Джек Хеллоуэй.

— Они услышали аэроджип, — ответил Рейнсфорд. — Так же они вели себя вчера, когда вы возвращались на своей машине, — он посмотрел на скатерть, которую они развернули под деревьями с перистыми листьями. — Все готово?

— Все, кроме ленча. Вот теперь я их вижу.

— Джек, ваши глаза лучше моих. О, и я их вижу. Надеюсь, ребята хорошо встретят их, — сказал он озабоченно.

С тех пор, как он прибыл сюда, он в первый раз так нервничал. Эти люди из Мэллори-Порта не были уж так важны сами по себе. У Бена в научных кругах было более громкое имя, чем у всего этого сброда, вместе взятого и работающего на Компанию. Он волновался за Пушистиков.

Выросший из едва заметного пятнышка аэробот по спирали спускался на землю. Когда он совершил посадку и отключил антигравитацию, они направились к нему, а Пушистики, прыгнувшие со скамейки, побежали рядом с ними.

Из бота вылезли три человека. Первой была Рут Ортерис, одетая в свитер и брюки, заправленные в короткие сапоги. Герд ван Рибик, очевидно, представлял себе характер предстоящих работ: он надел прочные сапоги и старую выцветшую куртку цвета хаки, а в руках у него было надежное оружие. Это показывало, что он знает, на что можно нарваться в этом Пидмонте. Юан Джименз был в том же полуспортивном костюме, в котором он появился на экране связи прошлым вечером. Все они держали в руках фотоаппаратуру. Пока они обменивались рукопожатиями и приветствиями, Пушистики расшумелись, требуя к себе внимания. В конце концов, все, и Пушистики, и люди сели к импровизированному столу, расставленному под деревьями.

Рут Ортерис села на траву возле Мамочки и Малыша. Малыш тотчас же заинтересовался серебряным амулетом с цепочкой, висевшим на ее шее и очаровательно позванивающим. Затем он попытался взобраться к ней на голову. Ей пришлось потратить некоторое время на то, чтобы осторожно, но твердо отбить у него охоту к этому. Юан Джименз сидел на корточках между Майком и Майзи и, попеременно осматривая их, что-то говорил по-латыни в микрофон миниатюрного диктофона, висевшего у него на груди. Герд ван Рибик опустился на складной стул и взял на колени Маленького Пушистика.

— Вы знаете, это поразительное семейство, — сказал он. — Не просто что-либо открыть на планете после двадцати пяти лет колонизации, но обнаружить нечто уникальное, вроде Пушистиков... Смотрите, у них нет ни малейших признаков хвоста, а на планете нет других бесхвостых млекопитающих, которые хотя бы отдаленно были похожи на них. Возьмите себя; мы относимся к довольно большому виду, около пятидесяти видов приматов. Но эти ма-

ленькие парнишки вообще не имеют никаких родственников на планете.

— Уник?

— А ему это безразлично или нет? — ван Рибик слегка похлопал Маленького Пушистика. — Теперь вы знаете самого маленького гуманоида, можете быть в этом уверены. Охо-хо, но что же дальше?

Ко-Ко, взобравшись на колени Рейнсфорда, вдруг прыгнул на землю, схватил свой инструмент, оставленный возле стула, и рванулся вперед. Все вскочили на ноги, гости достали камеры, Пушистики казались взволнованными. Что это, еще одна сухопутная креветка или что-то другое?

Ко-ко остановился перед креветкой, ткнул ее в нос инструментом, чтобы она остановилась, и принял драматическую позу. Взмахнув своим оружием, он опустил его на шею креветки. Затем он почти печально посмотрел на нее и пару раз сильно ударил плашмя. Потом оттащил ее в сторону и начал есть.

— Теперь понятно, почему вы называли его Ко-Ко, — сказала Рут, нацеливая свою камеру. — Остальные проделывают это по-другому?

— Ну, Маленький Пушистик, например, бежит рядом с креветкой, вертится вокруг нее и, выбрав удобный момент, наносит сильный удар. Майк и Майзи сначала переворачивают креветку, а потом, когда она уже лежит на спине, обезглавливают ее. Мамочка сначала сильно бьет ее по ногам. Но обезглавливание и взламывание панциря с нижней части — это делают все.

— Это основное, — сказала Рут. — Бессознательное. Техника же убийства вырабатывается либо самообучением, либо копированием. Когда Малыш начнет убивать своих собственных креветок, вероятнее всего, он сделает это так же, как это делает Мамочка.

— Эй, смотрите! — крикнул Джименз. — Он выбирает креветку для себя!

До конца ленча они говорили исключительно о Пушистиках. Сами же предметы дискуссии ели то, что им давали, и переукивались между собой. Герд ван Рибик предположил, что они обсуждают необычные особенности людей с Земли. Юан Джименз обеспокоенно, как бы желая выяснить, насколько серьезно он это говорит, посмотрел на него.

— Знаете, что произвело на меня самое большое впечатление? В отчете говорилось об инциденте с чертовым зверем, — сказала Рут Ортерис. — Любое животное, нахо-

дящееся в контакте с человеком, в случае опасности пытается привлечь его внимание, но я никогда не слышала, чтобы хоть одно из них использовало образную пантомиму. Этого не делают ни земные шимпанзе, ни кхольпкхи Фрейна. Маленький Пушистик действительно символически изобразил его, абстрактно показав отличительные особенности, характерные для чертова зверя.

— Вы думаете, что жест вытянутой руки с согнутым указательным пальцем означал винтовку? — спросил Герд ван Рибик. — Он раньше видел, как вы стреляли?

— Не думаю, чтобы это могло быть чем-то другим. Он как бы говорил мне: «Снаружи большой и мерзкий чертов зверь; выстрелите в него и сделайте с ним то же, что и с гарпией». А если бы он не подбежал ко мне и не указал назад, этот чертов зверь мог бы убить меня.

Джименз нерешительно сказал:

— Я понимаю, что мои слова невежливы. Вы знаете Пушистиков. Но почему вы так сверхантропоморфичны? Зачем наделять их собственными характерными особенностями и душевными качествами?

— Джименз, сейчас у меня еще нет ответа на этот вопрос. И я не думаю, что тут вообще можно что-то решить. Подождите немного, поживите подольше в обществе Пушистиков, а потом спросите это снова, только спросите не меня, а самого себя.

* * *

— Вот и вы, Эрнст, увидели эту проблему.

Леонард Келлог говорил так, словно укладывал слово на слово, как бы прижимая их пресс-папье и выжидая. Эрнст Мейлин сидел неподвижно, облокотившись на стол и подперев ладонями подбородок. Несколько морщин дугами обозначились вокруг его рта.

— Да. Я, конечно, не юрист, но...

— Это не юридический вопрос. Это дело психологов.

Пути отступления Эрнсту Мейлину были отрезаны. И он знал это.

— Прежде чем выразить свое мнение, я должен увидеть их. Лента Хеллоуэя с вами? — когда Келлог кивнул, Мейлин продолжил: — Никто из них в открытую не утверждает разумность Пушистиков?

Келлог ответил ему так же, как и Виктору Грегу, добавив только:

— Отчет почти полностью состоит из неподтвержденных утверждений Хеллоуэя и касается вещей, в которых он является единственным свидетелем.

— О, — Мейлин позволил себе сдержанно улыбнуться. — Он не дал более точного определения своим наблюдениям. Но для этого дела существует Рейнсфорд. Кроме своей основной специальности ксенонатуралиста, он в совершенстве владеет юриспруденцией и психологией. Он, правда, не особенно критически относится к заявлениям других людей. Что же касается его собственных наблюдений, то как мы узнаем, не включил ли он ошибочные выводы в свои образные утверждения?

— Как мы узнаем, что он не мистифицирует нас намеренно?

— Но, Леонард, это довольно серьезное намерение. — Это случалось и раньше. Например, тот парень, который высек в пещерах Кении символы Покойных Горных Марсиан. Или утверждение Эллермана о скрещивании земных мышей с воран тилбрами Торы. Или человек Нижнего Пильта, вернувшийся в первый доатомный век?

Мейлин кивнул.

— Никто из нас не любит вспоминать о подобных вещах, но, как вы справедливо заметили, это было. Вы знаете, Рейнсфорд тоже принадлежит к типу людей, делающих нечто подобное. Настоящий индивидуалистический эгоист. Плохо приспособляющийся тип личности. Поговаривают, что он хочет сделать какое-то сенсационное открытие, которое гарантировало бы ему положение в научном мире, на что, как он думает, он имеет право. Он находит одинокого пожилого изыскателя, к лагерю которого прибудились некие маленькие животные. Старик сделал их своими любимцами, обучил нескольким трюкам и в конце концов убедил себя, что они такие же люди, как и он. Это оказалось удобным случаем для Рейнсфорда: такой подарок судьбы, как открытие новой разумной расы, он примет с удовольствием. Это открытие приведет весь научный мир к его ногам, — он снова улыбнулся.

— Да, Леонард, это вполне возможно.

— Помните, какой грандиозный скандал разразился с гибридом Эллермана? Значит, наша прямая обязанность остановить это до того, как в нашем деле разразиться научный скандал.

— Сначала мы должны посмотреть эти записи и поглядеть, что же мы имеем в своих руках. Затем мы должны со-

здать совершенную, не подверженную ничьему влиянию лабораторию для изучения этих животных и показать Рейнсфорду и его сообщникам, что они не смогут безнаказанно всучить научному миру эти нелепые утверждения. Если мы не переубедим их, то нам ничего не останется, кроме публичного разоблачения.

— Я уже видел запись, но давайте посмотрим ее еще раз. Мы должны проанализировать те трюки, которым Хеллоуэй обучил этих животных, и посмотреть, как они их демонстрируют.

— Да, конечно. Не стоит это откладывать, — сказал Мейлин. — Нам надо решить, какое мы сделаем заявление и какие доказательства нам нужны для его подтверждения.

* * *

После обеда Пушистики, как обычно, играли на лужайке, но когда в глубокой ложбине начали сгущаться сумерки, они все вернулись в дом и занялись одной из своих новых забав, привезенных из Мэллори-Порта, — большим ящиком разноцветных шаров и коротких палочек из прозрачного пластика. Они не знали, что это был набор для макетирования молекул, но они быстро поняли, что палочки могут входить в отверстия в шарах и что из этого можно собрать трехмерные конструкции.

Это было гораздо интереснее цветных камней. Они сделали несколько экспериментальных форм, затем разобрали их и начали создавать одну большую конструкцию. Несколько раз они целиком или частично разбирали ее и начинали снова и снова, сопровождая свои действия частым уиканьем и жестикулируя.

— У них есть художественный вкус, — сказал Герд ван Рибик. — Я видел много абстрактных скульптур, которые и вполтину не были так хороши, как сделанная ими композиция.

— К тому же у них хорошая техника, — сказал Джек. — Они имеют понятие о равновесии и центре силы тяжести. Собрав эту конструкцию, они не перетяжелили верхнюю ее часть.

— Джек, я все время думаю о том, что вы предложили мне спросить у самого себя, — сказал Джименз. — Знаете, я пришел сюда, полный подозрений. Не то, чтобы я сомневался в вашей честности, нет; просто я думал, что вы с вашей очевидной любовью к Пушистикам наделили их большей разум-

ностью, чем они обладают. Теперь я думаю, что вы преуменьшили ее. Они не совсем по-настоящему разумны, но я не видел ничего похожего.

— Почему не совсем? — спросил ван Рибик. — Рут, мы в этот вечер совершенно не слышим вас. О чем вы думаете?

Рут Ортерис встепенулась.

— Герд, слишком рано высказывать подобные мнения. Я знаю, во время их совместной работы они действительно выглядели так, словно переговаривались между собой, но я просто не могу выделить речь из этого уик-уик-уик.

— Оставьте в покое формулу «язык-разжигание-огня», — сказал ван Рибик. — Раз они работают вместе над общим проектом, значит, они как-то общаются между собой.

— Это не общение, это символизация.

— А что вы скажете относительно Эллен Келлер? — спросил Рейнсфорд. — Значит, она начала говорить разумно только после того, как Анна Салливен обучила ее каким-то словам?

— Нет, конечно нет. Она училась только чувствовать образы, ограничивая ощущения, — Рут с укоризной посмотрела на Рейнсфорда; он пробил брешь в одном из ее фундаментальных постулатов. — Конечно, она унаследовала строение мозга разумных существ, — она сделала паузу, ожидая, что кто-нибудь спросит, откуда она знает, что у Пушистиков иное строение мозга.

— В продолжение спора я могу сказать, что без наличия разума не может быть изобретена речь, — сказал Джек.

Рут засмеялась.

— Вы заставили меня вспомнить колледж. В первый год обучения это был один из жгучих вопросов среди студентов-психологов, присутствующих на сессиях. Став второкурсниками, мы поняли, что это только спор о яйце и курице, и оставили его.

— А зря, — сказал Рейнсфорд. — Это хороший вопрос.

— Он был бы хорошим, если бы у него было решение.

— Может, вы и правы, — сказал Герд. — А возможно, ключ к разгадке находится в самом вопросе. Я говорю это к тому, что эти парнишки балансируют на самом краю разума, но еще не перевалили на эту сторону.

— Держу пари на все солнечные камни в моем мешочке, что они уже перевалили за этот край.

— Ну, может быть, они действительно в какой-то степени разумны, — предположил Джименз.

Рут Ортерис воскликнула в ответ на это:

— Вы словно дискутируете о существовании, недостаточно мертвом или недостаточно беременном! Здесь надо говорить либо да, либо нет.

Через некоторое время Герд ван Рибик сказал:

— Вопрос о разуме в моей области так же важен, как и в вашей, Рут. Разум — это результат эволюции, прошедшей через естественный отбор. Характерные особенности психики являются наиболее важным шагом в эволюции некоторых видов, включая и наш собственный.

— Подождите минутку, Герд, — сказал Рейнсфорд. — Рут, что вы на это скажете? Нет ли здесь хоть какого-то признака разума?

— Нет. Здесь есть признаки процесса мышления — или, если вы предпочитаете, смышлености — точно так же, как существуют признаки температуры. Когда психологи будут в состоянии обращаться с наукой, словно с лекарством, мы будем в состоянии отградуировать процесс мышления, как мы градуируем термометры. Но разум качественно отличается от неразума. Это нечто большее, чем просто высокая степень мышления. Вы можете назвать это точкой кипения мышления.

— Черт побери, мне кажется, это неплохая аналогия, — сказал Рейнсфорд. — Но что получится, если эта точка кипения повысится?

— Это как раз то, что мы обнаружили, — ответил ему ван Рибик. — Это то, о чем я только что говорил. О том, как возникает разум, сегодня мы знаем не больше, чем в нулевом году или шестьсот пятьдесят четвертом доатомном.

— Подождите минутку, — прервал его Джек. — Раньше мы копали как-то глубже, а теперь согласились на определенные разумности.

Ван Рибик засмеялся.

— Вы когда-нибудь пробовали добиться у биолога определения жизни? — спросил он. — Или определения цифры у математика?

— Вернемся назад, — Рут посмотрела на Пушистиков, которые рассматривали свою конструкцию из разноцветных шаров, как бы выискивая, куда они могли присоединить еще что-нибудь, не испортив узора. — Я говорю: уровень процесса мышления разума качественно отличается от неразумного процесса мышления тем, что он способен создавать символические идеи и способен передавать их, а также способен к обобщению и формированию абстрактного

мышления. Вот, я ведь не говорила вам о речи и разжигании огня или говорила?

— Маленький Пушистик символизирует и обобщает, — сказал Джек. — Изобразив три рога, он символизировал чертова зверя, показав длинную вещь, которая нацеливается и производит шум, он символизировал винтовку. Винтовка убивает животных. Гарпия и чертов зверь — оба они животные. Если винтовка убила гарпию, она убьет и чертова зверя.

Юан Джименз задумчиво нахмурился. Он посмотрел вверх и спросил:

— Какая низшая разумная раса нам известна?

— Югдрейсильские Кускры, — сказал ван Рибик. — Кто-нибудь из вас был на Югдрейсиле?

— Однажды на Мимире я видел человека, который называл другого человека сыном кускры, — сказал Джек.

— Я провел среди них два года, — ответил Герд. — Они разводят огонь; я давал им для этого все необходимое. Изготавливая дротики, они обжигают концы палок. И они говорят. Я выучил их язык, все восемьдесят два слова. Некоторых из них я научил пользоваться мачете, и они не увечили себя, а одному умственному гиганту я даже доверил носить свое снаряжение, когда он был под моим наблюдением, но я никогда не разрешал никому из них трогать мою винтовку или камеру.

— Могут ли они обобщать? — спросила Рут.

— Милая, они ничего не могут делать, кроме этого! Каждое слово на их языке — обобщение высшего порядка. ХРУС-ХА — живая вещь. ПУСХА — плохая вещь. ДЖЕЙСТХА — вещь, которую едят. Хотите, чтобы я продолжил? Осталось только семьдесят девять слов.

Прежде чем его остановили, от экрана связи прозвучал сигнал вызова. Не успел Джек включить его, как Пушистики сорвались с места и выстроились перед экраном. Вызвавший его человек был в сером мундире. У него были седые волнистые волосы, а его лицо выглядело так же, как будет выглядеть лицо Юана Джименза двадцать лет спустя.

— Добрый вечер. Хеллоуэй слушает.

— О, мистер Хеллоуэй, добрый вечер, — человек на экране потряс руками и расплылся в ослепительной улыбке. — Я Леонард Келлог, шеф научного отдела Компании. Я посмотрел ленту, сделанную вами о... о Пушистиках. — Он взглянул на пол. — Что это за животные?

— Это Пушистики. — Джек надеялся, что это прозвучало убедительно. — Разве вы их не узнали? Сейчас у меня в го-

стях доктор Беннет Рейнсфорд, а также доктор Джименз, доктор ван Рибик и доктор Ортерис, — уголком глаза он видел ерзающего Джименза, словно тот сидел на муравьиной куче, ван Рибика, спрятавшегося под маской беспристрастности, и Бена Рейнсфорда, пытавшегося подавить усмешку. — Вы, вероятно, хотите задать нам кое-какие вопросы, но вам не видно всех нас. Поэтому подождите минутку, пока мы все не рассядемся.

Игнорируя вежливый протест Келлога и его заверения, что в этом нет необходимости, он поставил стулья перед экраном. Так как эффекта внезапности не получилось, он просто передал Пушистиков по кругу, дав Маленького Пушистика Бену, Ко-Ко — Герду, Майзи — Рут, Майка — Джимензу, а Мамочку с Малышом взял себе на колени.

Малыш, как и ожидалось, немедленно взобрался к нему на голову. Это, казалось, привело Келлога в замешательство. Джеку пришла в голову мысль, что он мог бы научить Малыша показывать нос по какому-нибудь незаметному сигналу.

— Теперь относительно записанной мною ленты, — начал он.

— Да, мистер Хеллоуэй, — с каждой минутой улыбка Келлога становилась все более механической. Не отводя взгляда от Малыша, он чувствовал, что тревожится все больше и больше. — Должен признаться, я был в высшей степени поражен, узнав об этих созданиях.

— И решили посмотреть, какой я великий лгун. Я не виню вас, я сам еще полностью не могу поверить в это.

— О, нет, мистер Хеллоуэй, вы меня неправильно поняли. Мне и в голову не приходило ничего подобного.

— Не думаю, что это так, — сказал Рейнсфорд, не стараясь быть особенно вежливым. — Если вы помните я поручился за все, записанное мистером Хеллоуэем.

— Конечно, помню, Беннет; для этого не нужны поручители. Разрешите мне поздравить вас с замечательным научным открытием. Совершенно новый подкласс млекопитающих...

— Который может стать девятой внеземной разумной расой, — добавил Рейнсфорд.

— Вот те на, Беннет! — Келлог отбросил улыбку и сделал вид, будто он шокирован неожиданностью. — Вы шутите? — он снова посмотрел на Пушистиков, натянуто улыбнулся и фальшиво рассмеялся.

— Мне казалось, вы просмотрели ленту, — сказал Рейнсфорд.

— Конечно, сообщение просто замечательно. Но утверждать, что они разумные... Только потому, что они обучены некоторым трюкам и используют палки и камни в качестве оружия... — Улыбка исчезла с его лица, он снова стал серьезен. — Такое можно утверждать только после тщательного исследования.

— Хорошо, я не буду утверждать, что они разумны, — ответила ему Рут Ортерис. — До... послезавтра. Но вполне возможно, что так оно и есть. Их способность обучаться и рассуждать находится примерно на уровне способности восьми-летних детей. Детей землян. К тому же они стоят выше некоторых рас, признанных разумными. Их не обучали никаким трюкам; они учатся, наблюдая и рассуждая.

— Доктор Келлог, уровень процесса мышления — не моя специальность, — продолжил Джименз, — но они имеют все физические характеристики, которыми обладает любая разумная раса — нижние их конечности специализированы для передвижения, а верхние — для манипулирования предметами, вертикальное положение тела, стереоскопическое зрение, восприятие цветов, рука с отставленным большим пальцем — все эти характеристики мы рассматриваем как предпосылки к развитию разума.

— Я думаю, что они разумны, — сказал Герд ван Рибик, — но важно не это, а тот факт, что они стоят на пороге разума. Это первая раса, обнаруженная нами, стоящая на этом уровне развития. Я полагаю, что изучение Пушистиков поможет решить проблему возникновения разума у некоторых рас.

Слушая их, Келлог яростно тряс головой; теперь он был готов немедленно прекратить все это.

— Это изумительно! Научное открытие! Вы, конечно, понимаете, как бесценны эти Пушистики! Они немедленно должны быть доставлены в Мэллори-Порт, где в лабораторных условиях их могут изучить квалифицированные психологи и...

— Нет.

Джек снял Малыша со своей головы и передал его спрыгнувшей на пол Мамочке. Это был рефлекс, подсознательно он понимал, что не нуждается в оправдании своих поступков перед человеком на экране, удаленным от него на двадцать пять сотен миль.

— Забудьте о том, что вы говорили, — добавил он.

Келлог проигнорировал его слова.

— Герд, у вас есть аэробот; организуйте какие-нибудь удобные клетки...

— КЕЛЛОГ!

Человек на экране осекся на полуслове и с негодованием посмотрел на него. Уже много лет к нему никто не обращался просто по фамилии, и, вероятно, первый раз в жизни кто-то посмел крикнуть на него.

— Вы слышите меня, Келлог? Тогда прекратите говорить о клетках. Это не просто животные.

— Но мистер Хеллоуэй! Разве вы не понимаете, что эти маленькие существа должны быть тщательно изучены? Вы хотите, чтобы они заняли свое законное место в иерархии природы?

— Если вы хотите их изучить, приезжайте сюда. Можете заниматься этим до тех пор, пока не надоедите им или мне. Поскольку Пушистики любопытны, их уже изучают. Доктор Рейнсфорд, а также трое ваших людей, да и сам я тоже изучаю их.

— А что касается квалифицированных психологов, — добавила Рут Ортерис голосом, холодным, как абсолютный нуль по шкале Кельвина, — вы не можете признать меня квалифицированным профессионалом?

— О, Рут, вы же знаете, что я не имел в виду ничего подобного. Пожалуйста, не поймите меня неправильно... Но это в высшей степени специализированная работа...

— Да. А сколько специалистов по Пушистикам работает в вашем Научном Центре, Леонард? — поинтересовался Рейнсфорд. — Единственный, кого я могу назвать, это Джек Хеллоуэй, а он находится здесь.

— Ну, я подумал о докторе Мейлине, шефе психологов Компании.

— Он тоже может прибыть и оставаться здесь столько, сколько захочет, но прежде чем что-то сделать с Пушистиками, он должен будет спросить моего разрешения, — сказал Джек. — Когда вас ждать?

Немного подумав, Келлог решил прибыть на другой день, но не спросил, как добраться до лагеря. Он попытался вернуться к разговору о разуме, но бросил это, потерпев поражение. Когда экран погас, в гостиной воцарилось напряженное молчание. Затем Джименз с упреком сказал:

— Джек, вы были не очень-то вежливы с доктором Келлогом. Может, вы и не понимаете этого, но он очень важный и влиятельный человек.

— Но не для меня, поэтому мне незачем быть с ним особенно вежливым. Это не такой человек. Если вы уступаете ему, он всегда извлекает из этого выгоду.

— Я не знал, что вы знакомы с Леном, — сказал ван Рибик.

— Я никогда не видел этого человека раньше. Просто он относится к очень обширному и распространенному типу людей, — он повернулся к Рейнсфорду: — Вы думаете, что они с Мейлином завтра действительно приедут сюда?

— Конечно. Вы знаете, либо нам придется остерегаться, либо в течение года с Земли придет сообщение об открытии на Заратустре новой разумной расы «ПУШИСТИК ПУШИСТЫЙ КЕЛЛОГА». Как сказал Юан, доктор Келлог очень влиятельный человек. Теперь он станет еще значительнее.

6

Голос, записанный на ленте, смолк; еще некоторое время проигрыватель жужжал, не издавая ни звука. Двойной щелчок сработавшего фотоэлемента громко прозвучал в тишине, открылся один сегмент противосолнечной защиты и закрылся другой, на противоположной стороне купола. Космический командор Алекс Напьер поднял глаза и посмотрел на расстилавшийся перед ним, видимый под острым углом пейзаж Ксеркса и на мрачное безвоздушное пространство за тревожным закрытым горизонтом. Затем он взял трубку и выколотил ее в пепельницу. Никто ничего не говорил. Он подумал и снова начал набивать свою трубку.

— Ну, джентльмены? — наконец произнес он.

— Панчо? — капитан Конрал Гриббенфельд, Начальник Штаба, повернулся к лейтенанту Убарре, шефу психологов.

— Можно ли верить этому материалу? — спросил Убарра.

— Я знал Джека Хеллоуэя еще тридцать лет назад, на Фенрисе. Сейчас ему должно быть около семидесяти лет. Если он говорит, что видел это, я ему верю. Беннет Рейнсфорд тоже абсолютно надежен.

— Что вы скажете об агенте? — настаивал Убарра.

Конрал и офицер Разведки Стефан Элборг обменялись взглядами. Капитан кивнул, и Элборг сказал:

— Один из лучших. Наш воспитанник, лейтенант. Военный Резерв. Можно спокойно доверять ему, Панчо.

— Это радует меня, — сказал Убарра. — Вы знаете, это

именно то, на что я всегда подсознательно надеялся, но и боялся, как бы этого не произошло.

— Вы имеете оправдания нашего вмешательства там, внизу? — спросил Грибенфельд.

Убарра несколько мгновений смотрел на него отсутствующим взглядом.

— Нет. Нет, я имею в виду случай начинающего свое развитие разума. В данном случае нашего священного правила о речи и разжигании огня не совсем достаточно. Стефан, как это привлекло наше внимание?

— В ночь на последнюю пятницу это было передано нам из Центра Контактвов Мэллори-Порта. В ходу было несколько копий, снятых с этой ленты. Наш агент достал одну из них и переправил в Центр Контактвов, а оттуда, с комментариями агента, она попала к нам, — ответил Элборг. — Как положено, Центр Контактвов установил надзор за Домом Компании и, чтобы играть наверняка, за резиденцией. Хотя там, кажется, нет основания для того, чтобы трубить сбор и вооружить людей. Но в субботу после полудня — по времени Мэллори-Порта — мы получили донесение, что Леонард Келлог уничтожил копию ленты, которую Джименз сделал для картотки, и побеспокоил Виктора Грегга. Грегга сразу понял, что тот имеет в виду. Он отправил Келлога и Эрнста Мейлина, шефа психологов Компании, на Континент Бета с приказом объявить заявление Рейнсфорда и Хеллоуэя мистификацией. Затем Компания решила отлавливать Пушистиков для добычи меха, надеясь на то, что прежде чем кто-либо с Земли успеет прибыть сюда и проверить рассказ Рейнсфорда, весь род Пушистиков будет уничтожен.

— Я раньше не слышал этих подробностей.

— Мы можем это доказать, — заверил Элборг.

Командор не спеша раскурил трубку. Черт побери, он не хочет вмешиваться, но также не хочет отказываться от несения Военно-Космической службы. К тому же его беспокоило оправдание вмешательства в дела планеты-колонии — при этом всегда начинается следствие и частенько заканчивается трибуналом. А суперсессия гражданской власти выступает против Службы Порядка. Конечно, существуют и другие, более важные принципы: суверенитет Федерации Земли, неприкосновенность Конституции Федерации, а также права внеземных разумных существ. Конрал Грибенфельд тоже, казалось, задумался об этом.

— Если Пушистики разумные существа, то Компания, Администрация Колоний да и все остальные окажутся здесь

незаконными, — сказал он. — Но пока что Заратуштра — необитаемая планета четвертого класса, и это все, что нам нужно запомнить.

— Если нас не вынудят, мы не будем вмешиваться. Панчо, я думаю, решение будет зависеть от вас.

Панчо Убарра ужаснулся.

— Боже мой, Алекс! Не хотите ли вы сказать... Кто я? Никто. Ординарный доктор медицины и шеф психологов. Почему лучшие мозги Федерации...

— Панчо, они на Земле, а не на Заратуштре. В пятистах световых годах отсюда. Шесть месяцев полета туда и шесть обратно. Интервенция, конечно, мое дело, но решение о разумности — ваше. Я не завидую вам, но не могу освободить вас от этого.

* * *

К предложению Герда ван Рибика, что все гости будут ночевать на борту аэроджипа, никто не отнесся серьезно. Герд разместился в свободной комнате хижины, Юан Джименз вместе с Беном Рейнсфордом отправился ночевать в его лагерь. Рут Ортерис залезла в кабину бота. На следующее утро, пока Джек, Рут и Герд завтракали, на экране связи появился Рейнсфорд. Он и Джименз решили взять аэроджип и пройти вдоль Холодного Залива. Они думали, что в лесах может оказаться много Пушистиков.

Герд и Рут решили провести утро в лагере и познакомиться с Пушистиками поближе. Плотно позавтракавшее семейство не стало разыскивать сухопутных креветок, а занялось одной из своих новых забав, большим разноцветным мячом. Некоторое время они катали его по траве, но потом решили побереечь его для вечерней возни и отнесли в дом. Время от времени, скорее ради спортивного интереса, чем для добывания пищи, кто-нибудь из них отходил посмотреть, нет ли где поблизости сухопутной креветки.

Рут, Герд и Джек сидели на траве, лениво беседовали, и каждый старался придумать отговорку, чтобы не идти мыть посуду. Мамочка и Малыш рыскали в высокой траве. Вдруг Мамочка пронзительно вскрикнула и бросилась к сараю. Она пропустила Малыша вперед и, подгоняя, шлепала его по нижней части плоской стороной своего инструмента.

Джек бросился к дому за ружьем. Герд схватил камеру и вспрыгнул на стол. Первой, кто заметил причину беспокойства Мамочки, была Рут.



— Джек! Смотрите, вон там! — она указала на край поляны. Два чужих Пушистика!

Джек выглянул из дома, отложил винтовку, взял свою кинокамеру, два запасных инструмента для Пушистиков и немного Рациона-Три. Когда он появился снова, два вышедших на опушку Пушистика стояли друг возле друга и осматривались. Оба они были самками, и оба держали в руках деревянные инструменты.

— У вас много пленки? — спросил Джек у Герда. — Рут, сюда, снимайте тоже. — Он передал ей свою камеру. — Держитесь подальше от меня и снимайте, как я подойду, что они будут делать. Я попробую торговаться с ними.

Он пошел вперед, держа стальное оружие в заднем кармане, а Рацион-Три в руке. Он мягко говорил, успокаивая вновь прибывших. Подойдя настолько, чтобы не испугнуть их, он остановился.

— Позади вас вышла наша группа, — прокомментировал Гerd. — Выстроились в правильную линию нападения. Оружие вскинуто на левое плечо. Теперь они остановились примерно в тридцати футах позади вас.

Джек отломил кусочек Рациона-Три, положил его в рот и проглотил. Затем он отломил два больших куска и протянул им. Хотя это было и соблазнительно, но оба Пушистика не выказали поспешности. Он бросил оба куска на несколько футов по направлению к ним. Один из Пушистиков ринулся вперед, подхватил один кусок и бросил его компаньону, затем схватил другой и побежал с ним назад. Они встали рядом, откусили по маленькому кусочку и издали звук восхищения.

Его собственное семейство, казалось, не одобрило этого расточительства деликатеса на посторонних. Однако два чужака решили, что они могут, не опасаясь, подойти ближе, и вскоре они уже брали куски Рациона-Три из его рук. Затем Джек достал два инструмента из своего кармана и ухитрился показать им, что он хочет торговаться. Чужие Пушистики одновременно и восхищенно, и недоверчиво смотрели на новое оружие. Для его собственного семейства это оказалось уже слишком, и оно приблизилось, сердито уйкая.

Чужие самки отступили на несколько шагов, держа наготове свое новое оружие. Каждому казалось, что драки не избежать, но никто не хотел ее. Наблюдая за ними, Джек вспомнил историю Старой Земли, когда подобная ситуация могла быть чревата серьезными неприятностями. Затем вперед вы-

двинулся Ко-Ко, волоча за собой свой инструмент, настроенный явно миролюбиво. Он, мягко уикая, приблизился к самкам и дотронулся сначала до одной, а потом до другой. Потом он положил свое оружие на землю и поставил на него чогу. Обе самки начали гладить и ласкать его.

Кризис миновал. Пушистики воткнули свое оружие в землю, подошли ближе и стали гладить чужаков. Затем все они уселись в круг и, издавая легкое уиканье, стали ритмично раскачиваться. В конце концов Ко-Ко и обе самки поднялись, взяли свое оружие и направились к лесу.

— Джек, останови их! — крикнула Рут. — Они уходят!

— Если они хотят уйти, я не имею права их останавливать.

Когда они подошли к лесу, Ко-Ко остановился, воткнул оружие в землю и, вернувшись к папочке Джеку, обхватил руками его колени и уикнул. Джек, не поднимая его, погладил. Одна из самок выдернула его инструмент, и обе они медленно пошли назад. Маленький Пушистик, Мамочка, Майк и Майзи тоже побежали назад. Пушистики, счастливо уикая, стали обнимать друг друга. Затем они всей толпой вошли в дом.

— Все сняли, Герд? — спросил Джек.

— Да. Все-таки это привычное для меня дело. А что случилось?

— Вы сделали первый фильм о встрече между племенами и засняли некоторые из обычаев Пушистиков Заратуштры. Это дом наших Пушистиков, и, естественно, они не хотели пускать в него каких-то чужаков. Они вынуждали их убратся восвояси. Затем Ко-Ко решил, что у них неплохая внешность и с ними можно объединиться. Это сразу изменило положение. Семейство уселось вместе с ними в круг, чтобы попрощаться с Ко-Ко и рассказать подружкам, какого хорошего мужа они приобрели. Когда они уходили, Ко-Ко вспомнил, что не попрощался со мной, и вернулся. Самочки подумали, что они не будут в тягость для этой семьи, тем более, что папочка Джек сделал для них столько хорошего. А в настоящее время семейство, вероятно, демонстрирует вновь прибывшим сокровища их семьи. Знаете, они поженятся и создадут хорошую, крепкую семью.

Самочек называли Златовлаской и Золушкой. Пока готовили ленч, они все сидели в гостиной перед включенным обзорным экраном. После ленча семейство отправилось в спальню, чтобы вздремнуть на кровати папочки Джека. Пока Герд и Рут вместе записывали то, что они сделали за день, Джек про-

являл кинолентку. Когда они уже заканчивали, Пушистики решили порезвиться и поохотиться на креветок.

Пушистики слышали аэрокар прежде, чем его смогли слышать люди, и взобрлись на скамейку возле кухонной двери. Это был патрульный полицейский кар. Когда он совершил посадку, из него выбрались двое полицейских и сказали, что они остановились, чтобы посмотреть на Пушистиков. Когда Джек объяснил им, откуда у него появились новые Пушистики, они переглянулись.

— Если появятся еще, вызовите нас и задержите их до нашего прихода, — сказал один из полицейских. — У нас развелось множество креветок, и мы хотели бы, чтобы они поселились у нас на посту.

— А как к этому отнесется Джордж? — спросил Джек. — Когда он был здесь, они, кажется, напугали его.

— Он уже оправился от этого страха, — ответил полицейский. — Он связался с Рейнсфордом, и Бен подтвердил, что они совершенно безопасны. Да, еще Бен говорил, что они разумны.

Джек начал рассказывать полицейским о том, что делали Пушистики. Он еще говорил, когда Пушистики слышали другой аэрокар. Это были Бен Рейнсфорд и Юан Джименз. Едва было отключено антигравитационное поле, как они вывалились из кабины и вытащили камеру.

— Джек, там полно Пушистиков, — еще издали начал Рейнсфорд. — Все они идут в этом направлении. Мы видели их более пятидесяти — четыре семьи, а также одиночки и пары. Я уверен, что мы видели только десятую часть того, что там есть.

— Утром мы слетаем туда на каре, — сказал один из полицейских. — Бен, скажите поточнее, где вы были.

— Я покажу вам это на карте, — затем он заметил Златовласку и Золушку. — Эй! Откуда у вас эти девушки? Раньше их здесь не было.

От полянки за ручьем, через который вместо мостика было переброшено бревно, в лагерь вела тропинка. Подлетевшему большому аэрокару Джек велел совершить посадку на этой полянке. На носовой палубе бота стояли два человека — Келлог и, вероятно, Эрнст Мейлин. Третий человек отключил антигравитацию и вышел из кабины, расположенной на корме бота. Мейлин не понравился Джеку. У него было угрюмое, скрытное лицо, он высокомерно-предубежденно смотрел на все сверху вниз. Третьим был молодой человек. Его лицо ничего

не выражало, но пиджак у его левой руки недвусмысленно топорщился. Представляя его, Мейлин сказал:

— Курт Борч, мой ассистент.

Подойдя к лагерю, он снова представил его, не только Бену Рейнсфорду, но также ван Рибику, Джимензу и даже Рут Ортерис, которая казалась немного сбитой с толку. Мейлин заметил это и сказал ей, что Борч работал с персоналом, разрабатывающим тесты особого рода. Это озадачило ее еще больше. Никто из вновь прибывших не казался особенно счастливым от присутствия полицейских, поэтому, когда патрульный кар поднялся в воздух, все с облегчением вздохнули.

Келлог сразу же заинтересовался Пушистиками, присел на корточки и начал рассматривать их. Он что-то сказал Мейлину, который поджал губы, покачал головой и ответил:

— Мы не сможем назвать их разумными до тех пор, пока не обнаружим в их поведении то, что не может быть объяснено никакими другими гипотезами. Вероятно, было бы более безопасно не называть их разумными, а продолжить проверку этого предположения.

Лейтмотив был установлен. Келлог выпрямился и в вежливых выражениях типа «конечно, доктор, я согласен, вы не обнаружили этого, но с другой стороны, вы должны согласиться...» начал выяснять разницу между научным исследованием и научным доказательством. Джименз частично согласился с высказываниями Келлога и вежливо отклонил все, сказанное Мейлином. Борч молчал; он стоял и с нескрываемой враждой смотрел на Пушистиков. Герд и Рут пошли помогать готовить обед.

Они вынесли из дома стол и расположились на лужайке, с интересом наблюдая за Пушистиками. Келлог и Мейлин избегали разговоров о них. Когда опустились сумерки в гостиной, и Келлог, приняв вид председательствующего должностного лица, начал дискуссию на интересующую всех тему. Некоторое время, не давая никому вставить ни слова, он распространялся о том, каким важным открытием являются Пушистики. Последние, игнорируя его, начали разбирать конструкцию из шаров и палочек. Златовласка и Золушка с интересом наблюдали за ними, а затем начали помогать.

— Плохо то, — говорил Келлог, — что большинство наших данных основывается на непроверенных утверждениях мистера Хеллоуэя. Только не поймите меня неправильно. Сам я ни на мгновение не сомневаюсь в том, что мистер Хеллоуэй записал на ленту, но вы должны понять, что професси-

ональные ученые очень неохотно принимают недоказанное, так что нам надо подумать, как поточнее определить наблюдения.

— Вздор, Леонард! — нетерпеливо прервал его Рейнсфорд. — Я профессиональный ученый и с гораздо большим, чем у вас, стажем, и я допускаю то, что утверждает Джек Хеллоуэй. Люди, которые, подобно Джеку, долго живут на пограничных планетах, очень осторожные и внимательные наблюдатели.

— Пожалуйста, не поймите меня неправильно, — снова повторил Келлог. — Я не сомневаюсь в утверждениях мистера Хеллоуэя. Я думаю о том, как это воспримут на Земле.

— Не беспокойтесь об этом, Леонард. Я поручился за надежность Джека, и Институт принял мой рапорт. К тому же я могу рассказать даже больше, чем Джек, рассказать о своих личных наблюдениях.

— Да, существует еще кое-что, кроме устных утверждений, — вмешался Герд ван Рибик. — Все это снято на пленку. У нас есть неплохой фильм о Пушистиках.

— О, да, вы упоминали о фильме, — сказал Мейлин. — Вы проявили пленку?

— Да, кроме того, что было снято в лесу после полудня. То, что проявлено, мы можем посмотреть прямо сейчас.

Он опустил экран перед оружейной пирамидой и зарядил проектор. Когда свет погас, Пушистики, начавшие новую конструкцию из шаров и палочек, раздраженно зауикали, но затем, когда на экране появился Маленький Пушистик, копающий ямку резцом по дереву, чтобы совершить свой вечерний туалет, начали возбужденно уикать и размахивать руками. Особенно этим заинтересовался Маленький Пушистик: если он и не узнал себя, то он узнал свой резец. Затем на ленте появился момент, когда Маленький Пушистик убивает сухопутную креветку, свинчивает с болта гайку и навинчивает ее снова. Потом шли кадры о приходе семейства и играх Пушистиков. И, наконец, были кадры о приеме в семейство Златовласки и Золушки.

— Боюсь, что тот фильм, который мы с Юаном сняли под пологом леса, не настолько хорош, как этот, — сказал Рейнсфорд, когда закончилась демонстрация и снова зажегся свет. — Мы главным образом снимали спины Пушистиков, скрывающихся в кустах. Хотя и это было сделать очень трудно. Мы летели на аэроджипе, а у них необычайно острый слух. Но я уверен, что мы в их руках легко разглядим инстру-

менты, подобные тем, которые Джек выторговал у новых Пушистиков в последнем сюжете фильма.

Мейлин и Келлог, с подобием ужаса на лицах, переглянулись.

— Вы не говорили нам, что их там много вокруг, — сказал Мейлин, словно обвинял присутствующих в двуличии. Он повернулся к Келлогу. — Это меняет ситуацию.

— Да, действительно, Эрнст, — с удовольствием произнес Келлог. — Это очень удобный случай. Мистер Хеллоуэй, я понимаю, что эта местность принадлежит вам, так как вы законно купили эту землю. Правильно? Вы можете разрешить нам разбить лагерь на опушке, где сейчас стоит наш бот? Неплохо было бы поставить сборный домик в районе Красного Холма, где Компания создала бы для нас группу, и мы бы перестали вам надоедать. Сегодня мы устроимся в боте, а завтра утром вернемся в Мэллори-Порт. У вас есть какие-нибудь возражения?

У Джека были возражения. От их бурной деятельности у него заболела голова, особенно затылок. Но если он не разрешит Келлогу разбить лагерь на опушке, эта троица, перебравшись на семьдесят или восемьдесят миль в сторону, уйдет с его земли. Он знал, что они сделают потом. Они поймают живых или усыпленных газом Пушистиков, посадят в клетки и начнут мучить их своими экспериментами с лабиринтами и электрошоком. Они убьют нескольких из них для анатомического исследования, а может даже начнут кромсать живьем. Если же они станут делать нечто подобное на его земле, он может защитить Пушистиков.

— Нет. Я только хочу напомнить вам, чтобы вы с уважением обращались с этим маленьким народцем.

— О, мы ничего не сделаем вашим Пушистикам, — сказал Мейлин.

— Вы не причините боли ни одному Пушистику. Во всяком случае, не больше одного раза.

* * *

На следующее утро, когда Джек завтракал со своими гостями, в лагерь в сопровождении Курта Борча, надевшего старую одежду и перевесившего свой пистолет на пояс, вошел Келлог. Он держал в руке список вещей, которые хотел затребовать для своего лагеря. Казалось, они не имели ни малейшего представления об устройстве лагеря. Джек внес некоторые предложения, которые они приняли. Он про-

смотрел список. В нем было много научного оборудования, включая рентгеновскую установку. Джек резким движением вычеркнул ее.

— Мы не знаем, каков уровень радиационной толерантности у Пушистиков, и я не позволю подвергать опасности жизнь хотя бы одного из моих Пушистиков.

К его удивлению, никто не возразил ему. Герд, Рут и Келлог сели в аэроджип и полетели на север. Вслед за ними улетели Рейнсфорд, Джименз и Мейлин. Немного покрутившись в лагере, Борч сел в аэробот и направился к Красному Холму. Оставшись один, Джек побродил по лагерю, затем вернулся в дом и, проявив оставшуюся пленку, сделал три копии со всего отснятого материала. К полудню Борч вернулся назад, за ним следовала пара мрачных сельскохозяйственных ботов. К пяти часам люди Компании воздвигли новый лагерь у Красного Холма. Среди других вещей они доставили сюда два больших аэроджипа.

После полудня вернулись два первых улетевших джипа. Их пассажиры заметили почти сотню Пушистиков и обнаружили три стоянки, две среди камней и одну в дупле шарообразного дерева. Две из них были брошены, а третья была еще занята, и около каждой из них были вырыты туалетные ямки.

Келлог настоял, чтобы за обедом в новом лагере роль хозяев исполнили Джек и Рейнсфорд. Еда, доставленная уже готовой и только разогретая, была превосходной.

Когда Джек и Рейнсфорд вернулись в свой лагерь, Пушистики уже покончили с ужином и сидели в гостиной, начав строить новую конструкцию из... — он так и не мог придумать для этого другого названия — шаров и палочек модели молекул. Златовласка подошла к нему, одной рукой протянула ему пару скрепленных шаров, а другой дернула его за брючину.

— Да, я вижу. Это очень красиво, — сказал он ей.

Она дернула его еще сильнее и показала на то, что делали другие. В конце концов он понял.

— Она хочет, чтобы я поработал с ними, — сказал он. — Бен, вы знаете, где кофе. Вскипятите воду и заварите его, а я займусь с ними.

Когда Бен принес кофе, Джек сидел на полу и соединял палочками шары. Это было самое забавное из того, что Бен видел за последние два дня. Бен улыбнулся и раскрошил Рацион-Три для Пушистиков.

— Да, кажется, из-за всего этого я должен махнуть рукой

на свой лагерь, — сказал Рейнсфорд, наливая кофе. — Жаль, что я не разбил его рядом с вашим, но все оправдания сейчас звучат лишь так: «Но я не знал, что так получится».

— Черт, я тоже не знал, что все так получится. — Джек поднялся, взял чашечку с кофе, подул на него, чтобы кофе немного остыл. — Кстати, что вы думаете о визите Келлога? Все, что он говорил, прилетев сюда, так же фальшиво, как банкнот в девять солей.

— Это как раз то, о чем я говорил вчера вечером, — отозвался Рейнсфорд. — Он не хочет, чтобы открытия на Заратустре делали люди, не принадлежащие к Компании. Вы заметили, что они с Мейлином пытались отговорить меня от отправки рапорта на Землю прежде, чем они смогут провести исследования Пушистиков? Он хочет первым отправить свой рапорт. Ладно, черт с ними со всеми! Знаете, что я сделал? Вчера дома я не спал всю ночь и составил подробный рапорт. Завтра утром я отдам его Джорджу Ланту, чтобы тот переслал его в Мэллори-Порт вместе с корреспонденцией полиции. Прежде чем кто-либо из этой банды узнает, что я отправил рапорт, он будет уже на корабле, отлетающем на Землю. У вас есть копии вашего фильма?

— Около полутора миль пленки. Я снял копии со всего материала.

— Хорошо. Копию мы отправим тоже. Через год Келлог прочитает об этом в газетах. — Бен на мгновение задумался, а потом сказал: — Герд, Рут и Юан теперь переберутся в другой лагерь. А я, если позволите, завтра переберусь сюда. Пока это шайка поблизости, советую вам не отпускать Пушистиков далеко. Я помогу вам проследить за ними.

— Бен, вы хотите забросить все свои дела?

— Все, что я сейчас делаю, это учусь быть Пушистиком, а здесь единственное место, где я могу этим заниматься. Я увижу вас завтра, после того как побываю на полицейском посту.

* * *

Люди в лагере за ручьем — Келлог, Мейлин, Борч, ван Рибик, Джименз и Рут Ортерис — еще не ложились, когда Рейнсфорд подошел к своему аэроджипу. Проследив за его отлетом, Джек вернулся в дом. Поиграв немного со своей веселой семейкой, он подошел к постели и лег спать. На следующее утро Джек проследил, как в одном аэроджипе улетели Келлог, Рут и Джименз, а вскоре после этого в дру-

гом аэроджипе покинули лагерь Мейлин и ван Рибик. Казалось, Келлог не хотел оставлять без присмотра тех людей, которые прибыли сюда первыми. Он хотел действовать наверняка.

Через некоторое время с юга прилетел аэроджип Бена Рейнсфорда и опустился на траву. Джек помог ему разобрать багаж, а затем они уселись выкурить трубки и понаблюдать за играющими в траве Пушистиками. Джек случайно обратил внимание на Курта Борча, бесцельно бродившего вокруг своего лагеря.

— Я отправил рапорт, — сказал Рейнсфорд и выжидающе посмотрел на Джека. — Сейчас он уже должен быть в почтовом боте, а завтра в это время он уже будет мчаться через гиперпространство по направлению к Земле. Но для остальных — это секрет. Посмотрим, как Лен Келлог и Эрнст Мейлин в поте лица будут уговаривать нас не отсылать рапорты, — он хихикнул. — Я сообщил, что они разумны; еще раз просмотрев все записи, я не увидел никакой альтернативы этому.

— Черт меня побери, если я ее вижу. Вы слышали это, ребята? — спросил он Майка и Майзи, которые в надежде получить что-нибудь интересное подошли поближе. — Дядюшка Бен говорит, что вы разумные.

— Уиик?

— Они хотят знать, хорошо это или плохо. Что же нам сейчас делать?

— Ничего. Около года придется потерпеть. Через шесть месяцев корабль достигнет Земли, Институт сделает официальное заявление в печати, а затем отправит сюда исследовательскую группу, в которую войдут люди из других заинтересованных университетов и институтов. Я думаю, Правительство тоже отправит кого-нибудь. Вы же знаете, что все нецивилизованные туземцы колонизированных миров опекаются Федерацией Земли.

Джеку не очень-то это понравилось. Меньше всего он хотел иметь дело с чиновниками Правительства, а его Пушистики опекались папочкой Джеком Хеллоуэем. И он сказал это вслух.

Рейнсфорд подхватил Майзи и погладил ее.

— Хороший мех, — сказал он. — За подобный мех дадут хорошую цену. Все так и будет, если мы не добьемся, чтобы их признали разумными существами.

Он посмотрел на вновь воздвигнутый лагерь. Видел ли Ле-

онард Келлог, какую выгоду может извлечь Компания из меха Пушистиков?

В полдень вернулись аэроджипы: сначала Мейлина, потом Келлога. Все прошли в дом. Через час перед лагерем Келлога совершил посадку полицейский кар, доставивший Джорджа Ланта и Ахмеда Кхадру. Келлог вышел наружу, поговорил с ними, а затем повел их в жилую хижину. Спустя полчаса лейтенант и его помощник подняли свой кар и, перелетев через ручей, совершили посадку на лужайке. Пушистики в надежде получить обещанные свистки, побежали встречать их и повели в гостиную. Лант и Кхадра сняли береты, но не торопились расстегивать портупеи.

— Мы отправили вашу посылку, Бен, — сказал Лант. Он сел и посадил себе на колени Златовласку. Золушка устроилась рядом. — Джек, что надо здесь людям, обосновавшимся за ручьем?

— Вы еще не поняли этого?

— О, их помыслы можно увидеть за милю против ветра. А на первом месте стоит Борч. Хотелось бы мне посмотреть на его пальчики. Держу пари, они хранятся не в нашей картотеке. Все они, как машинка в уборной, хотят что-то скрыть и в то же время боятся делать это. Когда мы были там, говорил один Келлог. Каждый, кто пытался что-нибудь сказать, сразу же замолкал под его взглядом. Келлог не любит ни вас, Джек, ни вас, Бен, а самое главное, он не любит Пушистиков. Большинство из них не любят Пушистиков.

— Сегодня утром я уже высказал вам свою точку зрения, — сказал Рейнсфорд. — Они не хотят, чтобы открытия на этой планете делались без участия Компании. Это отнюдь не делает им чести. Вспомните, что стало с людьми, которые нашли первый солнечный камень.

Джордж Лант помрачнел, задумался и нахмурился.

— Я не думаю, что дело только в этом. Когда мы говорили с этими людьми, они довольно свободно признали, что вся честь открытия Пушистиков принадлежит только вам. Но Келлог не считает, что это очень ценное открытие. Он много спрашивал о вас, Джек. И к тому же задал несколько вопросов, словно проверяя мои умственные способности. — Лант нахмурился еще больше. — Как бы мне хотелось спросить его кое о чем — под детектором лжи!

Келлог не хочет, чтобы Пушистиков признали разумными. Если их не признают... то они будут просто пушными зверями. Джек представил себе откормленное общество вдов высокопоставленных лиц Земли и Бальдура, которые прогули-

ваются, обернув вокруг своей жирной туши шкурки Маленького Пушистика и Мамочки, Майка и Майзи, Ко-Ко, Златовласки и Золушки. К его горлу подступила тошнота.

7

Во вторник алое солнце вскарабкалось на тяжелое медное небо. Воцарились жара и безветрие. Пушистикам, разбудившим папочку Джека своим пересвистыванием, это не понравилось, они были раздражены и беспокойны. В конце концов, может быть, просто пойдет дождь. За завтраком Бен сказал, что слетает в свой лагерь и привезет некоторые вещи, которые он не захватил сразу, а сейчас они ему нужны.

— Я прихвачу охотничье ружье, — сказал он. — Может быть, удастся подстрелить зебрولوу. Я думаю, немного свежего мяса нам не повредит.

Позавтракав, Рейнсфорд забрался в свой аэроджип и улетел. Мейлин и Келлог важно прогуливались перед своим лагерьем и разговаривали. Когда появились Рут Ортерис и Герд ван Рибик, они остановились и прервали разговор. Затем, перебросившись с ними несколькими словами, Герд и Рут поднялись по тропинке.

Пушистики, бродившие по траве в поисках креветок, заметили их. Маленький Пушистик, Ко-Ко и Златовласка побежали навстречу. Рут подхватила Златовласку на руки, а Ко-Ко и Маленький Пушистик побежали впереди. Пришедшие поздоровались с Джеком, допивающим кофе. Рут вместе с Златовлаской села в кресло, Маленький Пушистик вспрыгнул на стол и стал выискивать сладости, а когда Герд растянулся на траве, Ко-Ко уселся на его груди.

— Златовласка — мой любимый Пушистик, — сказала Рут. — Она приятнейшее существо. Конечно, все они довольно милы. Здесь они так нежны и доверчивы, однако в лесу они очень пугливы.

— Да, в лесу у них нет папочки Джека, присматривающего за ними, — сказал Герд. — Я думаю, они очень нежны друг с другом, но у них там много врагов, которых они боятся. Вы знаете, в этом есть какие-то предпосылки для разума. Он развивается у некоторых небольших животных, сравнительно беззащитных, живущих в окружении больших и опасных врагов, которых они не могут обогнать или победить. Поэтому, чтобы выжить, они должны мыслить. Так было с нашими отдаленными предками и с Маленькими Пу-

шистиками, которые решили свою альтернативу — стать разумными или исчезнуть.

Рут, казалось, встревожилась.

— Герд, доктор Мейлин не нашел абсолютно ничего, что бы указывало на их разум.

— О, Мейлин, будь он проклят! Я думаю, он намеренно пытается доказать, что Пушистики неразумны.

Рут испуганно посмотрела на него.

— С тех пор как он появился здесь, это так и лезет из него. Вы психолог, поэтому не говорите мне, что не видите этого. Вероятно, если Пушистиков признают разумными, это опровергнет какую-нибудь его теорию, а он думает только о себе. Ему не хочется этого признавать, ему это не нравится. Вы видите, что с самого начала он интеллектуально и морально стал бороться против этой идеи. Но ведь они целый год могут сидеть с карандашом и линейками, высчитывать дифференциальные уравнения и ничто их не убедит.

— Доктор Мейлин пытается... — раздраженно начала Рут, но затем остановилась. — Джек, простите нас. Мы не хотели затевать здесь этот спор. Мы пришли, чтобы наблюдать за Пушистиками. Что ты нашла, Златовласка?

Златовласка играла серебристым брелком, висевшим на шее Рут. Она поднесла его к уху и наслаждалась, встряхивая его. Он издавал мелодичный звон. В конце концов она подняла его вверх и спросила:

— Уиик?

— Да, подружка, можешь взять его. — Рут сняла цепочку с шеи и, сделав на ней три петли, надела ее на голову Златовласки. — Теперь это твоя собственность.

— О, вы не должны давать ей подобные вещи.

— А почему нет? Это дешевая побрякушка. Хлам. Джек, вы были на Локи и знаете, что это такое. Я носила ее только потому, что она у меня была, а Златовласке она нравится больше, чем мне.

В соседнем лагере поднялся аэроджип и завис возле них. Его пилотировал Юан Джименз. Мейлин высунул голову из окна и предложил Рут лететь с ними, предупредив Герда, что Келлог вылетит через несколько минут и возьмет его с собой. Когда Рут забралась в джип и тот улетел, Герд сдвинул Ко-Ко, устроившегося у него на груди, и достал из кармана рубашки сигареты.

— Не знаю, какой дьявол вселился в нее, — сказал он, наблюдая за удаляющимся джином. — Хотя, вероятно, она получила Указание Свыше. Келлог говорит, что Пушисти-

ки просто маленькие неразумные животные, — горько заключил он.

— Вы тоже работаете на Келлога, или нет?

— Да. Но все-таки он не навязывает мне своего мнения. Знаете, я подумал, что согласился на эту работу в недобрый час... — он поднялся, подтянул ремень, чтобы сбалансировать вес пистолета, висевшего справа и бинокля — слева, и внезапно сменил тему: — Джек, Бен Рейнсфорд уже отправил свой рапорт на Пушистиков?

— Ну?..

— Если нет, то поторопите его.

Продолжать разговор не было времени. Из лагеря за ручьем поднялся джип Келлога и приблизился к ним.

Джек решил оставить посуду и после ленча вымыть сразу всю. По лагерю Келлога бродил Курт Борч, поэтому Джек постоянно следил за Пушистиками и возвращал их, если они приближались к переходному мостику. Прошло время ленча, а Бен Рейнсфорд все еще не вернулся, хотя охота на зебралопу, тем более с воздуха, занимает немного времени. Пока он ел, с северо-востока на бешеной скорости вернулся один из джипов и исторгнул Эрнста Мейлина, Юана Джименза и Рут Ортерис. Им навстречу торопливо вышел Борч. Перебросившись несколькими словами, они все прошли в дом. Немного погодя появился другой джип, летевший даже быстрее первого. Он совершил посадку. Келлог и ван Рибик тоже поспешили в жилую хижину. Больше никого не было видно. Джек пошел в кухню мыть тарелки, а Пушистики — в спальню подремать.

Джек уже вернулся в гостиную, когда в открытую дверь постучал ван Рибик.

— Джек, можно с вами поговорить? — спросил он.

— Конечно. Входите.

Ван Рибик вошел и расстегнул ремень. Подвинув стул так, чтобы видеть входную дверь, он сел и положил кобур с пистолетом на пол у своих ног. Затем, без всякого перехода, он на четырех или пяти языках начал проклинать Леонарда Келлога.

— Ладно, в принципе я с этим согласен, но что же все-таки случилось? — спросил Джек.

— Вы знаете, что собирается сделать этот сын кутхра? — вопросом на вопрос ответил Герд. — Он и этот... — тут он воспользовался языком двойного мира Шиниона, более гнусным, чем Смешанный Язык Земли. — Этот тупоголовый шарлатан Мейлин готовит рапорт, обвиняющий вас и Бена Рейнс-

форда в умышленной научной мистификации. Вы якобы стоворились с Рейнсфордом, обучили Пушистиков некоторым трюкам и сами изготовили артефакты, чтобы Пушистики были признаны разумными существами. Джек, если бы это проклятое богом дело не было так зловонно и презренно, оно могло бы стать величайшей шуткой века!

— Они хотят, чтобы вы тоже подписали этот рапорт?

— Да. Я сказал Келлогу, что он может... — то, что может сделать Келлог, было ужасным и физически невозможным. Герд снова начал ругаться, а затем закурил сигарету и немного успокоился. — А произошло вот что. Келлог и я прошли вверх по ручью, туда, где вы работали, а затем свернули на равнину, к источнику. Так вот, среди упавшего строевого леса мы обнаружили лагерь Пушистиков. Возле него мы нашли маленькую могилку, в которой Пушистики похоронили одного из своих соплеменников.

Джек ожидал чего-то подобного. И все же это сообщение поразило его.

— Вы хотите сказать, что они хоронят мертвецов? Как выглядит могилка?

— Небольшая каменная пирамида, имеющая в основании три стороны, примерно по полтора фута каждая, и около фута высотой. Келлог сказал, что это просто туалетная яма, но я был уверен в том, что это такое на самом деле. Я вскрыл ее. Завернутого в траву Пушистика они сначала присыпали землей, потом завалили камнями, а сверху сложили пирамиду. Это была искалеченная кем-то самка, возможно, ее искалечил кустарниковый домовой. Вот, возьмите, Джек. Они положили туда ее инструмент.

— Они хоронят мертвых! Что делал Келлог, когда вы вскрывали могилу?

— Трясся поблизости. Я сделал снимки могилки и, как осел, распространялся о том, как важно это открытие и как оно доказывает их разумность. А он вызвал второй джип и приказал им немедленно возвращаться. Как только Келлог рассказал им о том, что мы обнаружили, Мейлин вскинул свой белый рыбий живот и поинтересовался, что мы сделали для сокрытия этого. Я ответил ему, и Келлог выставил меня. Они не рискнут признать Пушистиков разумными.

— Потому что Компания хочет торговать мехом Пушистиков?

Ван Рибик с удивлением посмотрел на Джека.

— Мне это и в голову не приходило. Да и им, по-моему, тоже. Нет. Просто, если Пушистиков признают разумными

существами, права Компании автоматически станут недействительными.

Джек выругался.

— Ах я дряхлый, выживший из ума старикашка! Боже мой, я же знаю колониальные законы, я побывал на большем количестве пограничных планет, чем вам лет. И я даже не подумал об этом, а это, видимо, и есть настоящая причина. Что же теперь, Герд? Вы с Компанией или против?

— Против. В банке у меня достаточно денег, чтобы вернуться на Землю, да еще я кое-что могу получить за свой бот и некоторые другие вещи. Ксенобиологу можно не бояться безработицы. Например, можно пойти по стопам Бена. А когда я вернусь на Землю, я все выложу об этой сделке!

— Если вернетесь. Прежде чем вы подниметесь на борт корабля, с вами может произойти какой-нибудь несчастный случай. — Джек на мгновение задумался. — Вы знаете геологию?

— Немного; я исследовал ископаемые. Я также немного палеонтолог и зоолог. Что дальше?

— Что вы скажете на предложение остаться здесь и вместе со мной искать останки медуз? Мы не можем действовать быстрее, но пока я работаю в одном месте, вы сможете разведать другое. Кстати, вдвоем мы сможем дольше оставаться в живых.

— Что вы имеете в виду, Джек?

— Разве я этого не сказал?

Ван Рибик поднялся и протянул руку. Джек обошел вокруг стола и пожал ее. Затем он вернулся назад и надел свою португую.

— Возьмите оружие. Вероятно, ружье есть только у Борча, но...

Ван Рибик застегнул ремень, затем достал пистолет и проверил, как патроны входят в патронник.

— Что будем делать? — спросил он.

— Ну, попробуем не переступить рамки закона. А сейчас я вызову полицейских.

Он набрал код на устройстве связи. Экран засветился, и на нем появился вид полицейского поста. Сержант узнал Джека и улыбнулся.

— Ха, Джек. Как ваше семейство? — спросил он. — Я загляну к вам как-нибудь вечером посмотреть на них.

— Вы можете увидеть их прямо сейчас. — Ко-Ко, Златовласка и Золушка вышли из спальни. Джек поднял их и поставил на стол. Сержант был очарован. Затем он заметил,

что ни Герд, ни Джек не сняли оружия даже дома. Глаза его сузились.

— У вас возникли проблемы, Джек? — спросил он.

— Есть небольшая проблемка. Однако она может превратиться в большую. У меня здесь гости, которые злоупотребляют моим гостеприимством. Я бы хотел их выставить. Если сюда прибудет пара человек в голубых мундирах, это поможет мне сохранить несколько патронов.

— Я понял Вас. Джордж предупреждал, что вы можете пожалеть о приглашении этой шайки в свой лагерь, — сказал он. — Вы поняли меня, Три? У Джека Хеллоуэя небольшая неприятность — незаконное поселение. Да, ну и что? Он предоставил им эту возможность, а теперь передумал. Они дали ему для этого повод. Да, уверен. Джек Хеллоуэй довольно миролюбив. Хорошо. Идите и поторопите его гостей. Это относится к Кару Три. Говорит Кальдерон. — Он отвернулся от микрофона. — Джек, проследите за гостями около часа.

— Благодарю, Фил. Залетайте как-нибудь вечером, когда появится возможность отложить оружие.

Джек выключил экран и набрал новый код, вызвав людей Компании на Красном Холме.

— О, привет, Джек. Доктор Келлог удобно устроился?

— Я хочу, чтобы вы запихнули всю вашу банду в шаланду и вывезли ее с моего заднего двора.

— Но он хотел бы остаться здесь еще на пару недель.

— Я изменил свои намерения. После захода солнца его уже не должно быть на моей земле.

Человек Компании встревожился.

— Джек, у вас неприятности с доктором Келлогом? — спросил он. — Он большой человек в Компании.

— Он говорил мне об этом. Однако вы все-таки заберите их отсюда.

Он выключил экран.

— Знаете, — сказал он, — было бы порядочным предупредить Келлога. Как его вызвать?

Герд подошел и набрал один из сложных специальных кодов Компании. На экране появился Курт Борч.

— Я хочу поговорить с Келлогом.

— Доктор Келлог в настоящее время очень занят.

— Проклятье! Передайте ему, что сегодня день вашего переселения. Вся ваша шайка должна покинуть мою территорию до восемнадцати ноль-ноль.

Борч отодвинулся в сторону, и появился Келлог.

— Что за вздор? — раздраженно спросил он.

— Вам приказано переехать. Хотите знать, почему? Герд ван Рибик расскажет вам это; мне кажется, он забыл вам кое-что сообщить.

— Вы не можете выгнать нас. Вы дали разрешение...

— Разрешение аннулировано. Я связался с Майком Хенненом на Красном Холме; он выслал шаланду за вашими пожитками. Лейтенант Лант тоже выслал пару полицейских. Надеюсь, когда они придут, вы уже погрузите свои личные вещи в аэробот.

Пока Келлог пытался объяснить, что его неправильно поняли, Джек отключил экран связи.

— Кажется, все. По крайней мере, до захода солнца, — добавил он. — А сейчас рискнем нарушить правила и вспрыснуть наше новое партнерство. Затем мы выйдем наружу и наблюдаем за неприятелем.

Когда они вышли и сели на скамейку возле кухонной двери, враги уже начали действовать. Келлог, вероятно, для проверки, связался с Майком Хенненом и полицейским постом, и теперь у него уже многое было собрано и упаковано. Наконец появился Курт Борч, неся антигравитационный подъемник, и стал сваливать в кучу ящики багажа, а Джименз ходил рядом, уравнивая груз. Затем Джименз забрался в аэробот, а Борч, переправив груз к нему, вернулся в хижину. Это повторилось несколько раз. Тем временем Келлог и Мейлин обменивались взаимными упреками. Из дома, неся портфель, вышла Рут Ортерис и села на край стола под навесом.

Никто из них не наблюдал за Пушистиками. Джек вдруг заметил одного, который спускался по тропинке к мостику через ручей. По отблеску серебра на его шее он узнал Златовласку.

— Посмотрите на этого глупого ребенка, — сказал он. — Подождите, Герд, я принесу ее назад.

Он спустился к ручью. Когда он подошел к мостику, Златовласка скрылась за одним из аэрокаров, оставленных перед лагерем Келлога. Едва он приблизился к нему, как послышался звук, которого он не слышал никогда прежде — тонкий пронзительный визг, словно кто-то подтачивал зубья пилы. Почти сразу же после этого закричала Рут:

— Нет! Леонард, прекратите!

Обежав джип, Джек сразу же понял, кто это кричал. Златовласка лежала на земле, ее мех покраснел от крови. Над ней стоял Келлог. Его белые башмаки были окровавлены. Прежде, чем Джек успел подбежать к нему, он ударил ногой по маленькому, истекающему кровью тельцу, и в то же мгно-

вание что-то хрустнуло под кулаком Джека, ударившего Келлога в лицо. Келлог пошатнулся и попытался прикрыться руками. Он издал сдавленный стон, и в это мгновение мозг Джека пронзила идиотская мысль, что тот пытается сказать: «Пожалуйста, не поймите меня неправильно». Захватив левой рукой рубашку Келлога, он снова ударил его кулаком, затем еще раз и еще. Он не мог осознать, сколько времени он избивал Келлога, когда услышал голос Рут:

— Джек! Оглянитесь! Сзади!

Отбросив Келлога, он прыгнул в сторону, одновременно поворачиваясь и доставая свое оружие. В двадцати футах, наставив на него пистолет, стоял Курт Борч.

Едва вытащив пистолет из кобуры, Джек сделал первый выстрел, затем второй. На рубашке Борча расплзлось красное пятно, что дало возможность прицелиться для третьего выстрела. Но Борч был уже не в состоянии стрелять. Он выронил пистолет, медленно опустился на колени и упал на живот, ткнувшись лицом в кучу сложенных вещей.

Подоспевший ван Рибик сказал:

— Джименз, поднимите руки. И вы, Келлог, тоже.

Упавший Келлог попытался встать. Из его носа хлестала кровь, и он пытался остановить ее, прижав рукав куртки к носу. Встав, он повернулся и ткнулся в Рут Ортерис, которая раздраженно оттолкнула его от себя. Затем она подошла к маленькому раздавленному тельцу и опустилась на колени. На шее Златовласки едва слышно звякнул серебряный колокольчик. Рут заплакала.

Вылезший из азробота Юан Джименз в ужасе смотрел на труп Курта Борча.

— Вы убили его! — обвиняюще заорал он. Затем, что-то пробормотав себе под нос, он вдруг побежал к дому.

Герд ван Рибик выстрелил, и пуля впилась в землю у его ног.

— Стойте на месте, Юан, — сказал Герд, — или лучше помогите доктору Келлогу; он, кажется, немного пострадал.

— Вызовите полицейских, — сказал Мейлин. — Рут, идите вы; они не станут стрелять в вас.

— Не беспокойтесь. Я уже вызвал их.

Джименз вытащил из кармана кусок тряпки, оказавшийся носовым платком, и попытался остановить кровь, текущую из носа его начальника. Келлог пробовал объяснить Мейлину, что он ничего не мог поделать.

— Этот звереныш напал на меня... Он пытался поранить меня своим дротиком...

Рут посмотрела на него снизу вверх. Все Пушистики столпились вокруг Златовласки; они, вероятно, прибежали сразу же, как только услышали крик.

— Она подошла к нему и подергала его за брюки, привлекая внимание, — сказала Рут. — Она хотела, чтобы он полюбовался ее украшением, — голос Рут прервался. Прошло некоторое время, прежде чем она смогла продолжать. — А он ударил ее ногой и затоптал до смерти.

— Помолчите, Рут, — приказал Мейлин. — Существо атаковало Леонарда; оно могло серьезно ранить его.

— Так это и было! — все еще держа кусок тряпки у носа, Келлог приподнял брючину и показал шрам на ноге. Так можно было поцарапаться о шиповник. — Посмотрите сами.

— Да, вижу, ну и что? Я видела, как вы ударили ее ногой и прыгнули на нее. А все, что она хотела, это показать вам свою новую игрушку.

Джек начал раскаиваться, что сразу же не пристрелил Келлога. Пушистики попытались поставить Златовласку на ноги. Поняв, что это бесполезно, они снова опустили труп и согнулись над ним, издавая мягкое жалобное уиканье.

— Ладно, но когда сюда придут полицейские, вы молчите, — сказал Мейлин. — Я сам им все расскажу.

— Запугиваете свидетелей, Мейлин? — сказал Герд. — Вспомните, что на полицейском посту есть детектор лжи, — он заметил, что Пушистики подняли головы и смотрели на юго-восток. — А вот и полиция.

Однако это был аэроджип Бена Рейнсфорда, с одной стороны которого была привязана туша зебралопы. Он сделал круг над лагерем Келлога и быстро совершил посадку. Едва джип коснулся земли, как Рейнсфорд, держа пистолет наготове, выпрыгнул из него.

— Что случилось, Джек? — спросил он, затем внимательно посмотрел на Златовласку, Келлога, Борча и пистолет возле его тела. — Я предвидел это. Кто-нибудь из них должен был поднять на вас оружие; они называют это самоубийством.

— Примерно так оно и есть. Кстати, у вас в джипе есть кинокамера? Снимите Борча и Златовласку. А затем приготовьтесь, и если Пушистики начнут что-нибудь делать, снимайте их. Думаю, вы не разочаруетесь.

Рейнсфорд недоуменно пожал плечами и пошел к джипу за камерой. Мейлин сказал, что как человек, имеющий патент доктора медицины, он обязан осмотреть Келлога. Герд

ван Рибик проводил его в дом за медицинским инструментарием для оказания первой помощи. Когда они снова появились в дверях, сначала Мейлин, а за ним Герд с автоматическим пистолетом в руках, возле аэроджипа Рейнсфорда спустился полицейский кар. Но это был не Кар Три. Из него выпрыгнул лейтенант Лант с расстегнутой кобурой. Ахмед Кхадра говорил с кем-то по радио.

— Что случилось, Джек? Почему не дождались нас?

— Этот маньяк напал на меня и убил человека! — крикливо начал Келлог, указывая на труп Борча.

— Вас тоже зовут Джек? — спросил Лант.

— Меня зовут Леонард Келлог. Я шеф отдела Компании...

— Тогда помолчите, пока вас не спросят. Ахмед, вызови пост, пусть пришлют Кнаббера и Юримитси со следственным оборудованием, и узнай, что задержало Кар Три.

Мейлин открыл аптечку первой помощи. Герд на виду у полицейских убрал пистолет в кобуру. Келлог, еще державший сырую тряпку у носа, продолжал вопить:

— Он убил человека, заберите его! Почему вы его не арестовываете?

— Джек, уберите их куда-нибудь, чтобы ни мы их, ни они нас не слышали, — сказал Лант. Он взглянул на Златовласку. — Что здесь произошло?

— Смотри, лейтенант! У него пистолет! — предостерегающе крикнул Мейлин.

Они отошли и сели на антигравитационный генератор одного из арендованных джипов. Джек начал рассказ с визита Герда ван Рибика.

— Да, я и сам подумывал об этом, — с отвращением сказал Лант. — Но я не думал, что они взорвутся так быстро. Дьявол! Ладно, продолжай.

Он дослушал рассказ Джека и спросил:

— Вы ударили Келлога, когда он топтал Пушистика. А вы пытались его остановить?

— Нет. Вы правы. Если хотите, можете наказать меня за это.

— Да, хочу, и я накажу всю эту банду. А этот малый, Борч, уже держал оружие в руках, когда вы повернулись? Больше ничего не говорите, Джек. Это была просто самооборона. Как вы думаете, кто-нибудь из этой банды будет говорить правду без детектора лжи?

— Думаю, Рут Ортерис.

— Пришлите ее сюда, если вам не трудно.

Рут сидела с Пушистиками, а возле нее с камерой наготове стоял Рейнсфорд. Пуштики раскачивались и заунывно уикали. Рут кивнула, поднялась и пошла туда, где ее ожидал Лант.

— Что здесь случилось, Джек? — спросил Рейнсфорд. — И на чьей он стороне? — он кивнул в сторону ван Рибика, стоявшего позади Келлога и Мейлина и державшего руку на кобуре.

— На нашей. Он оставил Компанию.

Он снова начал рассказывать случившееся, но не успел он кончить, как в зоне видимости появился Кар Три. Свободное пространство перед лагерем Келлога переполнилось. Джек надеялся, что рабочая группа Майка Хеннена на время останется в стороне. Лант, закончив с Рут, поговорил с Джимензом, Мейлином и Келлогом. Затем он и один из прилетевших на Каре Три направились туда, где стояли Джек и Рейнсфорд. Заметив это, к ним присоединился Герд ван Рибик.

— Джек, — начал Лант, — Келлог обвиняет вас в убийстве. Я говорил, что это была простая самооборона, но он и слушать не хочет. Так что по закону я вынужден вас арестовать.

— Прекрасно, — Джек расстегнул ремень с кобурой и передал его Ланту. — Теперь, Джордж, я выдвигаю обвинение против Леонарда Келлога. Я обвиняю его в незаконном и неоправданном убийстве разумного существа, исконной уроженки планеты Заратустра, известной под именем Златовласка.

Он взглянул на маленькое раздавленное тельце и шестерых Пушистиков, которые оплакивали его.

— Но, Джек, они же не признаны разумными существами.

— Разумное существо не то, которое признали разумным, а то, чей процесс мышления стоит на уровне разума.

— Пуштики разумные существа, — сказал Рейнсфорд. — Это мнение квалифицированного ксенобиолога.

— Двух ксенобиологов, — добавил Герд ван Рибик. — Это тело разумного существа. А это, человек, который убил его. Вперед, лейтенант, делайте свое дело!

— Эй! Подождите минутку!

Пуштики поднялись, просунули свои инструменты под тельце Златовласки и подняли его на стальных древках. Как только Золушка подняла оружие своей сестры и пошла вперед, Бен Рейнсфорд нацелил свою камеру на эту траурную про-

цессию. Пушистики несли тельце к дальнему углу опушки, подальше от лагеря. Рейнсфорд опустил камеру и то ропливо пошел за ними, боясь пропустить что-нибудь интересное.

Они опустили тело. Майк, Майзи и Золушка начали копать, остальные разошлись собирать камни. Сзади подошел Джордж Лант. Он снял берет и держал его в руках. Когда маленькое, завернутое в траву тельце было опущено в могилку, он скорбно склонил голову.

Едва последний камень был уложен на вершину пирамиды и церемония похорон закончилась, Джордж надел берет, вытащил пистолет и проверил патронник.

— Ну, что ж, Джек, — сказал он. — Теперь я могу арестовать Леонарда Келлога за убийство разумного существа.

8

Джека Хеллоуэя и раньше отпускали под залог, но никогда с него не брали так много. Это было почти все его состояние. Но когда он вывалил на стол перед Джорджем Лантом из мешочка пылающие от тепла его тела солнечные камни и попросил того отобрать несколько из них на сумму в двадцать пять тысяч солей, глаза Лесли Кумбеса расширились, а челюсть Мохаммеда Али О'Брайена отвисла.

Лесли Кумбес взглянул на бутылку виски в своей руке и потянулся в шкаф за другой. Одна для Гуса Бранхарда, другая для остальных. Здесь было широко распространено мнение, что именно благодаря виски Густав Адольфус Бранхард практиковал очень редко, защищая, в основном, вооруженных бродяг и похитителей степняков. Но это было не так. Никто на Заратуштре не знал причины этого, но это было не виски. Виски было только орудием, при помощи которого Гус Бранхард обретал ясность мысли.

Он сидел в самом большом кресле гостиной, но все же оно было мало для него. Лицо этого человека было украшено взъерошенными рыжими волосами и спутанной рыжей бородой. Он был одет в выцветшую грязную куртку с обоймой для винтовочных патронов на груди, а вместо рубашки — разорванная майка, из-под которой тоже торчали рыжие волосы. Между нижней частью его шорт и верхней частью потрепанных носков тоже были сплошные заросли волос. На одном его колене сидела Пушистик-Мамочка, на другом — Майк и Майзи, а на его голове устроился Малыш. Едва увидев Гуса, Пушистики сразу же признали его. Наверное, они подумали, что это Большой Пушистик.

— Аах! — гроыхнул он, едва бутылка появилась возле него. — Только в надежде на это и стоит жить.

— Ладно, только не давайте пробовать ребятишкам. Маленький Пушистик уже пытался закурить трубку, и я не хочу, чтобы у них в семье появился алкоголик.

Гус наполнил стакан. Прodelав это на безопасном расстоянии, он быстро перелил в себя его содержимое.

— У вас славная семейка, Джек. Они произведут в суде отличное впечатление, если только Малыш не попытается взобраться на голову судьи. Присяжные, увидев их и услышав рассказ Ортерис, оправдают вас и выразят Келлогу вотум недоверия.

— Я не беспокоюсь об этом. Я хочу не обличить Келлога.

— Лучше побеспокоиться, Джек, — сказал Рейнсфорд. — На слушании дела большинство будет против нас.

Лесли Кумбес, адвокат Компании, слишком быстро прилетел сюда из Мэллори-Порта. Да еще Мохаммед Али О'Брайен, Генеральный Прокурор Компании, выступивший в роли Главного Обвинителя.

Оба они пытались опровергнуть заявление Хеллоуэя о самозащите и выставить Келлога как убиwшего опасное дикое животное. Когда у них ничего не вышло, они объединились против Пушистиков. После этого было высказано недовольство судом. Лейтенант Лант в качестве полицейского судьи имел очень ограниченную власть.

— Вы видите, насколько далеко они зашли?

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы они преуспели в этом? — мрачно произнес Рейнсфорд.

— Что вы хотите сказать? — спросил Бранхард. — Как вы думаете, что они сделают?

— Не знаю. Это меня и беспокоит. Мы угрожаем Компании Заратуштры, а Компания хочет безопасности, — ответил Рейнсфорд. — Они попытаются сфабриковать что-нибудь против Джека.

— А кто определяет наличие разума? И как? Ну, Кумбес и О'Брайен согласятся принять за доказательство формулу «Речь и разведение огня».

— Ха! — воскликнул Бранхард. — Суд уже утвердил это сорок лет назад, на Миссии. Дело о детоубийстве. Женщина обвинялась в убийстве собственного ребенка. Ее адвокат опирался на то, что убийством называется лишение жизни разумного существа. Разумное существо — это существо, которое может говорить и разводить огонь, а новорожденный младенец не может этого делать. Ходатайство отклонили. Суд по-

становил: пока способность говорить и разжигать огонь является единственным доказательством разумности, невозможно утверждать что-либо, не составив законного доказательства отсутствия разума. Если О'Брайен и не знает этого, а я сомневаюсь, что он это знает, то Кумбес знает об этом наверняка, — Бранхард налил себе очередную порцию виски и опорожнил стакан быстрее, чем до него смогли дотянуться окружавшие его разумные существа. — Знаете, что? Держу пари и могу поклясться, что первое, что сделает Хэм О'Брайен, вернувшись в Мэллори-Порт, это внесет ОТКАЗ ИСТЦА ОТ ИСКА на оба обвинения. От него примут отказ от иска на Келлога, а обвинение против Джека отправят в суд. Он может сделать эту глупость, но Лесли Кумбес не позволит ему это.

— Но если он уберет из дела Келлога, — сказал Герд ван Рибик, — то на суде Джека никто и слова не произнесет о разуме.

— Я произнесу во весь голос. Вы все знаете колониальный закон. Убийца, несмотря на то, что он совершил уголовное преступление, может выдвинуть обвинение против любого другого лица. Я буду утверждать, что Леонард Келлог убил разумное существо. Джек Хеллоуэй, пытаюсь предотвратить это, поступил законно, а Курт Борч, в попытке прийти на помощь Келлогу, сам оказался виновным в уголовном преступлении, и, следовательно, всякое обвинение, выдвинутое против Джека Хеллоуэя, является не обоснованным. Придерживаясь этой точки зрения, я скажу великое множество слов и приведу доказательства разумности Пушистиков.

— Ваши доказательства будут перепроверяться, — заметил Рейнсфорд. — Психологами. Я полагаю, вы знаете, что на этой планете только психологи пользуются привилегиями, дарованными Компанией Заратуштры, — он допил то, что оставалось в стакане, посмотрел на кусочки льда, оставшиеся на дне, и снова налил себе. — Я бы не хотел, чтобы это произошло.

— Уфф! — Вздвогнув от неожиданности, Мамочка-Пушистик взглянула вверх. — Интересно, что сейчас делает Виктор Гrego.

* * *

Виктор Гrego положил на место телефонную трубку.

— Лесли на яхте, — сказал он. — Они сейчас придут. Завернут в больницу, чтобы оставить Келлога, и сразу сюда.

Ник Эммерт откусил маленький кусочек тоста. У него бы-

ли рыжеватые волосы, тусклые глаза и широкое, массивное лицо.

— Должно быть, Хеллоуэй использовал слишком сильное средство, чтобы привести его в порядок, — сказал он.

— Лучше бы он убил его! — раздраженно сказал Виктор Грего и увидел возмущение на лице Главного Резидента.

— Вы действительно хотите этого, Виктор?

— Ни черта я не хочу! — Виктор махнул рукой в сторону проигрывателя, на котором они только что прослушали ленту, переданную с яхты. — Он задира, который удирает, когда запахнет жареным. Знаете, какая эпитафия будет написана на могиле Компании? «ПИНКОМ К СМЕРТИ ОТ ПУШИСТИКОВ БЛАГОДАРЯ ЛЕОНАРДУ КЕЛЛОГУ».

Если бы Келлог сохранил голову ясной и избежал столкновения с Хеллоуэем, все было бы отлично. Даже непростительное убийство Пушистика и стрельба Борча были бы не так плохи, если бы не это глупое обвинение в убийстве. Сам же спровоцировал Хеллоуэя, да еще недоволен, что ему набили морду.

Да еще этот человек Келлога, ван Рибик, который вызвал взрыв. Сам я не знаю Рибика, но Келлог-то должен был знать своих подчиненных. Он должен был знать, что можно доверять этому человеку, а что нельзя.

— Но, Виктор, они же не признали Леонарда виновным в убийстве, — сказал Эммерт. — Не за убийство же этого маленького существа...

Пара людей, посланных начальником тюрьмы, могла бы пригласить Леонарда Келлога во двор тюрьмы и пустить ему пулю в затылок, что не было бы большой потерей. Можно было заделать дыру, через которую лились неприятности для Компании Заратуштры, зафрахтовав какое-нибудь судно. К тому же можно было сделать так, чтобы Келлог не появился на суде. Договор о двадцати пяти тысячах солей мог быть аннулирован; это было бы наказанием для Компании. Нет, все же не это было причиной их нежелания суда над Хеллоуэем.

— Виктор, вы хотите, чтобы я ушел, когда они придут? — спросил Эммерт, отправляя в рот очередной ломтик тоста.

— Нет, нет. Сиди. Мы в последний раз работаем вместе. Потом мы будем избегать всего, что может походить на тайный сговор.

— Ладно, к счастью, я кое-что могу сделать, вы знаете, это, Виктор, — сказал Эммерт.

Да, он знал это. В самом наихудшем случае, если права Компании станут недействительными, он мог бы даже пове-

ситься, чтобы спасти если и не Компанию, то хотя бы Виктора Грегга. Но если Заратуштра будет переклассифицирована, для Ника все кончено. Его титул, его социальное положение, его синекура, его системы подкупа и приработка, его вымышленные имена, прикрывающие расчетный счет Компании — все вылетит в трубу. Поэтому Ник должен был сделать все, что он мог — как бы мало это ни было.

Он посмотрел на приподнявшийся глобус Заратуштры, слегка поворачивающийся в оранжевом луче прожектора. На Континенте Бета, где Леонард Келлог убил Пушистика по имени Златовласка и Джек Хеллоуэй пристрелил убийцу, которого звали Курт Борч, была полная темнота. К черту такого убийцу! Он мог сделать выстрел в спину, а не позволять убить себя. У Борча альтернатива была не лучше, чем у Келлога. Какое дело завалил! Что он не мог подобрать для работы людей получше? А Хэм О'Брайен! Нет, он не винил себя за О'Брайена. О'Брайен был человеком Ника Эммерта. К тому же он не обкрадывал Ника.

Коммуникатор, стоявший на столе, звякнул, и женский голос сообщил, что пришел мистер Кумбес со своими спутниками.

— Прекрасно. Проводите их сюда.

Первым вошел Кумбес. Высокий, элегантный, ни тени тревоги на лице. Случись сейчас внезапная бомбардировка или землетрясение, он неизменно остался бы безмятежно спокойным. Выбрав Кумбеса главой адвокатов, Компания нашла лучшее применение его эмоциям. Мохаммед Али О'Брайен был не так высок, не так элегантен и не так спокоен. Его кожа была почти черной — он родился на Агни, под жарким солнцем класса ВЗ. Его лысая голова блестела, а большой нос сопел сквозь заросли лохматых белых усов. Что можно сказать о нем? Он единственный человек на Заратуштре, который может важничать, находясь внизу.

Позади них выстроились остальные участники экспедиции на континент Бета — Эрнст Мейлин, Юан Джименз и Рут Ортерис. Мейлин чуть выдвинулся вперед и высказал сожаление, что с ними нет доктора Келлога.

— Я очень сомневаюсь в этом. Пожалуйста, садитесь. Я боюсь, нам придется многое обсудить.

* * *

Главный судья мистер Фредерик Пэндервис задумчиво передвинул на несколько дюймов тонкую вазу с брызгами звездных цветов. Он сидел, словно знатное лицо на фотографии.

Напротив него находилась белокурая женщина. Он взял из серебряной шкатулки тонкую сигару, заботливо обрезал кончик и закурил. Затем, решив больше не тянуть, он вытащил две объемистые широкие папки и открыл первую из них, помеченную грифом «На судебное разбирательство».

Надо же что-то делать; он всегда говорил себе так перед тем, как приступить к работе. Последнее крупное судебное разбирательство в Генеральном Суде происходило десять лет назад, когда население Мэллори-Порта насчитывало менее пяти тысяч человек. А последнее время он в основном занимался делами о вытравливании клейма на телятах степняков или убийстве кого-нибудь в баре. Наконец к нему попали пять мелких исков, переданных полицейскими судами; но уж лучше это, чем совсем ничего.

Первое дело, конечно, об убийстве. Все, как обычно. Так. Континент Бета, с Пятнадцатого полицейского поста, от лейтенанта Джорджа Ланта. Посмотрим. Джек Хеллоуэй. Значит, старый Джек сделал очередную зарубку на своем ружье — Долина Холодный Залив, Федерация Горожан, раса Человек Земли. Преднамеренное убийство разумного существа, а именно Курта Борча, Мэллори-Порт, Федерация Горожан, раса Человек Земли, Истец — Леонард Келлог, то же самое. Адвокат, записанный для защиты, — Густавус Адольфус Бранхард. Последними, кого убил Джек Хеллоуэй, была пара головорезов, которые пытались выкрасть его солнечные камни; тогда никто даже не пытался подать жалобу в суд. Однако теперь он может попасть в беду. Келлог — администратор Компании. Лучше за это дело взяться самому. Компания попытается оказать давление.

Следующее дело также об убийстве. Континент Бета, с Пятнадцатого полицейского поста. Он прочитал все и моргнул. Леонард Келлог, преднамеренное убийство разумного существа, а именно — самки по кличке Златовласка, абориген, раса Пушистик Заратуштры. Истец — Джек Хеллоуэй, адвокат, записанный для защиты, — Лесли Кумбес. Прочитав это чересчур легкомысленное обвинение, судья засмеялся. Вероятно, это была попытка высмеять жалобу Келлога. На каждой планете законное правосудие должно иметь по крайней мере одного Гуса Бранхарда, чтобы повеселиться. Раса Пушистик Заратуштры!

Затем он внезапно оборвал смех и стал совершенно серьезным, словно сапер, который обнаружил большое количество взрывчатки, снабженное запалом. Он повернулся к экрану

связи и набрал код. На экране появился молодой человек в очках, который почтительно приветствовал судью.

— Доброе утро, мистер Уилкинс, — ответил судья. — Сегодня утром на мою голову свалилась пара обвинений в убийстве — на Келлога и Хеллоуэя, оба на Бета-Пятнадцать. Что вы об этом знаете?

Молодой человек улыбнулся.

— О, Ваша Честь, в них много бессмыслицы. Доктор Келлог убил какого-то любимца старого Джека Хеллоуэя, и отсюда все неприятности — а Джек Хеллоуэй может быть очень неприятен, если его задеть. А этот человек, Борч, который, кажется, был личной охраной Келлога, совершил смертельную ошибку, пытаясь направить оружие на Джека. Я удивляюсь, что лейтенант Лант передал эти дела в суд. Мистер О'Брайен записал на оба эти дела ОТКАЗ ИСТЦА ОТ ИСКА, так что их можно проигнорировать.

Мохаммед Али О'Брайен знал катаклизм обвинения и импульс, который взорвет детонатор. Ну, что ж, возможно, эти обвинения можно и отклонить; надо только посмотреть, как это сделать.

— Я еще не утвердил ОТКАЗ ИСТЦА ОТ ИСКА, мистер Уилкинс, — мягко произнес судья. — Вы можете дать мне прослушать запись об этих делах? Передайте на шестидесятой скорости, я перепишу их. Спасибо.

Он потянулся и отрегулировал запись. Уилкинс, клерк Суда, отвернулся от экрана. В течение полутора минут раздавался пронзительный визг. Запись заняла больше времени, чем он ожидал. Ладно...

* * *

В стакане кончился лед, и Леонард Келлог опустил в него еще несколько кусочков. Напиток стал очень холодным, и он добавил бренди. Он никогда не начинал пить так рано. Если он будет продолжать в том же духе, то опьянеет еще до обеда, но что же ему еще остается делать? Он не мог выйти с таким разукрашенным лицом. Во всяком случае, он никуда не собирался выходить.

Все были против него. Эрнст Мейлин, Рут Ортерис и даже Юан Джименз. На полицейском посту Кумбес и О'Брайен обращались с ним словно с недоразвитым ребенком, которого успокаивают в присутствии гостей, а по возвращении в Мэллори-Порт они совершенно игнорировали его. Он быстро выпил, а затем снова положил лед в стакан. Виктор Грегга отпра-

вил его в отпуск, который будет продолжаться до тех пор, пока не кончится судебное разбирательство, а шефом отдела назначили Мейлина. Говорят, он не должен отвечать за отдел, который работает над доказательствами его невиновности. Ну, может, это и так; правда, это походит на первый шаг к его окончательному изгнанию из Компании.

Он плюхнулся на стул и закурил сигарету. После нескольких затяжек во рту появился нехороший привкус, и он смял ее. Ну, что ему было делать? После того, как они обнаружили маленькую могилку, он дал понять Герду, что это значит для Компании. Юан и Рут все поняли, но Герд... А когда его вызвал Хеллоуэй и унизил, словно последнего бродягу...

А затем это отвратительное маленькое животное подошло и дернуло его за штаны. Он оттолкнул его — ну, может, и пнул — оно замахнулось на него своим острым копьём, с которым никогда не расставалось. Во всяком случае, никто, кроме сумасшедшего, не мог позволить подобную выходку какому-то животному. И он пнул его снова, а оно завизжало...

В соседней комнате зажужжал зуммер. Возможно, это Виктор. Келлог допил из стакана остатки бренди и заторопился к экрану связи.

Это был Лесли Кумбес. Лицо его ничего не выражало.

— Привет, Лесли.

— Добрый день, доктор Келлог, — в его формальном обращении прозвучал упрек. — Меня вызывал Генеральный Прокурор. Судья Пэндервис не принял ОТКАЗ ИСТЦА ОТ ИСКА. Он просмотрел ваши дела и направил их на судебное разбирательство.

— Вы думаете, это серьезно?

— Да, это серьезно. Если вас признают виновным, права Компании автоматически станут недействительными. А если вас беспокоит только ваша судьба, то вас, наверное, приговорят к расстрелу, — он пожал плечами и продолжал. — Теперь я должен сказать вам, что я отвечаю за вашу защиту. В десять тридцать утра зайдите в мою контору. Думаю, к тому времени я узнаю, что они выдвигают против вас. Я буду ждать вас, доктор Келлог.

Он мог сказать и больше, но для официального визита хватило и этого. Леонард бессознательно прошел в другую комнату, сел в кресло и налил стакан бренди. Там был только маленький кусочек льда, но он не стал добавлять еще.

Они привлекают его к ответственности за убийство этого маленького животного, а Хэм О'Брайен говорил, что они

не могут этого сделать. Он обещал не допустить суда. Во всяком случае, если они привлекут его и признают виновным, они выведут его и расстреляют за убийство глупого маленького животного, которое он растоптал. Он вновь услышал его крик и почувствовал отвратительную мягкость его тельца под ногами.

Он опорожнил стакан, налил еще и выпил снова. Затем он, шатаясь и спотыкаясь, подошел к дивану и бросился на него лицом вниз, упав на подушки.

* * *

Лесли Кумбес нашел Виктора Грегo в его конторе. Там же находился Ник Эммерт. Они оба поднялись, приветствуя его, и Грегo сказал:

— Вы слышали?

— Да. О'Брайен сказал мне. Я связался с моим клиентом и сообщил ему. Боюсь, это слегка шокировало его.

— Зато не шокировало меня, — сказал Грегo, как только они сели. — Когда Хэм О'Брайен слишком уверен в чем-то, я всегда ожидаю худшего.

— Пэндервис хочет сам заняться этим делом, — сказал Эммерт. — Я всегда думал, что он благодушный человек, но что он пытается сделать сейчас? Перерезать горло Компании?

— Он не против Компании. Но и не за Компанию. Он за закон. Закон гласит, что планета, населенная разумными существами, относится к классу 4 и должна иметь колониальное управление класса 4. Он хочет выяснить, к какому классу относится Заратуштра, и применить соответствующий закон. Если эта обитаемая планета класса 4, то Компания Заратуштры действует незаконно. Прекратить беззаконие — это его работа. Закон — религия Фредерика Пэндервиса, а он ее священник. Вы никогда не увидите, чтобы священник конфликтовал с религией.

Когда он закончил, в воздухе повисла гнетущая тишина. Грегo посмотрел на глобус и вдруг понял, что он хоть и гордится этой игрушкой, но настоящие драгоценности хранятся в подвалах банка. А теперь они постепенно уплывают от него. Ник Эммерт был напуган.

— Вчера вы были правы, Виктор. Лучше бы Хеллоуэй убил этого сына кукры. Может, еще не поздно...

— Все правильно, Ник. Но уже поздно. Мы опоздали во

всём. Нам остается только выиграть дело в суде. — Лесли повернулся к Грегю: — Чем занимаются ваши люди?

Грегю ответил взглядом от глобуса.

— Эрнст Мейлин изучает материалы о Пушистиках, смотрит отснятые фильмы и пытается доказать, что они не обладают разумом. Рут Ортерис занимается тем же, только она работает по линии инстинктов и безусловных рефлексов. У нее в лаборатории находится десяток крыс, несколько собак и обезьяна. Ей помогает Генри Стенсон. Он делает ей необходимую аппаратуру и инструменты. Юан Джименз изучает умственные способности земных собак и кошек, Кхолпхов с Фрейна и черных крадунчиков с Мимира.

— А он не может провести какую-нибудь собачью или обезьянью параллель этим похоронам?

Грегю ничего не сказал, только покачал головой. Эммерт что-то пробормотал себе под нос, наверное, новое ругательство.

— Не думаю, чтобы это можно было сделать. Я боюсь только одного, как бы эти Пушистики не разожгли в суде костер и не стали обсуждать заседание на языке землян.

Ник Эммерт в панике воскликнул:

— Вы полагаете, что они разумны?

— Конечно. А вы разве нет?

Грегю кисло улыбнулся.

— Ник думает, что вы решили доказать это. Но в этом нет необходимости. Будем придерживаться негативных вопросов. Значит, так: Пушистики — разумные существа. Лично я думаю, что, зная это, мы более серьезно отнесемся к своей работе.

— Знаете, я был на коллегии, — весело сказал Эммерт. На его слова никто не обратил внимания, и он добавил: — Первое, что они сделали, это выработали условия.

Грегю вопросительно посмотрел на него.

— Лесли, мне кажется, у Ника что-то есть. Какое определение разумного существа они приняли?

— Насколько мне известно, у них ничего нет. Разум — это нечто само собой разумеющееся.

— Что вы скажете о формуле «Речь и разжигание огня»?

Он покачал головой.

— Дело колонии Вискина против Эмили Моррош. 612 А. Е. — Он рассказал им о детоубийстве. — Вы знаете, что будут делать ваши люди, вырабатывая приемлемое для суда определение разума? Им придется, не имея под рукой Пуши-

стиков, сравнивать их со всеми известными разумными расами. Я не завидую им.

— Нам надо где-то достать Пушистиков для нашей лаборатории, — сказал Грег.

— Плохо, что мы не можем получить Пушистиков, принадлежащих Хеллоуэю, — добавил Эммерт. — Может, украсть их, когда они останутся в лагере одни?

— Нет. Мы не можем так рисковать. — Лесли задумался. — Подождите-ка. Кажется, мы можем получить их. Законным путем.

9

Джек Хеллоуэй заметил, что Маленький Пушистик рассматривает трубку, оставленную им в пепельнице. Он поднял ее и сунул в рот, а Маленький Пушистик, укоризненно посмотрев на него, прыгнул на пол. Папочка Джек был озадачен: уж не хочет ли Маленький Пушистик тоже курить трубку? Может, это не повредит ему? Он поднял Маленького Пушистика на колено и предложил ему трубку. Маленький Пушистик затаился, но не закашлялся: он, вероятно, не вдыхал в себя дым.

— Первым они будут рассматривать дело Келлога, — сказал Гус Бранхард, — и я ничего не могу поделать, чтобы это изменили. Вы понимаете, что это значит? Они будут судить его первым, а Лесли Кумбес будет вести обвинение и защиту, и если они оправдают его, то к доказательствам разума, которые мы представим на суде, они будут относиться предвзято.

Мамочка Пушистик сделала еще одну попытку перехватить у Гуса стакан виски, но он опередил ее. Малыш, сидевший на его голове, играл в прятки за его бакенбардами.

— Для начала, — продолжил он, они исключают все, что только смогут, из показаний о Пушистиках. Они многого не смогут опровергнуть, но будут драться за малейшую возможность. Они будут опровергать все, что не смогут исключить. Конечно, с детектором лжи они не смогут лгать, но они будут использовать самообман. Вы высказываете свое предположение, верное или неверное, и детектор лжи не разоблачит вас. Они будут нападать на все показания экспертов и играть словами. А все, что они не смогут исключить или опровергнуть, они будут допускать, но предварительно заявят, что это еще не доказывает разумность.

— Какого черта им еще надо? — взорвался Герд. — Или,

энергией, антигравитацией или дистанционным управлением?

— Чтобы вывести Пушистиков из игры, они преподнесут на суде изящное, стройное, педантичное определение разумности и постараются, чтобы его приняли. Поэтому нам надо заранее определить, каким оно будет, и подготовить опровержение. Ну, естественно, дать определение, нужное нам.

— Наверняка их определение будет включать кугхров. Герд, кугхры хоронят своих мертвецов?

— Нет, черт подери. Они их едят. Но имейте в виду, что они предварительно варят их.

— Надо посмотреть, что Пушистики делать могут, а кугхры — нет, — сказал Рейнсфорд. — Так мы получим определение разумности. Помните, что говорила Рут в субботу ночью?

Герд ван Рибик сделал вид, что не желает вспоминать слова Рут и даже слышать о ней. Джек кивнул и повторил ее слова:

— Неразумная смышленость, незаметно переходящая в разум, подобна пунктиру, переходящему в непрерывную жирную линию, или цветочной гамме, становящейся все ярче и насыщеннее.

— Это можно изобразить графически, — сказал Герд. — Вы знаете, эта линия так отчетливо стоит у меня перед глазами, что я соблазняюсь думать о разуме как о результате мутации. Жаль, что мы не можем применить какую-нибудь мутацию из тех, что сократили путь развития на некоторых планетах.

Бен Рейнсфорд начал что-то говорить, но над лагерем завывала полицейская сирена, и он внезапно осекся. Пушистики с интересом смотрели вверх. Они знали, кто это был. Друзья папочки Джека в голубой одежде. Джек подошел к двери и открыл ее, выпустив наружу пучок света.

Кар совершил посадку. Из него выпрыгнули Джордж Лант, двое полицейских и двое в штатском. Оба последних были вооружены. Один из них нес какой-то узел.

— Привет, Джордж. Заходите.

— Мы хотим поговорить с вами, Джек, — мрачно произнес Лант. — По крайней мере, хотят эти люди.

— Конечно. Ну, давайте.

Он отступил в комнату, чтобы пропустить их. Что-то было не так, что-то нехорошее вошло вместе с ними. Кхадра, вошедший первым, встал рядом с Джеком, чуть позади него. Лант огляделся вокруг и остановился между Джеком и оружейной пирамидой, не отводя взгляда от пистолетов, лежав-

ших на столе. Третий, пропустив вперед двух незнакомцев, закрыл дверь и встал возле нее. Неужели суд аннулировал залог и приказал арестовать его, подумал Джек. Незнакомцы — мускулистые люди с тоненькими черными усиками и угрюмыми лицами — внимательно смотрели на Ланта. Рейнсфорд и ван Рибик встали. Гус Бранхард нагнулся вперед, чтобы наполнить свой стакан, но так и не выпрямился.

— Дайте бумагу, — сказал Лант мускулистому незнакомцу.

Тот, что пониже, достал сложенный документ и протянул его.

— Джек, я здесь ни при чем, — сказал Лант. — Я не хочу делать этого, но делаю. Я также не хочу стрелять в вас, но если вы окажете сопротивление, я буду стрелять. Я не Курт Борч, я знаю вас, поэтому никаких случайностей не будет.

— Если вы пришли вручить бумагу, то вручайте ее, — сказал тот, что повыше. — Не трепаться же нам здесь всю ночь.

— Джек, — смущенно сказал Лант, — это ордер на конфискацию ваших Пушистиков, так как они являются доказательствами в деле Келлога. Это представители начальника полиции из Верховного Суда. Им приказано доставить Пушистиков в Мэллори-Порт.

— Разрешите мне взглянуть на ордер, Джек, — все еще нагнувшись, сказал Бранхард.

Лант передал ордер Джеку, а тот — Бранхарду. Гус пил весь вечер, возможно, поэтому он и не вставал, чтобы не показать опьянения. Он быстро просмотрел ордер и кивнул.

— Все в порядке, ордер подписан Главным Судьей, — он вернул бумагу. — У них есть все основания забрать Пушистиков. Возьмите ордер и заставьте их написать расписку. Да пусть они не забудут расписаться и поставить отпечаток большого пальца. Проследите за этим, Джек.

Гус хотел отвлечь его от того, что будет происходить дальше. Меньший из двух представителей сбросил узел. Это были брезентовые мешки. Он сел за пишущую машинку и напечатал расписку, в которой перечислил всех Пушистиков, описал их и подробно отметил, что все они были в добром здравии и не имели никаких повреждений. Один из Пушистиков попытался взобраться к нему на колени, но тут же отчаянно уикнул, когда его с силой оторвали от рубашки. Представитель закончил свою работу быстрее, чем те, кто ловил Пушистиков. В мешках сидели только три Пу-

шистик побежали к своей дверце, но там стоял Лант и закрывал проход каблуками. Увидев это, оба Пушистика попытались зарыться в свои постельные принадлежности. Третий полицейский и один из представителей вытащили их оттуда и сунули в мешки.

Ошеломленный и ничего не понимающий Джек встал и выдернул расписку из пишущей машинки. Возник спор. Взорвавшийся Лант велел представителям либо подписать бумагу, либо убираться к черту без Пушистиков. Они подписали, затем макнули свои большие пальцы в чернила и поставили отпечатки, каждый возле своей подписи. Джек, стараясь не глядеть на шесть раздувшихся коричневых мешков и пытаясь не слышать доносившегося из них испуганного уиканья, отдал бумагу Гусу.

— Джордж, разрешите собрать некоторые из их вещей? — спросил он.

— Конечно. Что за вещи?

— Постельные принадлежности. Некоторые игрушки.

— Вы имеете в виду этот ненужный хлам? — меньший из представителей пнул конструкцию из шаров и палочек. Мы получили приказ взять только Пушистиков.

— Вы слышали, джентльмен? — Лант произнес это так, словно выругался. Он повернулся к представителям: — Ну, вы взяли их, что вам еще нужно?

Джек стоял в дверях и смотрел, как они погрузили мешки в аэрокар, влезли в него и улетели. Затем он вернулся в гостиную и сел на стол.

— Они даже не знают, что такое ордер, — сказал он. — Они не знают, почему я не заступился за них. Они думают, что папочка Джек предал их.

— Джек, они улетели? — спросил Бранхард. — И не вернуться? — Он встал, заглянул за кресло и вытащил оттуда маленький комочек белого меха. Малыш поймал его за бороду своими крошечными ручонками и счастливо уикнул.

— Малыш! Они не взяли тебя!

Бранхард освободил свою бороду от его маленьких ручек и передал его Джеку.

— Нет, а в расписку он тоже включен. — Бранхард допил то, что оставалось в стакане, достал сигарету и закурил. — Теперь мы полетим в Мэллори-Порт и вернем остальных.

— Но... но Главный Судья подписал этот ордер. Он не отдаст их обратно только потому, что мы попросим его об этом.

Бранхард фыркнул.

— Держу пари на все, что угодно, Пэндервис никогда не

видел этого ордера. В конторе Главного Судьи валяются пачки подписанных бланков. Если каждый раз, когда они захотят вызвать в суд свидетеля или конфисковать улики, им придется сидеть в приемной, чтобы получить подпись судьи, у них никогда ничего не получится. Если Хэм О'Брайен не подумал запастись этим, то уж у Лесли Кумбеса полная коллекция этих бланков.

— Воспользуемся моим аэроботом, — сказал Герд ван Рибик. — Вы с нами, Бен? Тогда в путь.

* * *

Он не мог разобраться в этом. Большие Существа в голубой одежде были друзьями. Они подарили свистки и были очень опечалены, когда хоронили убитую. И почему папочка Джек не взял большое ружье и не остановил их? Не может быть, чтобы он испугался; папочка Джек не боится ничего.

Другие были близко. Они сидели в таких же мешках, в какой поместили и его. Он мог позвать их и услышать ответ. Вдруг он почувствовал холод металла лезвия стального ножа, который сделал для него папочка Джек. Он мог прорезать мешок, вылезти из него и освободить остальных, но сейчас это делать бесполезно. Они были в том предмете Больших Существ, который поднимается в небо, и если он выберется из мешка сейчас, идти будет некуда, и их сразу же поймают. Лучше подождать.

И только одна мысль беспокоила его, он не знал, откуда и куда их везут. Смогут ли они когда-нибудь найти то место, где живет папочка Джек?

* * *

Гус Бранхард нервничал и был слишком болтлив, и это тревожило Джека. Он дважды останавливался у зеркала, висевшего в коридоре, чтобы убедиться, что узел на его сером с золотой ниткой галстук туго затянут и что его черная куртка застегнута как положено. Перед дверью с табличкой «ГЛАВНЫЙ СУДЬЯ» он остановился, пытаясь подавить желание взбить свою недавно вымытую бороду.

В личных апартаментах Главного Судьи находились два человека. Он видел Пэндервиса один или два раза, но их дороги никогда не пересекались. У судьи было доброе, аскетическое лицо человека, который живет в мире со своей совестью. У него был Мохаммед Али О'Брайен. Сначала он удивился,

увидев входящих, а затем испугался. Никто никому не подал руки. Главный Судья изящно поклонился и предложил им сесть.

— Теперь, — произнес он, когда все расселись, — мисс Югеторн зачитает вашу жалобу на действия мистера О'Брайена.

— Мы действительно подали жалобу, Ваша Честь, — Бранхард открыл портфель и достал из него две бумаги — ордер и расписку за Пушистиков — и передал их через стол. — Мой клиент и я желаем знать, на каких основаниях Ваша Честь санкционировала эти действия и почему мистер О'Брайен прислал своих людей в лагерь мистера Хеллоуэя, чтобы оторвать этих маленьких существ от их друга и покровителя.

Судья просмотрел бумаги.

— Как вы знаете, мисс Югеторн сняла копии с этих документов, когда вы пришли просить аудиенции. Я ознакомился с ними. Но поверьте мне, мистер Бранхард, эту повестку в подлиннике я вижу в первый раз. Вы знаете, почему подписываются пустые бланки. Это практикуется, чтобы сэкономить как можно больше времени и усилий. До сих пор они использовались только в тех случаях, когда не возникало спорных вопросов. Поверьте, если бы я видел эту бумагу, я никогда бы не подписал ее, — он повернулся к нервничающему Главному Прокурору. — Мистер О'Брайен, — сказал он, — никто не может конфисковать разумное существо как доказательство. Действительно, разумность Пушистиков еще не доказана, но это вполне допустимо. Суд не может допустить, чтобы по его вине пострадало какое-нибудь невинное лицо.

— И, Ваша Честь, — вмешался в монолог судьи Бранхард, — невозможно отрицать, что Пушистики страдают крайне несправедливо! Безвинные и бесхитростные дети — вот что такое Пушистики. Счастливые и доверчивые маленькие дети, которые до сих пор знали только добро и любовь. Картина их внезапного похищения, запихивание в мешки жестокими и бездумными людьми...

— Ваша Честь! — лицо О'Брайена стало чернее, чем лицо обычного уроженца Агни. — Я не могу слушать слова, какими этот человек характеризует служащих суда. Я протестую.

— Если служащие суда нуждаются в защите, мистер О'Брайен, суд защитит их. Мне кажется, вам сейчас стоит подумать о вашей собственной защите.

— Ваша Честь! Я утверждаю, что действовал только так, как повелевали мне мои обязанности, — сказал О'Брайен. —

Пушистики являются единственным ключевым вещественным доказательством в деле СУЩЕСТВА против КЕЛЛОГА. Только демонстрация их разумности может подтвердить обвинение Келлога в убийстве.

— Тогда почему вы таким преступным образом подвергли их опасности? — спросил Бранхард.

— Я подверг их опасности? — в ужасе переспросил О'Брайен. — Ваша Честь, я действовал так только потому, что стремился обеспечить их безопасность. Я только хотел, чтобы они появились в суде.

— И забрали их от единственного человека на этой планете, который знает, как с ними обращаться, который любит их так, как мог бы любить собственных детей. Вы подвергли их оскорблению, которое, как вы знаете, может оказаться пагубным для них.

Судья Пэндервис кивнул.

— Я не думаю, мистер Бранхард, что вы преувеличиваете. Мистер О'Брайен, у меня сложилось неблагоприятное мнение о ваших действиях в этом деле. Вы не имели права так обращаться с предполагаемыми разумными существами. Я должен согласиться с той характеристикой преступной безрассудности, какую дал мистер Бранхард вашему поведению. Теперь, говоря беспристрастно, я приказываю вам немедленно доставить сюда Пушистиков и вернуть их под опеку мистера Хеллоуэя.

— Да, конечно, Ваша Честь. — Беспокойство О'Брайена возросло. Его лицо приобрело серо-коричневый оттенок. В такой цвет может окраситься ружейная пирамида из орехового дерева, весь день простоявшая под дождем. — Мне нужен час, чтобы послать за ними и доставить их сюда.

— Вы хотите сказать, что их нет в этом здании? — спросил Пэндервис.

— Ваша Честь, здесь нет необходимого оборудования. Я отправил их в Научный Центр...

— Ч Т О?

Джек решил молчать и дать высказаться Гусу. Восклицание буквально вырвалось у него. У Гуса Бранхарда и судьи Пэндервиса одновременно вырвалось такое же восклицание, но никто этого не заметил. Пэндервис наклонился вперед и мягко спросил:

— Мистер О'Брайен, вы относитесь к штату Отдела Научных Изучений и Исследований, созданному Компанией Заратуштры?

— Но у них есть все необходимое оборудование для со-

держания всех видов живых существ. Они ведут все научные работы для...

Пэндервис богохульно выругался. Бранхард был так ошарашен, словно его собственный портфель вцепился ему в горло и пытается задушить его. Но он и вполровину не был так испуган, как Хэм О'Брайен.

— Вы понимаете, — сказал Пэндервис, с явным усилием взяв себя в руки, — что тот, кто выдвинул обвинение в убийстве, сам является обвиняемым? Мистер О'Брайен, вы еще раз подтвердили, что мое мнение о вас верно!

— Никто не обвинял Компанию Заратуштры, — угрюмо возразил О'Брайен.

— Официально нет, — согласился Бранхард. — Но разве Леонард Келлог не руководил Научным Отделом Компании Заратуштры?

— Доктора Келлога освободили от его обязанностей. Он ожидает результатов суда. Отдел сейчас возглавляет доктор Эрнст Мейлин.

— Главный научный свидетель защиты; я не вижу принципиальной разницы.

— Но мистер Эммерт сказал, что все будет нормально, — пробормотал О'Брайен.

— Джек, вы слышали это? — спросил Бранхард. — Запомните. На судебном заседании вы засвидетельствуете это. — Он повернулся к Главному Судье: — Ваша Честь, может, послать за Пушистиками начальника Колониальной Полиции Фрейна? А пока они не вернутся, я бы советовал держать мистера О'Брайена подальше от любых средств связи.

— Это благоразумное предложение, мистер Бранхард. Я выдам вам ордер на конфискацию Пушистиков и ордер на обыск, который тоже может понадобиться. Я думаю, Сиротский Суд не откажется назначить мистера Хеллоуэя законным опекуном этих предположительно разумных существ. Как их имена? Да, они есть в этой расписке, — он приятно улыбнулся. — Видите, мистер О'Брайен, мы спасаем вас от больших неприятностей.

О'Брайен, не будучи слишком умным, продолжал протестовать.

— Но есть и другое дело об убийстве, в котором я выступаю в качестве обвинителя, — начал он.

Пэндервис перестал улыбаться.

— Мистер О'Брайен, я сомневаюсь, чтобы вы когда-либо вели здесь чье-либо обвинение. Я освобождаю вас от всех обязанностей в связи с разбирательством дела Келлога и Хел-

лоуэя, и если я услышу ваши рассуждения об этом, я выпишу ордер на ваш арест. Причину ареста долго искать не придется. Это обвинение в должностном преступлении.

10

Начальник Колониальной Полиции Макс Фрейн был таким же грузным, как и Гус Бранхард, только значительно ниже ростом. Зажатый между двумя массивными телами на заднем сиденье кара Начальника Полиции, Джек Хеллоуэй созерцал спины двух представителей суда, сидевших впереди, и чувствовал, как по его лицу расплывается счастливая улыбка. Он летит, чтобы вернуть своих друзей. Маленького Пушистика и Ко-Ко, Майка и Майзи, Мамочку и Золушку. Он перечислял их и представлял, как они будут уикать, бегая вокруг него, счастливые, что вернулись к папочке Джеку.

Кар совершил посадку на верхней площадке Научного Центра Компании. К ним сразу же подбежал полисмен. Гус открыл дверцу и вылез, за ним последовал Джек.

— Здесь нельзя садиться! — крикнул полисмен. — Это стоянка для служебных машин Компании!

Макс Фрейн, возникший позади них, шагнул вперед. Два представителя суда тоже выбрались из машины.

— Какого черта вам надо? — сказал Фрейн. — С этим ордером я совершу посадку где угодно. Уберите его, мальчики, мы не нуждаемся в провожатом.

Полицейский Компании запротестовал, но затем утих и замер между представителями суда. Кажется, до него начало доходить, что Суд Федерации — нечто большее, чем Хартия Компании Заратуштры. А может, он решил, что началась революция.

Контора Леонарда Келлога — теперь Эрнста Мейлина — находилась на первом этаже небоскреба, если считать от стоянки на крыше. Они сошли с эскалатора в холл, заполненный перешептывающимися служащими. Те сразу же замолчали, едва лишь заметили вошедших. Три или четыре девушки выскочили из конторы. Одна из них ткнулась в живот Начальника Полиции Фрейна, другая, выбегая из холла, сшибла с ног одного из представителей суда. Сама контора была пустой. Фрейн взялся за ручку следующей двери и толкнул ее.

Секретарша Келлога — теперь Мейлина — казалось, вошла за секунду до них; она стояла перед столом и что-то бессвязно шептала. Мейлин, начавший подниматься со своего

стула, замер, перегнувшись через стол. Юан Джименз, стоящий посреди комнаты, первым заметил их; он дико оглянулся, словно отыскивая путь к бегству.

Фрейн прошел мимо секретарши и подошел к столу. Он показал Мейлину свой значок и передал бумаги. Мейлин внимательно посмотрел на него.

— Но мы держим этих Пушистиков по поручению мистера О'Брайена, — сказал он. — Мы не можем вернуть их без его санкции.

— Это, — мягко произнес Макс Фрейн, — ордер, выданный Главным Судьей Пэндервисом. Что же касается мистера О'Брайена, то я сомневаюсь, что он сможет еще когда-нибудь помочь вам. Я подозреваю, что в настоящее время он находится в тюрьме. ТАМ, — рявкнул он, наклонившись вперед, насколько позволяла его талия, — КУДА Я ЗАПИХНУ ВАС, ЕСЛИ ВЫ НЕМЕДЛЕННО НЕ ДОСТАВИТЕ СЮДА ПУШИСТИКОВ!

Если бы Фрейн внезапно превратился в чертова зверя, это не потрясло бы Мейлина больше, чем только что происшедшее. Он непроизвольно съехал под взглядом Начальника Полиции. Этот взгляд доконал его.

— Но я не могу, — попытался оправдаться он. — Мы точно не знаем, где они находятся в данное время.

— Вы не знаете? — голос Фрейна упал до шепота. — Вы признаете, что держите их здесь, но вы... не знаете... где. НАЧНИТЕ ВСЕ СНАЧАЛА; ПРИКАЖИТЕ ВЕРНУТЬ ИХ!

В это мгновение ожил экран связи. На нем появилась Рут Ортерис, одетая в светло-голубой костюм, сшитый в строгом стиле.

— Доктор Мейлин, что здесь происходит? — спросила она. Пока я ходила завтракать, кто-то разгромил мою контору. Вы еще не нашли Пушистиков?

— Что такое? — воскликнул Джек. Мейлин смотрел на экран и словно кричал: «Рут! Замолчите! Отключайтесь и исчезайте из поля зрения!»

С удивительной скоростью для человека его комплекции Фрейн подлетел к экрану и выставил свой значок.

— Я Начальник Колониальной Полиции Фрейн. Девушка, я хочу, чтобы вы немедленно пришли сюда. Не заставляйте меня посылать за вами; я не люблю этого, да и вам неприятности.

— Сейчас приду, — она отключилась.

Фрейн повернулся к Мейлину.

— Так. — Он больше не играл голосом, в этом больше не

было надобности. — Вы будете говорить правду, или нужно применить детектор лжи? Где Пушистики?

— Но я не знаю! — защищался Мейлин. — Юан, расскажите ему; вся ответственность за них лежит на вас. Я даже не видел их здесь.

Джек с трудом справился с охватившим его волнением и медленно проговорил:

— Если с Пушистками что-нибудь случится, вы оба, прежде чем я покончу с вами, позавидуете Курту Борчу.

— Прекрасно, что вы на это скажете? — спросил Фрейн Джименза. — Начните с того момента, когда вы с О'Брайеном прошлой ночью забрали Пушистиков из Центрального Здания Суда.

— Ладно. Мы доставили их сюда. Я получил сделанные для них клетки и...

Вошла Рут Ортерис. Она не смотрела на Джека, но и не прятала от него взгляда. Она сдержанно кивнула, словно они недавно расстались, и села.

— Что случилось, Начальник Полиции? — спросила она. — Почему вы пришли сюда с этими джентльменами?

— У них ордер на возвращение Пушистиков мистеру Хеллоуэю, — дрожа, проговорил Мейлин, — а мы не знаем, где они.

— НЕТ! — на мгновение лицо Рут превратилось в маску страха. — Нет, когда... — она замолчала и задумалась.

— Я пришел около семи часов, — сказал Джименз, — чтобы дать им пищу и воду, но их уже не было в клетках. Сетка на одной из клеток была разрезана, и Пушистик, находившийся в ней, вышел и освободил остальных. Пройдя через мой кабинет — по пути они устроили настоящий кавардак — они вышли в холл, а где они находятся теперь, мы не знаем. Я даже представить себе не могу, как они ухитрились все это проделать.

Тот, кто строил эти клетки, вероятно, совсем не пользовался своими мозгами. С тех пор как Келлог и Мейлин появились в лагере Джека, Мейлин, должно быть постоянно убеждал себя в том, что это просто маленькие глупые животные. Вероятно, он преуспел в этом и действовал прошлой ночью в соответствии со своими убеждениями.

— Мы хотим посмотреть клетки, — сказал Джек.

— Эй, — Фрейн подошел к открытой двери. — Мануэль!

Вошел представитель суда, пропустив перед собой полицейского Компании.

— Вы слышали, что произошло? — спросил Фрейн.

— Пушистики сломали свою клетку. Но разве они смогут выбраться отсюда, ведь все выходы перекрыты?

— Боже, у нас мало людей для розыска. Идемте.

— Возьмите с собой Хамми, он знает внутреннее расположение лучше, чем мы. Пит, нам надо не менее шести человек. Попросите Чанга, если у него есть свободные люди, пусть пришлет сюда полицейских.

— Подождите минутку, — сказал Джек. Он повернулся к Рут: — Что вы знаете обо всем этом?

— Немного. Я была здесь с доктором Мейлином, когда мистер Грег — а с ним и мистер О'Брайен — вызвал нас и предупредил, что до начала судебного разбирательства Пушистики будут находиться здесь. До их привоза мы оборудовали помещение, а Юан получил клетки. Это все, что было до девяти тридцати. Когда я утром пришла сюда и обнаружила, что Пушистики сбежали, я поняла, что из здания они выбраться не могли, поэтому я пошла в лабораторию и стала готовить оборудование для работы с Пушистиками. Около десяти часов я поняла, что аппаратура окончательно вышла из строя, и, погрузив ее на тележку, я вместе с ассистентом отвезла ее в инструментальную мастерскую Генри Стенсона. Оставив аппаратуру, я сходила позавтракать и вернулась сюда.

Как бы на это отреагировал детектор лжи, подумал Джек. Пожалуй, эту мысль стоит подсказать Максу Фрейну.

— Я останусь здесь, — сказал Гус Бранхард, — может, сумею добиться от этих людей еще чего-нибудь.

— Почему вы не связались с отелем и не рассказали о том, что произошло, Гус? — спросил Джек. — Герд работал здесь. Вероятно, он мог бы помочь в поисках.

— Хорошая идея. Пит, передайте нашим, чтобы по дороге они заскочили в «Мэллори» и захватили его с собой. — Фрейн повернулся к Джимензу: — Идем. Покажите, где вы держали Пушистиков и как они выбрались.

* * *

— Так вы говорите, что один из них выбрался из клетки и освободил остальных, — сказал Джек Джимензу, как только они встали на эскалатор. — Вы знаете, кто это был?

Джименз покачал головой.

— Мы не успели подписать клетки.

Это мог быть Маленький Пушистик; он всегда был мозговым центром семейства. Под его руководством у них был шанс

спастись. Беда была только в том, что это место было полно опасностей для Пушистиков. Они совершенно ничего не знали о радиации, ядах, электропроводах и других подобных вещах. Конечно, если они на самом деле бежали. Эта мысль начала тревожить Джека.

Проезжая вниз, он в холлах каждого этажа видел служащих Компании, которые держали сети, покрывала и другое снаряжение для ловли. Когда они сошли с эскалатора, Джименз провел их в большую комнату со стеклянными витринами, заставленными чучелами и скелетами млекопитающих Заратуштры. Люди, находящиеся там, заглядывали во все щели, а некоторые даже осматривали витрины. Джек начал думать, что побег был подлинным, а не подстроенным для того, чтобы скрыть убийство Пушистиков.

Джименз провел их к открытой двери в конце помещения. В следующей комнате ночной светильник отбрасывал бело-голубые блики. Возле двери стоял вращающийся стул. Джименз показал на него.

— Взобравшись на стул, они могли дотянуться до задвижки и открыть дверь, — сказал он.

Защелка была такой же, как и двери в хижине лагеря, только вместо шишечки здесь была обыкновенная ручка. Наблюдая за выходящими, Пушистики могли понять, как она работает. Фрейн потрогал задвижку.

— Не очень туго, — сказал он. — У ваших маленьких приятелей хватит силы, чтобы открыть ее?

Джек попробовал задвижку и кивнул:

— Конечно. К тому же они достаточно умны, чтобы сделать это. Даже Малыш, единственный оставшийся в лагере, был в состоянии понять, как она открывается.

— Но посмотрите, что они сделали с моим кабинетом, — сказал Джименз, поворачивая светильник.

Они устроили там полный беспорядок. Они ничего не взяли, а просто разбросали вещи. Со стола все было сметено на пол, рядом с кучей мусора валялась пустая корзина для бумаг. Увидев все это, Джек улыбнулся. Все верно, побег был настоящим.

— Вероятно, они искали оружие и в процессе поиска устроили этот кавардак. Вероятно, им также не чужда некоторая мстительность. Юан, мне кажется, они не очень-то любят вас.

— Не вините их, — сказал Фрейн. — Лучше посмотрите на клетки.

Клетки находились в помещении, которое было архивом, кладовой и свалкой и располагалось позади кабинета Джименза.

менза. Там тоже был замок с защелкой, и Пушистики, подтащив одну из клеток и забравшись на нее, открыли дверь. Сами клетки были около трех футов шириной и пяти длиной. Деревянный каркас крепился к фанерному дну и был обтянут четвертьдюймовой сеткой. Крышки клеток были на петлях. Вместо замков через скобы были просунуты обыкновенные болты с гайками. На пяти клетках гайки были скручены и болты сняты, а шестая была изломана изнутри. В одном углу сеть была срезана с рамы и отогнута, образовав треугольное отверстие, достаточно большое для того, чтобы в него мог пролезть Пушистик.

— Я не могу понять только одного, — сказал Джименз, — почему проволока выглядит так, словно ее разрезали.

— Она и разрезана. Начальник Полиции, на вашем месте я бы снял ремень и выпорол вашего представителя. Он забыл обыскать арестованных. Один из Пушистиков спрятал от него свой инструмент, — он вспомнил, как Маленький Пушистик и Ко-Ко в безрассудной попытке спрятаться пытались зарыться в свои постели, а затем рассказал о маленьких лезвиях, выкованных из стальной пружины. — Я думаю, когда его засовывали в мешок, он держал нож в руках, а чтобы его не было видно, он свернулся в клубок.

— К тому же выждал нужный момент и не пустил его в ход прежде, чем удостоверился, что не будет пойман, — добавил Начальник Полиции. — Эта проволока довольно мягкая, и ее без труда можно разрезать. — Он повернулся к Джимензу: — Ваше счастье, что я не могу выполнять обязанности присяжного. Почему вы не бросили все это дело и помешали Келлогу признать себя виновным?

* * *

Герд ван Рибик остановился в дверном проеме и заглянул в кабинет Леонарда Келлога. В последний раз он был здесь, когда Келлог вызвал его для обсуждения вопроса о сухопутных кроватках. Теперь, стараясь выглядеть незаинтересованным, в кресле Келлога сидел Мейлин. Напротив него развалился Гус Бранхард. Он курил сигару и смотрел на Мейлина так, словно перед ним была дохлая свинья, и он решал вопрос, стрелять в нее еще раз или не надо. Одетый в мундир представитель суда вопросительно повернулся, а затем снова вернулся к изучению тщательно выполненной диаграммы, показывающей соотношение млекопитающих Заратуштры. Для себя он снимал копию. Рут Ортерис сидела в стороне от стола и ку-

рила. Она посмотрела вверх, но, заметив, что Герд смотрит на нее как на пустое место, снова опустила глаза.

— Вы не нашли их? — спросил он Бранхарда.

Заросший волосами адвокат покачал головой.

— Джек со своей группой осматривает подвал. Макс в лабораториях психологов приводит в нужное состояние полицейских Компании, которые дежурили прошлой ночью. Они говорят, и детектор лжи подтверждает это, что Пушистики не могли выбраться из здания.

— Они не знают, что возможно для Пушистиков, а что — нет.

— То же самое я ему говорил, — он указал на Мейлина, — но он не ответил мне ничего вразумительного. Он поражен тем, что они сумели выбраться из клеток.

Рут сказала:

— Герд, мы не обижали их. У нас даже в мыслях не было повредить им. Мы поместили их в клетках только потому, что у нас не было для них подходящего помещения, но мы хотели оборудовать специальную комнату, где они могли бы играть вместе... — заметив, что Герд ее не слушает, она замолчала, придавила сигарету в пепельнице и поднялась. — Доктор Мейлин, раз у этих людей нет ко мне больше никаких вопросов, я пойду немного поработаю.

— Герд, у вас нет к ней вопросов? — спросил Бранхард.

Однажды он хотел спросить ее кое о чем очень важном, но теперь он был доволен, что так и не собрался сделать этого. Черт, как будто Компания является ее мужем. К тому же, если бы она вышла за него замуж, это было бы двоеженством.

— Нет. Я вообще не хочу говорить с ней.

Она пошла к двери, но остановилась.

— Герд, я... — начала она, но затем замолчала и вышла. Гус Бранхард посмотрел ей вслед и стряхнул пепел с сигары на пол кабинета Леонарда Келлога — теперь Эрнста Мейлина.

* * *

Герд ненавидел ее, и никто не мог заставить его уважать ее, если он этого не захочет. Она должна была предвидеть, что такое может случиться. Умная девушка никогда не ограничится одним мужчиной, она найдет четверых или пятерых на все случаи жизни и будет играть с ними, как кошка с мышами.

Ей нужно немедленно покинуть Научный Центр, но у нее

осталось еще одно дело. Она не рискнула идти в свою контору, потому что в лаборатории напротив Начальник Полиции Фрейн опрашивал людей, используя детектор лжи Научного Центра.

Да, но ведь она может воспользоваться экраном связи. Она вышла в дежурку нижнего холла. Дремавший вахтер сразу же узнал ее и забросал вопросами о Пушистиках. Она отмахнулась от него, подошла к экрану и набрала код. После недолгого ожидания на экране появился пожилой человек с бескровным лицом и тонкими губами. Когда он узнал ее, по его лицу пробежала тень досады.

— Мистер Стенсон, — начала она, прежде чем он успел сказать что-нибудь, — аппаратура, которую я сегодня отправила в вашу мастерскую — детекторы реакции — исправна, просто мы допустили ужасную ошибку. Если их начнут ремонтировать, их только испортят.

— Не понимаю, доктор Ортерис.

— Это была обыкновенная ошибка. Вы знаете, все зашли в тупик. Мистер Хеллоуэй, его адвокат и Начальник Полиции Фрейн прибыли сюда и предъявили ордер, подписанный Судьей Пэндервисом. Согласно этому ордеру, нам предписывается вернуть Пушистиков. И никто не может сказать, что нам теперь делать. А неисправность аппаратуры заключалась в ошибке оператора. Поэтому мы заберем ее обратно, вот и все.

— Понятно, доктор Ортерис, — сказал старый мастер на все руки. — Но я боюсь, что аппаратуру уже начали ремонтировать. Мистер Стефансон уже забрал ее, а я в настоящее время не могу связаться с ним. Что вы будете делать, если я не смогу исправить эту досадную ошибку?

— Я заберу ее. Я зайду сама или пошлю кого-нибудь.

Она выключила экран. Старый Джонсон, шеф отдела Синтеза Фактов, попытался задержать ее и задать ей несколько вопросов.

— Сожалею, мистер Джонсон, но у меня нет свободного времени. Я должна немедленно уйти из Дома Компании.

* * *

Когда Джек Хеллоуэй вернулся с Гердом ван Рибиком, номер люкс в отеле «Мэллори» был переполнен; слышался шум голосов и вентиляторов, старательно очищающих воздух от табачного дыма. В кучке на полу сидели Гус Бранхард, Бен Рейнсфорд и Пушистик Малыш.

— О, мистер Хеллоуэй! — крикнул кто-то из них. — Вы их уже нашли?

— Нет. Мы сверху донизу облазали весь Научный Центр. С того места, где стояли клетки, они спустились на несколько этажей, вот и все, что нам удалось узнать. Не думаю, чтобы они смогли выбраться наружу: единственный выход на уровне земли охраняется дежурными полицейскими Компании, а с остальных выходов на посадочные площадки просто невозможно спуститься на землю.

— Мистер Хеллоуэй, я не хотел этого говорить, — сказал Бен, — но вы не думали о возможности, что они спрятались в бункере для мусора и их вывалили в энергоконвертор?

— Мы думали об этом. Туда можно попасть только через одну дверь, а она была заперта. Со времени их доставки туда и до начала поисков от мусора не избавлялись, а теперь все, что отправляется в конвертор, тщательно проверяется.

— Хорошо, я рад слышать это, мистер Хеллоуэй, и надеюсь, что все, сказанное здесь, будет приносить радость. Вы остаетесь здесь?

— Да, я буду находиться и в Мэллори-Порте до тех пор, пока не обнаружу их или не получу подтверждения, что их нет в городе. В этом случае я предложу вознаграждение в две тысячи солей за каждого возвращенного мне Пушистика. Через некоторое время мне должны принести размноженные фотографии...

* * *

Виктор Грегo поднял кувшин с охлажденным коктейлем.

— Еще? — спросил он Лесли Кумбеса.

— Да, спасибо, — Кумбес держал свой стакан до тех пор, пока тот не наполнился. — Так вы говорите, Виктор, что все сделали так, как я советовал, но совет этот оказался плохим.

Даже из вежливости Грегo не мог не согласиться с этим. Он только надеялся, что это было не слишком плохо. Лесли не пытался свалить ответственность на других, хотя, если принять во внимание, как Хэм О'Брайен завершил это дело, он мог спокойно так сделать.

— Я заслуживаю наказания, — беспристрастно сказал Кумбес, словно осуждал ошибки, сделанные Гитлером или Наполеоном. — Во-первых, О'Брайен не должен был пользоваться заранее подписанным бланком, а во-вторых, кто мог предположить, что Пэндервис публично признается, что подписал пустые бланки. Ему здорово досталось от прессы.

Он не думал, что Бранхард или Хеллоуэй попытаются опротестовать ордер, он не ожидал, что они будут сопротивляться. Келлог тоже не ожидал, что Джек Хеллоуэй выводит его со своей земли. Курт Борч думал, что все, что он сделает с оружием, это вытащит его и помахает им перед носом Джека. А Джименз думал, что Пушистики будут спокойно сидеть в своих клетках.

— Хотел бы я знать, куда они подевались, — сказал Кумбес. — Перерыли все здания, но так и не смогли их обнаружить.

— У Рут Ортерис есть неплохая идея. Поэтому она и ушла из Научного Центра прежде, чем Фрейн смог задержать и допросить ее. Около десяти часов она с ассистентом вывезла на грузовике какую-то аппаратуру. Она считает, что Пушистики могли прицепиться и выехать с ними. Я понимаю, что это звучит довольно невероятно, но, черт побери, все, что предполагают другие, просто невозможно. Я доведу это дело до конца. Может, мы сумеем обнаружить их раньше Хеллоуэя. Но в Научном Центре их нет, это точно. — Его стакан опустел. Он подумал, не наполнить ли его снова, и, приняв решение, налил еще. — О'Брайена надо немедленно отстранить от дела, это возможно?

— Вполне. Пэндервис предоставил ему выбор — либо уйти в отставку, либо его обвинят в должностном преступлении.

— Они на самом деле могут обвинить его или просто пускают? Должностное преступление, возможно, но...

— Они могут обвинить его. А затем они могут воспользоваться детектором лжи. Они спросят его, какие дела он вел в конторе, и... вы знаете, что они могут узнать, — сказал Кумбес. — Конечно, он все еще Генеральный Прокурор Суда; Ник поддержал его. Но если О'Брайен расскажет о любовных связях в Резиденции, Нику не поздоровится.

Теперь о Бранхарде. Он выдвинул иск против Компании и в подтверждение доставил все копии фильмов о Пушистиках. Всемирные Новости набросились на это, словно голодная свинья на желуди, и даже контролируемые нами службы не могут отвлечь их внимание. Я не знаю, кто будет вести эти дела, но кто бы это ни был, он не должен наносить нам ударов. А пока все, что делает Пэндервис, крайне неприятно для нас. Я думаю, для него главное — закон и свидетельские показания, но и они искажаются этой враждебностью. На завтра он назначил встречу мне и Бранхарду. Надо придумать что-нибудь, что бы ему понравилось.

Два адвоката медленно поднялись перед вошедшим Главным Судьей. Он ответил на их приветствия, уселся за стол и, потянувшись к серебряной шкатулке для сигар, достал «панателлу». Густавус Адольфус Бранхард взял сигару, отложенную в сторону, и начал сосредоточенно дымить. Лесли Кумбес достал сигарету из своей пачки. Оба они неотрывно смотрели на судью, словно ожидая знака, когда можно будет пустить в ход топоры и рапиры.

— Ну, джентльмены, как известно, у нас на руках два дела об убийстве, и нет ничего для их ведения, — начал он.

— Почему два, Ваша Честь? — спросил Кумбес. — Совершенно легкомысленно обвинять обоих. Один человек убил дикое животное, а другой человека, который пытался убить его.

— Ну, Ваша Честь, я не думаю, чтобы мой клиент был виновен в чем-то по закону или по совести, — сказал Бранхард. — Я хочу, чтобы его оправдали в установленном порядке, — он посмотрел на Кумбеса. — Я думаю, мистер Кумбес тоже должен хотеть, чтобы и его клиента оправдали в суде, ведь он тоже обвиняется в убийстве.

— Я полностью согласен. Невинные люди, обвиняемые в преступлении, должны быть публично оправданы. Теперь так, сначала я хочу провести судебное разбирательство по делу Келлога, а затем Хеллоуэя. Вы удовлетворены этим решением?

— Совершенно нет, Ваша Честь, — быстро ответил Бранхард. — Вся защита Хеллоуэя основывается на том, что Борч был убит при попытке вступить за уголовного преступника. Мы готовы доказать это, но мы не хотим, чтобы наше разбирательство было предвзятым.

Кумбес улыбнулся.

— Мистер Бранхард хочет оправдать своего клиента и тем самым осудить моего. Мы не можем согласиться с такой постановкой вопроса.

— Да, я принимаю ваши возражения, но я устраню их. Мы объединим оба дела и проведем одно единственное судебное разбирательство.

На лице Гуса Бранхарда мгновенно появилась улыбка. Кумбесу же эта мысль совсем не понравилась.

— Ваша Честь, я полагаю, вы предложили это в шутку, — сказал он.

— Нет, мистер Кумбес.

— В таком случае, Ваша Честь, это будет самая неправильная — я не хочу заходить слишком далеко и говорить,

что это самая неприличная — процедура судебного разбирательства, о какой я когда-либо слышал. Это не дела соучастников, обвиняемых в одном преступлении, это дела двух человек, обвиняемых в разных преступных действиях, и осуждение одного из них будет почти автоматическим оправданием для другого. Я не знаю, кто заменит Мохаммеда О'Брайена, но в глубине сердца я жалею его. Да ведь пока прокурор будет разбивать дело на части, мы с мистером Бранхардом можем уйти и поиграть где-нибудь в покер.

— Хорошо, мистер Кумбес, у нас будет два прокурора. Я клянусь вам и мистеру Бранхарду, что у каждого дела будет свой прокурор. Вы будете обвинять клиента мистера Бранхарда, а он — вашего. Я думаю, это устранил дальнейшие возражения.

Лицо Бранхарда выражало одновременно и рассудительную серьезность, и безрассудство. Он почти мурлыкал, словно большой тигр, получивший лучший кусок козленка. Учетливость Лесли Кумбеса стала слегка нарушаться.

— Ваша Честь, это превосходное предложение, — заявил Бранхард. — Я с величайшим удовольствием буду вести обвинение клиента мистера Кумбеса.

— Все, что я могу сказать, Ваша Честь, это только то, что первое решение было самым неправильным из всего, что мне известно, но и последнее не украсит вашей репутации! — ответил Кумбес.

— Ну, мистер Кумбес, пользуйтесь законом и правом юриспруденции очень осторожно. Я просто не могу найти пункт, по которому можно было бы запретить проведение подобного процесса.

— Держу пари, вы не обнаружите подобного прецедента! Лесли Кумбес лучше любого другого мог знать, что угодно.

— На какую сумму пари, Лесли? — с лукавым блеском в глазах спросил Бранхард.

— Не давайте ему прикарманивать ваши денежки. В течение часа я нашел шестнадцать прецедентов в двенадцати различных планетных судах.

— Ну, что же, Ваша Честь, — сдался Кумбес, — я надеюсь, вы знаете, что делаете. Вы объединяете два дела в общий гражданский процесс.

Гус Бранхард улыбнулся.

— А что же это еще такое? — спросил он. — ДРУЗЬЯ МАЛЕНЬКОГО ПУШИСТИКА ПРОТИВ ПРИВИЛЕГИРОВАННОЙ КОМПАНИИ ЗАРАТУШТРЫ: я буду действовать как друг неспособных аборигенов, чтобы доказать их ра-

зумность, а мистер Кумбес в интересах Компании Заратуштры будет оспаривать это, чтобы сохранить права Компании. Все так и будет.

Со стороны Гуса это было невежливо. Лесли Кумбес лишь хотел завершить разговор, будучи уверенным в том, что правам Компании ничего не грозит.

* * *

Шел бесконечный поток слухов о Пушистиках, которых видели то здесь, то там, зачастую в разных районах города одновременно. Некоторые сообщения поступали от людей, пытавшихся сделать себе рекламу, другие — от потенциальных лжецов и ненормальных. Наибольшее количество сообщений являлось результатом непреднамеренных ошибок или богатого воображения. Были основания подозревать, что немалая толика этих слухов порождалась Компанией, чтобы запутать розыск. Но та заинтересованность, с которой шли поиски, подбадривала Джека. Кроме того, полиция Компании и департамент полиции Мэллори-Порта, контролируемый Компанией, тоже вели скрытный розыск.

Каждого, кто оказывался в его распоряжении, Макс Фрейн направлял на розыски. Это было не потому, что он испытывал враждебность к Компании, и не потому, что им руководил Главный Судья, просто Начальник Колониальной Полиции был за Пушистиков. Следовательно, к делу подключилась Колониальная Полиция, на которую администрация Ника Эммерта не имела никакого влияния. Полковник Ян Фергюсон, комендант, непосредственно назначенный Колониальной Службой Земли, связался с Максом и предложил свою помощь. Джордж Лант ежедневно звонил с континента Бета и интересовался развитием событий.

Жить в отеле «Мэллори» было дорого, и Джек продал несколько солнечных камней. Скупщики драгоценностей Компании были с ним почти невежливы, а сам он даже не старался быть вежливым. В банке к нему также отнеслись с прохладцей. С другой стороны, офицер Военно-Космических сил, сопровождавший рядовой и младший офицерский состав, спустившийся сюда с Ксеркса, встретив Джека, представился ему, пожал руку и пожелал скорейшего и благополучного исхода дела.

Однажды в одном из куполообразных деловых центров с ним поздоровался пожилой мужчина с седыми волосами, торчащими из-под черного берета.

— Мистер Хеллоуэй, я очень огорчился, узнав об исчезновении ваших маленьких друзей, — сказал он. — К сожалению, я ничем не могу помочь вам, но надеюсь, они благополучно вернутся.

— Спасибо, мистер Стенсон, — Джек пожал руку старому мастеру. — Если бы вы могли сделать мне карманный детектор лжи, я бы мог сразу проверить людей, утверждающих, что они видели Пушистиков, и это сэкономило бы мне массу времени.

— Да, я делал портативный детектор лжи для полицейских. Думаю, однако, что вам нужен прибор для выявления психопатов, но это пока невозможно для науки. Если вы все еще занимаетесь поиском солнечных камней, я могу предложить вам разработанный мной усовершенствованный микролучевой сканнер и...

Вместе со Стенсоном Джек вошел в его мастерскую, выпил чашку чая и посмотрел сканнер. Воспользовавшись экраном связи Стенсона, он вызвал Макса Фрейна. Еще шесть человек утверждали, что они видели Пушистиков.

В течение этой недели фильмы, снятые в лагере, показывались так часто, что интерес к ним пропал. Однако Малыш все еще пользовался популярностью, и через несколько дней Джек нанял девушку, чтобы разбирать свежую почту. Однажды, войдя в бар, Джек остолбенел, увидев Малыша на голове какой-то женщины, но, приглядевшись, понял, что это была только кукла в натуральную величину, привязанная эластичной лентой. За неделю шляпы-Пушистики заполнили весь город. Витрины магазинов были украшены куклами-Пушистиками, выполненными в натуральную величину.

Как-то после полудня, через две недели, к Джеку в отель прилетел Начальник Полиции Фрейн. Джек сел в его кар, и Фрейн сказал:

— Я думаю, пора прекращать поиски. Мы все превратились в глупцов и эксгибиционистов.

Джек кивнул.

— И та женщина, с которой мы разговаривали, оказалась глупой, как пробка.

— Да. За последние девять лет она признавалась в каждом преступлении на планете. И это доказывает, что мы бесполезно тратим время, выслушивая всех их.

— Макс, никто их не видел. Вы думаете, их уже нет в живых?

Полный человек встревоженно посмотрел на него.

— Джек, то, что их никто не видел, еще ничего не значит. Никто не видел даже их следов. Вокруг полно сухопутных креветок, но нет ни одного разбитого панциря. А шесть активных и мобильных Пушистиков должны что-то есть. Они должны были появляться на продуктовых рынках и в продовольственных магазинах, залезать в помещение и грабить. Но ничего этого нет. Полиция Компании прекратила их поиски.

— А я не прекращу. Они должны быть где-то рядом, — он пожал руку Фрейну и вылез из кара. — Вы очень любезны, Макс, и я хочу, чтобы вы знали, что я у вас в долгу.

Он проследил, как улетел кар, затем перевел взгляд на город. Сквозь зелень верхушек деревьев просматривались крыши и купола торговых и деловых центров, центров развлечений и отдыха, а над ними возвышались угловатые сигары небоскребов. Лишенный улиц, основанный на антигравитации город, подобный множеству городов на других планетах, новый город, который никогда не знал наземного уличного движения. Пушистики могут скрываться где-нибудь среди этих деревьев. А может, они все уже погибли, попав в какую-нибудь ловушку, созданную человеком. Он думал о разных смертельно опасных местах, куда они могли забрести. Машины, дремлющие и бесшумные, пока кто-нибудь не нажмет кнопку. Трубопроводы, которые могут быть заполнены без предупреждения водой, паром или ядовитым газом. Бедные маленькие Пушистики, они думают, что город так же безопасен, как и их родные леса, в которых нет ничего хуже гарпии и чертова зверя.

Когда он спустился в номер, Гуса Бранхарда там не было. Бен Рейнсфорд сидел перед экраном и изучал психологический тест, а Герд работал за столом, который притащили специально для него. Малыш сидел на полу и играл яркими игрушками, но едва вошел папочка Джек, он бросил игрушки и подбежал к нему, ожидая, когда его возьмут на руки.

— Звонил Джордж, — сказал Герд. — Они на своем посту тоже завели семейку Пушистиков.

— Да это просто замечательно! — Джек попытался произнести это с восторгом. — Сколько их у него?

— Пять. Три самца и две самки. Они называли их Живодер, Заморыш, Поедающий Капусту, Еслымага, Бордена и Бедовая Бабенка.

— Как только полицейским пришлось в голову давать подобные клички безобидным Пушистикам?

— Вы не хотите связаться с полицейским постом и посмотреть на них? — спросил Бен. — Малышу они очень понравились. Думаю, он будет не против снова поболтать с ними.

Джек дал уговорить себя и набрал кодовую комбинацию. Они были хорошими Пушистиками, но, конечно, не такими хорошими, как его собственные. По крайней мере, так ему показалось.

— Если ваше семейство не отыщется до судебного разбирательства, Гус может взять в суд наших, — сказал ему Лант. — У вас должно быть какое-то подтверждение ваших слов. Надеюсь, за две недели это семейство многому научится. Посмотрите, что они уже могут делать, а ведь мы их взяли только сегодня после полудня, они у нас здесь меньше суток.

Джек ответил, что к тому времени он надеется найти своих собственных Пушистиков, хотя и понимал, что говорит это без особой убежденности.

Затем вернулся Гус. Он был в восторге от предложения Ланта. Еще один, кто больше не надеялся увидеть в живых Пушистиков папочки Джека.

— Мне здесь больше нечего делать, — сказал Рейнсфорд. — До суда я, пожалуй, вернусь на континент Бета. Возможно, я чем-нибудь смогу помочь в обучении Пушистиков Джорджа Ланта. Будь я проклят, если из всей этой чепухи можно что-нибудь извлечь! — он указал в сторону информационного экрана. — Я не знаю и половины значений этих слов, — он выключил экран. — Но я начал понимать, что если Джименз просто неправ, то Рут Ортерис ошибается. Должно же быть у них хоть немного разума.

— Можно быть разумным и не знать этого, — сказал Гус. — Как в старой французской игре — все говорят, и не знают, что говорят прозой.

— Чем вы думаете заняться, Гус? — спросил Герд.

— Не знаю. Сегодня мне в голову пришла мысль — а что, если махнуть на все рукой и посмотреть, что из всего этого получится?

* * *

— Мне кажется, разница заключается в зоне сознания, — сказал Эрнст Мейлин. — Вы, конечно, знаете аксиому, гласящую, что только одна десятая нашей умственной деятельности приходится на уровень сознания. Теперь вообра-

зите себе гипотетическую расу, у которой умственный процесс полностью протекает на уровне сознания.

— Надеюсь, она так и останется гипотетической, — сказал с экрана Виктор Грег, который находился в своем загородном доме. — Они не будут признавать нас за разумных существ.

— По их определениям, мы и не можем быть разумными существами, — сказал Лесли Кумбес, появившийся рядом с Грег. — У них будет свой эквивалент правилу «речь и разжигание огня», основывающийся на способности, которую мы даже представить себе не можем.

Возможно, подумала Рут, они отнесли бы нас к существам, обладающим одной десятой разума. Нет, тогда шимпанзе нужно признать существом, обладающим одной сотой долей разума, а плоского червя — одной миллиардной долей.

— Подождите минутку, — сказала она. — Как я понимаю, вы хотите сказать, что неразумное существо думает, но только подсознательно?

— Правильно, Рут. Оказавшись лицом к лицу с какой-то совершенно новой ситуацией, неразумное существо будет думать, но подсознательно. А в хорошо известной ситуации срабатывает рефлекс или просто привычка...

— Знаете, — сказал Грег, — я думаю, нам удастся доказать, что обряд похорон, который так беспокоит всех нас, они проводят подсознательно, — он замолчал и закурил сигарету. Все выжидающе смотрели на него. — Пушистики, — продолжил он, — закапывают свои естественные отходы; они делают это, чтобы избежать неприятных ощущений — плохого запаха. Мертвое тело быстро разлагается и плохо пахнет; таким образом, они подсознательно уравнивают его с отходами и тоже закапывают. Все Пушистики носят оружие. Оружие Пушистиков — так же подсознательно — считается частью Пушистиков, следовательно, оно тоже должно быть похоронено.

Мейлин нахмурился. Идея, казалось, понравилась ему, но он просто не мог слишком быстро согласиться с обыкновенным смертным.

— Ну, что ж, мистер Грег, пожалуй, это достаточно безопасное объяснение, — признал он. — Ассоциация совершенно различных вещей, имеющих некоторое очевидное сходство, признается элементом поведения неразумных животных, — он снова нахмурился. — Это МОЖЕТ быть объяснением. Я подумаю над этим.

На другой день это станет его собственной мыслью, в кото-

рую Виктор Грегo внес некоторые дополнения. Пройдет некоторое время, все забудется, и это станет теорией Мейлина. Грегo, по-видимому, был с этим согласен, ибо отнесся к этому так, словно давал задание доработать чужую идею.

12

Бен Рейнсфорд вернулся на континент Бета, а Герд ван Рибик остался в Мэллори-Порте. Полицейские с Пятнадцатого поста сделали для своих Пушистиков стальные инструменты, и скоро сухопутные креветки почти не стали доставлять им неприятностей. Они также изготовили набор маленьких плотничьих инструментов, при помощи которых Пушистики из остатков упаковочных ящиков построили себе дом. Пара Пушистиков появилась и в лагере Бена Рейнсфорда. Он принял их и назвал Флорой и Фауной.

Теперь у всех были Пушистики, а у папочки Джека остался только Малыш. Джек лег на под гостиной и стал учить Малыша завязывать узлы на обрывке веревки. Гус Бранхард, проводивший большую часть дня в здании суда, где для него как для специального обвинителя был выделен кабинет, развалился в кресле, облачившись в красно-голубую пижаму, курил сигару и потягивал кофе — потребление виски было снижено до двух порций в день — просматривая тексты на двух информационных экранах одновременно и изредка что-то черкая в блокноте. Герд сидел за столом и в попытке извлечь что-либо из символической логики переводил почтовую бумагу. Внезапно он смял листок и с проклятием бросил его в угол. Бранхард отвернулся от экранов и посмотрел на него.

— Не получается, Герд?

Герд снова выругался.

— Черт побери, как я смогу доказать, что Пушистики могут обобщать? — спросил он. — Как я смогу доказать, что они создают абстрактные идеи? Да провалиться мне в преисподнюю, если я могу доказать, что сам думаю сознательно!

— Все работаете над этой идеей?

— Работал. Это казалось мне неплохой идеей, но...

— Может нам вернуться к особенностям поведения Пушистиков и преподнести их как доказательство разумности? — спросил Бранхард. — Похороны, например.

— Но они будут настаивать, чтобы мы установили определение разума.

В это время вспыхнул экран связи. Малыш с любопытством

взглянул вверх, а затем снова стал развязывать узел-восьмерку, который завязал Джек. Джек встал и подошел к экрану. Это был Макс Фрейн, и к тому же впервые за время их знакомства начальник полиции был возбужден.

— Джек, вы слышали последние новости?

— Нет. Кого-нибудь обнаружили?

— Боже, да! Все полицейские города охотятся на Пушистиков; они получили приказ стрелять без предупреждения. Ник Эммерт платит вознаграждение в пятьсот солей за каждого живого или мертвого Пушистика.

Джек улыбнулся, но когда до него дошел смысл происходящего, лицо его изменилось. Гус и Герд вскочили, и подбежав к экрану, встали позади него.

— Они жили в лагере скваттеров, находящемся на Восточной Стороне. Один из поселенцев подал иск, что Пушистики жестоко обошлись с его десятилетней дочерью, — сказал Фрейн. — Их доставили в полицейский центр, и там полицейские записали рассказ для Новостей Заратуштры и Всепланетных Известий. Конечно, эти полицейские находятся под контролем Компании. Компания изо всех сил старается раздуть это дело.

— Их допрашивали с детектором лжи? — спросил Бранхард.

— Нет. А городская полиция никого не подпускает к ним. Девочка говорит, что она играла возле дома, а Пушистики набросились на нее и стали избивать палками. У нее многочисленные синяки, перелом запястья и общее нервное потрясение.

— Я этому не верю! Они не могли напасть на ребенка!

— Я хочу поговорить с девочкой и ее отцом, — сказал Бранхард. — Я потребую, чтобы они сделали свое заявление под детектором лжи. Держу пари на что угодно, что это ложное обвинение. А время выбрали правильно: до суда осталась всего неделя.

— Может, Пушистики хотели поиграть с ней, а она испугалась и причинила боль одному из них. Десятилетний ребенок выглядит довольно большим по сравнению с Пушистиками, а если они решат, что находятся в опасности, они будут жестоко сражаться.

Они еще живые и в городе. Это первое. Но они находятся в большей опасности, чем это можно было бы себе представить, это второе. Фрейн спросил Бранхарда, как быстро он может собраться.

— Пять минут? Хорошо, я захвачу вас, — сказал он. — Готовьтесь.

Джек побежал в спальню, которую он делил с Бранхардом. Там он быстро сбросил мокасины и надел сапоги. Бранхард, натягивая брюки поверх пижамы, поинтересовался, куда он собирается

— С вами. Я найду их прежде, чем какой-нибудь бессовестный сын кугхры выстрелит в них.

— Вы останетесь здесь, — приказал Гус. — Останетесь у экрана связи, а видеоэкран переключите на новости. Но не раздевайтесь. Если мы обнаружим Пушистиков, вы должны быть готовым первым выйти отсюда. Сразу же, как только появится что-нибудь определенное, я вызову вас.

Герд переключил экран на канал новостей. Передавали Всепланетные Известия, открыто финансируемые Компанией и действующие от имени Компании. Рассказывали о жестоком нападении на невинного ребенка, и Джека беспокоило это напористое обвинение. В конце концов, благодаря кому убежали Пушистики? Но даже опытный семантик может охарактеризовать звуки, издаваемые Пушистиками, как угрожающие.

Девочка, Лолита Ларкин, около двадцати одного часа вышла из дома, чтобы поиграть на улице, но внезапно была окружена шестью вооруженными дубинками Пушистиками. Безо всякого повода они повалили ее на землю и жестоко избили. Услышав пронзительный крик, ее отец выбежал из дома и прогнал Пушистиков. Полиция доставила девочку и ее отца, Оскара Ларкина, в Центр, где и был записан их рассказ. Городская полиция и полиция Компании вместе с отрядами горожан прочесывают восточную часть города. Генеральный представитель Эммерт начал действовать немедленно. Он предложил вознаграждение по пятьсот солей за каждого...

— Ребенок лжет, — сказал Джек. — Детектор лжи подтвердит это. Эммерт или Гrego, а может оба вместе подкупили этих людей.

— О, это само собой разумеется, — тветил Герд. — Я знаю это место. Трущобы. Рут выполняла там какие-то работы для юношеского суда, — в его глазах отразилась боль. Он на мгновение замолчал, а затем продолжил, — вы можете нанять там любого за сто солей, особенно, когда его за что-то может привлечь полиция.

Он переключился на частоту Всемирных Новостей. Там передавали репортаж об охоте на Пушистиков. Аэрокар с ка-

мерой освещал сверху лачуги и корпуса трущоб. Между ними, словно всклокоченные щетки, извивались шеренги людей. Один раз кар вошел в зону действия пулемета, установленно-го на земле, но тут же отлетел в сторону.

— О! Я доволен, что меня нет в этой веселой компании! — воскликнул Герд. — Если они увидят что-то и решат, что это Пушистик, половина этой банды в десять секунд перестреляет друг друга.

— Надеюсь, что так оно и будет!

Всемирные Новости были за Пушистиков; комментатор с сарказмом относился ко всему происходящему. Вид ошестившейся винтовками шеренги сменился изображением Пушистиков, трогательно смотрящих вверх в ожидании завтрака.

— Вот они, — сказал комментатор, — эти ужасные монстры, от которых эти храбрые люди защищают нас.

Через некоторое время засверкали ружья и захлопали выстрелы. Комок подкатился к горлу Джека. Поднявшийся кар осветил место, по которому вели огонь охотники. Через некоторое время стрельба прекратилась и толпа собралась вокруг чего-то белого, распростертого на земле. Джек заставил себя посмотреть на это и облегченно вздохнул. Это был загот, одомашненное трехрогое животное.

— Охо-хо! Какой-то скваттер останется без молока, — засмеялся комментатор. — К тому же это уже не первый за сегодняшний вечер. Общественный Обвинитель — бывший Генеральный Прокурор — в результате этого получит несколько исков к администрации о возмещении ущерба.

— И плюс к ним еще один от Джека Хеллоуэя.

Загудел зуммер экрана связи. Герд включил его.

— Я говорил с судьей Пэндервисом, — едва проявившись на экране, отрапортовал Гус Бранхард. — Он запретил Эммерту выплачивать вознаграждение за Пушистиков. Исключение составляют только те, которые живыми и невредимыми будут доставлены к начальнику полиции Фрейну. Он также предупредил, что до тех пор, пока статус Пушистиков не будет установлен, каждый, кто убьет Пушистика, будет обвинен в убийстве разумного существа.

— Это прекрасно, Гус! Вы видели девочку и ее отца?

Бранхард раздраженно зарычал.

— Девочка находится в больнице Компании. Ее положили в отдельную палату, и доктор никому не разрешает навещать ее. Отец, кажется, находится в резиденции Эммерта. К тому же я не нашел ни двоих полицейских, доста-

вивших их сюда, ни сержанта, который записал жалобу, ни дежурившего здесь лейтенанта. Все удрали. Пара человек Макса пытается найти в трущобах людей, которые вызвали полицейских на место происшествия. Может, из этого что-нибудь получится.

Несколько минут спустя объявили заявление Главного Суда. Еще через несколько минут группы охотников начали распадаться. Городская полиция и полиция Компании немедленно отсеялись. Большинство штатских, надеющихся получить пятьсот солей за пойманного живого Пушистика, продолжали оставаться на своих местах. Несколько полицейских, вероятно, для контроля, прогуливались среди них. Минут через двадцать объявили, что Эммерт отказывается от выплаты вознаграждения. После этого прожектора, подвешенные в воздухе, были убраны и все разошлись.

Вскоре пришел Гус Бранхард. Едва прикрыв за собой дверь, он начал раздеваться. Сняв куртку и галстук, он плюхнулся в кресло, наполнил стакан виски с содовой и одним глотком опорожнил его, а затем начал стаскивать сапоги.

— Если бы у этого напитка была младшая сестра, я и ее тоже не отказался бы выпить, — пробормотал Герд. — Что случилось, Гус?

Бранхард выругался.

— Все это фальсификация, чтоб им вариться в аду на медленном огне, — он поднял окурок сигары, который забыл, уходя из гостиницы, и снова зажег его. — Мы нашли женщину, вызвавшую полицию. Соседка. Она говорит, что видела, как пьяный Ларкин вернулся домой, а немного погодя услышала крики девочки. Он всегда бил ее, когда возвращался, а это случалось по меньшей мере пять раз в неделю. Вот она и решила вызвать полицию, чтобы прекратить эти издевательства. Она говорит, что никогда не видела ничего, что было бы даже отдаленно похоже на Пушистиков.

Волнения прошедшей ночи принесли новую серию сообщений о Пушистиках. Джек пришел в кабинет начальника полиции, чтобы опросить людей. Первая дюжина относилась к знакомой уже категории заявлений. Затем он разговаривал с молодым человеком, заявление которого было несколько иного рода.

— Я видел их так же ясно, как вижу вас, не далее чем в пятнадцати футах, — сказал он. — У меня был автокарабин, и я шел на них, но, черт побери, я не мог выстрелить! Они словно маленькие люди, мистер Хеллоуэй, и они были так напуганы и беспомощны... Я выстрелил в воздух и позволил им

исчезнуть прежде, чем их мог заметить кто-нибудь другой, кто не захотел бы стрелять мимо.

— Спасибо, сынок. Дай я пожму твою руку. Ты ведь отказался от своих денег таким образом. Сколько же было Пушистиков?

— Я видел четырех. Я слышал, что их должно быть шесть, но два других могли держаться в стороне, и я не заметил их.

Он отметил на карте это место. Было еще три человека, которые могли действительно видеть Пушистиков. Никто не мог сказать, сколько их было, но все они были точны относительно места и времени. Отметив все это на карте, Джек понял, что Пушистики двигаются на северо-запад, придерживаясь окраины города.

Все еще ругаясь, но уже полушутливо Бранхард пришел на обед в отель.

— Они откопали Хэма О'Брайена и поручили ему постоянно беспокоить нас, — сказал он. — Лесли Кумбес работает над материалом для суда, он оформил на нас множество штатных исков, жалоб и тому подобного. Он даже пытался заставить администратора выселить отсюда Малыша, но я пригрозил обвинением в расовой дискриминации, и это остановило его. Знаете, я от имени Пушистиков написал иск на семь миллионов солсй против Компании — миллион за каждого Пушистика и миллион за их адвоката.

— Сегодня вечером, — сказал Джек, — я с двумя представителями Макса улечу на каре. Мы возьмем с собой Малыша и мегафон, — он развернул карту города. — Они, кажется, двигаются вот этой дорогой. К вечеру они должны быть где-то здесь. Надеюсь, Малыш сумеет привлечь их вниманис.

Они продолжали этот свособразный поиск до сумерек, но так ничего и не обнаружили. Малыш замечательно провел время с мегафоном. Когда он уикал в микрофон, снаружи раздавался пронзительный, закладывающий уши звук. Как только он открывал рот, три человека, находившиеся в каре, вздрагивали. Кроме того, этот звук раздражающе действовал на окрестных собак; на протяжении всего полета доносился собачий лай и завывание.

На следующий день поступило несколько рапортов о мелких кражах. Исчезло шерстяное одеяло, сушившиеся на дереве за домом. С кушетки на веранде пропали две подушки. Взбешенная мать доложила, что обнаружила своего шестилетнего сына, играющим с каким-то Пушистиком; когда

она бросилась спасать свое чадо, Пушистик поспешно убежал, а ребенок расплакался. Джек и Герд бросились туда. Путанный и приукрашенный воображением рассказ ребенка был точен только в одном: Пушистики были добры с ним и не обижали его.

Когда они вернулись в отель, Гус Бранхард, торжествующий и веселящийся, был уже там.

— Главный Судья поручил мне на суде выполнять функции специального обвинителя, — сказал он. — Я проведу следствие с целью выяснить причины, повлекшие за собой события прошедшего вечера и ночи. В моей власти задержать слушание дела, вызвать в суд нужных свидетелей и допросить их под детектором лжи. Макс Фрейн получил распоряжение помогать мне. Работа идет к завершению. Завтра мы подключим к этому шефа полиции Дюмона. Может, нам удастся собрать сведения о Нике Эммерте и Викторе Грегго, — он громкоподобно рассмеялся. — Думаю, это доставит некоторое беспокойство Лесли Кумбесу.

* * *

Герд снизил кар и сделал круг над прямоугольной ямой. Она имела пятнадцать футов в длину и двенадцать в глубину. Рядом с ней валялись лопаты, а чуть в стороне стояли две мусорные шаланды. Как только кар совершил посадку, навстречу ему поднялись пять или шесть человек в рабочих комбинезонах и сапогах.

— Доброе утро, мистер Хеллоуэй, — сказал один из них. Это сразу за холмом. Мы ничего там не трогали.

— Пожалуйста, расскажите еще раз, что вы видели. Мой партнер не слышал этого.

Мастер повернулся к Герду.

— Около часа назад мы произвели два взрыва. Один из людей, укрывшихся за краем холма, увидел, как Пушистики выбежали из-под выступа скалы и побежали по этой впадине, — он указал рукой. — Он позвал меня, и, спустившись, я нашел место, где они разбили лагерь. Здесь твердые породы, и поэтому мы используем довольно мощные заряды. Ударная волна испугала Пушистиков, вот они и убежали.

По высокой траве с рассеянными пятнами цветов они подошли к краю холма, миновав серые обнажения пород известняка в форме миниатюрных скал. Под нависающим выступом они обнаружили две диванные подушки, красно-серое шер-

стяное одеяло и остатки одежды, которые выглядели так, словно их использовали в качестве половых тряпок. Там также были сломанная ложка, старый ржавый нож и некоторые другие металлические предметы.

— Ну, ладно. Я поговорю с людьми, лишившимися одеяла и подушек. Вероятно, Пушистики разбили здесь лагерь прошлой ночью, когда ваша группа уже закончила работу, а сегодня взрывы потревожили их. Вы говорили, что они уходили этой дорогой? — спросил он, указав на ручей, текущий с горы на север.

Ручей был глубокий и быстрый, поэтому Пушистики не могли перейти его вброд. Вероятно, они вернулись к подножию холма. Он записал имена рабочих и поблагодарил их. Если он сам найдет Пушистиков, то на основании полученной информации сможет решить, какое вознаграждение выплатить каждому.

— Герд, если бы вы были Пушистиком, куда бы вы побежали? — спросил он.

Герд взглянул на несшийся к подножию холма поток.

— Выше по течению стоит несколько домов, — сказал он. — Я бы искал их там. Поднявшись по этой ложнине, они могут прятаться среди скал, где их не достанут чертовы звери. Конечно, так близко к городу чертовы звери не подходят, но ведь Пушистики этого не знают.

— Нам надо не менее пяти каров. Я вызову дежурного офицера и посмотрю, чем он сможет мне помочь. К сожалению, Макс очень занят. Он по уши влез в следствие, начатое Гусом.

* * *

Пит Дюмон, шэф полиции Мэллори-Порта, мог быть хорошим полицейским, но за время, что его знал Бранхард, он стал только тем, чем он был сейчас — пустой скорлупой несносного высокомерия. Пытаясь выразить на лице волю, он становился еще более неприятным. Он сидел в кресле, похожем на старый электрический стул или средневековый станок для пыток. На его голове был яркий шлем, а к различным частям тела были прикреплены электроды. Позади него находился большой экран, переливающийся различными цветами, от темно-синего и фиолетового до розовато-лиловых оттенков. Но это происходило от нервного напряжения и гнева человека, подвергшегося унижительному допросу с помощью детектора лжи. Когда он говорил правду, экран

светился спокойным зеленовато-голубым светом. Когда он начинал лгать и намеренно искажать факты, экран становился ярко-красным.

— Вы сами знали, что Пушистики не причинили никакого вреда этой девочке? — спросил Бранхард.

— Мне ничего не было известно, — возразил шеф полиции. — Я знаю только то, о чем мне доложили.

Экран стал ярко-красным, и цвет этот постепенно перешел в пурпурный.

— Кто доложил вам об этом?

— Лейтенант Воллер. Он дежурил в то время.

Детектор лжи согласился, что это была правда и ничего, кроме правды.

— Вы знали, что на самом деле Ларкин сам избил девочку, а Воллер уговорил их свалить все это на Пушистиков? — спросил Макс Фрейн. Но это был не вопрос, а утверждение.

— Я не знал ничего подобного! — завопил Дюмон. Экран вспыхнул красным. — Я знаю только то, что рассказали мне они. — Красный и синий цвета то и дело сменяли друг друга. Так происходило всегда, когда допрашиваемый пытался уйти от ответа. — Насколько мне известно, это сделали Пушистики.

— Нет, Пит, — терпеливо сказал ему Фрейн. — Вы довольно часто пользовались детектором лжи, подобно этому, и должны знать, что вам все равно не уйти от правды. Вы знали о подлости, совершенной Воллером. Вам лучше признаться, что Пушистики никогда не трогали эту девочку. Ведь до тех пор, пока Воллер в штабе не поговорил с Ларкиным и его дочерью, никто даже не упоминал о Пушистиках.

Цвет на экране вылился в небесную голубизну.

— Да, это так, — признал Дюмон. Он опустил глаза, и голос его стал глухим. — Я говорил Воллеру, что все так и будет, но он рассмеялся и сказал, чтобы я забыл об этом. — Экран отразил бушевавший в нем гнев. — Этот сын кугхры думает, что шеф полиции он, а не я. Одно мое слово, и от него не останется ничего.

— Теперь вы поумнели, Пит, — сказал Фрейн. — Давайте начнем все сначала...

* * *

Кар Джека, арендованный в отеле, вел полицейский капрал. Герд занял один из полицейских каров. Третий кар двигался между ними. Хотя расстояние и не позволяло им видеть друг друга, их рации были постоянно настроены на прием.

— Мистер Хеллоуэй, — это был полицейский, пилотирующий кар Герда. — Ваш партнер приказал опуститься и покинул кар. Теперь он связался со мной по портативной рации и сообщил, что обнаружил разбитый панцирь креветки.

— Дайте мне пеленг, — сказал капрал, поднимая машину повыше.

Через несколько секунд они заметили второй кар, парящий над узким ущельем по левому берегу ручья. Третий кар заходил с севера. Герд сидел на корточках и что-то рассматривал, когда они опустились возле него. Как только они выпрыгнули из кара, он поднял голову.

— Так и есть, Джек, — сказал он. — Квалифицированная работа Пушистиков.

Так оно и было. Они пользовались чем-то тупым и тяжелым: вместо того, чтобы быть просто отделенной от туловища, голова была разбита. Панцирь, однако, был расколот снизу в обычной манере, и все четыре нижние челюсти были разломаны и чисто обглоданы. И это было сделано совсем недавно.

Они послали кары вверх, и пока те кружились над их головами, Джек с Гердом стали подниматься по ущелью, крича:

— Маленький Пушистик! Маленький Пушистик!

Они обнаружили маленький след, а затем еще один в месте, где просочившаяся вода смочила землю. Герд что-то возбужденно заговорил в микрофон портативной рации, висевшей у него на груди.

— Один из вас продвинется на четверть мили вперед, а затем кругами вернется назад. Они где-то здесь. Я вижу их! Вижу! — донесся голос из динамика рации. — Они поднимаются по косягу среди камней, прямо перед вами!

— Следите за ними. Пусть кто-нибудь подберет нас. Попробуем перехватить их наверху.

Арсилованный кар быстро спустился, и капрал открыл перед ними дверцу. Он даже не ослабил антигравитационное поле. Как только они забрались в кабину и закрыли за собой дверцу, кар снова взмыл вверх. Едва лишь холм провалился вниз, как Джек увидел Пушистиков, поднимающихся по косягу среди камней. Их было только четверо, и одному из них все постоянно помогали. Джеку хотелось знать, что случилось с двумя другими Пушистиками и насколько серьезно ранен тот, которому требовалась помощь.

Кар совершил посадку на верхней площадке под весьма неудобным углом. Джек, Герд и пилот вывалились из кабины и соскользнули вниз по склону. Затем Джек заметил, что Пу-

шистик находится в пределах его досягаемости, и схватил его. Двое других пронесли мимо него по склону крутого холма. Он перехватил в руки Пушистика: тот хотел со злостью ударить его по лицу. Он повернул Пушистика и обезоружил его. Оружием оказался четвертьфунтовый молоток с круглым бойком. Джек положил его себе в задний карман и двумя руками поднял сопротивляющегося Пушистика.

— Вы ударили папочку Джека, — с упреком сказал он. — Вы больше не хотите знать папочку Джека? Бедные, испуганные маленькие существа!

Пушистик в его руке раздраженно уикнул. Джек присмотрелся повнимательнее. Он никогда раньше не видел этого Пушистика. Он не был похож ни на Маленького Пушистика, ни на забавного и напыщенного Ко-Ко, ни на озорного Майка. Это был чужой Пушистик.

— Да это и не удивительно: конечно, вы не знаете папочку Джека. Ведь вы же не были Пушистиком папочки Джека.

На верхней площадке полицейский капрал сидел на камне и держал под мышками двух Пушистиков. Когда они увидели, что их товарищ тоже превратился в пленника, они прекратили сопротивление и жалобно зауикали.

— Ваш друг преследует еще одного, — сказал капрал. — Вы уж лучше заберите этих двух: они вас знают, а меня — нет.

— Держите их крепче; они знают меня не больше чем вас.

Одной рукой он достал кусок Рациона-три из кармана пиджака и предложил его Пушистику. Тот удовлетворенно зауикал, схватил его и жадно проглотил. Вероятно, он уже пробовал его раньше. Затем Джек передал капралу другой кусок. Самец и самка, сидевшие у того на руках, тоже хорошо знали, что это такое. Снизу послышался голос Герда:

— Я поймал одного. Это самочка, только не знаю, Майзи это или Золушка. И, боже мой, посмотрите, что она несла!

Герд вошел в зону видимости остальных. Под одной его рукой бился четвертый Пушистик, а на изгибе другой пищал маленький черный котенок с белой мордочкой. Он выглядел тоже ошеломленным случившимся и с досадой и смутным любопытством следил за происходящим.

— Это не наши Пушистики, Герд. Я никогда раньше не видел их.

— Вы в этом уверены?

— Конечно, уверен! — негодуя воскликнул Джек. — Вы думаете, я не узнаю своих Пушистиков? Вы думаете, они не узнают меня?

— А откуда взялась кошка? — поинтересовался капрал.

— Бог знает. Они могли подобрать ее где-нибудь. Она не-
сла ее на руках, словно ребенка.

— Они знают, что такое Рацион-три, значит, они жили у
кого-нибудь из людей. Держу пари, этот человек потерял их
так же, как я своих. Возвращаемся в отель.

Где же его собственные Пушистики? Он может больше ни-
когда не увидеть их. Эта мысль пронзила его, когда они с Гер-
дом снова заняли свои места в каре. С тех пор, как его Пуши-
стики выбрались из своих клеток в Научном центре, никто не
видел даже их следов. Эта четверка появилась в ночь, когда
городская полиция сфальсифицировала нападение на девочку
Ларкина. С того времени, когда их заметил молодой человек,
который не смог выстрелить в них, они постоянно оставляли
следы, по которым их легко было бы обнаружить. Почему же
его Пушистики за три недели, что они были на свободе, не
привлекли ничьего внимания?

Потому что его Пушистиков больше не было в живых. Они
так и не выбрались из Научного центра. Кто-то, кого Макс
Фрейн не сумел допросить под детектором лжи, убил их.
Джек даже не пытался переубедить себя.

— Мы остановимся в их лагере и заберем одеяло, подуш-
ки и остальные вещи. Людям, которые лишились этих вещей,
я выплачу их стоимость, — сказал он. — Пушистики не дол-
жны потерять свое имущество.

13

Администрация гостиницы «Мэллори» переменяла свое
отношение к Пушистикам. А может, просто подействовала уг-
роза Гуса Бранхарда привлечь их к ответственности за расо-
вую дискриминацию, если Пушистиков признают разумной
расой, или решила, что привилегированная Компания Зара-
туштры не так всемогуща, как они полагали. Так или иначе,
но большое помещение, обычно используемое для проведения
банкетов, было предоставлено Пушистикам, привезенным
Джорджем Лантом на судебное разбирательство. Четыре
новых Пушистика с их черно-белым котенком были устрое-
ны там же. В комнате было множество различных игрушек
и большой обзорный экран. Вновь прибывшая четверка не-
медленно подбежала и включила его. Они смотрели, как
вверх и вниз ходит погрузочное судно муниципального кос-
мического порта, и восхищенно уикали. Только котенку это
быстро надоело.

С некоторыми опасениями Джек принес Малыша и пред-

ставил им. Они были в восторге от Малыша, а Малыш решил, что котенок — это самая прекрасная вещь, какую он когда-либо видел. Когда пришло время кормить Пушистиков, Джек принес свой обед и поел вместе с ними. Немного позднее к ним присоединились Гус и Герд.

— Мы забрали дочку Ларкина вместе с ее отцом, — сказал Гус. А затем фальцетом добавил: — Отец избил ее, а полицейские велели сказать, что это были Пушистики.

— Она так и сказала?

— Под детектором лжи, перед дюжиной свидетелей и экраном, голубым как сапфир. Всемирные Новости объявят это сегодня вечером. Ее отец тоже признался, он назвал Воллера и сержанта. Мы еще увидим их. Я не успокоюсь до тех пор, пока не подберусь поближе к Эммерту или Грегю.

Дело движется неплохо, думал Бранхард, но можно было и лучше. Четыре Пушистика ниоткуда попали прямо в середину группы охотников Ника Эммерта. Их где-то держали до поры до времени — ведь им известен Рацион-три, и они умеют пользоваться видеозэкраном. К тому же, их появление слишком совпадает по времени со всем происходящим, чтобы быть случайностью. Все это пахло ловушкой.

Но все же в этом было и кое-что хорошее. Судья Пэндервис в связи с широким общественным интересом к делу и чтобы избежать влияния Компании Заратуштры на его развитие, решил поручить это беспристрастное судебное разбирательство трем судьям. Одним из них он записал себя. Даже Лесли Кумбес согласился с этим.

Гус рассказал Джеку об этом решении. Джек внимательно выслушал его, а затем сказал:

— Знаете, Гус, я доволен, что разрешил Маленькому Пушистику курить мою трубку, когда он захотел этого.

Он чувствовал, что не может быть беззаботным, если дело будут разбирать сразу три судьи.

Бен Рейнсфорд со своими двумя Пушистиками, а также Джордж Лант, Ахмед Кхадра и другие свидетели со своими семьями Пушистиков прибыли в субботу утром. Пушистики были расквартированы в банкетном зале и быстро подружились с находившейся там четверкой и Малышом. И хотя каждая семья ложилась спать отдельно, если они вместе, вместе играли игрушками и тесной группой зачарованно следили за происходящим на видеозэкране. Правда, сперва пойманная Джеком четверка проявляла ревность, если их котенку уделялось слишком много внимания, но затем, решив, что никто не пытается украсть его, успокоилась.



Это могло быть забавным — одиннадцать Пушистиков, Малыш и черно-белый котенок — если бы перед глазами Джека все время не стояло его собственное семейство — шесть маленьких призраков, которые наблюдают, но не могут присоединиться к играющим.

* * *

Макс Фрейн оживился, когда увидел, кто появился на его экране.

— Полковник Фергюсон, рад вас видеть.

— Начальник полиции, — широко улыбнулся Фергюсон. — Через минуту вы обрадуетесь еще больше. Двое моих людей с Восьмого поста подобрали Воллера и сержанта Фуэнтеса.

— Ха! — Фрейн почувствовал, как внутри у него поднимается теплая волна, словно он пропустил глоточек медового рома с Бальдура. — Где?

— Мы узнали, что у Ника Эммерта есть охотничья сторожка. Восьмой пост постоянно следил за ней. Сегодня, пролетая над ней на каре, лейтенант зарегистрировал слабое инфракрасное излучение, словно излучающее тело находилось внутри сторожки. Спустившись вниз, он обнаружил находящихся в домике Воллера и Фуэнтеса. Мы доставили их на пост, и там под детектором лжи они признались, что ключ от сторожки им дал Эммерт. Он велел им спрятаться там и выйти только после окончания суда. Они же подтвердили, что работали на Эммерта. Это была одна из личных вспышек гениальности Воллера, но все-таки его счет в банке существенно пополнился. Их привезут завтра утром.

— Это великолепно, полковник! Служба Новостей уже знает об этом?

— Нет. Прежде чем объявлять об этом, мы хотим допросить их в Мэллори-Порте и записать их показания. Если мы не сделаем этого, кто-нибудь может заставить их замолчать.

Это было то, что беспокоило Макса. Он сказал об этом Фергюсону, и тот кивнул в ответ. Некоторое время он колебался, затем сказал:

— Макс, как вам нравится ситуация, сложившаяся в Мэллори-Порте? Будь я проклят, если мне она нравится.

— Что вы имеете в виду?

— В городе слишком много чужих, — сказал Ян Фергюсон. — Все незнакомы — сильные молодые люди от двадцати до тридцати лет. Они ходят парами и небольшими группами.

И каждый раз, когда я обращаю на них внимание, их вроде бы становится все больше.

— Ян, это молодежь планеты. Когда начнется суд, в городе будет еще больше народу...

— Нет, Макс. Это не ротозеи, приехавшие на суд. Мы оба знаем, на кого они похожи. Ты помнишь, что было когда судили братьев Гауи? Они не развлекаются, не затевают драк и не устраивают дебошей в барах. Эти группы тихи и незаметны, словно они ожидают какого-то приказа.

— Просачивание, — дьявол, он сам первый сказал это, — Виктора Гrego они тоже тревожат.

— Я знаю это, Макс. Виктор Гrego, как и бык степняка, не опасен до тех пор, пока не напуган. А против этих людей мы с вами можем продержаться так же долго, как пинта джи-на на похоронах дьявола.

— Вы хотите нажать кнопку и вызвать панику?

Полковник нахмурился.

— Я не хочу этого. Если я сделаю это, мнение, сложившееся обо мне на Земле, может измениться. Попробуем обойтись без этого. Я предприму еще одну проверку.

* * *

Герд ван Рибик разложил на столе бумаги, сваленные в кучу, раскурил сигарету и начал смешивать себе коктейль.

— Пушистики являются разумной расой, — заявил он. — Они рассуждают логически, как дедуктивно, так и индуктивно. Они учатся, экспериментируют, анализируют и ассоциируют. Они формулируют общие принципы и обращаются к характерным примерам. Они заранее планируют свою деятельность. Они создают артефакты. Они способны символизировать, выражать идеи в символической форме и формировать символы через абстрактные формы объектов.

Они — творцы и обладают чувством прекрасного, — продолжал он. — Ничего не делая, они начинают скучать и в то же время наслаждаются работой и получают удовольствие от решения каких-либо проблем. Они церемониально хоронят мертвых и закапывают их артефакты вместе с ними.

Он выпустил кольцо дыма и попробовал коктейль.

— Кроме того, они выполняют плотницкие работы, свистят в полицейский свисток, изготавливают инструменты для добычи и разделки сухопутных креветок, которыми они питаются, и собирают конструкции из шаров и палочек молекулярной модели. Ясно, что они разумные существа. Но, пожалуйста, не за-

ставляйте меня давать определение разуму, потому что это богом проклятое занятие. Я не могу сделать этого!

— Мне кажется, вы поступаете правильно, — сказал Джек.

— Нет, неправильно. Я хочу полной ясности.

— Не беспокойтесь, Герд, — сказал Гус Бранхард. — Лесли Кумбес принесет в суд блестящее определение разума. А мы его используем.

14

Как всегда, Фредерик и Клодетта Лэндервис вместе спустились на наземную стоянку, и, как всегда, Клодетта остановилась и прикрепила к груди сорванный цветок.

— Пушистики будут в суде? — спросила она.

— Да, будут. Утром я не знал об этом, но ведь это будет простой формальностью, — на его лице появилось выражение полуулыбки, полунедовольства. — Я не представляю себе, то ли их рассматривать как свидетелей, то ли как вещественные доказательства. Во всяком случае, сначала я их никак не буду называть. С другой стороны, Кумбес или Бранхард могут обвинить меня в предвзятости.

— Я хочу увидеть их. Я, конечно, видела их на экране, но теперь я хочу увидеть, какие они на самом деле.

— О, Клодетта, ты уже давно не ходила на судебные разбирательства. Ну ладно, если их доставят сегодня, я позвоню. Злоупотребляя своим служебным положением, я даже попытаюсь договориться, чтобы ты увидела их вне зала заседаний. Как тебе это понравится?

Ей это нравилось. У Клодетты была удивительная способность восхищаться подобными вещами. Они на прощание поцеловались, и он направился к своему аэрокару. Водитель услужливо открыл перед ним дверцу, и судья уселся на свое место. Когда кар поднялся в воздух, он оглянулся. Она все еще стояла на краю стоянки и смотрела ему вслед.

Ему казалось не совсем безопасным брать ее с собой. Макс Фрейн опасался каких-то возможных неприятностей, и Ян Фергюсон тоже предупреждал об этом, а ведь ни тот, ни другой никогда не делали необоснованных предположений. Когда кар начал спускаться на крышу здания Центрального суда, он заметил отблеск винтовочных стволов и мерцание стальных шлемов охранников. Обычно они были вооружены пистолетами. Покинув кар, он увидел, что их мундиры были более голубыми, чем у полицейских. Корот-

кие сапоги и красная полоса на шортах — это Голубые Космодесантники. Значит, Ян Фергюсон все-таки нажал кнопку. Клодетта могла бы быть здесь в большей безопасности, чем дома, подумал он.

Навстречу ему поднялись сержант и двое его людей. Сержант коснулся козырька своего шлема, что отдаленно напоминало салют Десантников.

— Судья Пэндервис? Доброе утро, сэр.

— Доброе утро, сержант. Почему Федерация Десантников охраняет здание суда?

— Защита, сэр. Приказ командора Напьера. Люди начальника полиции Фрейна охраняют нижнюю палубу. Десантный капитан Насагара и военный капитан Грибенфельд ожидают вас в вашем кабинете.

Как только он направился к лифту, в зоне видимости появился большой кар Компании Заратустры. Сержант быстро повернулся, подозвал своих людей и пошел ему навстречу. Хотелось бы знать, что думает Лесли Кумбес об этих десанниках...

У офицеров, сидевших в кабинете Пэндервиса, на портупях висело оружие. С ними находился Макс Фрейн. Приветствуя судью, они поднялись, и, когда он подошел к своему столу, снова сели. Он задал им несколько вопросов, ответы на которые он уже получил у сержанта.

— Ваша честь, вчера вечером полковник Фергюсон вызвал командора Напьера и попросил вооруженной помощи, — сказал офицер в черном мундире Военно-космического флота. — Он подозревает, что в городе происходит просачивание. В этом, ваша честь, он совершенно прав. В среду после полудня капитан десантников Насагара начал высадку Десантных сил просачивания. Это надо было сделать прежде, чем занять Резиденцию. Сейчас это уже выполнено. Там находится командор Напьер. За ряд должностных преступлений и порочную практику обвинений Генеральный Представитель Эммерт и Главный прокурор О'Брайен взяты под арест. Но вам не придется их судить. Для суда они будут отправлены на Землю.

— Значит, введено военное правление командора Напьера?

— До окончания судебного разбирательства он будет контролировать его сам. Мы хотим знать, законны действия администрации или нет?

— Но в таком случае вы ведь сами помешаете разбирательству.

— Это зависит от обстоятельств, ваша честь. Мы, конеч-

но, примем в них участие, — он выжидающе посмотрел на судью. — Вы не перенесли начало разбирательства? Значит, у меня есть время, чтобы все объяснить вам.

* * *

Макс Фрейн приветливо встретил их у дверей зала заседаний. Затем он заметил на плече Джека Малыша, и по его лицу пробежала тень сомнения.

— Я не знал о нем, Джек. Я думаю, его не допустят в зал заседаний.

— Вздор! — ответил Гус Бранхард. — Я допускаю, что он одновременно и неразумный ребенок, и неспособный абориген, но он единственный оставшийся в живых член семьи убитой самки, называемой Златовласка. Это дает ему множество неоспоримых прав для того, чтобы присутствовать.

— Эти права продержатся до тех пор, пока он не залезет кому-нибудь на голову. Гус, вы с Джеком будете сидеть там, а Бен и Герд займут места в секции для свидетелей.

До начала заседания оставалось еще полчаса, но все места для секретарей и балконы для зрителей были заняты. Ложа присяжных, находившаяся слева от судей, была занята офицерами Военно-космического флота и Голубого десанта. Повидимому, роль присяжных они приберегли для себя. Ложа прессы, ошетилившаяся объективами различных кино- и фотокамер, а также звукозаписывающим оборудованием, была набита битком.

Малыш с интересом взглянул на большой экран, расположенный позади судейских кресел; пока передавали вид зала суда. Это выглядело так, словно перед присутствующими находилось большое зеркало. Малыш увидел себя на экране и возбужденно взмахнул ручкой. В это мгновение в дверях, через которые они вошли, произошла заминка, а затем появился Лесли Кумбес, следом за ним Эрнст Мейлин с двумя ассистентами, Рут Ортерис, Юан Джименз и... Леонард Келлог. Последний раз Джек видел Келлога в помещении полицейского поста Джорджа Ланта. Тогда он был забинтован и одет в чужие мокасины, потому что его ботинки, запятнанные кровью Златовласки, были конфискованы как улика.

Кумбес посмотрел в направлении стола, где сидели Джек и Бранхард, заметил Малыша, махавшего ручкой своему изображению на экране, и с негодующим протестом повернулся к Фрейну. В ответ тот только покачал головой. Кумбес снова за-

протестовал, но, получив ответ, пожал плечами и повел Келлога к оставленному для них столу.

Появились Пэндервис и два других судьи. Низкий круглолицый человек сел справа от Пэндервиса, высокий стройный мужчина с седыми волосами и черными усами, занял место слева. Началось судебное разбирательство. Были зачитаны оба обвинения, а затем Бранхард как обвинитель Келлога обратился к суду:

— ...существо, известное как Златовласка... разумный член разумной расы... Умышленные, обдуманые действия Леонарда Келлога... жестокое и вызывающее убийство...

Он отошел, сел на место, взял малыша и стал ласкать его, пока Лесли Кумбес обвинял Джека Хеллоуэя, напавшего и жестоко избившего вышеупомянутого Леонарда Келлога и безжалостно застрелившего Курта Борча.

— Хорошо, джентльмены. Думаю, мы можем начать выслушивать свидетелей, — сказал главный судья. — С кого начнем?

Гус передал Малыша Джеку и вышел вперед. Кумбес шагнул вслед за ним.

— Ваша честь, это судебное разбирательство сводится к тому, что необходимо установить, являются ли существа вида Пушистик Пушистый Хеллоуэя с Заратуштры членами разумной расы или нет, — сказал Гус. — Тем не менее, прежде чем рассматривать этот вопрос, мы должны точно установить, что произошло в лагере Джека Хеллоуэя, расположенном в Долине Холодного ручья девятнадцатого июня 654 года Атомной эры. Установив это, мы можем перейти к вопросу, относятся ли вышеупомянутая Златовласка к разумным существам или нет.

— Я согласен, — спокойно сказал Кумбес. — думаю, предложение мистера Бранхарда сократит время судебного разбирательства.

— Мистер Кумбес, не можете ли вы выдвинуть какое-нибудь определение, которое помогло бы нам установить, относятся ли Златовласка к разумным существам или нет?

Кумбес, решив, что здесь нет никакой ловушки, согласился. Представитель начальника полиции попросил приготовиться свидетелей, что-то отрегулировал и оперся на спинку кресла. На стойке позади него медленно разгорелся шар, испуская ярко-голубой свет. Было названо имя Джорджа Ланта. Лейтенант занял свое место. К его телу присоединили электроды, а на голову надели яркий шлем.

Пока он отвечал на традиционные вопросы, шар оставался

спокойным и голубым. Затем Кумбес и Бранхард стали совещаться между собой, и произошла заминка. В конце концов Бранхард подбросил полусолевую серебряную монетку, поймал ее и протянул Кумбесу.

— Решка, — сказал Кумбес, и Бранхард изящно поклонившись шагнул назад.

— Скажите, лейтенант Лант, — начал Кумбес, — когда вы прибыли в лагерь Хеллоуэя, что вы там обнаружили?

— Двух мертвых людей, — сказал Лант. — Первый, человек Земли, был убит выстрелом в грудь, а второй, Пушистик, был затоптан до смерти.

— Ваша честь! — воскликнул Кумбес. — Я протестую против подобной формулировки ответа свидетеля, он не должен быть запротоколирован в таком виде. Свидетель не может ссылаться на Пушистиков как на «людей».

— Ваша честь, — подхватил Бранхард, — возражение мистера Кумбеса необоснованно. При данных обстоятельствах отрицание того, что Пушистики являются «людьми», равносильно утверждению, что это неразумные животные.

Эта перепалка продолжалась несколько минут. Джек машинально начал что-то рисовать в блокноте. Малыш двумя руками взял карандаш и тоже начал рисовать. Его рисунки в какой-то степени походили на узлы, какие он учился завязывать. В конце концов суд решил, что свидетель может говорить так, как считает нужным. Ланта попросили рассказать, зачем он прибыл в лагерь Хеллоуэя, что он там обнаружил, что говорил и что делал. По одному из пунктов между Кумбесом и Бранхардом снова завязался спор о различии в доказательствах, основанных на слухах, и обстоятельстве, связанном с фактом, составляющим сущность спорного вопроса. Когда он закончился, Кумбес сказал:

— У меня больше нет вопросов.

— Лейтенант, в ответ на заявление Джека Хеллоуэя вы поместили Леонарда Келлога под арест. Как я понимаю, вы рассматривали это заявление как документ, имеющий силу?

— Да, сэр. Я полагаю, что Леонард Келлог убил разумное существо. Только разумные существа хоронят своих мертвых.

Затем дал показания Ахмед Кхадра, двое полицейских, которые прилетели на втором каре, и присутствовавший при осмотре места криминалист. Бранхард вызвал Рут Ортерис. После пустых возражений Кумбеса ей дали возможность рассказать об убийстве Златовласки, избииении Келлога и выстреле в Борча. Когда она закончила, судья поднялся и стукнул молотком.

— Я полагаю, что этих показаний достаточно для установления факта, что Златовласка действительно была избита и растоптана до смерти подсудимым Леонардо Келлогом и что Человек Земли, известный под именем Курта Борча, действительно был застрелен Джеком Хеллоуэем. Теперь мы можем рассмотреть оба эти убийства. Сейчас одиннадцать часов сорок минут. До начала следующей сессии мы должны произвести некоторые изменения в зале заседаний... Да, мистер Бранхард?

— Ваша честь, в суде представлен только один член вида Пушистик Пушистый Хеллоуэя с Заратуштры. Он несовершеннолетний и, следовательно, не являющийся юридическим лицом, — он взял Малыша и поднял его. — Если мы поднимаем вопрос о разумности этой расы, я думаю, не будет лишним послать за Пушистиками, оставшимися в отеле «Мэллори».

— Хорошо, мистер Бранхард, — сказал Пэндервис. — Конечно, Пушистики понадобятся в суде, но сегодня мы не будем доставлять их сюда. Сегодня они нам не понадобятся. Что еще? — он стукнул молотком. — Суд объявляет перерыв до четырнадцати часов.

В зале заседаний были произведены изменения. Четыре первых ряда были отодвинуты и отделены от зала оградой. Стул свидетелей, стоявший чуть в стороне, выдвинули на середину и поставили прямо перед судьями. Было внесено несколько столов, которые поставили по обе стороны стула свидетелей. Сидевшие за этими столами могли одновременно видеть лица судей и по экрану наблюдать за всем происходящим в зале. Свидетель, сидящий на стуле, теперь тоже мог видеть экран детектора лжи.

Вошли Гус Бранхард и Джек. Гус осмотрелся и тихо выругался.

— Не удивительно, что они дали нам два часа отдыха. Хотел бы знать, для чего все это, — затем улыбка промелькнула на его губах. — Посмотрите на Кумбеса: ему это тоже не нравится.

К ним подошел представитель с планом зала заседаний.

— Мистер Бранхард и вы, мистер Хеллоуэй, садитесь сюда, за этот стол, — он указал на стол, стоявший в стороне от других прямо напротив судей. — А доктор Рейнсфорд и доктор Ван Рибик, пожалуйста, вот сюда.

Громкоговоритель над их головами издал два резких свистка и произнес:

— Внимание! Внимание! Судебное заседание начнется через пять минут.

Голова Бранхарда дернулась, и Джек проследил за его взглядом. Человек, сделавший это объявление, был в форме старшины Военно-космического флота.

— Что за черт? — спросил Бранхард. — Разве здесь трибунал Военно-космического флота?

— Я бы тоже хотел это знать, мистер Бранхард, — сказал представитель. — Вы знаете, они заняли всю планету.

— Возможно, нам повезло, Гус. Я слышал, что если вы невиновны, дело лучше разбирать в трибунале, а если виновны — в гражданском суде.

Он увидел Лесли Кумбеса и Леонарда Келлога, сидевших за таким же столом на противоположной стороне. По-видимому, Кумбес уже знал, что происходит. В расположении мест было что-то странное. На скамье свидетелей сидели по порядку: Рут Ортерис, Герд ван Рибик, Эрнст Мейлин, Бен Рейнсфорд и Юан Джименз. Гус посмотрел на балкон.

— Держу пари, все юристы планеты заметили это, — сказал он. — Охо-хо! Джек, вы видите седую женщину в голубом платье? Это жена Главного Судьи. В этом году она впервые появилась здесь.

— Внимание! Внимание! Встать! Идет Суд Чести!

Вероятно, старшине дали краткую инструкцию по фразеологии ведения суда. Джек встал, держа Малыша на руках, пока входили трое судей и занимали свои места. Как только они сели, Главный Судья быстро ударил молотком.

— Чтобы предупредить внезапный поток возражений, я хочу сказать, что все это переустройство лишь на время, и дальше вся процедура пойдет обычным порядком. Сейчас мы не судим ни Джека Хеллоуэя, ни Леонарда Келлога. Остаток сегодняшнего дня и, боюсь, еще несколько дней мы посвятим определению уровня мышления Пушистиков Пушистых Хеллоуэя с Заратуштры.

Для этой цели мы временно отказались от традиционной процедуры судебного разбирательства. Мы будем вызывать свидетелей. Как обычно, они будут давать показания под детектором лжи. Мы будем вести общие споры, в которых все сидящие за этими столами могут принять непосредственное участие. Я и мои коллеги будем председательствовать. Так как мы не можем выслушивать нескольких спорщиков одновременно, тот, кто желает говорить, должен подать

знак. Я надеюсь, таким образом нам удастся провести плодотворную дискуссию.

Вы все заметили присутствие офицеров с базы Военно-космического флота Ксеркса. Я полагаю, все вы слышали, что командор Напьер установил контроль над гражданским управлением. Капитан Грибенфельд, соблаговолите встать, чтобы все вас видели. Я даю ему право опрашивать свидетелей и, если он найдет нужным, передавать это право своим офицерам. Мистер Кумбес и мистер Бранхард тоже могут передавать это право.

Кумбес сразу же встал.

— Ваша честь, раз мы обсуждаем вопрос о разумности, то первым пунктом должно быть принято приемлемое определение разумности. Я, со своей стороны, хотел бы знать, какое определение используют наши противники, обвиняющие Келлога и защищающие Хеллоуэя.

Значит, так. Они хотят, чтобы мы установили определение разума. Герд ван Рибик был огорчен, Эрнст Мейлин усмехнулся. Тем не менее, Гус Бранхард был доволен.

— Джек, они, как и мы, не приготовили никакого определения, — прошептал он.

Капитан Грибенфельд, уже успевший сесть, снова встал.

— Ваша честь, весь последний месяц на военной базе Ксеркса мы работали над этой проблемой. Мы в определенной мере заинтересованы в установлении классификации этой планеты и чувствуем, что этот спорный вопрос о разуме возник, по всей вероятности, не в последний раз. Я полагаю, ваша честь, что мы приблизились к решению этой проблемы и выработали определение. Однако, прежде чем мы начнем обсуждать его, я бы хотел продемонстрировать одну вещь, которая может помочь в понимании этой сложной проблемы.

— Капитан Грибенфельд уже обсуждал со мной этот вопрос и получил мое одобрение, — сказал главный судья. — Пожалуйста, капитан.

Грибенфельд кивнул и представитель начальника полиции приоткрыл дверь. Вошли два солдата Космического флота. В руках они несли пакеты. Один из них поднялся к суду, другой пошел перед столами, раздавая слуховые аппараты с маленькими электрическими батарейками.

— Пожалуйста, наденьте аппарат и включите его, — говорил он. — Спасибо.

Малыш дернул Джека. Джек надел аппарат и включил

его. Немедленно до его ушей донеслись тихие высокие звуки, которых он никогда прежде не слышал. Малыш говорил:

— Хи-инта, са-ва-ака, игта са гинда?

— Черт побери, Гус, он говорит!

— Да, я слышу, но как же это получилось?

— Ультразвук... Боже мой, почему мы не подумали об этом раньше?

Он отключил аппарат. Малыш сказал:

— Уиик?

Он включил его снова. Малыш говорил:

— Какк-ина за заива.

— Нет, Малыш. Папочка Джек не понимает тебя. Но мы ужасно терпеливы и выучим ваш язык.

— Папии-и Джек! — воскликнул Малыш. — Ма-алыш захинга; папи Джек за заг га хи изза!

— Слышимое нами уиканье — это только нижняя полоса воспроизводимых ими частот. Держу пари, мы тоже сможем воспроизводить звуки, которые они не слышат.

— Конечно, ведь он произнес свое имя и ваше.

— Мистер Бранхард, мистер Хеллоуэй, — сказал судья Пэндервис, — может быть, вы прекратите свое обсуждение и обратите на нас внимание? Все ли получили слуховые аппараты и включили их? Прекрасно. Несите, капитан.

Получив знак, Эсин встал, вышел из зала и вернулся с группой помощников, которые несли шестерых Пушистиков. Они посадили их на открытое место между судом и столами и вернулись обратно. Пушистики сбились в кучу, изумленно оглядываясь вокруг. И Джек изумленно и непонимающе смотрел на них. Это были Маленький Пушистик, Мамочка Пушистик, Майк, Майзи, Ко-Ко и Золушка. Малыш что-то выкрикнул и прыгнул со стола. Мамочка вздрогнула, повернулась и заключила его в объятия. Затем Пушистики увидели Джека и шумно закричали:

— Па-пии Джек! Папии-и Джек!

Он почти бессознательно поднялся и вышел из-за стола. Следующее, что он осознал, было то, что он сидит на полу, а его семейство обнимает его, что-то радостно уикая. Он смутно слышал удар молотка и голос главного судьи Пэндервиса:

— Суд прерывается на десять минут!

В это время к ним подошел Гус. Подобрав Пушистиков, они перенесли их к своему столу.

При передвижении Пушистики запинались и пошатывались, и это на мгновение напугало Джека, но затем он понял, что они не были ни больны, ни напичканы наркотиками. Про-

сто они долго находились в поле слабого тяготения и еще не успели привыкнуть к своему нормальному весу. Теперь он знал, почему нигде не было обнаружено их следов. Джек заметил, что у каждого из них на плече висел маленький мешочек. Черт побери, почему он сам не догадался сделать им что-нибудь подобное? Он показал на сумку одного из Пушистиков и вопросительно посмотрел на него. Пушистики что-то залопотали в ответ, начали открывать свои сумки и демонстрировать их содержимое. Там были маленькие ножи, миниатюрные инструменты и кусочки яркого цветного пластика, которые они где-то подобрали. Маленький Пушистик показал крошечную трубку с чашечкой, вырезанной из твердого дерева, и кисет с табаком, из которого он набил ее. Затем он вытащил маленькую зажигалку.

— Ваша честь! — воскликнул Гус. — Я понимаю, что заседание прервано, но, пожалуйста, посмотрите, что делает Маленький Пушистик!

Маленький Пушистик щелкнул зажигалкой и, подержав пламя у чашечки трубки, выпустил клуб дыма.

Лесли Кумбес в другом конце зала сглотнул и закрыл глаза.

Через некоторое время судья Пондервис стукнул молотком и объявил продолжение заседания.

— Леди и джентльмены, вы все видели и слышали то, что продемонстрировал капитан Грибенфельд. Вы все слышали, что Пушистики издают звуки, похожие на членораздельную речь. Вы все видели, что один из Пушистиков курил трубку. Между прочим, так как курение в зале суда не одобряется, на этом судебном заседании мы сделаем исключение для Пушистика. К остальным Пушистикам у меня просьба: пожалуйста, не чувствуйте себя дискриминированными.

Кумбес вскочил со своего места и побежал вокруг стола, но затем вспомнил, что по новым правилам это делать запрещается.

— Ваша честь, утром я категорически протестовал против того, чтобы подобные термины использовались свидетелями. Сейчас я протестую против использования подобных терминов судом. Я в самом деле слышал звуки, издаваемые Пушистиками. Их можно ошибочно принять за слова, но я отрицаю, что они являются речью. Что же касается трюка с зажигалкой, то ручаюсь, что не более чем за три дня обучу этому любого земного примата или кхолпкха Фрейна.

Тотчас же встал Грибенфельд.

— Ваша честь, за время, пока Пушистики находились на

военной базе Ксеркса, мы составили словарь примерно из сотни слов, значение которых мы установили, и из великого множества других, значений которых мы пока не знаем. Мы даже начали составлять грамматику языка Пушистиков. А что касается трюка с зажигалкой, Маленький Пушистик — он у нас числится под номером М-2 — выучился этому, наблюдая за нами. Мы не учили его курить трубку, он умел это еще до того, как попал к нам.

Грибенфельд еще говорил, когда с места поднялся Джек. Как только капитан Военно-космического флота закончил, он сказал:

— Капитан Грибенфельд, я хочу поблагодарить вас и ваших людей за заботу, проявленную к Пушистикам. Я очень рад, что вы придумали, как можно услышать то, что они говорят. Благодарю вас за все, что вы сделали для них, но почему вы не сообщили мне, что они живы и невредимы? Знаете, в последний месяц я не находил себе места.

— Я знал это, мистер Хеллоуэй. Если это может вас как-то утешить, я скажу, что мы очень жалели вас, но мы не могли рисковать и компрометировать нашего тайного агента, обосновавшегося в Научном Центре Компании. Это он контрабандой вывез Пушистиков после их побега, — Джек взглянул на стол, стоявший на противоположной стороне зала. Келлог сидел, закрыв лицо руками, и не замечал происходящего в зале. На хорошо тренированном лице Лесли Кумбеса застыло выражение ужаса. — В то время как вы, мистер Бранхард и начальник полиции Фрейн получили ордер и поехали за Пушистиками, их уже забрали из Научного центра и погрузили на военное судно, стартовавшее к Ксерксу. Мы ничего не могли сделать, не разоблачив нашего агента. Это все, что я могу вам сказать.

— Хорошо, капитан Грибенфельд, — сказал главный судья. — Я думаю, вы ознакомите нас со свидетельскими показаниями об исследованиях, проведенных вашими людьми на Ксерксе. Мы также хотим установить, откуда, когда и как вы их взяли.

— Хорошо, ваша честь. Если вы назовете четвертое имя в списке, который я вам дал, и позволите мне допросить этого человека, мы установим это.

Главный судья взял бумагу.

— лейтенант Рут Ортерис. Резерв Десять, — вызвал он.

Джек Хеллоуэй посмотрел на большой экран. Герд ван Рибик, пытавшийся игнорировать существование женщины, сидевшей возле него, повернулся и изумленно вытаращил

глаза. Выражение ужаса на лице Лесли Кумбеса сменила трупная бледность и неподвижность. Эрнст Мейлин дрожал от недоверия и гнева. Возле него восхищенно скалился Бен Рейнсфорд. Как только Рут встала перед судом, Пушистики устроили ей овацию: они помнили и любили ее. Гус Бранхард стиснул руки и сказал:

— Ну, Джек, это уже слишком!

Лейтенант Рут Ортерис под неизменно голубым шаром рассказала о том, как ее, офицера резерва Военного флота Федерации, отправили в разведку, как она попала на Заратуштру и получила место в Компании.

— Как обычный высококвалифицированный доктор психологии, я работала в Научном отделе под руководством доктора Мейлина. Кроме того, я выполняла обязанности в школьном департаменте и в юношеском суде. Я регулярно отсылала рапорты командующему Элсборгу, шефу разведки на Ксерксе. Я была послана, чтобы проверить, не нарушает ли Компания Заратуштры положения устава или законов Федерации. До середины прошлого месяца я передавала обычные рапорты, не содержащие в себе ничего предосудительного. Затем, вчером пятнадцатого июня...

Это был тот день, когда Бен передал пленку Юану Джимензу. Затем она описала, как это попало в ее поле зрения.

— Как только появилась возможность, я передала копию пленки командующему Элсборгу. Следующей ночью с бота доктора ван Рибика я связалась с Ксерксом и доложила все, что узнала о Пушистиках. Затем я сообщила, что Леонард Келлог получил копию пленки и обеспокоил Виктора Гrego. Получив приказ предотвратить признание Пушистиков разумными существами и в случае необходимости сфабриковать документы, обвиняющие мистера Хеллоуэя и доктора Рейнсфорда в научной мистификации, Келлог и Эрнст Мейлин отправились на континент Бета.

— Ваша честь, я протестую! — воскликнул Кумбес. — Это обыкновенные сплетни!

— Подобные «сплетни» указаны и в рапортах, которые мы получили от других агентов, — сказал капитан Грибенфельд. — Вы должны понимать, что она не единственный наш агент на Заратуштре. Мистер Кумбес, если я услышу от вас хоть еще одно возражение против показаний этого офицера, я попрошу мистера Бранхарда вызвать в суд Виктора Гrego и допрошу его под детектором лжи.

— Капитан, мистер Бранхард будет более чем счастлив оказать эту услугу, — громко и отчетливо произнес Гус.

Кумбес поспешно сел.

— Хорошо, лейтенант Ортерис, это очень интересно, но сейчас мы пытаемся установить, как эти Пушистики попали на базу Военного флота на Ксерксе, — вставил круглолицый помощник судьи Руиз.

— Ваша честь, я при первой же возможности попыталась получить этих Пушистиков, — сказала Рут. — В пятницу, в двенадцать ночи, Пушистиков забрали у мистера Хеллоуэя и доставили в Мэллори-Порт. Мохаммед О'Брайен переправил их к Юану Джимензу, который, взяв их в Научный центр, поместил в клетке позади своего кабинета. На следующее утро я обнаружила их, вывела из здания и переправила к командующему Элсборгу, который, спустившись с Ксеркса, взял на себя ответственность за операцию «Пушистик». Я не буду рассказывать, как мне удалось это сделать. Я офицер Вооруженных сил Федерации Земли. Суд не может заставить офицера Федерации давать показания, включающие нарушение воинских обязанностей. Время от времени я сообщала о продвижении работ по измерению уровня мышления Пушистиков, иногда передавала советы. Некоторые из этих советов основывались на идеях, выдвинутых доктором Мейлином, но я не доверяла ему полностью. Я опасалась.

Мейлин почти совершенно не воспринимал происходящее.

Бранхард встал.

— Я хочу спросить у свидетеля, знает ли она что-нибудь о четырех Пушистиках, которых Джек Хеллоуэй обнаружил в Папоротниковом Заливе?

— Да. Это мои Пушистики, и я очень беспокоилась за них. Я назвала их Комплекс, Синдром, Идея и Суперэгоизм.

— Это ваши Пушистики, лейтенант Ортерис?

— Я заботилась о них и работала с ними. Юан Джименз с какими-то охотниками поймал их на континенте Бета. Они содержались на Центральной северной ферме, которая была оборудована специально для этого. Я постоянно находилась с ними, и доктор Мейлин тоже проводил с ними много времени. А в ночь на понедельник за ними пришел мистер Кумбес. Он забрал их с собой.

— Почему вы сделали это, мистер Кумбес? — спросил Гус Бранхард.

— Лесли Кумбес — адвокат Компании. Он сказал, что Пушистики нужны в Мэллори-Порте. Но на следующий день я узнала, для чего они понадобились. Их отпустили перед цепью охотящихся за ними людей. Они надеялись, что их убьют.

Она взглянула на Кумбеса. Если бы ее взгляд был пулей, тот был бы уже мертвее Курта Борча.

— Они принесли в жертву четырех Пушистиков, чтобы поддержать историю с избитой девочкой? — спросил Бранхард.

— Это не было принесением в жертву. Они хотели избавиться от этих Пушистиков, но боялись их убить сами, потому что не хотели оказаться на скамье подсудимых рядом с Леонардом Келлогом. Все, кто в ходе работы сталкивались с Пушистиками, начиная с Эрнста Мейлина и кончая обслуживающим персоналом, были убеждены в их разумности. Мы и сами пользовались слуховыми аппаратами, я подала этот совет, когда мне сообщили об этом с Ксеркса. Спросите об этом Эрнста Мейлина под детектором лжи. К тому же, спросите его о многочисленных полиэнцефалографических экспериментах.

— Что ж, мы узнали, что Пушистики Хеллоуэя были отправлены на Ксеркс, — сказал главный судья. — Мы выслушали показания человека, который какое-то время работал с ними. Теперь я хочу послушать доктора Мейлина.

Кумбес снова вскочил на ноги.

— Ваша честь, прежде чем продолжать слушать свидетельские показания, я хотел бы наедине посоветоваться со своим клиентом.

— Мистер Кумбес, я не вижу никакой причины прерывать судебное заседание. В том числе и для этого. После окончания этой сессии вы можете совещаться с вашим клиентом сколько пожелаете, но могу вас уверить, что вам больше ничего не придется делать от его имени, — он легонько стукнул своим молотком, а потом сказал: — Доктор Мейлин, будьте добры встать.

15

Услышав свое имя, Эрнст Мейлин сжался, словно стараясь стать незаметнее. Он не хотел давать показания. Теперь он должен сесть на стул для свидетелей, и ему будут задавать вопросы. Он весь день боялся этого мгновения. Он не сможет ответить на эти вопросы правдиво, и шар над его головой...

Представитель начальника полиции коснулся его плеча и предложил занять место свидетеля. Ноги Мейлина были словно ватные. У него было такое чувство, что ему нужно пройти не несколько метров, а многие километры под при-

стальными взглядами присутствующих в зале. Наконец он добрался до стула и сел. Ему на голову надели шлем и присоединили электроды. Они не стали брать с него присягу говорить правду, только правду и ничего кроме правды, ибо не нуждались в этом.

Как только детектор лжи был включен, он взглянул на большой экран позади четверки судей. Шар над его головой был ослепительно красного цвета. В зале послышался смех, но никто из присутствующих лучше его не знал, что произошло. В его лаборатории были подобные экраны, усиливающие альфа — и бета-волны, испускаемые корой головного мозга. Он стал думать об этих устойчиво пульсирующих волнах, об электромагнитных связях, сопровождающих деятельность мозга. Красный цвет начал гаснуть, и шар стал голубым. Мейлин больше не подавлял свои мысли, а заменял их другими, которые не были лживыми. Если бы он мог делать так все время... Но раньше или позже он не сможет этого сделать...

Пока он отвечал на традиционные вопросы, шар оставался голубым. Перечисляя свои публикации, он заметил на экране кратковременное мерцание красного. Это случилось тогда, когда он назвал работу, которую выполнили его студенты, но опубликована она была под его именем. Он уже забыл об этом, но его совесть не забыла.

— Доктор Мейлин, — сказал один из судей, — скажите, как специалист, какая разница между разумным и неразумным мышлением?

— Способность мыслить осознанно, — ответил он. Шар оставался голубым.

— Вы хотите сказать, что неразумные животные не думают или просто не осознают этого?

— Ни то, ни другое. Какая-то форма жизни с центральной нервной системой может осознавать свое существование и окружение. Я хотел сказать, что разумное существо думает осознанно и знает, что оно думает.

Это была безопасная для него тема. Он говорил о всевозможных возбудителях, реакциях и условных рефlekсах. Он вернулся к Первому Доатомному Веку, к Павлову, Корзубки, Фрейду. Если так будет продолжаться, шар никогда не покраснеет.

— Неразумное животное осознает только то, что непосредственно преподносит сознание, а реагирует оно автоматически. Оно будет осознавать и понимать происходящее примерно так: это сексуальное удовлетворение; это опасность. С другой стороны, думающие разумно думают сознательно обо

всех этих чувственных возбудителей, выстраивая логические цепочки. На моем столе лежит структурный дифференциал; если мне принесут его...

— Не беспокойтесь, доктор Мейлин. Когда мы начнем обсуждение, вы покажете, что сочтете нужным. Сейчас же мы хотим, чтобы вы высказали свое мнение в общих терминах.

— Хорошо. Разумную мысль можно обобщить. Для неразумного животного каждый новый эксперимент является или совершенно новым, или ассоциируется с чем-то уже известным. Кролик будет бежать от собаки, потому что в его памяти есть другая собака, которая гнала его. Птицу привлекает яблоко, потому что каждое яблоко — это вещь, которую надо клевать. Разумное существо подумает: «Эти красные объекты — яблоки; они съедобны и вкусны». Различным сортам яблок оно даст разные названия. Это ведет к формированию абстрактных идей, например, «плоды» отличные от яблок, «пища» отличная от фруктов.

Шар по-прежнему оставался голубым. Судьи ждали, и он продолжил:

— Формирование абстрактных идей неизбежно приводит к их символизации, что позволяет охарактеризовать объект, не видя его. Разумное существо символизирует, оно способно в символической форме сообщить свою мысль другому существу.

— Например, «Па-пии Джек»? — спросил судья с черными усами.

Шар подмигнул красным.

— Ваша честь, я не могу принимать во внимание сказанные наугад или заученные наизусть слова. Пушистики просто связали эти звуки с человеком и заучили их. Они использовали это как сигнал, а не как символ.

Шар стал красным. Главный судья стукнул молотком.

— Доктор Мейлин! Все люди на этой планете знают, что невозможно лгать под детектором лжи. Никто и не пытался лгать, почему же вы решили, что вам это можно? Я перефразирую вопрос и надеюсь, что вы ответите правдиво. Если вы не сделаете этого, я буду презирать вас. Как вы полагаете, когда Пушистики кричали «Папи-и Джек», этот термин являлся для них символом мистера Хеллоуэя или нет?

Он не должен говорить правды. Пушистики должны остаться маленькими неразумными животными.

Но сам он так не считал. Он знал это лучше любого другого.

— Да, ваша честь. Термин «Папи-и Джек» в их памяти символизирует мистера Хеллоуэя.

Он взглянул на шар. Из красного он сделался лилово-розовым, потом фиолетовым и, наконец, чисто голубым.

— Значит, Пушистики думают сознательно, доктор Мейлин? — спросил Пэндервис.

— Да, факт, что они пользуются буквальными символами, убеждает в этом даже без других доказательств и служит более выразительным доказательством, чем все остальные. Картины процесса мышления, которые мы получили на энцефалографе, очень похожи на подобные же картины десяти-двенадцатилетних детей. Они так же любознательны и так же любят решать головоломки. Они всегда выдумывают какие-то проблемы, выискивают технические работы, говорят и, беря пример с человека, моют руки и завязывают узлы.

Шар был небесно-голубым. Мейлин попытался лгать, но потом просто излил все, о чем думал.

* * *

Леонард Келлог уронил голову и закрыл лицо руками. Несчастья водопадом обрушились на него.

«Я — УБИЙЦА. Я УБИЛ ЛИЧНОСТЬ. ЗАБАВНОГО МАЛЕНЬКОГО ЗВЕРЬКА, ПОКРЫТОГО МЕХОМ, НО ОН БЫЛ ЛИЧНОСТЬЮ, И Я ЗНАЛ ЭТО, КОГДА УБИВАЛ ЕГО. Я УЗНАЛ ЭТО, КОГДА УВИДЕЛ МАЛЕНЬКУЮ МОГИЛКУ ИЗ КАМНЕЙ НА КРАЮ ЛЕСА. ТЕПЕРЬ ОНИ ПОСАДЯТ МЕНЯ НА ЭТОТ СТУЛ И ЗАСТАВЯТ ПРИЗНАТЬСЯ ВО ВСЕМ. ЗАТЕМ ОНИ ВЫВЕДУТ МЕНЯ НА ТЮРЕМНЫЙ ДВОР, ВЫСТРЕЛЯТ МНЕ В ГОЛОВУ ИЗ ПИСТОЛЕТА И...

НИ ОДНО ИЗ ЭТИХ МАЛЕНЬКИХ БЕДНЫХ СУЩЕСТВ НЕ ЗАХОЧЕТ БОЛЬШЕ ПОКАЗАТЬ МНЕ СВОЮ НОВУЮ ИГРУШКУ!»

* * *

— Будут ли еще вопросы к свидетелю? — спросил главный судья.

— Нет, — сказал капитан Грибенфельд. — У вас, лейтенант?

— Нет, — сказал лейтенант Убарра. — Теперь мы имеем ясное представление о мнении доктора Мейлина.

Когда Мейлин перестал лгать под детектором лжи, Джек даже почувствовал к нему симпатию. Он сначала испытывал к нему неприязнь, но теперь смотрел на него по-другому. Мейлин очистился и отмылся изнутри. Возможно, каждый че-

ловец рано или поздно должен быть допрошен под детектором лжи, чтобы каждый мог понять, что честность по отношению к другим начинается с честности перед самим собой.

— Мистер Кумбес? — Кумбес сделал такой вид, словно он нигде и никогда не собирался задавать вопросы каким-то свидетелям. — Мистер Бранхард?

Гус поднялся, поддерживая разумного члена разумной расы, висевшего на его бороде, и поблагодарил Эрнста Мейлина.

— В таком случае суд объявляет перерыв до девяти часов утра. Мистер Кумбес, здесь есть иск к Компании Заратустры на двадцать пять тысяч солей. Я передаю его вам. К тому же я аннулировал залог доктора Келлога, — сказал судья Пондервис, как только двое представителей суда стали освобождать Мейлина от проводов, опутавших его и ведущих к детектору лжи.

— Залог Джека Хеллоуэя вы тоже аннулировали?

— Нет, мистер Кумбес, и не надо делать из этого никаких выводов. Я не могу отклонить обвинение против Джека Хеллоуэя и не хочу ставить вас в невыгодное положение, выбив точку опоры вашего обвинения. Я не считаю риском выпустить мистера Хеллоуэя под залог. Я думаю, доктор Келлог, ваш клиент согласится со мной.

— Если откровенно, ваша честь, я тоже с вами согласен, — сказал Кумбес. — Мой протест является примером условного рефлекса, о котором только что так хорошо говорил доктор Мейлин.

Вокруг стола Джека столпились Бен Рейнсфорд, Джордж Лант и его полицейские. В середину протиснулись державшиеся за руки Герд и Рут.

— Джек, мы приседем в отель немного позже, — сказал Герд. — Мы с Рут захватим чего-нибудь поесть и выпить, а потом заберем ее Пушистиков.

Теперь Герд снова обрел свою девушку, а его девушка — свое семейство Пушистиков. Как же их теперь зовут? Синдром, Комплекс, Идея и Суперэгоизм. Некая раса, названная Пушистиками.

Они встали в дверях, пошептались, и повернувшись, пошли к своим местам. Первым шел Руиз, за ним главный судья, замыкал процессию Джанивер. Несколько мгновений они постояли, чтобы публика, которой они служат, могла увидеть их лица на большом экране, потом сели. Секретарь

начал традиционное вступление. В зале заседаний чувствовалось напряжение. Авес Джанивер наклонился и прошептал:

— Они все знают.

Как только секретарь закончил, к суду приблизился Макс Фрейн. На его лице не было никакого выражения.

— Ваша честь, мне стыдно об этом докладывать, но подсудимый Леонард Келлог не может быть представлен в суде. Он умер, совершив прошлой ночью самоубийство в своей камере. Это произошло во время моего дежурства, — резко добавил он.

Всеобщее возбуждение, наполнившее зал заседаний, не было потрясением, это был вздох исполнившегося ожидания. Все они знали об этом.

— Как это случилось, начальник полиции? — спросил Пэндервис.

— Заключенный был помещен в камеру; один из моих людей постоянно держал его под наблюдением, — Фрейн говорил монотонно, словно робот. — В двадцать два тридцать заключенный подошел к кровати, не раздеваясь, лег, натянув на голову шерстяное одеяло. Человек, наблюдавший за ним, не заметил ничего тревожного; большинство заключенных делает так, закрываясь от света. Некоторое время он метался, потом заснул.

Когда утром охрана пришла будить его, койка под одеялом была пропитана кровью. Келлог перерезал себе горло. Он пилил его молнией от рубашки до тех пор, пока не разрезал яремную вену. Он был мертв.

— Хорошенькое пробуждение, начальник полиции! — Пэндервис был потрясен. Он думал, что Келлог сумел спрятать перочинный нож или бритву, и приготовился строго наказать Фрейна. Но способ, подобный этому! Он потрогал пальцами зубцы молнии на своей куртке. — Я не думаю, чтобы кто-нибудь мог предвидеть подобный исход. Никто не мог ожидать ничего подобного.

Джанивер и Руиз согласились с ним. Начальник полиции Фрейн поклонился и отошел в сторону.

Лесли Кумбес, сделавший значительное усилие, чтобы казаться огорченным и потрясенным, встал.

— Ваша честь, как я понял, у меня теперь нет клиента, — сказал он. — Я теперь без работы; дело против мистера Хеллоуэя вести абсолютно невозможно. Он стрелял в человека, который пытался убить его, вот и все. Следовательно, ваша честь, я прошу аннулировать обвинение, выдвинутое против мистера Хеллоуэя, и освободить его из-под ареста.

Капитан Грибенфельд вскочил.

— Ваша честь, я прекрасно понимаю, что настоящий обвиняемый сейчас находится вне юрисдикции суда, но я и мои товарищи, принимающие участие в этом деле, надеемся, что суд установит классификацию планеты и утвердит определение разума, отвечающее современным требованиям. Это очень важные вопросы, ваша честь.

— Но, ваша честь, — запротестовал Кумбес, — мы не можем судить мертвого человека.

— Люди колонии Вепхамета против Джеймса Сингха, покойного, обвиненного в поджоге, А.Е.602, — вмешался досточтимый Густавус Адольфус Бранхард.

Да, в Колониальном законе вы можете обнаружить любой прецедент.

Джек Хеллоуэй, державший на сгибе руки убаюканного Пушистика, встал. Его белые усы серdito ошетинились.

— Я не мертвец, ваша честь, я здесь, на судебном заседании. Я сам пришел сюда и надеюсь, что это может быть доказательством того, что я не мертвец. Я стрелял в Курта Борча, потому что он содействовал убийству Пушистика. Я хочу, чтобы суд установил, что убивший Пушистика является убийцей разумного существа.

Судья медленно кивнул.

— Я не аннулирую обвинение, выдвинутое против мистера Хеллоуэя, — сказал он. — Мистер Хеллоуэй привлечен к суду за убийство. Если он невиновен, он имеет право публично доказать это. Боюсь, мистер Кумбес, вам придется вести его обвинение.

Словно ветер по хлебному полю, по залу заседания пробежала волна возбуждения. Наконец заседание началось.

* * *

Этим утром Пушистики были доставлены в суд: шестерка Джека, пятерка с полицейского поста, Флора и Фауна Бена Рейнсфорда и четыре Пушистика, на которых претендовала Рут Ортерис. Возник вопрос, кому постоянно следить за ними. Один из Пушистиков с полицейского поста, Живодер или Заморыш, вместе с Флорой и Фауной Бена Рейнсфорда выволокли откуда-то шланг от пылесоса. Ахмед Кхадра нырнул под стол, схватился за другой конец шланга и попытался вырвать его у них. Это было замечательно. Пронзительно визжа от восторга, они вцепились в свой конец, а Майк, Майзи, Суперэгоист и Комплекс побежали на помощь. Всемером они вы-

тащили Кхадру из-под стола и протащили его около десяти футов по полу, прежде чем он выпустил шланг и поднялся. В это время на другой стороне зала возник шумный спор между шефом Департамента языков Академии Мэллори-Порта и вдовствующей любительницей фонетики. Судья Пэн-дервис стукнул несколько раз молотком, но, поняв, что прекратить этот шум не так-то просто, объявил перерыв.

— Кто хочет, может остаться здесь. Если кто-нибудь из тех, кто обсуждает различные аспекты нашей проблемы, сможет дать нам окончательное определение, доказывающее разумность, мы будем благодарны ему. Заседание начнется в одиннадцать тридцать.

Кто-то поинтересовался, можно ли курить в зале во время перерыва. Главный судья разрешил. Джек достал сигару и закурил. Мамочка Пушистик замахала руками: ей не нравился табачный дым. Краешком глаза Джек видел, как вокруг столов бегают Майк, Майзи, Флора и Фауна. Когда он снова обратил на них внимание, они все сидели на судейском столе, а Майзи показывала судьям то, что было у нее в сумочке.

Он взял Мамочку и Малыша, поднялся и перешел туда, где сидел Лесли Кумбес. Кто-то принес из кафетерия кофе. Пушистикам очень нравилось в суде.

* * *

Молоток тихо стукнул. Маленький Пушистик вскарабкался на колени Джека Хеллоуэя. За пять дней, проведенных в суде, они все поняли, что молоток судьи призывает Пушистиков и всех остальных людей к тишине. У Джека мелькнула мысль сделать маленький молоток, когда он вернется домой, и пользоваться им, если семейство слишком расшумится. Малыш, который еще не понял значения стука молотка, спрыгнул на пол. Мамочка бросилась за ним и быстро затащила его под стол.

Зал заседаний снова стал похож сам на себя. Столы были выстроены перед судом в стройный ряд, а стул свидетелей и скамья присяжных отодвинуты на свое обычное место. Пепельницы, кофейник и лоханка со льдом, которую принесли для охлаждения пива, исчезли. Это было забавно, особенно для одиннадцати Пушистиков, Малыша и маленького черного котенка.

Но там была одна необычная особенность: рядом с судьями, чуть в стороне от них, сидел человек в шитом золотом мундире Военного флота и делал вид, что все происходящее

сго абсолютно не касается. Это был Космический командор Алекс Напьер.

Судья Пэндервис положил молоток.

— Леди и джентльмены, вы готовы продолжить заседание и высказать свое мнение? — спросил он.

Поднялся лейтенант Убарра, психолог Военного Флота. Перед ним находился информационный экран, и он включил его.

— Ваша честь, — начал он. — У нас есть разногласия по некоторым деталям, но во всех основных вопросах мы пришли к единому мнению. Все это уже отображено в протоколе. Разрешите мне подытожить и сделать выводы?

Судья разрешил. Убарра взглянул на экран и продолжил:

— Наше мнение таково: разумные существа отличаются от неразумных тем, что они могут мыслить сознательно и в логической последовательности, способны выражать свои мысли в символических терминах. Мы — имеется в виду член каждой разумной расы — думаем сознательно и знаем, что мы мыслим. Это не говорит о том, что вся наша умственная деятельность сознательна. Психологи утверждают, что сознательна только ее малая часть. Это можно сравнить с айсбергом, одна десятая часть которого торчит над водой, а девять десятых — затоплено. Искусство психиатрии в большой степени заключается в том, чтобы получить отдачу от этих девяти десятых, и как практикующий врач я могу засвидетельствовать это.

Мы так часто думаем сознательно, что, когда получаем из мозга какие-то неосознанные импульсы, характеризуем их как «предчувствие» или «интуиция». Такая проблема действительно существует. Мы так часто приписываем подсознательно сформированные действия решимости, что благодаря систематическим тренировкам можем вызвать, хотя и с трудом, эти автоматические отклики, от которых зависит наша жизнь в сражениях или в других критических ситуациях. До Первого Доатомного Века о подсознании было более чем смутное представление, но и сейчас мы знаем о нем не намного больше. Природа этих явлений все еще является темой язвительных профессиональных дискуссий.

К тому же подобные диспуты перманентно возникали в течение последних четырех дней.

Если мы изобразим разумное мышление как айсберг, то неразумное мышление можно сравнить с солнечным светом, отраженным от поверхности. Конечно, это не точная аналогия; неразумное существо ничего не может осознать, кроме

имеющихся фактов, но у него есть значительное поглощение и новое излучение подсознательной памяти. У них также существуют случайные вспышки, которые можно назвать сознательной умственной деятельностью. Доктор ван Рибик интересовался эволюционными аспектами этого вопроса. Если неразумное существо попадает в новую ситуацию или незнакомое окружение, оно может, поддавшись какому-нибудь импульсу, начать более или менее мыслить сознательно. Если подобное будет продолжаться в течение некоторого периода времени, это может положить начало привычке думать, которая со временем перерастет в подлинную разумность.

Разумное существо думает не только сознательно, по привычке, но и в связной последовательности. Оно соединяет различные вещи в логическую цепочку. Оно формирует заключения и использует их как предпосылки к более сложным заключениям. Оно группирует ассоциации и обобщает. Тут никакого сравнения нет с неразумными существами. Разумные существа не просто больше думают или больше осознают; они думают о радикально изменяющихся свойствах. Разумный мозг формирует идеи, объединяет их и почти не имеет границ абстрагирования.

В конце концов, мы пришли к одному из общепризнанных и нескрываемых проявлений разумности. Разумное существо употребляет символы. Неразумное существо не может символизировать, потому что его мозг неспособен дать явное ощущение образа на расстоянии.

Убарра отпил немного воды и повернул переключатель информационного экрана.

— Разумное существо, — продолжил он, — может делать еще одну вещь. Оно может сочетать эти три перечисленные способности, и, комбинируя их, создавать нечто большее, чем просто суммирование частей. Разумное существо может воображать. Оно может придумать что-то, что до него в мире не существовало, а затем, спланировав и начав работать, воплотить это в действительность. Оно может не только воображать, но и создавать.

На мгновение он сделал паузу.

— Это наше определение разумности. Если мы встретим какое-нибудь существо, процесс мышления которого включает в себя все эти характеристики, мы можем смело назвать его братом по разуму. И наше мнение таково, что Пушистики подходят под это определение.

Джек обнял маленькое разумное существо, лежащее у него на коленях, и Малыш, открыв глаза, пробормотал:

— Хи-инта?

— Малыш, ты подходишь под эту формулу, — прошептал он. — Вы присоединяетесь к людям.

Убарра продолжал:

— Они думают сознательно и думают постоянно. Мы знаем это, потому что анализировали с помощью приборов и сравнивали полученные данные с данными, взятыми у десятилетних детей человека. Они мыслят в связной последовательности; я прошу рассмотреть все логические ходы, которые они делают при изобретении, проектировании и изготовлении орудий убийства креветок, а также в разработке инструмента, которым они изготовляют эти орудия. Мы имеем множество доказательств того, что они способны обрабатывать информацию, ассоциировать, обобщать, абстрагировать и символизировать.

Но прежде всего они могут воображать не только новые орудия, но и новый путь жизни. Мы можем проследить это на первом контакте человека с расой, которая, как я думаю, будет определена как «Пушистик разумный». Маленький Пушистик нашел в лесу незнакомое и привлекательное место, место, не похожее ни на что, когда-либо им виденное, где жило могущественное существо. Он вообразил, что живет в этом месте и наслаждается дружбой и защитой этого таинственного существа. Так он и сделал, подружившись с Джеком Хеллоуэем и поселившись у него. Затем он представил себе, как его семейство разделяет вместе с ним этот драгоценный комфорт. Он ушел и привел их с собой. Как и многие другие виды разумных существ Маленький Пушистик имел прекрасную мечту. Как и немногие удачливые, превратил ее в действительность.

Главный судья подождал несколько минут, пока гремели аплодисменты, а затем стукнул молотком, призывая к тишине. Пошептавшись немного с другими судьями, он стукнул снова. Это сбило Маленького Пушистика с толку. Разве кто-нибудь шумел после того, как молоток ударил в первый раз?

— Единогласным решением суда определение, сформулированное лейтенантом Убаррой, принимается. Мы благодарим его и всех работавших над этой проблемой.

— Суд постановил, что вид, известный как «Пушистик Пушистый Хеллоуэя с Заратуштры», в действительности является расой разумных существ, имеющей право на уважение

всеми другими разумными существами и полностью защищенной законами Федерации Земли, — он стукнул снова, как бы вколачивая решение в закон.

Космический командор Напьер наклонился и что-то прошептал. Все три судьи выразительно кивнули, и офицер поднялся.

— Лейтенант Убарра, разрешите мне от имени Службы и Федерации выразить благодарность вам и всем людям, связанным с подготовкой ясного и превосходного рапорта, явившегося кульминационной точкой вашей работы. Я хочу также констатировать, что в рапорте, посланном мною в Бюро Научных исследований и развития, я отметил, какой важный прецедент дала ваша работа в определении разумного процесса мышления. Возможно, в следующий раз мы обнаружим расу людей, которая говорит на частотах, не воспринимаемых человеком, покрытых мехом, живущих в теплом климате, употребляющих сырую пищу, но мы будем знать, что это раса начинающих разумно мыслить существ.

Держу пари, Убарра получит еще одну нашивку и хорошую должность, подумал Джек. Затем Пэндервис снова стукнул молотком.

— Я почти забыл об обвиняемом этого судебного разбирательства, — сказал он. — Приговор суда гласит, что подсудимый Джек Хеллоуэй не виновен по существу предъявленного ему обвинения. При этом он освобождается от ареста. Если он или его адвокат подойдут сюда, залог им будет возвращен.

Он объявил о закрытии заседания и вновь озадачил Маленького Пушистика, ударив молотком. Вместо того, чтобы сохранять тишину, все вскочили с мест и стали шуметь, кто как только мог, а дядюшка Гус поднял его высоко над головой и заорал:

— Победа!! Единогласным решением!!

17

Рут Ортерис потягивала крепкий холодный коктейль. Это было великолепно, как это было хорошо, все хорошо! Нежная музыка, приглушенный свет, столики стоят далеко друг от друга. Она отошла от дел. Агент, который дал показания в суде, становился бесполезным для службы и словно находился в центре выжженного круга. Правление Земли сделало запрос и хотело отозвать ее, но она больше не могла быть лейтенантом Секретной службы и, кроме того, она стала миссис Герд ван Рибик. Она опустила стакан и потеряла солнечный камень на

своим пальцем. Это был прекрасный солнечный камень, и к тому же это был подарок Герда. А еще у них была семья, о которой надо было заботиться: четыре Пушистика и черно-белый котенок.

— Ты действительно хочешь перебраться на континент Бета? — спросил Герд. — Когда командор Напьер создаст новое правительство, главное место займет Научный центр. Нас восстановят на работе, а может, и предложат что-нибудь получше.

— А ты хочешь вернуться туда?

Он отрицательно покачал головой.

— И я тоже. Я хочу перебраться на континент Бета и стать женой искателя солнечных камней.

— И пушистологом.

— И пушистологом. Я не могу бросить их сейчас. Герд, мы же только начинаем. Мы почти ничего не знаем о их психологии.

Он серьезно кивнул.

— Но мы знаем, что они могут сравняться с нами и даже стать мудрее нас.

Она улыбнулась.

— О, Герд! Зачем ты утрируешь? Они словно маленькие дети. Они думают только о развлечениях.

— Это верно. Но я говорю, они мудрее нас. Вокруг них постоянно какие-то тайны, — некоторое время он молча курил. — Мы совершенно ничего не знаем о их психологии и биологии, — он поднял стакан и отпил глоток. — Здесь у нас восемнадцать Пушистиков. Семнадцать взрослых и один Малыш. Какова пропорция? В лесах малышей тоже единицы. На полторы сотни взрослых Пушистиков только десяток детей.

— Возможно, за последний год их численность увеличится, — начала было она.

— Нам известны какие-нибудь расы с одногодовым периодом созревания? — возразил он. — Держу пари, для того, чтобы полностью вырасти, им требуется десять или даже пятнадцать лет. За месяц Малыш Джека не прибавил даже на фунт. А другие головоломки? Это пристрастие к Рациону-три. За исключением небольшого количества пшеничной муки, это не натуральная пища, а сплошная синтетика. Я говорил с Убаррой, он думает, что туда входит какой-то компонент, который и вызывает это пристрастие.

— Может, они просто удовлетворяют свои гастрономические потребности?

— Ладно, это мы выясним, — он перевернул кувшинчик над своим стаканом. — Как ты думаешь, может, перед обедом нам стоит повторить?

Космический командор Напьер сел за стол, который совсем недавно принадлежал Нику Эммерту, и взглянул на невысокого мужчину в помятом костюме и с рыжими бакенбардами. Тот в ужасе смотрел на него.

— Боже мой, командор, вы можете быть серьезным?

— Но я совершенно серьезен, доктор Рейнсфорд.

— Да вы просто смеетесь! — взорвался Рейнсфорд. — Из меня выйдет такой же генеральный руководитель, как из Пушистика командующий базой на Ксерксе. Я еще никогда в своей жизни не занимался административным руководством.

— Это только рекомендация. Вы замените бывшего администратора.

— У меня же есть своя работа. Институт Ксенобиологии...

— Я думаю, при сложившихся обстоятельствах они будут рады избавиться от вас. Доктор, вы самый подходящий человек для этой работы. Вы эколог; вы знаете, какие губительные последствия влечет за собой нарушение природного баланса. Компания Заратуштры следила за всем этим, пока планета была ее собственностью, но сейчас девять десятых планеты является общественной собственностью. Теперь от Федерации сюда будут прибывать люди разных планет. Вы знаете, как надо контролировать подобные вещи.

— Да, но как член Комиссии сохранения или чего-то в этом роде, для чего подходит моя квалификация.

— Для Генерального руководителя. Всю вашу работу будет делать полиция. Вы можете назначить администратора.

— Хорошо, кого, например?

— Ну, прежде всего нам нужен Главный прокурор. Кого вы хотите назначить на эту должность?

— Гуса Бранхарда, — немедленно ответил Рейнсфорд.

— Хорошо. А теперь чисто риторический вопрос — кого вы назначите Специальным уполномоченным по делам туземцев?

Джек Хеллоуэй возвращался на континент Бета на полицейском аэробусе. Официальный Уполномоченный мистер Джек Хеллоуэй, специальный пассажир и его штат: Малень-

кий Пушистик, Мамочка, Малыш, Майк, Майзи, Ко-Ко и Золушка. Держу пари, они даже не подозревают, что являются специальными пассажирами...

— Хотите хорошую работу, Джордж? — спросил он Ланта.

— У меня хорошая работа.

— Эта будет лучше. Звание майора, восемнадцать тысяч в год. Комендант туземных сил защиты. К тому же за вами останется старая должность в полиции. Просто начальник полиции предоставит вам отпуск на неопределенный срок.

— Вот так штука, Джек! Мне нравится это предложение, но я не хочу оставлять своих ребят. Я не могу также выделить кого-то, чтобы не обидеть других.

— Забирайте с собой всех. Я уполномочен позаимствовать из полиции двадцать пять человек, а у вас только шестнадцать. Они будут обучать кадровый состав. Ваш сержант получит офицерское звание, а остальные будут сержантами. Ваше войско будет насчитывать полторы тысячи человек.

— Вы думаете, что Пушистикам потребуется такая мощная защита?

— Да. Резервация Пушистиков, расположенная между Кордильерами и Линией восточного побережья, будет охраняться. Только в этом случае Пушистики будут в безопасности. Вы знаете, что может произойти. Все хотят Пушистиков, даже судья Пэндервис обратился ко мне с просьбой дать ему парочку для его жены. Найдутся люди, которые будут охотиться за Пушистиками и продавать их. Они будут пользоваться оглушающими бомбами, усыпляющими газами и тому подобным. Мы организуем контору усыновления; Рут возьмет на себя это дело. К тому же там будут вестись исследовательские работы...

Черт бы побрал эту работу, подумал Джек. Работая на прииске, он имел более пятидесяти тысяч в год. Но кто-то должен делать это, а он теперь несет ответственность за Пушистиков.

Разве не он доказывал перед судом их разумность?

* * *

Они возвращались домой, домой — к Удивительному месту. С тех пор, как их посадили в мешки, они видели много прекрасных мест; место, где все светилося, где они могли прыгать очень высоко и опускаться очень мягко, место, где они встретили других людей и так много развлекались. Но сейчас

возвращаются к старому Удивительному месту в лесу, туда, где все это началось.

Они встретили много Больших существ. Некоторые Большие существа были плохими, но их было немного. Большинство Больших существ были хорошими. Даже тот, что убил человека, чувствовал сожаление за содеянное, они были уверены в этом. А то большое существо, которое забрало их из Удивительного места, они больше никогда не видели.

Он говорил об этом с другими — с Флорой и Фауной, Живодером, Комплексом, Суперэгоистом, Заморышем и Колымагой Бордена. Сейчас они все будут жить с Большими существами и носить эти забавные имена. Когда-нибудь они поймут, что означают эти имена. Возможно, это будет еще забавнее. А они могут научиться понимать Больших существ; теперь папочка Джек вкладывает что-то в ухо и слышит, что они говорят. Он даже выучил некоторые слова и учит их своим.

А вскоре все люди найдут себе Больших существ и будут жить с ними. Большие существа будут заботиться о них, играть и веселить, любить их и давать им Прекрасную пищу. Может, благодаря этому самки не будут умирать так быстро и большинство их выживет. А они смогут отплатить Большим существам. Для начала они отдадут им свою любовь и сделают их счастливыми. Позже, когда они узнают, чем можно помочь им, они сделают это, и люди и Большие существа все время будут жить в мире.

Конец первой части



Кэрол М. КЭППС

ЗАБЫТЬ О ЗЕМЛЕ

Фантастический роман

Перевод с английского

Он был достаточно высокого роста. Намного выше этих безволосых, меднокожих дронгалийцев, которые едва завидев его, обходили стороной, отчасти с опаской, отчасти с любопытством. Обходили так, как обходят старые покосившиеся дома, каждую минуту грозящие обвалиться. Он был остовом, обломком далекого прошлого. Живой анахронизм, которому осталось не так уж много до смерти. Впалые щеки его покрывала многодневная щетина, а дрожащие пальцы были желтыми от дрона. Причину этого нетрудно было отгадать — он находился на Дронгалии уже почти целый местный год (который немного короче земного) и уступил пороку с самого начала своего пребывания здесь.

Но вот уже много дней он не имел возможности получить то нежное, спокойное забытие, которое приносил с собой дрон.

Он остановился в тени деревянного покосившегося дома в начале замусоренной улицы — излучение солнца Дронгалии было более горячим, чем могла выдержать его кожа. Дом, о стену которого он оперся, не имел окон на первом этаже, а его единственная дверь была крест-накрест забита досками. Воздух в улочке был насыщен запахами еды и испарений от тел многочисленных представителей всевозможных рас, но над всем преобладал запах дрона. Этот запах казался ему сейчас родным и милым не только потому, что приносил успокоение, но и потому, что напоминал запах свежескошенного сена. Это был один из немногих запахов, которые он не забыл спустя столько лет, как покинул Землю.

Несущийся по ветру бумажный пакетик ударил его по ноге.

Он посмотрел на бумажку (очевидно, пустая упаковка от дрона) и со злостью пнул ее. Потом поднял голову и увидел присматривающегося к нему дронгалийского парня.

— Гляди получше, дьявол! — буркнул он на местного диалекте. — К тому времени, как ты заработаешь себе толстое брюхо, мы уже будем вымершей расой. И уже никогда больше тебе не доведется увидеть ни одного человека.

Подросток еще какое-то время пялился на него, но потом,

сплюнув на землю теплую жвачку дрона, вихляющей походкой пошел прочь.

Мужчина повернулся и поплелся в глубь улочки, чтобы там опять опереться спиной о стену очередного дома. Наверное, в сотый раз он пошарил в кармане своего выдавшего виды плаща, но пальцы нащупывали только листок бумаги. Вытащив его, он снова внимательно перечитал написанное:

«Джон Браузен!

Мне необходимо срочно переговорить с тобой.

Утром следующего дня приходи к северному концу улицы, на которой живешь.

Б. Ланге.»

Он покачал головой и снова засунул листок в карман.

— Джон Браузен... — пробормотал он себе под нос таким тоном, будто собственное имя вдруг показалось ему странным. — Командор Джон Браузен — Старший Офицер Разведывательного Отдела Космических Сил Земли...

Как же давно его называли этим именем! Как давно у него не спрашивали фамилию! В правительственных списках Дронгалии (а также нескольких иных миров, где он тоже имел «счастье» побывать) он фигурировал всегда одинаково: «Джон, землянин. Социальное положение — бродяга. Не судился. Профессии не имеет».

А как давно он не видел Барта? Последнее время они оба были наемниками на флоте Гохда. Это тогда погибло тридцать землян... С тех пор минуло по крайней мере лет пять... А тогда прошло около трех лет после Уничтожения.

Разве после Уничтожения прошло всего восемь лет?! Это означало, что ему сейчас всего тридцать семь, но он ощущал себя значительно старше. Ему казалось, что с того страшного дня должно было пройти гораздо больше времени. Он подумал: «Зачем это я понадобился Барту?» После Уничтожения осталось очень мало людей, меньше пятисот членов экипажа, и первые несколько лет они держались вместе. А потом, когда условия пребывания в чужих мирах разъединили их, с постоянно нарастающим нетерпением ожидали они новых встреч. Еще позже растущая безнадежность ситуации и отчаяние привели к тому, что им стало все равно, увидятся ли они еще когда-нибудь. Джон попытался вспомнить, сколько их еще могло быть в живых. Согласно последним сведениям, которые дошли до него, около ста человек служили наемниками на

разных флотах, а место пребывания шестидесяти или семидесяти человек точно не было известно. Остальные, сколько их там уцелело, были разбросаны по космосу, затеряны в далеких мирах, вроде этой проклятой Дронгалии.

Джон удивился, как это Ланге удалось его разыскать. Хотя, вероятно, это произошло благодаря тому, что на Дронгалию садилось довольно много торговых звездолетов. Конечно, все из-за этого дрона... Интересно, сколько Ланге имеет денег, а он должен их иметь, раз разыскал его. Неплохо было бы сконтакить с ним. Он подумал, что надо бы купить немного еды (мысль о том, что ему придется расстаться со своим старым плащом, служившим ему еще с Земли, болезненно отдавалась в сердце) и заплатить за угол в грязном притоне, где он сейчас обитал. Можно еще рискнуть купить дрона, но для чего?! Сейчас это уже не имело никакого значения!

Он, скучая, смотрел на границу света и тени, разделявшую узкую улочку почти посередине. До назначенного часа осталось совсем немного времени. Сколько Барт, интересно, сможет ему дать?! Джон задремал, опустив голову на грудь.

— Джон! Эй, Джон!

Браузен протер глаза, стряхивая сон. Концентрация взгляда на крупной фигуре в голубой одежде заняла у него почти минуту. Невероятно! Застегнутый на молнию комбинезон Барта был сшит точно по фасону служебного мундира Космического флота Земли! Джон с трудом поднялся. Сейчас, когда он смотрел на Барта, воспоминания живо вернулись к нему. Эмоции сдавили горло, и он едва смог сдержать слезы. Сильно пожав протянутую руку, Джон произнес:

— Барт! Сколько лет, сколько зим! Как чудесно снова увидеть тебя, Барт!

Ланге испытующе посмотрел на Джона, и в глазах его зажглись огоньки удивления.

— Да, Барт. Я наркоман. Бездарь, который живет на дозе дрона. Я получаю пособие, и этого мне вполне хватает на угол в ночлежке и жратву. Время от времени я подрываюсь рыть ямы, чтобы купить несколько горошин дрона. А ты... — он отпустил руку Ланге, рассматривая его комбинезон, с трудом проглотил слюну. — Ты отлично выглядишь, Барт. Служишь наемником? У кого? Или... — он внимательно осмотрел товарища. — По тебе не видно, чтобы ты недавно был тяжело ранен.

Ланге, нахмурившись, продолжал рассматривать Джона.

— Недавно флот Гохда участвовал в одной акции. А я как раз в это время служил там. И поэтому... — он махнул рукой. —

Вообще мне дали кое-какие деньги в уплату за услуги. Заплатили они неплохо, и к тому же не захотели, чтобы я после всего случившегося оставался на Гохде. Вот почему я в... — пауза в словах Барта была довольно значительной, — в некой колонии на планете Акиэль. Я собираю людей. Нас уже больше двадцати.

— Зачем?

— Мы хотели бы собрать весь наш старый экипаж. Владыка Акиэля может предложить кое-какую работенку.

Джон посмотрел Барту прямо в глаза.

— Ты прекрасно знаешь, что большинства из нас уже нет в живых. Это было дьявольски медленное умирание. А что можешь ты сейчас предложить, кроме новых смертей ради освобождения каких-то планет, ради вывоза сокровищ из одних миров, которые перед нами ни в чем не виноваты, в другие, также не имеющие никакого отношения к нам...

— На этот раз у нас есть настоящая цель, — с нажимом произнес Ланге.

— Ты меня удивляешь. Когда мы виделись в последний раз... — Джон вздохнул и пожал плечами. Если Ланге сам не чувствует пустоты этой бесцельной беседы, то нечего с ним спорить.

— Акиэль, — начал он снова, — что это такое? Никогда не слышал о такой планете. Что там есть такого, что могло бы нас, последних землян, толкнуть в какую-нибудь заваруху? В самом ли деле это так важно? — он замолчал, как бы собираясь с мыслями. — Мы всегда ставили перед собой цели, не так ли? И находили их, устраивая торги! Все вместе, вышколенные, дисциплинированные, неустрашимые мы держались за эту легенду день за днем. Потому что уже было все равно, погибнем мы или нет, поскольку только и оставалось думать, что мы можем что-то найти, или что-то уже нашли, или что дело должно выгореть. Но и этот запал прошел, борьба угасла. По крайней мере, для меня. Я думаю, что и ты этим пресытился.

Ланге подозрительно осмотрелся вокруг и, придвинувшись к Джону, зашептал ему на ухо:

— Колония, о которой я тебе только что говорил, заселена хелками.

Браузен отодвинулся от него.

— Хелками? — пробормотал он задумчиво. — Это значит, что вы находитесь в сфере влияния империи Вильмута?

— Нет, Джон! Я имею в виду свободных хелков. Об этой колонии Вильмут не имеет никакого понятия. Там у них на

Акиэле есть свой Омниарх, ему две тысячи двести лет. Он на несколько сот лет старше своих потомков, основавших колонию. В молодости он был рабом на Вильмуте, но ему удалось бежать с каторги, не оставив ни малейших следов!

Джон ощутил легкое головокружение. Он с минуту всматривался невидящим взглядом в дронгалийцев, которые обходили их, с интересом приглядываясь к двум чужакам, называемым землянами. Затем Браузен вздохнул и произнес:

— Не скажу, что у меня есть большое желание опять затевать драку с Вильмутом. Да, я буду их ненавидеть пока живу, и готов покаяться, что вряд ли кто-либо из нас когда-либо перестанет их ненавидеть. Но в конце концов, в чем их можно обвинить? Мы отправились в космос, о котором имели очень смутное представление. А когда встретили что-то, от чего надо было драпать сломя голову, схватились с ним, как будто были самыми великими воинами в Галактике. Это было такой глупостью, результатом такого заблуждения, что даже наше происхождение не могло послужить оправданием! И... Ну что ж, мы и проиграли.

Ланге внимательно слушал.

— Да, — кивнул он. — Мы тогда бросились в драку сломя голову и потеряли все. Но сейчас совсем другое дело. Этот беглый хелк в течение двух тысяч лет имел шпионов в империи Вильмут. Понимаешь, Джон, в течение двух тысяч лет! Он видел гибель Земли и знает причины гибели, истинные причины! Он видел, как мы воевали, стараясь не допустить превращения Земли в очередной придаток империи, и как из нас хотели сделать рабов, и он отлично понимает наше решение: «Не бывать этому!» Джон, он потратил много времени, чтобы хотя бы как-то уберечь нас. Он планировал оставить несколько женщин для возрождения расы землян. Несколько высокопоставленных особ потеряли свои посты только ради того, чтобы мы, маленькая горстка людей, могли избежать участи остальных землян. Представляешь, как они были поражены, когда узнали, что среди спасшихся не осталось ни одной женщины. Вся солнечная система была тщательно обследована, но увы, никого больше не удалось обнаружить.

Джон вдруг ощутил, что его тело дрожит. Он расправил плотно сжатые пальцы и глубоко вздохнул.

— Даже если бы это и было правдой, то ЭТО уже свершилось. Если бы я встретил здесь какого-нибудь вильмутца, он наверняка не ушел бы живым из моих рук. Но взять сейчас всех оставшихся наших и двинуться на империю... Нет, Барт. Я уже

тень, оставшаяся от человека, и мне уже не стать тем, чем был когда-то. И... вообще это смешно. Ты в самом деле думаешь, что он может что-то сделать против Вильмута?

Ланге скривился. Он сделал шаг вперед и схватил Джона за отвороты изношенного плаща.

— Послушай меня, Джон, черт побери! Да будет тебе известно, что не все женщины погибли! Больше ста еще живы! И все в возрасте, вполне пригодном для деторождения. И этот Омниарх с Акиэля знает, где они, и обещает помочь нам добраться до них!

Кровь прилила к голове Джона, но через миг это прошло, и он горько рассмеялся:

— Но это же глупо, Барт! Неужели мы снова попадемся на эту удочку? Ну так знай, что единственное, что меня сейчас волнует, это дрон. По крайней мере, этот наркотик приносит минутное забвение, и хотя в конце концов все же сжигает тебя, по крайней мере не делает человека чокнутым на несуществующих бабах!

Ланге усмехнулся:

— Послушай, командор Джонатан Браузен, имя которого еще несколько лет назад было знаменем для всех землян и многих чужаков в целом секторе Галактики! Это говорит тот, кто перехитрил весь вильмутский специальный разведывательный корпус и разделался с ним, командуя всего несколькими кораблями. Тот, кто может командовать любым космическим флотом, только пожелай он этого! Хелки, о которых я тебе говорил, очень хорошо изучили всех нас. И Омниарх решил, что только ты можешь совершить то, что он задумал. Только ты из всех людей! Только ты сможешь снова связать нас воедино... — Ланге вздохнул и после короткой паузы снова продолжил. — Этот хелк правил задолго до того, как Колумб переплыл океан, не говоря уже о первых полетах человека в гиперпространстве. Это он организовал вывоз тех женщин. Это он устроил все так, что вильмутцы совершили посадку на Земле и, имея на руках фальшивые документы (даже не подозревая об этом) вывезли несколько тысяч молодых женщин для якобы санкционированных научных исследований. Это он организовал исчезновение некоторых из них и сфабриковал документы, скрывшие эту пропажу. Пойми, Джон! Сколько хелков погибло при реализации этого плана! Омниарх рассказал мне все до мельчайших подробностей, показал фотографии...

— Барт, будь рассудителен! — перебил товарища Браузен. — Фотографии можно подделать! И разве возможно, что-

бы такой интриган, как Омниарх, даже выдавая себя за того, за кого выдает, рисковал всем и сделал так много, чтобы поддержать существование какой-то неизвестной расы? Что мы для него?

— Проклятье! Разве ты не можешь понять, Джон, что это наши собственные возможности повлияли на хелков. Омниарх до сих пор считает, что мы были в силах покончить с империей, если бы были хоть немного рассудительными и знали, что почем! Нам надо было действовать умнее. Что же касается того дела, которое он предлагает нам, думаю, что оно является частью какого-то грандиозного плана, выдуманного хелками. Он хочет, чтобы мы добровольно приняли участие в деле. Ведь он знает, как мы умеем драться. А теперь попробуй посмотреть на все это глазами вот такого Омниарха.

Джон всматривался в Ланге, ощущая, что кровь снова мощными толчками начинает пульсировать в голове. Было это похоже на правду? Да, было. На первый взгляд все выглядело страшно неправдоподобно, но именно эта неправдоподобность и давала шанс. Бесконечно малый, невероятный, давно утраченный, благословенный Шанс!

Две слезинки скатились по его давно не бритым щекам.

2

Подлатанный невооруженный звездолет-разведчик, списанный из Гохдонского флота и отданный Барту Ланге, в счет платы за службу, вышел из гиперпространства в одной десятой светового года от солнца планеты Акиэль. Барт определил свое положение и совершил несложный маневр кораблем, выводя его на орбиту вокруг планеты. Внизу расстилался зелено-голубой мир, покрытый джунглями и кое-где саваннами. Мир, лишенный океанов, но зато с бесчисленными малыми морями, озерами и реками. Оба полюса планеты покрывали небольшие ледники. Атмосфера планеты была относительно плотной. Сила тяжести составляла немного меньше одного «g». Здесь не было больших горных массивов. Планета имела явно умеренный климат, судя, конечно, по первому впечатлению.

Даже с высоты пяти тысяч футов на поверхности планеты не было видно ни одного космодрома. Барт запрограммировал бортовой компьютер на посадку и, глядя на данные, высвечивающиеся на экранах приборов слежения, обратился к Джону:

— Если бы сейчас в окрестностях Акиэля появился ка-

кой-нибудь неизвестный корабль, нам бы пришлось срочно совершить посадку, чтобы скрыть всякие следы техники возле этой планеты. Здесь, на Акиэле, не найдешь ни радио, ни телепередатчиков, не говоря уже о фабриках или заводах. Здесь нет даже центральной энергостанции, излучение которой можно было бы уловить из космоса. Кроме того, солнце Акиэля лежит вдали от обычных торговых путей. Омниарх говорил мне, что за все время их нахождения здесь только четыре чужих звездолета появлялось на экранах дозорных локаторов, и только один из них приблизился настолько, что его можно было идентифицировать.

— Если они для этого держат детекторы массы на орбитах вокруг своего солнца, — буркнул Джон, — они должны быть мастерами миниатюризации. Например, вон та точка в углу экрана Ф-2. Обломок скалы не больше моего кулака. И если мы видим такую мелочь, то почему не наблюдаем на экранах ни одного их детектора? Кстати, как осуществляется передача полученных данных? Ведь датчики должны несомненно иметь связь с планетой!

— Должны! — Барт кивнул головой. — Но чтобы засечь хоть один детектор, надо было бы уловить сам момент передачи.

Он протянул руку и, переключив что-то на пульте управления, направил корабль на травяное поле, расстилавшееся внизу.

— Ты что, заметил космодром? — удивился Джон.

— Нет, — рассмеялся Барт.

Звездолет замер в двух дюймах от поверхности планеты.

Внезапно изображение на экранах стремительно изменилось. Затем свет солнца на верхнем резко погас, и их охватила темнота. Через мгновение они были уже на широком бетонном пандусе и съезжали вниз. Остатки дневного света на экранах внешнего обзора исчезли в тот момент, когда массивные створки тяжелых ворот сомкнулись над кораблем, но через мгновение загорелось несколько ярких ламп и осветило их. Корабль мягко сдвинулся от входа и замер. Барт нажал три кнопки на клавиатуре компьютера, и воздух Акиэля с тихим свистом вошел в корабль. Пряный, насыщенный озоном воздух сильно пах свежими листьями. Перед взором выглянувшего наружу Джона промелькнули две фигуры, покрытые темным пухом или шерстью. Через несколько минут у входа в корабль появился Большой Самец хелков. Он был стар. Весил — добрых восемьсот фунтов; кожа на его лице была серой, а каждая из четырех ног — толще бедра взрослого муж-

чины. Джон вспомнил, какое впечатление произвели на него первые увиденные им хелки. Эти существа имели бычьи ноги, массивные и безобразные. На этом сходство с обычными коровами кончалось. Шея и голова хелка росли из мясистого бугра посреди туловища. Оттуда же вырастали две мощные руки, которые оканчивались большими волосатыми кистями с четырьмя огромными пальцами. На ногах не было копыт, а только ороговевшие пальцы, похожие на когти тигра. Где у этих существ перед, а где зад, можно было определить только по тому, в какую сторону были направлены стопы и лицо (хотя гибкая и длинная шея позволяла им поворачивать голову на полных сто восемьдесят градусов). Все остальные органы (в частности, выделения и размножения) располагались под туловищем и с первого взгляда не были заметны.

Представительный хелк зашевелил толстыми губами и заговорил по-английски с почти неуловимым акцентом, который у чужаков обычно был силен.

— Приветствую вас на Акиэле, командор Браузен. Очень долго я ждал этого дня, — голос Омниарха был приятным и глубоким, слова он выговаривал медленно и мягко. — Давайте пройдем ко мне и поговорим.

У выхода из подземного ангара промелькнуло несколько хелков, более мелких, чем Омниарх, и более жидкого телосложения — очевидно, простые работники низшего уровня. Еще по дороге попало несколько особей с более развитыми головами, очевидно, приспособленные для более интенсивного мышления. Эти существа смотрели на Джона, кивая в знак приветствия головами и зыркали глазами в сторону старого хелка (в знак уважения, как выяснил потом удивленный Браузен). Эти хелки чаще всего несли какие-то приборы и инструменты, что отличало их — техников — от простых рабочих. Возле ангара встретилось несколько хелков, таких же рослых, как и Омниарх, с когтями на пальцах ног и рук, морды которых украшали страшные ощеренные зубы. Это были воины — хелки особого вида, неспособные к размножению. В ремнях, или, вернее, в подпругах, опоясывающих их крупные тела, закреплялось лучевое оружие. Но, кроме Омниарха, Джон и Барт увидели только еще одного Большого Самца, помельше ростом и помоложе. Но нигде им не повстречалось ни одной особи женского пола.

Джон знал, что жизнедеятельность хелков похожа на жизнь земных пчел и муравьев. Но сейчас, находясь в гуще всевозможных хелков, он внезапно понял, что это сходство было намного больше, чем он мог предполагать. Большой Самец был

не просто отцом многочисленного семейства, — он вырабатывал в своем организме особые гормоны, определявшие пол и рабочие функции будущих новорожденных. Таким образом, Большой Самец определял, как будет развиваться и кем станет «амбион» — ребенок-хелк. Были и еще какие-то другие зависимости, которые Джон так и не смог понять. Но одно было вполне ясно — наивысшим интеллектом в этом «муравейнике» обладал только Большой Самец.

Джон и Бартон уселись в кресла, приспособленные к фигурам гуманоидов, (существа гуманоидного типа преобладали в близлежащих секторах Галактики).

На низком столике перед мужчинами стоял графин с ферментированным соком и три стакана.

Омниарх остался стоять. Минуту он спокойно вглядывался в лицо Джона с характерным для его расы взглядом — слишком короткие губы не скрывали полностью больших зубов.

— Я вижу, что ты перестал употреблять дрон, — сказал он. — Это хорошо. А то я уже начал волноваться.

Джон покраснел.

— Я чувствую себя исключительно хорошо, — буркнул он. — Барт говорил мне, что у вас есть какие-то фотографии...

— Да.

Хелк достал папку и, подойдя к столу, отодвинул в сторону графин. Бросив папку на освободившееся место, сказал:

— Здесь целая серия. На фотографиях показана погрузка женщин на космолеты. Обратите внимание, друзья, на их возраст, тела и состояние. Некоторые из этих женщин еще совсем не сформировались. Выглядит это, к моему прискорбию, довольно жалко. Уверяю вас, хелки не стали бы принимать участие в этом, если бы у них была возможность выбора.

Однако, что не говори, это было весьма убедительное зрелище. Джон чувствовал как поднимается какая-то злость... Некоторые из этих фотографий... Он посмотрел на Омниарха.

— Но вы же сами затеяли все это!

— Да, проводил эту операцию я. Но это вильмутские врачи-экспериментаторы отдали нам такой приказ. Прошу вас, обратите внимание на остальные снимки. Вот эти фотографии демонстрируют группу женщин, которых нам удалось похитить с разведывательной станции.

На цветных снимках были видны женщины, конвоируемые хелками-техниками и хелками-воинами. Последние фотографии изображали местность, куда переправили этих не-

счастливых. Обыкновенная долина, вся в цветах. Выглядела она вполне обычно, если не считать нескольких странных кустов справа в углу.

Джон, все еще содрогаясь от гнева, отодвинул фотографии от себя.

— Хорошо. Предположим, вы меня убедили. Но Барт говорил, что вы не собираетесь доставлять нас туда и сообщать нам местонахождение их планеты. Мне сказали, что мы должны что-то сделать для вас. Что?

Хелк моргнул.

— Вы должны понять, — начал он, — что мои планы весьма обширны и не позволяют мне быть слишком деликатным с кем-либо. Но я надеюсь, что, кроме всего прочего, вы все же согласитесь играть ту роль, которую я вам приготовил.

Джон с трудом проглотил слюну, чтобы хоть как-нибудь уменьшить ощущение сухости в горле, которую ни сок, ни вода не смогли умерить.

— Во всяком случае, я рад, что вы с нами откровенны. Почему вы не сообщаете нам, в каких условиях находятся женщины сейчас?

Хелк почесал шсю огромным волосатым пальцем.

— Не сообщаю я вам это потому, командор Браузен, что кто-нибудь из вас может попасть в руки имперцев. Было бы очень плохо, если бы они узнали от вас кое-что, прежде чем убить. И это повредило бы мне. Поэтому я буду молчать; более того, несколько ваших людей должны будут остаться у нас как залог наших добрых отношений. Поверьте мне, женщины находятся в такой безопасности, какая только возможна.

— Ладно. В нашем положении торговаться нет смысла. С чего начнем?

— Вы будете работать у вашего старого знакомого Вез До Гана — Командующего Силами Обороны Гохда. Должен сказать, что у меня в жизни было несколько неприятных случаев, когда я чуть было не погиб. Поэтому я взял за правило все работы выполнять только с помощью наемников. Так вот, Вез До Ган согласился расплатиться со мной некоторым количеством кораблей, которые гохдонцы добывали на протяжении нескольких веков. Это восемь вильмутских разведывательных звездолетов и один легкий крейсер с массой покоя шестьдесят земных тонн. Он довольно стар, но сейчас отремонтирован и вооружен дополнительными лучеметами. Боекомплект не полон, но гохдонцы обязались достать еще вильмутских снаря-

дов. Кроме того, мы обговорили с ними, что вы можете считать своими все корабли, которые добудете в бою.

— Это вы договаривались с Вез До Ганом?

— Да, я уже давно присматривался к нему и к деятельности его предшественников в области разведки. А теперь я хотел бы обратить ваше внимание еще на одно обстоятельство. Вы не знаете координат Акиэля, сообщать их ему нет никакой необходимости. Так будет лучше и для вас и для нас. Группа людей, которая останется здесь, будет находиться в максимальной безопасности. Поэтому я хотел бы, чтобы они не были вооружены. Во избежание всяких недоразумений. Понимаете?

Джон почувствовал, как вытянулось его лицо. Он взглянул на молчащего Барта, затем снова на Омниарха.

— Что еще мы должны будем сделать, когда закончим работу у гохдонцев?

— Я хотел бы... — медленно проговорил хелк, — чтобы вы осуществили почетный эскорт некой группы невооруженных кораблей. Но об этом пока рано говорить. Вообще говоря, предполагается, что вы должны будете участвовать в нескольких небольших сражениях.

— Сражениях?! — Браузен глубоко вздохнул. — Наверное, вы хотели сказать стычках. Что можно сделать с одним легким крейсером и несколькими маленькими разведчиками?

— Добавьте еще то, что вы добудете в бою. Хотя признаю, что это немного. Но у меня для вас есть еще кое-что.

— Да?

Омниарх спрятал фотографии в папку и аккуратно положил ее на столик.

— Может быть... — медленно начал он, — вы видели какие-нибудь предметы, сделанные клипами? Или слышали об этом народе какие-нибудь легенды, предания?

Джон пожал плечами.

— А кто не слышал? Памятники, сделанные из металла, состав которого до сих пор никто не может определить, и которые стоят уже двадцать или тридцать тысяч лет и не ржавеют. Фрагменты записей, которые являются величайшей тайной для ученых всех разумных рас Галактики. Какие-то предметы...

— Я все это знаю, — казалось, что Омниарх выдавливает из себя слова. — И я также знаю, где можно раздобыть звездолет клипов. Целый, полностью укомплектованный, с источником энергии, готовый к действию. Это не военный корабль, но его можно было бы обшить броней... Это очень мощный ко-

рабль. Я со своей стороны помогу вам разобраться в его управлении и обслуживании. Я много лет занимался исследованиями технологии клипов и кое-что о ней знаю...

— Это серьезно? — Джон выпрямился в кресле. — Вы и в самом деле знаете, где находится действующий звездолет клипов?

— Да. И это часть моего плана.

Джон посмотрел на ошеломленного Барта. Оглядел графин на столе, но решил, что сок не удовлетворит того мерзкого желания, которое охватывало его все сильнее.

— Когда же мы получим этот корабль? — спросил он.

— Когда будут улажены все дела с Вез До Ганом. Такой корабль наверняка пригодился бы вам в любом случае, но я не хотел бы, чтобы слух о вашем чудо-корабле мгновенно разошелся по всей Галактике. Ведь появление звездолета клипов вызвало бы сенсацию, всполошило бы всю Галактику. Поэтому мы пойдем на мелкое надувательство; лучше, чтобы Вез До Ган не знал пока о существовании такого корабля. Его нужно еще забрать с планеты, находящейся в секторе Гохд. Ган не догадывается об этом. Нужно раздобыть официальное разрешение на посещение какой-нибудь планеты. Остальное — дело техники. Поэтому вы должны будете договориться с Везом, что в ваше вознаграждение будет входить еще и разрешение поселиться на этой планете. Но не на той, где находится звездолет, а на какой-нибудь другой, которая соответствовала бы условиям жизни вашей расы. Впоследствии вы действительно сможете поселиться там со своими женщинами и породить расу Хомо Сапиенс.

— Мне не очень нравится ваша мысль с обманом Веза, — Джон нахмурился. — Этот гохд всегда хорошо относился ко мне и к моим людям.

— Как и ко мне, — хелк усмехнулся. — И я тоже всегда хорошо относился к нему. Но в складывающейся ситуации это неизбежно. Я объясню вам все подробнес и вы, думаю, согласитесь со мной.

Заметив, что Джон беспрерывно глотает слюну, Омниарх наполнил бокал и подал ему.

— И еще одно. Вы можете находиться на Акиэле, пока не начнете приготовления. Я хотел бы, чтобы они начались на какой-нибудь другой планете. Может быть, Вез До Ган даст вам такую? На Акиэле не должно происходить ничего подозрительного.

— Хорошо, — буркнул Джон. — Но вы будете хотя бы поддерживать с нами связь?

— Из осторожности я тоже покину планету и отправлюсь в специально подготовленное убежище. Оттуда я через посредников непременно буду контактировать с вами.

3

- Бунстил?
- Здесь!
- Камерон?
- Здесь!
- Домиано?
- Здесь!

Долгую минуту Джон вглядывался в лист, видя лишь расплывшиеся буквы. Сколько фамилий, подумал он, уже не будет в этом списке. Вероятно, еще не все мужчины добрались до места сбора. Они постепенно соберутся здесь. Но их фамилии так и не заполнят этот лист до конца...

Джон закончил переключку и обернулся, чтобы посмотреть на вырисовывающийся во мраке корпус боевого шестидесятитонника. Как и большинство кораблей этого класса, он имел вид низкого широкого цилиндра. Его корпус, усеянный многочисленными выступами, образованными броней, антеннами, датчиками-сенсорами, поднимался на высоту почти двухсот футов. Это был не самый большой корабль, который доводилось видеть Джону в своей жизни. Он был ненамного больше звездолетов, построенных на Земле в тот малый промежуток времени, который Земля смогла отвоевать себе в боях.

Но важно было то, что корабль, построенный в империи Вильмут, был хорошо оснащен. Снаружи не было заметно никаких повреждений — хелки хорошо поработали, восстанавливая его.

Джон повернулся к товарищам.

— Это наш флагман, по крайней мере, на какое-то время. Мы можем назвать его «Луна». Если помните, так назывался спутник нашей Земли. И это была первая планета, на которую ступили наши предки.

Собравшиеся молчали.

— Как вы уже знаете, наша цель — найти женщин, — продолжал дальше Браузен. — И вы, наверное, слышали, что первым нашим шагом в достижении цели должна быть работа для Гохд. Но на этот раз мы не будем с ними сотрудничать.

Это будет не совместная работа. Мы будем работать самостоятельно.

Мужчины молча стояли, ожидая продолжения. На их лицах читались самые различные чувства: надежда, недоверие, апатия, отчаянная решимость. Не было только бездумного энтузиазма и хмурых мин. И все же Джон ощущал, что в каждом из них, как и в нем самом бьется горячее сердце, наполненное ожиданием и верой — сердце, уже уставшее болеть за многие годы отчаяния.

В голове командора теснилось множество слов, которые ему хотелось бы произнести, но сказал он только одно:

— Ну что ж, друзья. Это пока все. Остальное прочтете в инструкциях.

Хелки под руководством Большого Самца, замещавшего Омниарха, тщательно переоборудовали старый звездолет Вильмута и создали на нем условия для нормальной жизни людей. Новейший вид привода — гравиторы были отрегулированы настолько ювелирно, что можно было поднять корабль на дюйм от бетонного пола огромного ангара, где он был укрыт вместе с другими кораблями и затем опустить его обратно без малейшего толчка и без какого-либо намека на инерцию. Такая тонкость регулировки имела большое значение во время боя, когда в любой момент могла возникнуть необходимость мгновенного торможения или молниеносного изменения направления полета. Поля нейтрализации должны были с одинаковой силой действовать одновременно с приводом как на каждый элемент корабля, так и на пассажиров. В противном случае корабль и члены его экипажа были бы разорваны чрезмерно большой силой инерции.

Удивительно, в который раз подумал Джон, как много рас (по крайней мере, гуманоидных) открыли гравитонную тягу, а потом и нуль-пространство гиперсферы, достигнув почти одного и того же уровня технологического развития. Словно это было запрограммировано в развитии каждой цивилизации.

4

Гохдонцы были гуманоидной расой. Джону всегда казалось, что они были тем, чем могли бы стать и люди, будь у них достаточно времени на то, чтобы лучше узнать Вселенную, занять большее число секторов в космосе и приобрести уважительное отношение и хорошие манеры. Последнее не в смысле

поведения и умения держать вилку, а в смысле определенной, довольно циничной политики давления и империалистических захватов, войн, интриг и злодейств.

Вез До Ган был типичным представителем своей расы. Он обладал ростом около шести футов, широкими плечами и весьма массивным телом. Истинная сила его мышц маскировалась их кажущейся мягкостью и тонкостью. Пальцы (по пять на каждой руке, как и у человека) были довольно непривычной, с человеческой точки зрения, формы — лопатообразной — и имели грубые широкие ногти. Джон не представлял себе, почему пальцы были такого странного вида.

Большая часть лица и тела гохдонцев была покрыта волосами. Это были удивительные короткие, нежные волосики, торчащие во все стороны и от того напоминающие пух, причем у всех — разного цвета. У Вез До Гана этот пух был серым с голубым отливом.

Лица гохдонцев, как и всех гуманоидов космоса, сначала шокировали людей, но постепенно к ним можно было привыкнуть. В профиль носы гохдонцев были треугольной формы и торчали вперед, словно вымпел или руль. Ноздри (отверстия, расположенные очень близко друг к другу) мгновенно закрывались в случае надобности. Щеки были шире, уши более длинные, чем у людей, а глаза меньше и глубже посажены.

Вез До Ган довольно оригинально смеялся. Характерным был также его способ морщить брови. Бросив острый взгляд в сторону Джона, он развел в сторону руки:

— Как бы то ни было, командор, — воскликнул он на главном диалекте Гохд, — я рад, что снова увидел тебя, и что ты снова в форме. Несколько лет я искал тебя и с горечью узнал, что ты живешь в Дронгалии. Тогда на десять дней в знак траура я поднял на своем флагмане связку черной травы.

Джон пожал плечами:

— Да, я был наркоманом и уже не надеялся, что когда-нибудь попаду в космос. Но теперь с этим покончено.

Говоря это, он страстно желал, чтобы его слова оказались правдой.

Вез До Ган сжал и раскрыл ладонь — этот жест означал подтверждение или одобрение. Одновременно он направил взгляд своих маленьких темных глаз на экран детектора массы.

— Похоже, еще два ваших корабля вышли из гиперпространства.

— Да, — кивнул Браузен. — Я приказал им прибыть сюда. Они немного запоздали, так как должны были по дороге

подобрать кое-кого из наших людей. Я предупредил, чтобы они выходили на безопасном расстоянии от вашего рейдера, иначе вы могли бы легко принять их за шпионов или агрессоров. Они ведь очень сильно смахивают на обычные боевые разведывательные корабли Вильмута. Разве что Омниарх смонтировал на них несколько дополнительных пусковых установок...

— Хорошо! По правде говоря, мне бы хотелось видеть на них побольше лучеметов и броню немного другой формы. Вам ведь придется работать под боком имперцев. А они довольно хорошо знают уязвимые места своих кораблей. Но, в конце концов, сейчас это не так уж и важно. Кстати, тебе известны подробности дела?

Джон сделал жест отрицания, закрыв правую ладонь левой:

— Хелки сказали мне очень мало. На тот случай, если бы мы попали в лапы к Вильмуту.

— Если бы я был на его месте, — Вез хитро усмехнулся, — и имел бы дело не с тобой, моим старым товарищем по оружию, а с кем-нибудь неизвестным, и притом в первый раз, то, пожалуй, я прибегнул бы к еще более действенным мерам предосторожности. Например, пристроил бы в ваших кораблях некие взрывчатые устройства на случай пленения. Но хелки настолько чокнутые на пункте порядочности, что в значительной мере и явилось причиной их порабощения Вильмутом. Но сейчас... — Вез До Ган обернулся к экрану, на котором развевталась звездная картина этого сектора Галактики. — Перейдем к делу. На расстоянии около семисот световых лет от нас вдоль спирального рукава Галактики расположена империя Бизх. Это означает, что она находится почти в тысяче световых лет от Вильмута...

Гохдонец вновь взглянул на детектор массы. Такой вояка, как Вез, отметил про себя Браузен, всегда старается видеть и знать, что делается вблизи его корабля.

— На случай, если тебе это не известно, — продолжал Вез До Ган, — бизхи являются существами негуманоидного типа с десятью лучеобразными конечностями. Их восприятие материи для нас несущественно, хотя некоторые обычаи... Достаточно знать, что эти... обряды на наш взгляд довольно... отвратительны. В ближайшем будущем бизхи не смогут составить угрозы для Гохда, однако с недавнего времени они непрерывно совершают набеги на северные территории двух наших союзников. Это гуманоиды, но, думаю, бизхам до этого нет дела. Всякий раз, когда происходит набег, мы предоставляем

союзникам свою помощь — ведь они являются в определенном смысле преградой между нами и бизхами.

Джон внимательно разглядывал нечеловеческое лицо гохдонца.

— Это смахивает на сведение счетов, — покачал он головой. — Но почему тогда работа, которую мы должны сделать для вас, связана с Вильмутом? А причем здесь Бизх?

Вез До Ган улыбнулся.

— Не торопись, землянин. Со временем ты все узнаешь. Думаю, что Омниарх здорово махал пальцами, когда не хотел раскрывать свои секреты. Для достижения своих целей он уже не первый раз прибегает к интригам между государствами. Это была его идея — впутать сюда Вильмут... — улыбка гохдонца стала слегка насмешливой. — Поэтому мы и займем бизхов чем-нибудь интересным, по крайней мере, на какое-то время.

Джон посмотрел на свои ладони. У него возникло чувство, будто его руки скованы наручниками, а ключи от них положили в карман Омниарху. Но сейчас он не имел никакого желания выкладывать Везу все подробности своего договора с хитрым хелком. Он ограничился тем, что сказал:

— Хорошо. Я проработаю все данные, которые ты мне представишь. А теперь... Осталось еще договориться об условиях оплаты. Я оставляю себе все корабли и оружие, которые будут захвачены в боях.

— Конечно, дружище.

— И вот еще что. День за днем, час за часом мы приближаемся к неотвратимому концу. До сего времени мы были разбросаны по всей вселенной и, как ты сам знаешь, многие из нас совсем опустили руки. Мне это тоже знакомо. Наша раса скоро исчезнет. Я думаю, что, пока мы все еще существуем, мы должны держаться вместе, помогая другу другу и сохраняя чувство собственного достоинства и национальной гордости. И тогда, может быть, мы сумеем оставить после себя нечто большее, чем одинокие безымянные могилы. Может быть, мы создадим памятник или напишем книгу, сложим песню... Мы хотели бы получить какую-нибудь одинокую планету, на которой могли бы коротать старость. Но она непременно должна находиться в секторе, удобном для нас.

Вез смотрел на Джона много дольше, чем это требовалось, потом усмехнулся:

— Хорошо. Хотя, признаюсь, мне странно слышать такую просьбу из уст самого смелого и твердого солдата Вселенной. Итак, я обещаю, что выберу для вас какую-нибудь нео-

битаемую планету, соответствующую условиям жизни вашей расы где-нибудь в моем секторе. Это все?

— Да, это все...

— Ладно. Мы еще увидимся перед вылетом. Доставим вам снаряды и источники энергии. Кроме того, вы должны получить еще четыре вильмутских разведывательных корабля. Они были немного повреждены в бою, но специалисты отремонтировали и испытали их. Вот теперь действительно все. До встречи.

— До встречи, Вез.

5

Джон внимательно следил за недовольным лицом Барта.

— Их оказалось гораздо меньше, чем мы предполагали, — произнес Ланге. — Из двухсот семидесяти трех человек, которые должны были прибыть, в наличии пока что всего двести пятнадцать. Судя по списку утвердительных ответов, мы можем рассчитывать еще человек на сорок.

— Всего? — удивленно поднял брови Джон. — Кстати, я не хотел говорить об этом при всех, поскольку не знаю, как это отразится на моральном состоянии наших людей... Дело в том, что незадолго до нашей с тобой встречи я наткнулся на одной планете на группу людей.

— Они что, живут там, Барт? — Джон выпрямился и посмотрел на своего заместителя.

— Да, они живут на планете Десса.

— И что же ты молчал?

— Они живут там, и главный у них Гумберт Доаль.

Джон положил руки на стол и с силой налег на них, чтобы не дрожали.

— Думаю, придется оставить их в покое, — процедил он. — Гумберт весьма откровенно высказался обо всем, когда последний раз мы слышали о женщинах. По-моему, он не очень-то поможет нам своим злобным карканьем.

— Согласен с тобой, Джон. Но ведь не все там, на Дессе, его поддерживают. Фред Колтер, Ральф Сайерс и еще кое-кто были с нами, когда мы в последний раз работали на Гохд.

— Та-а-ак... А ты пробовал сообщить им?

— Нет еще. Десса лежит довольно далеко отсюда, и я подумал, что тебя нужно было предварительно поставить в известность.

Браузен задумчиво покивал головой.

— Это действительно довольно далеко от Вильмута, но

имперцы время от времени все же летают в ту сторону. Ты думаешь, что надо лететь?

— Мне кажется, что Колтеру, Сайерсу и другим, которые не очень привязаны к Гумберту, нужно дать шанс. Но сначала необходимо какое-то время выждать, чтобы подготовить наших людей, и вылететь на Дессу всей группой. Мне кажется, это произвело бы на дессян нужное впечатление. — Он на мгновение замолчал, но тут же добавил: — Джон, как ты думаешь, Гумберт был педерастом?

Браузен бросил быстрый взгляд на Барта.

— Нет! — решительно произнес он. — Наверняка нет! По крайней мере, не был им тогда, когда мы учились в Академии.

— А я все же думаю, что был, — покачал головой Барт. — В конце концов, он поэт...

Джон проглотил слюну. Он страстно мечтал о глотке крепкого виски.

— Нет, этого не было, — ответил он. — К тому же в его стихах нет даже намек на это. Те из нас, которые его знали, никогда не находили в его писаниях чего-то немужского.

Джон замолчал. Недоразумение с Гумбертом накрепко засело в его памяти, и он никак не мог отбросить эти воспоминания. К тому же, — в этом он отдавал себе отчет, — большая часть его «я» была склонна согласиться с той позицией, которую занял Гумберт Доаль.

— Значит, Барт, если нам не удастся это дело, я имею в виду с женщинами, и «Хомо Сапиенс» прекратит свое существование, то хоть имя Гумберта и его «Эпитафии» будет жить среди гуманоидных рас.

— Может быть! — в голосе Барта Джон различил раздражительные нотки. — Как твой заместитель, я предсказываю, что Доаль отнесется к вербовке его людей наихудшим образом.

Джон убрал руки со стола и спрятал их за спину.

— Я решительно против того, чтобы забрать эту группу. Но если ты настаиваешь, лучше всего будет послать несколько малых кораблей. Остальные я бы оставил в Регионе Непрерывности и соединился бы с ними позже. Я думаю, Барт, что если мы двинемся туда всем отрядом, то рискуем вляпаться в ненужную огласку. Не забывай, что на Дессе выращивают хлопок, и как бы далеко она не находилась, это привлекает туда довольно много торговцев.

— Ты прав, — кивнул Барт и встал. — Если я не нужен тебе, пойду сосну пару часиков.

— Конечно, дружище.

После ухода Ланге Джон уселся в кресло и погрузился в размышления. Он никогда не держал зла на Гумберта. Доаль был с ним, когда они решились побывать на Земле после уничтожения. А это зрелище, видит Бог, могло изменить мышление любого.

Маломощный, невооруженный корабль выскочил из гиперпространства в зоне устойчивой связи с планетой. Джон подождал, пока еще один корабль, управляемый Луисом Домиано, появился в нескольких милях от него, и только тогда подал сигнал: «Здесь невооруженный корабль четвертого эксплуатационного класса типа «Консул Блуф». Капитан корабля Джон Браузен. Прошу на связь Гумберта Доаля».

С минуту он слышал только шум космической пустоты, какие-то обрывки слов, мешанину фраз. Затем из динамика донеслось:

— Джон? Командор Браузен? Здесь Фред Колтер. Как поживаешь, старый лис?

— Фред?! Привет! У меня все в порядке. А у тебя?

— Тоже нормально. Кто это с тобой?

— Дон Бунстил и Минселс. На твоих экранах еще должны быть видны Луис Домиано и Джим Камерон. Мы заскочили к вам по дороге. Где там Доаль? Если его нет, кто сможет дать нам разрешение на посадку?

После некоторого молчания из динамика донесся ответ:

— Гумберта здесь нет, командор, но вы можете садиться.

— Спасибо, Фред. Ваш поселок здорово вырос с тех пор, когда я последний раз навещал вас. Я вижу несколько новых домов возле леса. А там дальше, на полях, десанский хлопок, не так ли? Да? За полями вижу какие-то строения между деревьями и небольшую поляну. Там можно садиться?

— Да! — захохотал Колтер. — Именно там и можно. Это наш космопорт, новый! А те строения, которые вы видите, просто склады для хранения урожая. Садитесь поаккуратнее, и постарайтесь не задеть крыши.

— Не беспокойся. Мы пойдем на антигравах.

Восемь человек собрались вокруг прибывших. Колтер, покрасневший от радости, представлял их:

— Это Вальтер Байн, командор. Помните его? А это Карл Мюнц и Джой Пинда...

Джон пожимал руки подошедшим и бормотал приветственные слова, однако, особой радости не чувствовалось, и все присутствующие ощущали легкую скованность, особенно при очередном упоминании имени Гумберта. Колтер, наконец, не выдержал и прямо сказал:

— К черту! Нельзя это откладывать на потом. Гумберт сейчас не в себе. Он принял слишком большую дозу наркотиков.

На мгновение стало тихо. Джон должен был собрать всю свою волю, чтобы сохранить невозмутимый вид.

— Как он?

— Не знаю. По крайней мере, физически в полном порядке. Но в последнее время его постоянно что-то угнетает. Думаю, что это даже не воздействие наркотиков, а...

— Все наркотики так или иначе вредят, — Джон с трудом удержался, чтобы не спрятать руки в карманы. Проклятье, подумал он со злостью, ведь все пятна давно уже исчезли!

— Что он употреблял? — громко спросил он.

— Дрон.

В раздраженном состоянии Гумберт Доаль умел ранить фразами и словами куда сильнее самого острого кинжала. Однако, он мог быть и самым милым и симпатичным товарищем. Сейчас он был как раз в своем втором, приятном воплощении.

— Я действительно не понимаю, Джон. Ведь нужно гордиться тем, что употребляешь дрон.

Джон ощутил на лице слабый румянец, хотя и сумел вовремя погасить свой гнев, произвольную реакцию на такие слова. Чем-то его беспокоила парочка изящных зверушек, лежавших, прижавшись друг к другу, в дальнем углу комнаты, и время от времени он бросал на них взгляды.

Доаль выглядел неплохо, хотя и чудовищно располнел. Ничто теперь не напоминало о его бывшей стройности. Его бедра, обрисовавшиеся под тканью пижамы, когда он бросился на покрытую пуховиками кровать, были раза в два толще ноги здорового Омниарха-хелка. Брюхо напоминало небольшой аэростат. Кожа у него была чистая, глаза — такие же невинно-голубые, как и восемь лет назад. Белки глаз налились кровью, зрение нормальное, веки не опухли. Результаты действия дрона, по крайней мере, в начальный период, человеческий организм мог легко нейтрализовать.

Слабое движение в углу комнаты снова привлекло внимание Джона. Одно из лежавших там существ решилось встать и

издало мягкий, тихий звук, похожий на мяуканье. Бронзовые, горящие глаза, полные жуткого страха, уставились на Джона.

Гумберт усмехнулся и спокойно сказал:

— Иди сюда, моя дорогая. Он, — при этом Доаль кивнул на Джона, — не сделает тебе ничего плохого.

Существо поколебалось пару мгновений, и, быстро пробежав по комнате, мощным прыжком взобралось на кровать и, пряча морду на груди Гумберта, что-то заурчало. Минутой позже второе существо, словно уязвленное внезапным одиночеством, присоединилось к первому.

Джон только сейчас понял, что когда-то видел этих зверушек. Это были полуразумные существа, живущие в лесах Дессы. Он обратил внимание, что обе особи женского пола. Действительно, красивые, с прекрасным, необычайно мягким и пушистым мехом светло-коричневого тона, с темной полосой вдоль позвоночника и головы. Их кожа, доступная взгляду на ладонях и ступнях, имела матово-розовый цвет, как у...

Доаль захихикал:

— Ты всегда был слишком святым для солдата, Джон. Да, да, ты прав. Это мои маленькие любовницы, и что в этом такого? Сдается мне, что между людьми, которыми тебе приходилось командовать, существовали и более извращенные отношения. Скажи сам, командор Браузен, что за извращение склонило людей к войнам, в которых участвуют лица только одного пола? Разве не было бы гораздо приятнее, будь среди нас хотя бы несколько мисс в чине сержанта или лейтенанта?

Доаль замолчал, поглядывая на Джона своими невинными голубыми глазами.

Через минуту он добавил:

— Тебе не кажется, что это была какая-то идиотская придурь? Или, скажем, некая разновидность мужского комплекса неполноценности, из-за которого мы оказались так жестоко наказаны природой?

— Ты, проклятый идиотский сибарит! — Джон уже не в силах был справиться с охватившим его гневом. — Ты же прекрасно знаешь, что на наших кораблях были женщины. И, если на то пошло, не будь ты таким трусом и не ищи себе оправданий, а посмотри, что среди гуманоидов всегда существовал принцип, что война ведется только мужчинами. И это не придурь, а способ сохранить женщин и собственный род от вымирания. Например, гохдонцы...

— Ах да! Гохдонцы! Я уже давно заметил, что даже са-

мые кровожадные из нас, а ведь ты не из их числа, вполне насладились всеми мерзостями войны и покинули армию Гохда.

Джон набрал в легкие воздуха, чтобы ответить резкостью, но сдержался. Не было смысла продолжать этот спор.

— Гохдонцы, — сказал он спокойно, — не чудовища. И ты об этом прекрасно знаешь, Гумберт. Воюя, они добиваются признания своего рода. От нас они ждут своего рода реабилитации.

— Реабилитации? — захихикал Доаль, нежно поглаживая двух своих любимиц, которые уже перестали обращать внимание на Джона. Ласки разнежили их, и они заурчали от удовольствия, время от времени пытаясь лизнуть Доаля в щеку.

— Смотри, Джон. В них нет ничего звериного. Их можно научить понимать человеческую речь и даже говорить. Я считаю, что их разум ближе мне, чем разум обезьяны. И они такие нежные... В отличие от нас. У них нет злости и зависти. Смотри, у них зубы не хищников. И они такие чистые... Такие сладкие, приятно пахнущие и прекрасные...

Возбужденное состояние Джона сменилось отвращением. Однако он сдержался и только буркнул:

— Благодарю за пример. Но... — он заколебался, говорить ли Доалю обо всем. — Видишь ли, я прилетел сюда немного по другому делу.

— Догадываюсь, — улыбка Доаля стала преувеличенно сердечной. — Не считаешь ли ты, что слухи о перетряхивании целого сектора Галактики в поисках выживших людей не дойдут до моих ушей? Если честно, меня удивляет, что ты, Джон, поддавшись на старые сказки, начал собирать людей.

— На этот раз все точно, Гумберт, — Джон покачал головой и тихо произнес: — Я видел доказательства. Они настолько очевидны, что в них нельзя не поверить.

Доаль скорчил потешную гримасу и вздохнул.

— Не слишком ли ты быстро стареешь, Джон?

— Моя старость пусть тебя не волнует, подумай лучше о своей. И вообще, подумай над этим делом. Если бы ты поверил, что есть какой-то самый минимальный шанс, то разве ты не присоединился бы к нам? Не убедил бы своих товарищей следовать за тобой?

Одно из существ издало тихий, жалобный звук. Джон заметил, что пухлая ладонь задумавшегося Доаля сильно сжала маленькое тело зверька. Он наклонился к Гумберту и настойчиво переспросил:

— Ну как? Ты бы сделал это?

Толстяк рассмеялся:

— Интересный вопрос, командор. Конечно же, да. Но я должен быть полностью уверен. Я уже не поддамся на пустые разговоры и не стану гоняться по всей Галактике за призрачными тенями исчезнувших дам. Вот так-то, — заключил он. — Мне нужны настоящие, неопровержимые доказательства.

Дон Камерон на «коптере» полетел на горное озеро в ста милях от дома Доалья. Там могли находиться некоторые люди из группы Доалья. Вместе с Доном отправился и Фред Колтер, чей голос сейчас доносился из приемника:

— Командор! Никогда бы не поверил, если бы не видел это собственными глазами. Да ведь это почти наша Земля. Господи! Все почти такое же...

Джон слушал его краем уха, — все его внимание было поглощено наблюдением за Гумбертом Доалем и стоящими рядом с ним четырьмя мужчинами. Доаль что-то рассказывал, широко улыбаясь. Внешне он был абсолютно спокоен, однако по тому, как мужчины вслушивались в слова своего предводителя, Джон понял, что Доаль принял небольшую порцию дро-на, чтобы успокоить нервы. Да еще эта улыбка. Уж очень легко она то появлялась, то исчезала на его лице. Мужчины, стоящие рядом с Гумбертом (каждый из них, не без участия Доалья, высматривал возможность существования живых женщин), казалось, тоже были спокойны, но Джон заметил, как тщательно они скрывали охватившее их напряжение.

Браузен изредка поглядывал в сторону. Там, в тридцати метрах от него, находился корабль. Доаль и его товарищи стояли немного сбоку, но зато как раз напротив открытого люка космолета.

Луис Домиано стоял рядом с группой мужчин еще на шестьдесят метров дальше. Он не был вооружен, стоящие рядом с ним, вроде бы тоже не имели никакого оружия.

Во внутреннем кармане у Джона лежал игольчатый пистолет.

Застегнутый на молнию мундир был тщательно подогнан по фигуре, но материал, из которого его сшили, был достаточно эластичен, так что Джон мог быстро достать оружие.

Глупо подозревать, подумал он, что Доаль попытается захватить корабль. Но что же тогда он задумал? И почему они расположились именно так?

Говоря что-то Сеареу, Джон внезапно замолчал. Новая, неясная пока еще мысль, промелькнула у него в голове. Это

было нечто вроде наития, — то, что делало его отличным тактиком. Со слов Луиса Домиано, Камерона, Бунстила и его собственных Доаль легко мог понять план всей задуманной ими операции. Он мог догадаться, что Гохд намеревается бросить их на Вильмут. Вильмут, в свою очередь, мог легко догадаться о пребывании людей на Дессе. С точки зрения Доалья, следствием этого мог быть ответ Вильмута — молниеносный, мстительный налет на Дессу!

Через мгновение Джон уже знал, что ему предпринять. Он тихо сказал Сеареу:

— Сохраняй спокойствие и ничему не удивляйся. А сейчас медленно иди в сторону Домиано, но когда я крикну, беги. Удивленный взгляд Сеареу разозлил Браузена.

— Тебе неясно? — зашипел он. — Немедленно выполняй! В любой момент здесь могут начать летать пули!

Сеареу заморгал, потом с бесстрастным лицом повернулся и, не глядя на Доалья, медленно двинулся вперед. Едва он отошел на несколько метров (Браузен хотел отослать его как можно дальше, чтобы он не попал под огонь), как Джон сам повернулся и уже было занес ногу для первого шага, но в этот момент Доаль резко крикнул:

— Стоять, Браузен!

Джон посмотрел на него, изображая на лице удивление. Одновременно он повернулся так, чтобы скрыть от Гумберта движение руки, потянувшейся за пистолетом. Заметив оружие в руке Доалья, он вдобавок постарался исказить лицо гримасой испуга. Остальная четверка также потянулась за оружием. Джон усмехнулся про себя — они стояли в двадцати метрах от него! Доаль был немного одурманен дроном, а его спутники ко всему еще и нервничали — лучших условий для драки он не мог себе и представить. Его рука незаметно нырнула под мундир и ладонь нащупала рукоятку пистолета.

Двое из четверки выстрелили, но промахнулись. Доаль что-то закричал, размахивая руками.

Джон не собирался убивать. Стрельбой он только хотел напугать противников. Но, к несчастью, Доаль в момент выстрела двинулся с места, готовясь к стрельбе в свою очередь. В первый момент Джон не смотрел, куда он попал, следя за четырьмя мужчинами, которым он успел нанести ранения в руку. Они уже валялись на земле, выронив оружие. Джон перевел взгляд на Доалья в тот момент, когда тот падал. Игла из пистолета Джона прошла Гумберту предплечье и, пробив грудную клетку, вонзилась в сердце. На толстом лице Доалья застыло выражение безмерного удивления. Потом его глаза

закрылись, руки безвольно повисли, и тело глухо ударилось о землю.

Джон почувствовал слабость. Он и раньше убивал. Но не так, не с такого близкого расстояния и не людей. Еще никогда ему не приходилось убивать хорошо знакомого человека!

Он медленно пошел к лежащим. Домиано, Сеареу и остальные подбегали с другой стороны.

— Обеспечьте охрану корабля! — приказал он безжизненным голосом. — И немедленно возьмите оружие.

«Консул Блуфф» после прыжка находился в пределах радарной видимости «Луны» и остальных кораблей.

Фред Колтер сидел вместе с Джоном в командирской рубке.

— Никогда бы не подумал, что Доаль нападет на нас, — сказал он.

Джон пожал плечами.

— Думаю, он понял, что лично ему грозит опасность.

— Может быть, — кивнул Колтер. — Мы не хотели верить, но с его головой в последнее время творилось что-то непонятное. После того, как он в последний раз принял большую дозу дрона, ему стало мерещиться, что он находится на Земле. И все потому, что он даже на мгновение не мог забыть, что происходит на самом деле. Тогда-то он и написал стихотворение, которое произвело на меня странное впечатление, может быть, потому, что нам было очень тяжело оценить степень оторванности Доаля от реальности. Назвал он его тоже довольно странно: «Непрощенное стихотворение в тридцать семь лет». Это было его последнее стихотворение. Похоже, когда он его писал, то даже не осознавал, где находится.

— Надеюсь, оно сохранилось?

— Да. В моем багаже лежит все, что было написано Доалем. А что касается последнего...

— Что?

— Я не смог бы его забыть, даже если бы оригинал текста был утерян, — Колтер посмотрел куда-то вбок между экранами и начал декламировать:

«Любовь моя имеет черные волосы и глаза. Нет!

Пусть она будет еще и блондинкой.

А может быть, и рыжей.

Но, конечно, моя любовь очень красивая.
Мы обязательно будем любить друг друга.
Но сначала надо засеять овес и выиграть войну.
Порою мне кажется, что все это длится так долго...
Но я пока не тороплюсь. Я еще полон сил, хоть и не молод.
Размалеванные манекены вокруг все настойчивее мельтешат.
Их застывшие улыбки все шире.
Молодость уносится прочь все быстрее.
О, Господи...»

Джон долго молчал, потом сказал:

— Я думаю, у каждого из нас был такой день, когда мы пытались отрицать истинность случившегося с нами.

Он и сам мог припомнить несколько моментов, которые хотелось навсегда выбросить из головы. Одним из них было удивление на лице умирающего Доала. Другим — жалкое верещание зверьков, нечаянно стиснутых рукой.

Колтер беспокойно заворочался в кресле, потом нерешительно посмотрел на Джона.

— Командор, я должен кое-что сделать, и сейчас же.

— Что?

— Я не знаю как это называется. Но знаю несколько случаев, когда это спасало кое-кого от полной потери воли. Это так же сильно, как привычка к опиуму или морфию. Я не хочу это держать у себя. — Колтер развязал какую-то тряпочку и...

Внезапно Джон ощутил сухость во рту — на ладони Колтера лежал кусочек стебля дронгалийского растения. Он не должен был смотреть туда, где лежали восемь зернышек величиной с половинку горошины. Восемь порций покоя и забытья, восемь райских снов...

Он протянул руку, надеясь, что Колтер не заметит легкого дрожания его пальцев.

— Я... — он старался как можно тише проглотить слюну, — я спрячу это тотчас же.

И он спрятал сверток в оружейный сейф рядом с пультом управления кораблем и бросил ключ в карман. Теперь он мечтал о том, чтобы Колтер немедленно куда-нибудь вышел. Где-то на корабле обязательно должно быть немного спирта. Можно разбавить его небольшим количеством воды, подумал он. Это хоть и не уничтожит полностью желания, но по крайней мере ослабит его.

В рубке «Луны», наклонившись над пультом управления, Джон произнес в микрофон:

— Тридцать секунд до выхода!

Его глаза внимательно следили за скачками стрелки корабельного хронометра. Двадцать секунд, пятнадцать...

Ладони покрылись потом; при выходе всегда имелся определенный риск, да еще если группа кораблей плотным строем пробивала дыру в гиперсфере. Небольшая ошибка при составлении программы для навигационного компьютера или неточная стабилизация корабля могли привести к выходу корабля в произвольную точку обычного пространства. Кроме этого, нужно было избежать опасностей еще до конца не изученной гиперсферы. Два материальных тела могли присутствовать в одной точке пространства только в течение наносекунды, после чего происходила аннигиляция.

Это было уже четвертое перемещение в гиперсфере сразу целого флота. Три предыдущие были успешными, если иметь в виду, конечно, только ближайшую цель...

Он волновался, так как не был уверен, что в действительно сложной ситуации, когда необходимо будет принимать решение еще до того, как глаза успеют прочитать показания приборов и обозреть экраны, он сможет оказаться на высоте, как когда-то? Ведь он понимал, что его мозг уже работает не так, как в старые времена...

Сначала им все удавалось благодаря точному расчету и удаче. Во время первой вылазки он не имел потерь. Во втором сражении он потерял четверых, и еще четверо лежали в госпитале на Акиэле. В третьем полете он лишился одного из связанных кораблей с Доном Бунстилом во главе и шестью членами экипажа.

Им удалось захватить два корабля бизхов (класса среднего крейсера), которые сейчас находились на Акиэле, где ремонтировались и перестраивались для использования гуманоидами. Эти работы должны были продлиться по крайней мере тысячу часов.

Четыре секунды до выхода...

Короткое, резкое рычание сирены!

Джон на мгновение потерял ориентацию, потом звезды проклюнулись на экранах внешнего обзора. И тотчас начался информационный обмен между корабельными компьютерами флота. Корабли нужно было перестроить в боевой порядок, так как в расчетах всегда были мелкие ошибки, и корабли вы-

ходили из гиперсферы в незначительном, но все же беспорядке. На этот раз все, кажется, было в норме. Джон посмотрел на экраны, на детекторы массы, чтобы удостовериться в правильности маневра.

Снова заревели сирены.

— Батареи готовы?! — крикнул он, не сообразив сразу, что видит перед собой неприятельский отряд. Посмотрел на лейтенантов, сидевших по бокам от него, программировавших боеголовки ракет.

Сирены смолкли.

Джон краем уха уловил неясный разговор в общем канале связи: никто не торжествовал и не слал рапортов о неготовности. Одновременно он вглядывался в неясное пятно на экране радара. Там было не меньше дюжины больших кораблей. Каким чудом им удалось так точно попасть между налетчиками и выбранной целью?

Это была его вина. Его ошибки были чересчур логичны. Рыскание в одну сторону, потом в другую — так проходили предшествующие рейды. И потом еще эта попытка атаковать базу бизхов...

Они смогут уйти в гиперпространство только через полторы-две минуты. Надо убратся, не тратя ни единой ракеты, которые наверняка будут перехвачены бизхами. И хотя Джон очень много трудов вложил в подготовку этой атаки, он заставил себя спокойно все обдумать, холодно проанализировать все шансы и возможности. Тем временем флот неприятеля увеличивался в размерах по мере того, как группа приближалась к базе бизхов.

Если произойдет стычка, то у людей окажется слишком мало сил для того, чтобы отразить атаку!

— Гиперсфера через восемьдесят секунд, — крикнул он в микрофон. — Сначала прыжок на другую сторону, затем перегруппировка, а затем готовность к новому прыжку. Торпеды только после первого выхода! Во время второго нанести удар лазерными установками. Затем прыжок и встреча в пункте «Д». Вариант «Дух».

Стрелка хронометра прыгала по циферблату мелкими скачками. Программа была уже введена в компьютеры. Все системы малых кораблей замерли до тех пор, пока не настанет время второго прыжка. Потом, если все будет в порядке, у них появится дьявольски много работы. Браузен стиснул сухие губы в подобие улыбки, пока стрелка не перескочила последнюю отметку. Если судьба действительно отвернется от них... Отдельные их торпеды могут пронизать оборону врага и по-

пасть в корабли людей, находящиеся на противоположном фланге.

Гиперсфера! Выход! Время этого короткого промежутка нельзя измерить чувствами человека. Джон пробежал глазами по приборам и экранам — флот бизхов перестал быть размытым пятном и превратился в крупное скопление разноцветных огней. На этот раз уже в пределах досягаемости торпед и лазеров. Если рискну, — Джон глубоко вздохнул, — то при максимуме энергии можно было бы использовать батареи против врага. Энергии было достаточно! Джон успел насчитать пятнадцать ярких огоньков, обозначающих большие крейсера противника.

Он задержал дыхание. Его флот на обычном приводе приближался к планете — цели, а вместе с ним — неприятель. Через мгновение враг поступил так, как и ожидал Джон — бизхи вошли в гиперсферу, чтобы вновь оказаться между его флотом и собственной базой.

Спустя секунду они появились снова, но уже вне зоны досягаемости оружия землян. Джон нажал несколько клавиш, придавая большее ускорение гиперприводе, чтобы не позволить врагу уйти далеко. Но он также не собирался находиться и поблизости от них.

— Смотрите! — сказал он в микрофон. — Благодаря их маневрам у нас появилась возможность подготовиться к прыжку в гиперсферу за двадцать секунд до них. Если мы сейчас исчезнем, то, появившись в другом месте, сможем выйти прямо на цель. Но если мы появимся среди их кораблей, они могут растеряться и подумать, а нет ли у нас еще одного флота, готового ударить по базе с другой стороны. И пока они будут сомневаться, мы откроем огонь. Они, конечно же, ответят, но время упустят. Мы же за это время подготовимся к прыжку в гиперсферу, и их ответным выстрелам скажем «пока».

Лейтенанты, сидевшие рядом, засомневались. Джон ждал, стараясь заглушить мучившее его желание. Внезапно на одном из экранов появился короткий блеск, потом все пришло в норму. Это была торпеда бизхов, посланная в сторону «Лун», возможно, как прощупывание их оборонительных сил. Едва исчез блеск, исчезла и торпеда — сработало защитное поле. Браузен снова взглянул на циферблат хронометра — минута! Мощная сила вражеского флота могла вот-вот двинуться на них на гиперприводе, однако оба флота имели одинаковую скорость...

Тридцать секунд до прыжка.

Лица людей напряжены. Джон искоса посмотрел на них и подумал, понимают ли они, что в этот момент их флот можно рассматривать как на выставке. Если до сих пор бизхи не догадались с кем имеют дело, то уже сейчас должны были бы увидеть, что корабли нападающих похожи на корабли, изготавливаемые вильмутцами. Корпуса шире тех, что строились на верфях других рас, все батареи и лазерные установки размещены на выпуклых бортах, характерный для Вильмута гра-ви-привод...

Пятнадцать секунд до нуля!

Джон чувствовал себя превосходно, если, конечно, не считать этого омерзительного желания. Да, пока талант и счастье были на его стороне! Позволив своим ладоням повиснуть над пультом, он нажал клавишу с надписью «нуль».

Гиперсфера! Выход!

Прошло несколько секунд, прежде, чем противник начал действовать. Множество огоньков на экранах разлетелось, словно от взрыва. В опасной близости от «Луны» прошел лазерный луч. Повернувшись, Джон улыбнулся лейтенантам.

— Нам не следует тратить энергию на мелкие стычки. Все должно быть готово к прыжку. Следите за часами — остается еще три минуты.

Экраны замигали в тот момент, когда их торпеды достигли неприятельских кораблей. Однако они были перехвачены защитными полями и уничтожены. Вдруг по экранам разлился ослепительно-яркий свет — все-таки одна из торпед пробила защиту?!

— Попали?!

Вновь серия микроблесков на экранах при поражении ракет людей ракетами бизхов. И опять экраны заполнил яркий блеск. Защита выключила изображение. Взрывы перемещались все ближе. Джон ощутил холодный пот на плечах и спине, когда понял, насколько опасен такой способ ведения боя. Внезапно корабль сильно тряхнуло. Браузен похолодел, ожидая последствий, неужели попадание? Нет! Это артиллеристы открыли огонь, отражая атаку неприятеля. Вокруг «Луны» становилось все жарче, а до прыжка еще целая минута. И то при условии, что потребление энергии для обороны не будет слишком большим. Джон фиксировал данные, лихорадочно наблюдая за хронометром.

Сорок четыре секунды... Сорок одна... Он тяжело дышал. Если произошла ошибка в оценке... Он быстро наклонился над микрофоном.

— Артиллеристы!

— Да, сэр!
— Сколько осталось тяжелых снарядов?
— Девятнадцать, сэр. Но для них нет хороших целей.
— Направьте их туда, откуда нас наиболее интенсивно обстреливают, и замрите!

Через несколько секунд снаряды ушли в космос. И с этого момента им осталось только сидеть и ждать, сдерживая свой страх, в течение всего времени, пока стрелка хронометра отсчитывала неизмеримо длинные отрезки времени. Джон не смотрел на экраны, где корабли противника сосредотачивались для нанесения удара по «Луне». Остальные корабли, поменьше, не были хорошей мишенью для снарядов противника.

Шесть секунд.

Активированы все системы перехода. Защита корабля отчаянно противостоит мощи наседающего противника.

«Нуль»!

Залитый потом Джон не мог встать с кресла. Связи с остальными кораблями в этом аду ядерного огня и энергетических лучей не было. До самого выхода в пункт «Д» на «Луне» никто не знал, удастся ли малым кораблям выбраться из этой заварухи.

Внезапно Джону так страстно захотелось глотнуть хоть полдозы дрона...

7

Лиза Дувал, шестая Старшая (может быть, подумала она с горечью, уже и пятая старшая), дошла до последних поющих кустов и направилась в сторону лагеря. Босыми ногами она ощущала мягкую шелковистость влажной травы. В одной руке у нее был двадцатидвухдюймовый лук и две стрелы. В другой — подстреленное животное — двухфунтовое создание, похожее на очень толстую ящерицу с красивым и пушистым бронзового цвета мехом.

Одна из молоденьких девушек, увидев ее, крикнула тонким, писклявым голосом, какой обычно бывает у подростков:

— Лиза вернулась! Лиза вернулась!

Повариха, женщина почти на год моложе Лизы, лениво вышла из кухонного шалаша, чтобы посмотреть на зверя, что принесла охотница. Сначала на ее лице появилось разочарование, но потом она улыбнулась, пожав плечами.

Лиза, тяжело дыша, остановилась и, отдав кринка поварихе, спросила:

— Где Старшая?

Повариха, поняв, что происходит что-то не то, некоторое время от удивления моргала глазами, а потом произнесла:

— Кажется, она там, внизу, и помогает собирать кукурузу. А зачем она тебе? Что-нибудь случилось?

— Похоже, что Руби Вайс погибла, — Лиза обогнула тащившуюся на нее женщину и ринулась вниз, к ручью.

Джейн Феррис, Старшая, на полтора года старше Лизы, услышав крик, вышла навстречу бегущей с тяжелой сумкой, полной желтых зерен величиной с желудь.

— Что произошло, дорогая?

Лиза с трудом восстановила дыхание.

— Там, в верховьях ручья, я встретила одну из племени пузатых. Она-то и рассказала мне, что прошлой ночью какая-то женщина с опущенной головой ушла от них не имея ни сумки, ни лука, ни палки...

Лицо Джейн исказилось.

— Я догадывалась об этом, когда Руби не появилась на завтрак.

Лиза недоуменно вскинула брови.

— Но ведь она не очень уж и старая! Вчера я видела ее три или четыре раза, и она не показалась мне угнетенной. И она никогда... никогда не говорила...

Джейн дружески взяла Лизу за локоть, но ее решительный голос начисто был лишен какой-либо нежности:

— Она могла где-то задержаться, а затем приняла решение добраться до Дыры.

Лиза ускорила шаги, подлаживаясь под ритм движения Старшей.

— Ты в самом деле думаешь, что она...

— Да, дорогая. Думаю, что она старилась намного быстрее, чем большинство из нас. Я ясно видела эти признаки, но старалась никому не говорить об этом и ей не напоминать. Вот нам с тобой...

— Но, — Лиза прервала Старшую, удивленная своей злостью, — мне еще далеко до этого. Еще лет семнадцать или восемнадцать.

— Конечно же, дорогая, — Джейн улыбнулась. — Но когда это все же произойдет, ты должна встретить это с ясной головой. Однако это не значит, что женщина стареет. Это лишь физиологические изменения организма, когда меняется структура твоего тела, что ли... Но если ты возьмешь себя в руки, то сразу почувствуешь себя так же, как и прежде.

Они почти бежали между звенящими кустами малинового

цвета, листья которых соприкасаясь друг с другом издавали тихую приятную мелодию.

Джейн и Лиза добрались до места, откуда весь лагерь был как на ладони. Под навесом женщины и девушки толкли зерно. Их лица были угрюмы. Очевидно, новость уже облетела весь лагерь.

— Ну все! — резко крикнула Старшая. — Остановитесь! Я запрещаю вам вести себя как сброду истеричных пузатых! Мы должны попытаться вернуть Руби! Вот так! А теперь, Фреда, Мари, Элиза, возьмите копья, луки, запас кукурузы и сушеного мяса на несколько дней. Нэнси! — Она обратилась к поварихе, которая, запыхавшись поднялась на холм. — Ты займешь место Фреды. При малейшей опасности будешь опекать маленьких девушек. Держитесь все вместе и не устраивайте истерик, слышите?

Несколько женщин кивнули головами. Одна восьмилетняя девочка заплакала. Джейн подошла к ней и обняла за худенькие плечики.

— Ну, дорогая, не плачь! Все будет хорошо. Ты будешь послушной, правда ведь?

Ребенок, стараясь сдержать слезы, кивнул головой не открывая зажмуренных глаз.

Пузатые, в основном, были ночными существами, однако некоторые из них иногда бегали по принадлежащей племени территории даже днем. Лиза была подростком, когда ее вместе с тысячью других женщин похитили с Земли. Она хорошо запомнила, что пузатые всегда казались ей чем-то похожим на больших и развитых бобров, хотя, конечно, это была не Земля.

Взрослые пузатые мужского пола имели вес около шестидесяти фунтов, здесь, где тяготение было почти равно земному. Каждый пузатый имел серый мех и зубы, как у земных грызунов. Разум пузатых был сродни человеческому, хотя, конечно, это были разные типы разумов.

Племя жило в норах, вырытых в холме на левом берегу Реки. Вход в каждую нору был прикрыт циновкой из сплетенных лиан, защищавших вход от дождя.

Сейчас некоторые из циновок были подняты, и люди заметили морды пузатых, которые молча наблюдали за бегущими вдоль тропинки женщинами. Через мгновение на краю зарослей звенящих кустов они встретили старую пузатую, которая

умела немного говорить на языке людей. Она робко приблизилась, когда все немного приостановили свой бег.

— Подождите, женщины. Я скажу вам правду!

Джейн шепнула, что минутку можно отдохнуть, и Лиза с удовольствием повалилась на прохладную траву. Рука Джейн и лапка пузатой встретились в церемониальном приветствии.

— Спасибо тебе, добрая соседка, — сказала Джейн.

Пузатая самка свернувшись, превратилась в меховой шар, затем сказала:

— Мне жаль, высокие соседи, что одна из вас отошла. Мой муж видел ее до рассвета и послал двух молодых самцов на случай, если Большой Зверь покажет свои клыки. Однако она сказала, чтобы они возвращались домой.

— Как долго они шли за ней?

— Полдороги до Великой Стены.

— Вдоль берега Реки?

— По малой дороге. Перейдя Реку, она направилась к Великой Стене. Мой муж думает, что она шла к Дыре, куда уходят другие больные женщины.

Джейн вздохнула и встала.

— Спасибо, добрая соседка. Появлялся ли Большой Зверь у Реки?

— Один из наших видел его дней двенадцать назад. Но вы же знаете, что мы не ходим больше, чем на полдороги к Великой Стене.

— Спасибо, — повторила Джейн, и вся группа снова двинулась легким переменным шагом, почти бегом.

Все они были опытными и выносливыми охотницами. Вскоре отыскался и след Руби, они переправились через Реку и повернули к Великой Стене. Никто ничего не говорил, пока они не остановились на привал.

Только тут Мари хмуро буркнула:

— Вот уже семеро наших ушли.

Джейн подняла голову.

— Еще неизвестно, дорогая. Мы обязательно догоним Руби!

Фреда, молчавшая до сих пор, произнесла с истерической ноткой в голосе:

— Разве кто-нибудь когда-либо возвращался из Дыры? Четверо ушли туда! Четверо! Мы обнаружили только их обглоданные кости. Когда же мы наконец заткнем эту дьявольскую Дыру?

— Может быть, нам когда-нибудь и удастся это сделать, — сказала Джейн. — Но зачем же так кричать? Признаюсь, что когда туда пошла Дженни, мне показалось, что она будет по-

следней. — И, помолчав, добавила: — А что изменится, если мы закроем Дыру? Разве не существуют другие дикие места? Поэтому мы должны придумать что-то другое. Мы должны помогать тем, кто внезапно почувствует себя плохо, мы должны помогать им. — Она посмотрела на Лизу. На единственную среди охотниц, еще способную рожать детей.

Мари пожала плечами:

— Ну и что? Все равно мы все здесь все поумираем. Почему бы нам всем просто не пойти в Дыру или не умереть каким-нибудь другим способом? Какой станет жизнь молодых девочек, когда мы, одна за другой, отойдем в мир иной, и уже некому будет помнить земное небо или хотя бы то, что земные деревья имели высоту около тридцати футов. И... и то, как выглядел мужчина. А когда останутся самые последние? Ведь и они когда-нибудь постареют. Представьте себе четыре или пять старух, пытающихся найти еду и защитить себя от чудовищ, ползущих через Дыру. А представьте себе последнюю... Абсолютно одну!

Джейн резко перебила ее:

— Думаю, сейчас мы должны поужинать. Еда всегда поднимала твое настроение, Мари.

Когда все уселись у костра, Джейн продолжила разговор:

— Видишь ли, Мари, те последние будут иметь полное право самим принимать решения, соответствующие их желаниям. Но до этого еще очень далеко. Мы составляем еще довольно сильную группу. И умеем быть счастливыми и здесь, не правда ли? Ты видела, как сегодня утром девочки играли на берегу? Смеялись и прыгали, как обычные дети на Земле! Разве этот свет не так же приятен как свет Солнца? Или еда хуже?

Мари громко рассмеялась и неожиданно встретила взглядом с Лизой.

— Посмотрите на эту дурочку! Она еще лелеет надежду, что какое-то чудо сделает ее беременной, что сможет дать кому-то пососать свою твердую пышную грудь! Но когда ты изменишься, когда твоя грудь обвиснет, как моя, тогда-то ты спустишься на землю! Даже если какой-нибудь мужчина...

Элиза и Фреда начали шмыгать носами. Джейн, вскочив с места, ударила Мари по лицу.

— Заткнись, немедленно!.. — крикнула она.

Когда женщины немного успокоились, Джейн твердо сказала:

— Лучше быть полутрупом, чем трупом. А что касается мужчин, то должна вам заметить, что это были довольно мер-

зкие создания. А разве то, что называется любовью, не было иллюзией? Несколько мгновений наслаждения, а затем долгие часы бессильной злости из-за предательского поведения какого-нибудь идиота. Думаю, что пока мы живы, мы должны хранить гордость. Пузатые и так уже думают, что мы являемся бандой чокнутых идиотов, которые носятся где попало и ругаются при первом же удобном случае. К тому же, время от времени кто-то из нас лезет умирать в Дыру, как... как какой-то больной грызун.

Жестом она приказала им встать.

— Пройдем еще две мили, а затем сделаем привал.

Лиза лежала на спине, рассматривая противоположную сторону Круга. С ее стороны сейчас уже было довольно темно, но огненный Круг прочно удерживал зверье на почтительном расстоянии от женщин. Через час они продолжат свой бег, неся с собой горящие факелы, чтобы защититься от нападения.

Как же мало знают они об этой местности, где теперь живут.

Форму и размер этой территории легко было охватить взглядом. Протяженность его была измерена шагами уже в первый год жизни, — несколько Старших женщин сделали это. От стены до стены было не более тридцати семи миль. Стены были ровные и вертикально вздымались вверх. Периметр цилиндра равнялся примерно восьмидесяти пяти милям. Источником тепла и света служил Круг, снизу выглядевший как тонкий раскаленный прут. Он вытянут от стены до стены вдоль оси цилиндра. Свет по очереди лился с каждой его стороны, изменяясь так, словно Круг вращался вдоль продольной оси с периодом в девятнадцать часов. От этого происходила смена дня и ночи, хотя последнюю трудно было назвать ночью, поскольку свет с противоположного края цилиндра все равно доставал этот. Времена года изменялись по мере прохождения Круга от конца до конца цилиндра. Некоторые женщины, выросшие еще на Земле, считали, что тяготение здесь создается вращением всего сегмента. Если это было правдой, то почему горы были сосредоточены вдоль обеих стен, с долинами и миниатюрным «океаном» в центре, куда впадала Река? Без сомнения, — думала Лиза, — это была искусственная гравитация, хотя подтвердить ее догадку не мог никто.

Облака, если и появлялись, то никогда не поднимались выше мили над ними. И если на одной стороне было ясно, а на

другой пасмурно, то скопления облаков казались такими же отдаленными, как и поверхность, над которой их не было. Пасмурные ночи были достаточно темны, но блеск, исходящий с другого конца цилиндра, не делал их абсолютно черными.

Женщин сюда доставили на космических кораблях, пилотируемых странными существами — хелками, и было похоже, что это место является резервацией. Это позволяло не терять надежду, что хелки или руководящие ими вильмутцы могут в любой момент вернуться за ними. Хелки и вильмутцы связывались в сознании женщин в каком-то неясном ощущении парализующего ужаса, и обычно о них не говорили, особенно в присутствии девочек; некоторые женщины называли сегмент тюрьмой, но Лиза считала это место относительно приличным и дающим ощущение независимости. Конечно, должна существовать циркуляция воздуха, но не та, которая вызывалась сменой дня и ночи. Где-то должны быть отверстия, может быть, именно в Круге, дающем свет? Кроме того, под «океаном» должна быть и «сливная дыра», в которую уходит лишняя вода, иначе их бы давно затопило.

Дыра, к которой пошла Руби, появилась случайно. Что-то, быть может, метеорит, ударило и пробило стену в самом высоком месте, в горах. Правда, высота эта время от времени менялась, сказывалось влияние эрозии, но какая-то сила неизменно выталкивала горы из земли. Вначале Дыра была закрыта породой, но дожди вымыли ее. Следы этого были видны на стенах ущелья, бегущего от Дыры вниз. А когда Дыра открылась, дожди стали смывать грунт в соседний сегмент, бывший странным местом, с длинными морозными днями. В конце концов, отверстие в металлической стене открылось полностью. Оно было небольшим, около десяти дюймов. Форма его была почти правильным овалом, с неровными краями, словно металл был пробит навывлет, хотя был он очень прочен и не ржавел от воды.

Из этой Дыры стали приходиться большие звери. К счастью, они не прижились в сегменте, где жили женщины и пузатые, видимо, здешняя атмосфера пришлась им не по нутру. Постоянный приток воздуха доносил запахи из их мира. Пузатые утверждали, что эта Дыра появилась несколько поколений назад, но это было гораздо раньше, чем женщины оказались здесь. Никто не мог объяснить, откуда появился обычай проходить сквозь Дыру в поисках смерти. Но обычай появился, и вот теперь Руби стала его первой жертвой.

Голос Джейн прервал размышления Лизы:

— Пора идти, девочки!

Овраг, пробитый в почве, вывел их прямо к предгорьям, в двадцати ярдах от стены, а затем и к Дыре, пробитой в белом металле. И здесь в пыли они быстро обнаружили следы Руби; остановились и заглянули в Дыру. Там, в другом мире, царилла ночь, но поскольку там никогда не бывало облаков, красноватый полумрак делал возможным путешествие вглубь этого мира. Слабый ветерок, ударивший им в лица, имел резкий, сладковатый запах разлагающегося мяса.

Мари подала голос:

— А почему бы не взять с собой факелы?

— Потому что у нас нет третьей руки! — резко ответила Джейн.

Взяв луки наизготовку, они гуськом двинулись вперед. Тропинку покрывала почва, смытая из их мира. Сначала было влажно, но несколькими ярдами ниже воздух чужого мира высосал из грунта излишки влаги. Почва стала сухой и неприятно скользкой. Пройдя около пятидесяти ярдов, женщины уперлись в перекрученные широколиственные деревья. На опушке леса Джейн прошептала:

— Похоже, что наши глаза уже привыкли к этому свету.

Лиза посмотрела перед собой. Далекий отблеск был тревожным и делал их лица очень странными. Она инстинктивно посмотрела на свой лук, стрела лежала как надо, тетива была слегка натянута. Они медленно продолжили спуск. Лиза вдруг страстно захотела обернуться и посмотреть на Дыру, уже закрытую деревьями, но вдруг идущая впереди Джейн внезапно остановилась. Что-то пошевелилось рядом с ними, и раздался низкий, ворчливый звук. А дальше все произошло так стремительно, что позже Лиза уже не могла вспомнить всех подробностей. Приблизительно дюжина существ, чем-то отдаленно напоминавших земных котов, но умеющих летать, ринулась на них. Эти создания были гораздо меньше Большого Зверя, но превосходили его в ловкости и быстроте. Они низко летели над землей, или делали большие прыжки.

Лиза лихорадочно натянула лук, и пустив стрелу, отбросила ненужное уже оружие, так как стрела была единственной. В отчаянии она взмахнула копьём, защищаясь от твари, оказавшейся над ее головой. В красном полумраке она заметила четыре растопыренные лапы и надутые по бокам тела воздушные баллоны, плоское тело, острые когти, вытянутые в ее сторону, острую морду, маленькие острые клыки, торчащие из раскрытой пасти и глазки, малюсенькие, как кнопч-

ки. Существо было меньше овчарки, но гораздо подвижнее любой собаки. Женщины отчаянно закричали. Пытаясь вернуться от когтей, Лиза, поскользнувшись в грязи, упала назад и выставила перед собой копые. Она почувствовала, как тело зверя ударилось о копые, едва не выбив оружие из ее рук, и тяжело рухнуло в грязь. Раздался крик Фреды.

С трудом поднявшись, Лиза увидела Джейн, отчаянно сражавшуюся с двумя тварями. Она бросилась на помощь и ударила одну из них копыем. Зверь заверещал и отскочил в сторону. Она заметила еще одного, приготовившегося напасть сбоку, и едва успела повернуться, чтобы встретить его острием копья, уперев древко в землю. Существо с размаху налетело на острие, проколов грудь насквозь. Лиза отбросила копые и прыгнула к Джейн, которая уже лежала на спине, отчаянно отбиваясь от наседавших зверей. Она схватила за загривок первого попавшегося и с силой отбросила в сторону. Ударившись о дерево, зверь заверещал и стал биться в судорогах. Лиза схватила еще одного, вцепившегося в плечо Джейн, но тварь вывернулась и убежала. Фреда плакала, лежа лицом вниз. Но Мари еще дралась, добивая зверя, крутившегося вокруг нее. Два мертвых существа валялись рядом, не считая того, которое было наколото на копые Лизы. Элиза стояла, держа копые наготове. Выглядела она ошеломленной.

Внезапная атака бестий была отбита. Женщины собрались вокруг Джейн. Старшая была покрыта глубокими ранами и лежала тихо, глядя вверх широко раскрытыми глазами. Она тяжело дышала. Лиза заметила кровь, стекающую с левого бедра Джейн и, оторвав от своей блузки кусок материи, хотела перевязать рану. Однако Джейн слабо покачала головой и прошептала:

— Нет, Лиза. Не надо. Позволь мне просто спокойно по-
лежать. Мой живот... он разорван.

Мари залилась слезами.

— Джейн!

Старшая осторожно покачала головой и прикрыла глаза от боли. Спустя секунду открыла их, но уже было заметно, что она ничего не видит.

— Лиза, — прошептала она.

— Да, дорогая. Я здесь.

— Ты станешь Старшей, Лиза.

В первый момент Лиза не поняла, но потом закричала:

— Нет, нет, Джейн! Ты еще поправишься! Да... Но ведь Мари старше меня.

Джейн тяжело вздохнула и снова закрыла глаза.

— Нет, Лиза. Только ты сможешь вести за собой людей. Я хочу... чтобы ... вы все... три...

Это были ее последние слова.

Женщины долго молчали, стараясь не смотреть друг на друга, с трудом сдерживая слезы.

— Но я не... — прошептала Лиза, — я не достаточно взрослая.

Мари обняла ее за плечи.

— Это так, Лиза, но ты именно такая, какая нужна нам всем. Джейн права. Ты действительно самая младшая из нас, но ведь мы не совсем в порядке. Ну, успокойся. Так и должно быть. Мы поможем тебе... Все поможем тебе!

С этой минуты никакие слезы не могли бы изменить решение Мари, Фреды и Элизы.

Все они были легко ранены во время схватки, однако раны были быстро перевязаны. Женщины копьями выкопали могилу для Джейн и осторожно положили тело Старшей в эту чужую землю. Дальше по тропинке они отыскиали груды камней, которые перетаскали на могилу, сделав что-то вроде надгробия.

Рядом с кучей камней они обнаружили тело Руби, покрытое какими-то копошившимися существами. Фреда и Элиза едва не лишились чувств от этого кошмарного зрелища. Мари выглядела так, словно ее поразил гром. Лиза с трудом заставила успокоиться свой желудок.

Они разогнали тварей и похоронили то, что осталось от их подруги, рядом с могилой Джейн. Сделав два креста, они воткнули их в землю, прошептали молитвы, и лишь потом двинулись назад, — домой.

8

Джон хмуро посмотрел на микрофон, потом протянул руку, нажимая кнопку на пульте связи.

— Центральная! — донеслось из динамика.

— Домиано, — сказал Джон. — Соедини меня со всеми кораблями на такой волне, чтобы меня слышали только наши корабли, и чтобы эта волна не распространялась дальше. Неизвестно, кто может находиться в этом районе космоса. Ты сможешь это сделать?

— Конечно, командор. Но на это потребуется время; необходимо определить координаты всех кораблей. Вы даете нам полчаса?

— Да, — Джон вздохнул. — Мы не можем рисковать, ис-

пользуя радар, но если все же ты будешь определять координаты, проверь номер четыре. Если там остался кто-нибудь живой, пусть даст ответный сигнал.

— Уже пробовали, сэр. Я только что хотел доложить вам об этом. Они молчат, командор, ни малейшего намека на жизнь.

— Та-ак, — нервно протянул Браузен, и вскочив с кресла, стремительно вышел из рубки. Он направился в технический отдел, чтобы координировать операцию с помощью специальных экранов, смонтированных там.

Потом он проделал короткую прогулку по кораблю. Поговорил с артиллеристами (у них не было проблем, если не считать, что кончились снаряды всех калибров) и зашел на склад, где узнал, что с питанием экипажа тоже не будет проблем, если только они доберутся до Акиэля или куда-нибудь еще не позже, чем через триста часов. Затем он вернулся в рубку и вышел на связь с флотом.

— Говорит командор Браузен. Боюсь, что придется считать четвертый экипаж мертвым. Они вышли из гиперсферы, но до сих пор с ними нет связи. Мы попытаемся приблизиться к ним, и если уровень радиоактивности будет в норме, то перейдем к ним на борт. На детекторах у некоторых из вас могли появиться объекты или группы объектов в направлении 28/31 на расстоянии в треть миллиона миль. Мы наблюдаем их следы на экранах. Вероятнее всего, это заблудившаяся комета или метеоритный рой, но все же мы не можем рисковать. Все должны сгруппироваться вокруг «Луны». Это приказ!

Десятью часами позже, оставшиеся в живых люди из четвертого экипажа, уже находились в госпитальном отсеке флагманского корабля, а ремонтные бригады с «Луны» занимались поврежденным кораблем. Отверстие было небольшим и появилось оттого, что какой-то осколок на огромной скорости насквозь пробил корабль, натворив при этом немало бед. Правда, следов радиоактивности, теплового или взрывного действия не было. Просто кусочек стали, имевший один шанс из тысячи, получил этот шанс, из-за чего погибли восемь мужчин.

Далекий объект, обнаруженный Джоном, оказался обычным для данного района Галактики куском скалы, но это не улучшило настроения командора. Ведь восемь человек погибли! А Вез До Ган требует, чтобы люди совершили еще несколько атак на базы бизхов.

Чувство вины и сомнения терзали его. Он был так уверен и горд собой, когда план операции был выработан. А может

быть, в действительности это было преступной небрежностью?

Он встал с койки, на которой провел почти час, бессмысленно разглядывая металлические стены, и пошел к столу. Его взгляд безвольно метнулся к закрытому сейфу.

— Нет! — буркнул он, стиснув зубы и проглотив слюну, которая не могла утолить жгучего желания. Почему после возвращения с «Консула Блуффа» он закрыл ту коробку с дроном именно здесь, а не отнес ее в госпиталь «Луны» и не отдал врачу?

Джон оперся о край стола, у него закружилась голова.

— К дьяволу! — почти выкрикнул он. — Я не мог предугадать этот кусок металла! Не мог.

А как прекрасно он чувствовал себя перед началом операции. Хотя, если быть честным, каждый кретин чувствует себя на седьмом небе перед тем, как натворить ошибок.

А это сражение с бизхами? Какой эффект? Двадцать человек погибших в четырех неудачно проведенных операциях! Это был не только устрашающе большой процент от всех живущих ныне людей. Прежде всего это были люди, которых он знал. Товарищи по оружию. Уж было бы лучше, если бы Барт Ланге оставил его на Дронгалии.

Джон ударил кулаком по стальной переборке и с трудом проглотил слюну. А потом, дрожа и проклиная себя, повернулся и медленно двинулся к сейфу.

Джон лениво заворочался на койке. Что это за звук? Словно сквозь туман, обволакивающий его мозг, он пытался припомнить, что же надо было сделать? Что? Так... Это интересно... Он повернул голову к динамику.

— В чем дело?

— Командор! Докладывает вахтенный дежурный. Необходимые для жизни экипажей припасы на всех кораблях закончились.

— Так...

Молчание. Потом голос дежурного удивленно спросил:

— Командор, как скоро мы улетим отсюда?

— Улетим? — Джон почти засмеялся. Конечно, они могут улететь прямо сейчас. Но ведь для этого нужно, чтобы у него возникло такое желание. Ведь это он командует флотом, разве не так? Он вновь захихикал, а потом широко зевнул.

— Нет. Я думаю, что мы не скоро покинем этот район.

Нам некуда спешить. Передай всем, чтобы отдыхали, хорошо?

Тишина. Потом раздался недоверчивый голос дежурного:

— Да... сэр. А разве...

Джон повернулся на другой бок, вытянулся поудобнее и снова погрузился в дремоту. Он чувствовал себя прекрасно. Где-то там, глубоко внутри, его что-то тревожило, угнетало. Это было какое-то особое чувство, связанное с недавно принятым решением, которое может стоить жизни всем его людям. Это плохо, но ведь рано или поздно каждый должен умереть, не так ли? И не все ли равно, как умереть? В бою, быстро и без мучений, принять героическую смерть, или вот так, в сладкой грезе. Похоже, что так даже проще. Ему было хорошо! Почему он так упорно отказывался от порции дрона в течение этих долгих часов и дней? Он был очень и очень не мудрый...

— Джон! Эй, Джон! Проснись!!

Джон перевернулся на спину, и с трудом разлепив отяжелевшие веки, уставился отсутствующим взглядом на того, кто тормошил его за плечи.

— О, да это ты, Барт! — наконец узнал он человека. — Как ты сюда попал?

Барт смотрел на него, стиснув зубы.

— Значит так, Джон. Эх! Сколько же ты принял и как давно?

Браузен сел, позевывая потянулся, затем ухмыльнулся:

— Мне нужно принять несколько душ, а потом что-нибудь съесть. Ты спрашиваешь, сколько я принял? Одну дозу. Маленькую, маленькую... — он попытался показать это дрожащими пальцами. — Как зернышко гороха. Если где-то еще растет наш горох, — захихикал он. — Да перестань же пялиться на меня, дружище. Я чувствую себя отлично. Не веришь? Спроси таблицу умножения или логарифм трех. А может быть, тебе лучше перечислить наших людей? Давай: Аэрон, Андерс, Бейкер, Бунстил.. — Он замолчал. — Да, Бунстила мы потеряли.

Ланге прошипел сквозь зубы:

— К дьяволу Бунстила и всех остальных! В последний раз мы дали флоту бизхов прикурить. Мы выполнили все или, по крайней мере, большую часть обязательств перед гохдонцами и сейчас мы самостоятельная боевая единица! Нас еще около двух сотен и нам еще так много надо сделать, Джон! А может ты опять собираешься стать свиньей и вернуться к своему дерьмовому занятию?

Джон поморщился.

— Ты не понимаешь, что такое дрон, Барт, — вздохнул

он. — Но хватит об этом. Я думаю, что пора двигаться на встречу с Везом. Барт, ты возвращаешься на свой корабль? Может, останешься на «Луне» и поможешь мне сейчас? Надо бы отдать нужные приказы...

Ланге схватил его за руки и, сорвав с койки, заорал:

— Да приди же в себя, Джон! Кто здесь командор!? Ты! И особенно сейчас, после последнего сражения. Люди смотрят на тебя, как на божество. Нельзя чтобы они увидели в тебе слюнтяя, этакое бесхребетное животное...

Джон опять вздохнул.

— Скажу тебе честно, Барт. Я не хочу быть даже частью Бога... Но ты, конечно, прав.

Он наклонился за мундиром, небрежно брошенным на полу.

— Возвращайся на корабль и сразу уходи в гипертферу.

— Да, конечно, существует большой риск, что бизхи узнают о направлении следующего нашего удара, — Вез До Ган направил свои ладони вниз, что означало крайнюю степень раздражения. — Нельзя забывать и о том, что они тоже кое-что смыслят в военном искусстве. Поверьте, мне искренне жаль, что вы потеряли столько людей. Приняв во внимание твои способности в ведении боя, которые еще раз были продемонстрированы тобой, Джон, это была просто неудача. Скажу честно, мы больше не просим тебя, Джон Браузен, о возобновлении атак на бизхов в этом районе. Думаю, что лучше всего было бы нанести удар по их базам, в каком-нибудь другом районе. Это стоит обдумать. А пока скажу: твоя неудача оборачивается для нас полной победой. Ты-таки здорово потрепал этих червей, — Вез потер волосатую щеку. — Главная цель заключалась не в уничтожении баз бизхов, а в провоцировании недоразумений между вильмутцами и бизхами, и насколько нам кажется, она достигнута. А если ты так же удачно выполнишь удары по их дальним базам...

— Кампания, проводимая так далеко, — буркнул Джон, — будет требовать предварительного исследования района.

— Согласен. Конечно, нужно немного осмотреться. Думаю, что мы могли бы организовать нашу базу поблизости от границ империи Вильмут. Место и время вашего появления в указанном районе мы определим позднее.

— Мы должны получить от вас полную аммуницию, энергию и продовольствие. Как насчет обеспечения всем этим? Думаю, что продукты можно погрузить на Акиэле.

— Конечно. Но на это потребуются сотни часов. Такое резкое увеличение суматохи и появление большого количества транспортов несомненно вызовет повышенный интерес разведки. Но это пока наш предварительный разговор. Будем думать. Пока что скажу, два корабля бизхов, находящиеся на Акиэле, уже отремонтированы.

Мысли одна за другой пробежали в голове Джона. Как кстати был бы сейчас корабль клипов, обещанный Омниархом. Кроме потенциальной пользы, которую он мог бы принести в бою, он мог бы служить базой лучше, чем любая планета и принял бы на борт всех людей сразу. Но говорить об этом Везу пока ничего нельзя...

Джон очнулся.

— Знаешь что, Вез? Мне кажется, что мы могли бы очень просто решить проблему перевалочной базы. Согласен, что наше пребывание на Акиэле становится все более опасным. Во время нашей последней встречи мы говорили о какой-нибудь планете в вашей части Галактики, которую мы могли бы занять. А что, если ее и использовать для нашей базы?

Внимательный взгляд Вез До Гана сконцентрировался на нем на целую минуту.

— Отличная мысль, командор. А что?! Когда бы ты хотел осмотреть ее?

— Через несколько гохдонских дней, если это подойдет. Нам необходимо подремонтировать корабли и поднять моральный дух экипажей. Может быть, мы сможем дать тебе сигнал, как только будем готовы?

— Хорошо, Джон, до встречи.

— До встречи, Вез До Ган!

По возвращении на Акиэль Джон поспешно отыскал Большого Самца хелков.

— Мне срочно нужно сказать пару слов Омниарху. Дело не терпит отлагательств. Скажи, где я мог бы встретиться с ним?

Хелк внимательно посмотрел на человека. На его лице не появилось никаких чувств; голова хелка была поднята на уровень лица Джона, а четыре ноги мощно упирались в землю.

— Должен огорчить тебя, человек, но я не знаю, где находится мой предок. Однако твои слова немедленно будут переданы ему, хотя я не знаю, как много времени потребуется для того, чтобы он их услышал. Но известие я передам немедленно!

Бульвенорг, Заместитель Первого Главного Маршала Обороны Великой Империи Вильмут, сидел, слушая болтовню наспех собранных людей. Большинство из присутствующих здесь помощников были его непосредственными подчиненными, и он обычно позволял им немного повольничать. Он слушал так, как слушал бы обеспокоенный, но сохраняющий внешнее спокойствие, кот, развалившийся в кресле с полужакрытыми глазами. Уши его время от времени подрагивали, когда до слуха долетало мало-мальски важное слово. Бульвенорг не был котом. Без сомнения он принадлежал к гуманоидной расе, о чем свидетельствовали его сильные и ловкие руки с четырьмя толстыми пальцами на каждой. Если его ноги были более толстыми и мощными, чем, например, у гохдонца, то это лишь подтверждало, что вильмутцы развивались в более тяжелых природных условиях. Бульвенорг мог носить человеческую обувь (соответствующей ширины), кроме того, пальцы его ступней были более подвижными и ловкими, чем пальцы человека. Лицо его весьма отдаленно напоминало человеческое — щеки были удалены друг от друга на высоту ушей и соединялись внизу так, что его большой нос, близко посаженные глаза, выдвинутый вперед подбородок и выступающие зубы занимали очень мало места. Его зубы, в отличие от человеческих, были более приспособлены к плотоядной пище, но не настолько, чтобы вильмутцы не могли есть растительную пищу.

В человеческом восприятии Бульвенорг был коренастым — он имел рост немногим более шести футов при весе в триста фунтов. Трудно было сказать был ли он толстым, или имел такое телосложение от рождения. Во всяком случае, во всей Галактике, никто так и не мог понять, каким образом эти тяжелые на вид существа могли в мгновение ока становиться гибкими и ловкими, словно были начисто лишены костей. Но ведь и немногие знали, что земные коты (когда они существовали) умели в одну секунду сменить свою ленивую позу на решительность и готовность к действию, напоминая при этом сильно сжатую стальную пружину. И именно этим Бульвенорг напоминал кота. Его остроконечные зубы вот уже несколько мгновений дрожали все сильнее. Он поднял руку и пригладил коротко постриженные, вьющиеся волосы, растущие на крутом лбу (эта покатошь лба была уравновешена выпуклостью темени черепа). Медленно румянец покрыл его смуглую кожу. Бульвенорг не был злым, но сейчас начинал

злиться. Болтовня присутствующих уже перестала давать хоть какую-то полезную информацию.

Он выпрямился в кресле. Офицер, руководивший собранием, тотчас же застучал по столу чем-то похожим на карандаш, но в действительности бывшее многозарядным лазером, который легко мог сжечь небольшой город. Стук призвал присутствующих к порядку.

Бульвенорг поморщился и произнес:

— Мне стало ясно, — сказал он резким голосом, — что большинство из вас стараются скрыть свою озабоченность тем, — он прервался, давая собравшимся выразить недовольство, — что сообщили нам Гражданский Делегат о нападении наших боевых кораблей на пограничные базы империи Бизх. По причинам, которые ни один здравомыслящий индивидуум не в состоянии понять или объяснить. Наш Директор придает этому делу большое значение, хотя, в целом, оно не заслуживает этого. В свою очередь, наш Шеф Внешнеимперского Отдела красноречиво отметил те трудности, с которыми встречается наша разведка при работе в чужих мирах, расположенных на расстоянии многих сотен световых лет от самых отдаленных наших границ, мирах, с которыми мы даже не поддерживаем дипломатических отношений. В конце нашего собрания вам будет предоставлена возможность ознакомиться с докладом моего адъютанта, который в общих чертах обрисует вам наши действия, чтобы предотвратить возможность массовых ответных атак со стороны бизхов. — Он снова на мгновение прервался, ища взглядом недовольных. Конечно, он мог сломить всякое сопротивление без особого труда, но хотел закончить собрание, не раздражаясь, затем продолжил:

— Меня поразило, что никто из присутствующих даже на мгновение не смог предположить, что эти таинственные нападения (конечно, мы не можем и даже не должны отрицать, что наша организация в своей работе испытывает большие трудности) были кем-то запланированы для того, чтобы посеять враждебность между нами и бизхами.

Раздались удивленные восклицания.

— Такая возможность, — продолжал Бульвенорг, — с самого начала была наиболее очевидна. Я нарочно не упоминал о ней, надеясь, что кто-нибудь из вас сам придет к этому и выскажет какие-нибудь ценные мысли. Сейчас я всем предлагаю подумать над сложившейся ситуацией в этом аспекте и подготовиться к дискуссии, которая должна состояться в следующую нашу встречу.

Гражданский Делегат, старый советник, которому Бульвенорг взаимно платил сдержанным уважением, кашлянул. Бульвенорг посмотрел на него.

— Интересная мысль, — медленно произнес Делегат. — Интересно, кого вы имели в виду, говоря о неустановленных провокаторах? Они чужие или вы все же допускаете возможность, что это кто-то из наших?

Бульвенорг улыбнулся:

— Не судите об этой последней возможности по моим словам. Однако, поскольку моей работой является оборона империи и ее союзников, я сделаю все, чтобы убедиться в том, что мы тут не причем. По имеющейся информации, силы нападающих были невелики. Думаю, что именно чужаки и являются теми провокаторами. Благодарю, — он поклонился Делегату, — за то, что вы почтили меня своим присутствием.

Делегат откланялся.

— Я ваш союзник, маршал. Помните, что Директор очень не желал бы войны с бизхами. Кстати, а что вы думаете об этих мерзавцах? Может, вы знаете, кто они?

Бульвенорг сделал обиженный вид.

— Именно это, — буркнул он, — и потребует от нас огромного напряжения, так как до сих пор мы не располагаем более точной информацией. Хотя, если быть до конца правдивым, мне в голову приходили кое-какие мысли о некоторых расах, которые могли бы извлечь из этого кое-какую пользу.

Делегат хрипло рассмеялся. Бульвенорг встал, давая понять, что собрание закончилось. Прощаясь с подчиненными, он вежливо улыбнулся каждому. Бульвенорг никогда ничего не имел против такого панибратства, но иногда, как например сейчас, когда что-то мешало ему принять решение, эта маска хорошо помогала скрыть охватившее его раздражение. Покидая кабинет, Бульвенорг коснулся выключателя микрофона и произнес:

— Адмирал Густен, я бы хотел поговорить с вами.

Бульвенорг достал из шкафчика бутылку и, не теряя времени на церемонии, наполнил напитком два бокала. Один — Густену, другой — себе. Это был обычный напиток со вкусовыми и ароматическими добавками, придающими ему кислотный вкус и запах.

— Итак, сэр, вы можете что-нибудь сказать о тех, кто доставил нам эти неприятности?

Жест Густена отрицательно ответил на этот вопрос.

— Я полностью сбит с толку, маршал. Не понимаю, кто мог захватить столько наших кораблей, да еще крейсер с тоннажем в четыреста тысяч тонн. Мы не теряли такого количества кораблей на протяжении пяти поколений.

Бульвенорг пожал плечами, глотнув из бокала.

— Это полная загадка. Можно было бы подумать, что кто-то построил корабли по нашим проектам. Хотя, это весьма длительная работа. Однако, по данным разведки можно утверждать, что это наши корабли. Я подозреваю, что нас ждет долгое ковыряние в архивах в поисках данных о кораблях, которые мы потеряли ранее. В свою очередь, — он внимательно поглядел на собеседника, — вам не приходит в голову мысль об одной расе, представители которой похищали корабль за кораблем, а потом использовали их против нас?

Густен наморщил лоб.

— Конечно. Продолжительность жизни наших загадочных и часто удивляющих невольников хелков мгновенно пришла мне на ум. Я когда-то даже исследовал их. Два подавленных восстания хелков, а потом на протяжении последующих ста лет тишина, даже корабли не похищались.

Бульвенорг усмехнулся, но взгляд его остался внимательным.

— Да, — кивнул он. — Но вы, адмирал, забываете о кораблях, пропавших без вести.

— Хелки-техники не могут захватить корабль! — решительно запротестовал Густен.

— Техники — нет. Но ведь нам до сих пор не удалось разгадать загадку гормонов хелков. Откуда может быть уверенность, что содержащийся где-то в цепях воспроизводства Большой Самец хелков не воспроизводил индивидуумов, выглядевших, как все остальные, но с инстинктами воинов?

— Вы думаете, сэр, — Густен походил на очень обеспокоенного, почти запуганного человека, — такое возможно?

Бульвенорг допил свой напиток и нетерпеливо взмахнул рукой, в которой держал бокал.

— Это просто один из вариантов, пришедших мне в голову. Ведь корабли могли быть собраны различными путями. Наши враги, адмирал, если реально посмотреть на это дело, легко могли собрать такое количество кораблей. Но тут важно другое. Самое главное установить: из кого состоят экипажи кораблей? Наверняка члены экипажей не являются обитате-

лями ни одной из империй, с которыми мы время от времени торгуем. Существует риск, что кто-нибудь попадет в плен или тела убитых будут опознаны. Вам не приходит в голову мысль, что это могла сделать определенная группа фанатически смелых гуманоидов, ненавидящая нас всеми своими потрохами? — сказал он, наблюдая за реакцией собеседника. — А если добавить сюда и то, с каким блеском они проводили операции с превосходящими силами противника...

— Вы имеете в виду землян? И их ком... (какое глупое определение ранга) командора Джона Браузуна? Их осталось немного, да и распылены они по всей Галактике. Только этот толстый поэт Доаль постоянно живет на Дессе. Что касается Браузуна, думаю, что он уже давно умер на Дронгалии.

Бульвенорг оскалил крупные зубы.

— Действительно, Браузен уже давно живет на Дронгалии. По нашим сведениям он стал наркоманом. Если говорить об остальных, то по нашим подсчетам их осталось не более трех сотен. Но разве триста человек — это мало? Я всегда сомневался, что решение оставить в живых эти недобитые остатки землян в качестве примера для других бунтовщиков или агрессоров было верным. А насчет Браузуна мы должны как можно скорее убедиться, что он на самом деле мертв.

Густен медленно выцедил остатки напитка и осторожно поставил бокал на стол.

— Я понял вас, господин Бульвенорг, но зачем это все? Почему такие сомнения?

— Сомнения? И вы хотите знать почему, Густен? Ведь многие из этих землян долгие годы были на службе у гохдонцев. А теперь вспомните, что бизхи в последнее время заглядывались на лакомые кусочки пространства, лежащие между их империей и Гохдом. Гохдонцы не очень хотят и не могут ввязываться в открытую войну, которая грозит стать затяжной. С их точки зрения оптимальным решением является возможность убедить бизхов, что это не они, а мы заинтересованы в этой экспансии.

Густен кивнул.

— Мы обязаны поинтересоваться этим. Если бизхи овладеют всей свободной территорией вдоль рукава спирали и в конце концов дойдут до Гохда, то дальнейшая их экспансия пойдет уже через Пустой Регион. Таким образом, мы должны иметь в этом деле какой-то интерес. Однако, это дело далекого будущего. К тому же у нас нет никаких доказательств. Домыслы и все. А этого недостаточно, чтобы хотя бы начать планировать карательные экспедиции против гохдонцев.

Бульвенорг снова наполнил бокалы.

— Да, это и невозможно. Они довольно сильны. Если нам удастся выиграть тотальную войну у Гохда, империя бизхов станет самой сильной в этом секторе Галактики.

Он сделал большой глоток.

— Конечно, мы все же примем некоторые контрмеры. А сейчас мы должны убедиться в том, что мои допущения верны. А посему необходимо как можно скорее предпринять рейс на Дессу. Хотя этот толстяк-поэт и его прихлебатели и отрицают всякие мысли о войне, мы должны убедиться, что это так. Кроме того, надлежит выслать корабль и на Дронгалию, чтобы проверить что с Браузенем. Если он мертв, хорошо. Далее, необходимо усилить разведку как у бизхов, так и у гохдонцев...

Он на мгновение задумался.

— А может быть... — буркнул он, — мы должны добавить к этому и еще что-то. У меня такое ощущение, что стоит также выслать небольшой отряд вдоль рукава спирали, чтобы еще раз присмотреться к этой планете, откуда происходили люди. К Земле.

Густен часто заморгал.

— Неужели вы думаете, что там смог кто-то выжить?

— Нет, однако там остались машины и материалы. Работая непродолжительное время в скафандрах, люди могли бы найти там довольно ценное оборудование.

Он наклонился к Густену.

— Пока что прошу вас подобрать экипажи. А мне предоставить рапорт с точным указанием рангов и всех необходимых мероприятий для отбора. Это должны быть решительные люди и, что немаловажно, умеющие молчать! Вы понимаете меня, адмирал? Я чувствую, что важность этого дела может перешагнуть границы ответственности!

10

Невооруженный гохдонский «разведчик» приблизился к зеленой планете. Джон и Барт расположились перед огромным экраном и внимательно изучали изображение. Джон наклонился, подстраивая камеру так, чтобы получить максимальное изображение горной цепи, лежащей внизу в нескольких десятках миль.

— Я не замечаю никакой разницы, — через мгновение воскликнул он, увидев деревья, растущие по склонам гор. — Это же наши сосны а, Барт!

— Я все же хочу рассмотреть их немного поближе, — рассмеялся Ланге. — Только тогда я, может быть, утешусь. Ты уже определил место приземления?

— Нет. Но мне кажется, что вон то место подойдет, — Браузен ткнул пальцем в угол экрана. — Возле озера будет в самый раз. Смотри! Озеро окружено узким кольцом лугов. Да, там и сядем. Что скажешь? Мы сможем назвать эту планету своим домом?

Барт посмотрел на командора. Оба они очень внимательно следили за своей речью. Вез До Ган, без сомнения, мог установить в этом помещении подслушивающую аппаратуру.

Джон усмехнулся. Он был возбужден, а Вез мог бы это понять, если существовала аппаратура подслушивания. Однако, откуда он мог знать, что мир, лежащий за кораблем, не был единственной причиной возбуждения людей. Джон торопился на условленную встречу с Омниархом. Сейчас самое главное было встретиться с хелком.

Из интеркома раздался свист, и послышался голос Вез До Гана:

— Приземление через десять долей, что в переводе на ваше время — 21 минута. Вы выбрали место для посадки?

Джон и Барт вернулись в свои каюты. Было договорено, что они подождут на этой планете «Луну», которая должна привезти оборудование и припасы с Акиэля. Конечно, не потому, что эта планета была бесплодна. Просто сначала здесь необходимо построить электростанцию, а до тех пор ввозить все продовольствие и товары извне.

Джон не был уверен, прилетит ли на «Луне» сам Омниарх, или пришлет кого-нибудь с известием о месте и времени встречи. Он очень сомневался, чтобы старый плут так рисковал, появляясь здесь. Но, в конце концов, это не имело значения, так как пока события развивались успешно.

В каютах Барта и Джона раздался звонок, и на экранах появилось лицо Веза:

— Встретимся у шлюза номер два сразу после посадки.

— Хорошо, Вез, принято.

Солнце пригревало здесь почти так же, как и на Земле. Деревья, окружающие луг, не были похожи на сосны, они имели сморщенные округлые листья и пряно пахли. Но, несмотря на это, пульс Джона участился. Трава здесь на первый взгляд была такая же, как и на Земле, она доставала до щиколоток и пахла, как обыкновенная трава.



Пролетающие птицы могли сойти за соек, если бы вместо пурпурного оперения имели голубое, так больно памятное по Земле. Экологическая ниша белок была заполнена небольшими зверьками, удивительно похожими на маленьких, безволосых мексиканских собачек. Но кричали они так, как не смог бы сделать ни один земной пес. Люди заметили какое-то существо, похожее на енота, которое вышло из леса и направилось к озеру. Заметив людей, оно остановилось и удивленно посмотрело на них, потом повернулось и побежало обратно, смешно подпрыгивая при этом. Джон сравнил того зверя с енотом именно по способу, каким он передвигался. Зверек имел длинное рыло, короткий хвост и серый мех с одним большим белым пятном на шее.

В нескольких ярдах за людьми появились вооруженные гохдонцы.

Вез подошел к Джону и улыбнулся:

— Ну как, друзья, вам нравится здесь?

Джон сглотнул и едва выдавил из себя:

— Это... идеальное место, Вез, мы словно на Земле, где-нибудь в Северной Америке поздней весной.

— Я рад за вас. Я приказал своим экологам подробнее проштудировать описание Земли и на основании этого сделать выбор планеты. Меня уверили, хотя исследования здесь были весьма поверхностные, что в отношении местной фауны необходимы только минимальные меры предосторожности. Вы уверены, что палатки вам хватит? Мы могли бы установить вам что-нибудь посolidнее.

— Палатки хватит, — ответил Джон. — Она выглядит очень... очень невинно.

Вез открытой ладонью выразил свое согласие.

— Насколько мне стало известно, — начал он, — в двух милях вниз по течению ручья находится равнина, где можно будет построить поселок и смонтировать необходимое оборудование для нормальной жизнедеятельности. Да, еще! Подумайте так же над тем, что, когда вы раздобудете нужное количество кораблей, вам необходимо будет решать проблемы маскировки. Если говорить о временном посадочном поле, то лучше всего иметь на нем три звездолета одновременно. И вот еще что. Грунт там не настолько твердый, чтобы выдержать старт корабля на обычных двигателях, поэтому советую вам сразу применять гравитационный ускоритель.

Они подошли к груде оборудования, которая занимала добрые двести ярдов луга. Над большим штабелем из ящиков и пакетов уже была натянута маскировочная сетка, которая

(как уверял Вез) была окрашена таким образом, что цветом не отличалась от окружающих деревьев вне зависимости от типа освещения — видимого, инфракрасного или ультрафиолетового.

Что за сила скрывалась под этой сеткой! Кровь ударила Джону в голову при мысли о длинных металлических сигарах, мчащихся сквозь пустоту в погоне за отчаянно лавирующими неприятельскими звездолетами.

Огромная «Луна» мягко села на равнину, не касаясь травы, поддерживаемая гравитационными двигателями. Колтер вывалился из люка первым. Джон встретил его, протянув руку.

— Привезли пассажира?

— Нет, только информацию.

— Где и когда?

— Около двенадцати световых лет отсюда, между двумя двойными звездами. Тамошняя гравитация отлично маскирует от всяких масс-детекторов. Время, — Колтер посмотрел на часы, — через одиннадцать часов, начиная с момента нашей посадки.

— Значит, у нас есть время для пополнения припасов «Луны».

— Сначала мы должны полететь на Акиэль, а оттуда направиться на место встречи, лучше на каком-нибудь небольшом корабле. «Луна» слишком бросается в глаза. Большой Семец на Акиэле высказал мысль, что Вез До Ган может что-нибудь заподозрить.

— Хелк, видимо, прав, — вздохнул Джон. — Что ж, это означает еще два дополнительных часа. Были еще какие-нибудь сообщения?

— Да, в свою очередь мы должны оставить здесь кого-нибудь для охраны всего этого. Мы будем присылать корабли за вооружением и припасами. Ну ладно, давай разгружаться. Я думаю, что нам будет достаточно сложить припасы вон там, под деревьями.

С беспокойством, которое Джон старался не показывать, он наблюдал за Омниархом, который программировал компьютер для гиперпрыжка. Они должны были попасть на нужную планету точно, без всяких корректирующих прыжков и отклонений. Такое путешествие, если ко всему прочему не было

точных данных, называли «гиперсферической рулеткой». Но Омниарх, без сомнения, знал, что делал.

На корабельном детекторе массы были видны две светлые точки — это была пара двойных звезд. Сейчас они были местом их секретной встречи.

Большой хелк повернул голову и посмотрел на Джона.

— Десять секунд, командор.

Браузен постарался расслабиться.

Гиперсфера!

Около полутора минут объективного времени — это было порядочно. Корабль, вынырывающий из гиперсферы, мог наскочить на кусок скалы. Джон с трудом проглотил слюну, мечтая о ничтожной порции дрона или, по крайней мере, о стакане виски. Он сжимал и разжимал вспотевшие ладони. Указатель хронометра наконец-то высветил необходимую отметку. Джон скрючился в кресле, охваченный страхом и сомнениями.

Выход!

Они остались живы. И находились на орбите планеты, которая могла быть Марсом, если бы имела немного больше видимых кратеров. Атмосфера с давлением не более десяти фунтов на квадратный дюйм, немного кислорода... Солнце системы было бледным. Это был белый карлик, который в свое время сжег жизнь на планете в момент максимального увеличения излучения. Сейчас планета была безжизненной, хотя на ней каким-то чудом сохранилось два моря.

Они тайком прокрались в этот район, контролируемый гохдонцами, и возбуждение, которое испытывал Джон при мысли о корабле клипов, не уменьшало этого прискорбного факта. Ему не нравилась эта затея, проводимая за спиной Вез До Гана. Но как бы там ни было, они были на месте...

Большие волосатые ладони Омниарха быстро пробежали по пульту.

Корабль замедлил полет и снизился. Они задержались над краем округлого плоскогорья, и Омниарх снова обратился к Джону:

— Сейчас мы должны кое-что предпринять, прежде чем приступим к самому главному. Джон Браузен, я намерен ударить небольшой силы лучом из орудий и измельчить грунт в этом месте. Потом, — он указал на экран, — судить его выхлопами.

Джон пожал плечами.

— Здесь командуешь ты. Когда начнем?

— Немедленно. Прямо под нами, не менее чем в двадцати

футах под поверхностью находится металлический предмет диаметром два и высотой один фут. Его положение можно зафиксировать с помощью магнитометра.

— Хорошо, — буркнул Джон. — И что это? Часть корабля клипов?

— Нет, Джон Браузен. Это не часть корабля. Это прибор, при помощи которого мы найдем звездолет. Окажись эта безделушка в руках у кого-нибудь, кто совсем не знаком с технологическими достижениями клипов, она бы им ничего не сказала. Ну что же, идем на посадку и за работу.

Созданный загадочной цивилизацией прибор был похож на большой металлический гриб со шляпкой, без каких-либо следов обработки на поверхности. Он казался монолитной глыбой металла, но у людей создалось впечатление, что внутри он полый. Разве что клипы создали сверхлегкий металл.

Открывался прибор очень своеобразно. Омниарх принес из корабельного склада длинный кабель с магнитным сердечником и начал свивать из него спираль. Спираль получилась равномерной, и в середину ее он установил прибор.

— Сейчас, — обратился он к Джону, — нам потребуется постоянный пульсирующий ток, частоту которого необходимо менять в пределах от пятисот до тысячи мегациклов. На корабле есть генератор с такими параметрами?

Джон посмотрел на Омниарха и заявил:

— Наверное, к тому же можно было бы отключить питание от батарей.

Омниарх улыбнулся.

— Ты не считаешь, что монтаж и доставка сюда специального оборудования может оказаться очень некстати? И... — он на мгновение замолчал, быстро переступив всеми своими четырьмя ногами, — прошу извинить меня, если я выгляжу несколько возбужденным. Я видел только фильм о корабле, находящемся здесь. А вы ведь знаете, насколько важным элементом в наших планах является этот корабль.

Джон удивленно посмотрел на хелка.

— Ты хочешь сказать, что никогда не имел дела с этим контрольным прибором?

— Я пользовался им. Собственно, это я спрятал его здесь, но сам корабль... Нам всем суждено увидеть его впервые!

Ток пробежал по спирали сложной формы. Омниарх стоял над прибором, широко расставив ноги, со склоненной на бок головой, чтобы было удобнее вести наблюдение.

Загадочное творение разума клипов задрожало и подпрыгнуло на несколько сантиметров вверх. Его внешняя оболочка треснула и мгновенно превратилась в порошок. Омниарх дрожащими от нетерпения пальцами раздвинул спирали и вытащил прибор. Джон увидел панельку, сплошь покрытую циферблатами и указателями. Надписи представляли собой набор каких-то непонятных закорючек. Он знал, что никто и никогда в Галактике не смог до сих пор расшифровать язык клипов. Руки большого хелка дрожали еще сильнее, когда он положил, медленно согнув сначала одну, потом вторую ногу, свое тело на землю, рядом с прибором. Он долго вглядывался в циферблаты прибора, затем, глубоко втянув воздух, произнес:

— Если я хорошо понял тогда фильм и все, что мне удалось расшифровать в этих надписях, то можно предполагать, что звездолет появится из-под земли приблизительно в миле отсюда. Лучше всего это будет переждать в нашем корабле. Активность этой планеты давно исчерпалась, но для поднятия звездолета может быть сгенерирована огромная энергия, возможно, это будет безопасно. Кровь прилила к вискам Джона. Он поспешно двинулся вслед за Омниархом к своему кораблю.

Они взлетели на несколько тысяч футов, и Джон увидел, как хелк включил прибор.

Ничего не произошло. Джон задрожал от напряжения, злости и разочарования. Но потом... Он едва успел подавить в себе желание бросить корабль в космос с ускорением в сотню «g». Поверхность планеты, рыжеватая и пустынная, внезапно лопнула, как яйцо в горячей воде, из трещины повалила пыль и полетела порода. Трещина стала расти, выброс грунта поднялся на невероятную высоту, и планета вздрогнула, как бы рождая гигантский звездолет, вылезавший из гигантской трещины. До их слуха донесся грохот и рев разбуженной планеты. То, что выходило из ее недр, выходило с очень больших глубин. Медленно стряхивая с себя миллионы тонн породы, рождался корабль клипов.

Долгое время Джон был парализован собственным недоверием к тому, что он видел на экране внешнего обзора, думая при этом, что разум его помрачился. Звездолет чужой цивилизации имел по крайней мере четыре тысячи футов в длину и шестьсот-семьсот футов в диаметре. Он был цилиндрической формы с закругленными концами и параболическими выпуклостями с торцов. Больше никаких подробностей разглядеть не удалось. Только через несколько секунд Джон су-

мел различить вокруг корабля какую-то цепь, состоящую из звеньев круглых колец. Но что самое удивительное, эти кольца не соприкасались друг с другом. Эта цепь состояла из нескольких рядов звеньев. Таких рядов было восемнадцать, причем каждый состоял из сорока или пятидесяти колец. Скорее всего, это были шлюзовые люки, которые были сделаны из более темного и оттого контрастирующего с матово-серебристым корпусом звездолета металла. Сотни люков!!! И через каждый из них мог пройти такой корабль, в котором сидел сейчас Джон. Казалось, что нос гиганта почти касался обшивки их корабля...

Когда первые секунды ошеломления прошли, Джон обратился к Омниарху:

— Ты не мог бы...

Но хелк уже вращал ручки прибора. Джон посмотрел на экран: нереальный, невероятно большой корабль застыл прямо напротив их, зависнув над поверхностью планеты, и один из люков громадины был открыт.

Хелк улыбнулся во весь рот, но глаза его горели бешеным возбуждением. Голос слегка дрожал:

— Прошу на борт твоего нового корабля, командор Джон Браузен!

...Осторожно опробовав все переключатели, кнопки и приборы, люди нашли систему коммуникации внутри корабля. Теперь со всех палуб и помещений можно было связаться с залом Центрального Управления корабля клипов.

Стоило только пощелкать переключателями или нажать несколько кнопок на главном пульте или во вспомогательных отсеках, расположенных в разных концах корабля, как он становился похож на разбуженный улей. Массивные сооружения в оружейных отсеках корабля начинали вращаться совершенно бесшумно, так что о силе их оружия можно было только догадываться. Множество разноцветных огоньков мигали в рубке и каютах, гудели сигнальные сирены, а после прикосновения к одной единственной кнопке на энергопункте многоэтажные колонны энергонакопителей неистово загудели, переполняемые накопленной в них энергией в миллионы киловатт.

Сначала Джон и Омниарх даже и не пытались активизировать все эти механизмы. Единственное, что они сделали, так это включили освещение всех палуб, коридоров и кают в целях безопасности. Но потом оказалось, что корабль был

снабжен специальной системой защиты: любой тупица, оказавшийся на его борту, не смог бы причинить вред его нормальному функционированию. Люди разобрались в некоторых надписях под приборами и переключателями настолько, насколько это позволяли сделать познания Омниарха в языке клипов.

— Смотри! — сказал Джон, показывая на предупреждающий знак. — Дьявольское совпадение. В моем мире красный цвет всегда считался символом опасности. То же обозначение принято и в Гохде, и в Вильмуте. Видишь, и клипы используют его так же.

— Это не случайное совпадение, Джон Браузен, — Омниарх улыбнулся. — У моего народа этот цвет служит аналогичным целям. А поскольку у нас у всех красная кровь, то все становится понятным?

Джон посмотрел на хелка, и его щеки покраснели.

— Ты прав. Но у нас могли бы возникнуть проблемы, если бы мы нашли что-то, созданное существами с зеленой кровью, не так ли?

— Скажу, — важно ответил Омниарх, — что мы быстро научились бы разбираться и в этом!

Изучая корабль, люди поняли, что клипы уже давно пользовались всеми технологиями, которые на сегодняшний день считались у разумных рас Галактики суперновыми. К тому же здесь были вдобавок еще и такие, которые вообще не были знакомы ни людям, ни хелкам. Например, возле главного пульта управления находился еще один пульт, поменьше, который был усеян пружинками из какого-то пластика или керамики. Они были очень упругими, и сколько Джон ни давил на них, он не смог сдвинуть их витки ни на йоту. Кроме того, здесь же, на пульте, было несколько указателей с циферблатами, а также множество переключателей и игольчатых рукояток. Омниарх, выходя из зала, остановился в двери и загадочным тоном сообщил Джону:

— Можешь немного поэкспериментировать. Это не опасно.

И вышел. Удивленный Джон посмотрел ему вслед, а затем вернулся к этому странному пульту.

Он был шесть футов в высоту и девять футов в ширину и отстоял от главного пульта на десять дюймов. Пространство за пультом было закрыто кожухом. Очевидно, отметил Джон, там могли находиться какие-то приводные механизмы.

Джон выбрал переключатель ниже самого большого диска, имеющего около трех футов в диаметре, перевел его в ко-

нечное положение и... тут же отскочил назад, когда из диска вытек шар такого же размера. Джон осторожно приблизился, свет беспрепятственно проникал сквозь шар, темный диск исчез, и из пульта торчала только половина шара. Значит, другая половина должна была находиться за пультом, но где, если там свободного пространства было едва на пару дюймов? Джон протянул руку и дотронулся до поверхности шара. И ничего не почувствовал. Его пальцы прошли сквозь то, что на вид напоминало стекло. Он отнял руку, на шаре не осталось ни малейшего следа. Тогда он повернул переключатель в первоначальное положение. Шар тут же исчез, и опять на пульте возник черный диск. Включил — диск снова сменился шаром. Он несколько мгновений вглядывался в него, потом подошел к детектору массы. Так и есть! Шар на экране точечками огоньков обозначал положение двойных звезд и точки — положения «Луны» и других кораблей эскадры. Очень осторожно он протянул руку и дотронулся до поверхности шара. Шар был таким, каким и должен был быть, — полым и холодным. Тогда он возвратился к пульту с пружинками. Ни один из оставшихся переключателей и кнопок не привели к какому-либо изменению на пульте и внутри иллюзионного шара. Глядя на надписи, Джон в задумчивости нахмурил лоб. Он разобрал только одну комбинацию знаков, занимающих целый ряд на краю пульта. Это слово означало «гиперсфера». Именно так объяснял эту комбинацию значков Омниарх. Видимо, это был какой-то специальный вид детектора массы, который действовал только при работе компьютера корабля в режиме полета в гиперсфере. Или же это мог быть прибор, контролирующий положение других кораблей в гиперсферном полете. Джон с неохотой выключил его.

Такой же загадкой остались четыре циферблата хронометров над малым пультом вспомогательного компьютера. После включения питания все четыре хронометра начинали отсчет времени, стрелки быстро делали несколько оборотов с разными скоростями и потом останавливались. Три из них показывали дату и время, которые Джон не понимал. Указатели четвертого прибора двигались точно так же, как и стрелки ручных часов Браузена, хотя, конечно, все цифры на циферблате этого прибора были совершенно непонятны.

Главная часть корабля — гигантский механизм длиной в тысячу футов и диаметром двести футов — представляла собой единый монолит. Внутри этого механизма совершенно не было доступа. Создавалось впечатление, что попасть туда было вообще невозможно. Даже ультразвуковое и магнитное

зондирование не помогли раскрыть его секретов. Он был настолько массивен и так прочно закреплен, что Омниарх и Джон решили, что он был отлит в супергигантской форме, и только потом весь корабль был построен вокруг него. Может быть, его сделали из отдельных частей, а потом собрали в единый монолит из того самого металла, из которого сделан был и корпус всего звездолета.

Стены этого механизма должны были иметь, по крайней мере, около двухсот футов толщины и скрывать в себе энергию невиданной мощи. По выходящим наружу спиральям-шипам шел ток, который мог дотла сжечь небольшой поселок.

После многочасовых размышлений и исследований Джон начал свой разговор с Омниархом.

— Там должно быть громадное количество топлива! И мы не знаем, как пополнить его запасы, когда они закончатся. Трудно предположить, что клипы сделали корабль для одноразового использования.

— Ты уже сам сказал, — усмехнулся Омниарх, — что в этом корабле может быть колоссальный запас топлива.

Джон бросил быстрый взгляд на хелка — этот Омниарх все еще продолжал оставаться для него загадкой.

— А кстати, ты никогда не говорил мне, как тебе удалось раздобыть контрольный прибор для обнаружения корабля. И где ты видел фильм, разъясняющий как им пользоваться? Мне кажется, что в нем могла быть подсказка, где искать остальные творения расы клипов. Думаю, что это может пригодиться нам в бою.

Омниарх моргнул два раза в знак согласия.

— Ты думаешь, что я не искал, Джон Браузен? Все остальное могло быть уничтожено в катаклизмах или еще ждет пока его откроют. Пойми, что я не могу свободно, на виду у всех передвигаться по Галактике, как того бы хотел. У Вильмута множество шпионов почти на всех населенных планетах!

Джон промолчал. Но подумал, что все-таки получил информацию, или, по крайней мере, ориентир... Этот хелк! Место, где Омниарх раздобыл контрольный прибор и видел фильм (один Бог знает, как он сохранился, ведь прошло столько столетий!) вероятнее всего находится на территории, контролируемой Вильмутом. Слово «место» Омниарх применял только в определенном значении и всегда, когда не собирался даже намекать на него. Так же он говорил и о женщинах, спрятанных в особом «месте».

Проведя сто часов на этом корабле (последние восемьдесят Барт Ланге также находился там), Джон понял, что сможет справиться со звездолетом без помощи Омниарха (гравипривод и аппаратура, контролирующая гиперпереход, были относительно простыми). Определенное количество английских слов, эквивалентных терминологии клипов, было запрограммировано в памяти компьютеров, а остальные можно было ввести потом, дополнительно. В конце концов компьютерам было все равно, чем оперировать — арабскими цифрами или непонятными значками двухсотзначной системы клипов. Сначала Джон думал переградуировать все циферблаты приборов, нарисовав на них привычные человеку символы, но через некоторое время он понял, что гораздо легче будет использовать показания такими, какими они являются в оригинале.

Тем временем Омниарх улетел, забрав с собой контрольный прибор-обнаружитель. В общем-то, это не понравилось Джону, но спорить он не стал. Большинство его людей уже прибыло. Все «разведчики» были втянуты на палубы флагмана. Джон занялся изучением вооружения корабля клипов, предоставив Ланге заниматься более подробными исследованиями инструментов и механизмов.

Сам факт существования в сохранности корпуса корабля говорил о большой стойкости металла, из которого он был изготовлен. Станным было лишь то, что крышки люков были изготовлены из стали, намного более слабой и более подверженной коррозии, нежели металл корпуса и других внутренних конструкций. Ведь во время боя, конечно же, это было самым уязвимым местом. Джона удивило, что она не проржавела. Может быть, в подземном хранилище ее предохраняло от влаги какое-то химическое покрытие?

Правда то, что крышки люков были выполнены из менее прочного металла, имело и свои преимущества. Для размещения ракетных установок и лазеров можно было прорезать в люках необходимые бойницы, так что это было даже неплохо.

Джон долго раздумывал над размещением оружия. Конечно, среди экипажа всегда найдется несколько человек, которые смогут спланировать размещение и подключение оружия. Да, это будет огромный труд!

Позволит ли Омниарх сделать это на Акиэле? Наверное, нет. Все это должно быть сделано руками людей в открытом космосе. Ну что же, работа это только работа. Осталось ре-

шить самый главный вопрос. Где достать необходимое вооружение? Он решил посоветоваться об этом с Ланге.

— У нас была такая возможность. Я имел в виду демонтаж кораблей бизхов. Но теперь это уже нереально. Гохдонцев мы не можем просить о помощи, так как они не знают об этом корабле и могут вполне резонно поинтересоваться, зачем и где мы собираемся размещать так много оружия. Мы не можем даже купить его, так как на это у нас нет денег.

Барт согласился.

— Мне пришла в голову мысль, что Вильмут никогда не старался посетить Землю после катастрофы. А ведь очень много их продукции поступало туда до последней минуты. Но с другой стороны — сильная радиация. Выйти на поверхность...

Барт резко выпрямился.

— Но, может быть, за восемь лет ее уровень снизился?

— Конечно, снизился, но все равно думаю, что придется работать в защитных скафандрах, а все демонтированное оборудование тщательно дезактивировать. Дожди, конечно, порядочно смыли этой гадости. К тому же много снаряжения находилось на складах и в убежищах (сам знаешь, как о нем заботились) и не может быть сильно повреждено, — он внимательно посмотрел на Ланге. — Барт, я рассчитываю на то, что нам удастся собрать сто ракетных установок, пятьдесят лазерных и пятьдесят тяжелых орудий.

Ланге открыл рот.

— Боюсь, что все лазеры могли быть уничтожены!

— Возможно. Нужно проверить. Когда мы доставим все это в безвоздушное пространство...

— А на чем? — Барт скептически усмехнулся. — Ты сам говорил о сильной радиации.

— Да, ты прав, но у нас есть этот огромный корабль, и мы можем использовать его, — увидев лицо Ланге, Джон улыбнулся. — Конечно, я не думаю отрезать от него кусок, чтобы не повредить остальное радиацией (у нас даже нечем резать этот металл), но мы можем все стащить в один из больших отсеков и перекрыть его наглухо.

Барт решительно рубанул рукой воздух:

— Отлично! Можно попробовать! И бьюсь об заклад, что у нас получится все как надо!

— Я намереваюсь, — прервал его Джон; — заставить Омниарха даже путем шантажа, чтобы он сам или его потомки-техники передали нам всю информацию об этом корабле.

И что из того, что ракетная установка будет излучать несколько рентген? Мы будем держаться от нее подальше.

— Конечно, — поддакнул Барт. Его лицо горело решимостью. — Сколько человек мы возьмем?

— Больше, чем есть у нас скафандров высшей защиты. У нас будет много работы. Я хочу забрать всех, за исключением экипажа, необходимого для обслуживания нескольких «разведчиков» и «Луны». Моральный дух несколько упал, и я хотел бы его немного поднять зрелищем планеты-матери. Большинство из них не видело ее после...

Барт подумал и медленно кивнул.

— Думаю, что ты прав. Я знаю по себе, что не смог бы пережить это вновь... но... один только Бог знает, как я хочу увидеть нашу родную планету спустя восемь лет после катастрофы.

12

Вот уже почти четыре часа, как они в этом огромном корабле находятся в гиперсфере. Ровно столько, сколько необходимо для путешествия к Солнцу. Джон беспокойно метался по залу Центрального Управления. Его волновало какое-то странное, нехорошее предчувствие. Логически рассуждая, не было причин, чтобы империя Вильмут спустя восемь лет стала наблюдать за солнечной системой. Конечно, можно было проводить скрытые работы в шахтах даже при существующем уровне радиации, но зачем такой мощной империи морочить себе голову такой чепухой! Все, что можно было найти на Земле или какой-нибудь иной планете солнечной системы, с таким же успехом можно было отыскать на сотнях других, к тому же совершенно избавленных от радиации. Что же касается земных складов оружия, то они не должны были интересовать имперцев. Было легче создать новое, чем лететь на Землю и выискивать заброшенные арсеналы. У самого же Джона просто не было другого выбора: он не имел возможности раздобыть оружие еще где-либо, однако он был раздражен на себя тем, что дал повод Вильмуту вспомнить о Земле. Если имперцы хорошо пораскинут мозгами, то наверняка тоже додумаются, что земляне могут атаковать передовые посты бизхов.

Согласно показаниям хронометра оставалось менее четверти часа до выхода из гиперсферы в одной из точек пространства на орбите Плутона, выше плоскости эклиптики, но подальше от пояса астероидов. Если вильмутцы все-таки оставили наблюдателей, то, вероятнее всего, они расположили

свою базу в поясе астероидов. Они всегда будут готовы к нуль-прыжку, тогда как его корабль сможет выполнить такой маневр только через четыре минуты после включения гиперустановки. Вернее, почти через четыре минуты, так как они с Бартом смогли определить, что корабль клипов может быть готов нырнуть в гиперсферу за три минуты и двадцать секунд. Это было многовато, особенно когда речь идет о космическом сражении. У Джона не было никакой уверенности в том, что корпус корабля, пусть даже из такого прочного металла, сможет выдержать ракетный залп тяжелого крейсера.

Джон остановился рядом с шаром масс-детектора. Барт стоял рядом.

— Я хотел бы, — проворчал он, — чтобы этот прибор был очень хорошо отрегулирован. Когда мы выскочим в обычное пространство, то он покажет нам слишком много объектов: Солнце, планеты и астероиды. Боюсь, что не сумею точно сориентироваться, где нахожусь.

Джон кивнул головой. Все видимые точки должны были лежать в плоскости на четыре дюйма ниже центра шара, который отображал сиюминутное положение корабля в обычном пространстве. Солнце будет выглядеть как зелено-голубой огонек, но изображение остальных объектов системы может быть смазанным. В общем, мало хорошего, что теперь спустя восемь лет он не знает точного положения планет на орбитах. Вдруг у него мелькнула интересная мысль. Джон остановился и посмотрел на вспомогательный пульт, туда, где виднелась надпись на языке клипов — «Гиперсфера». Он быстро подошел к нему и решительно переключил тумблер под большим диском. Оптическое изображение сферы появилось мгновенно, но на этот раз оно было покрыто разноцветными блестящими точками.

— Барт! Иди сюда!

Ланге с удивлением поднял брови.

— Что это такое, дьявол его побери? Ведь мы в подпространстве!

Джон усмехнулся.

— Да, мы в гиперсфере. Но этот прибор работает именно здесь! Смотри! Это наверняка Солнце, а вон те зеленые огоньки — планеты. Зелено-голубые — звезды. А что могут означать эти желтые точки? Каждая имеет миллиметров пять-шесть в диаметре.

Он посмотрел на Барта.

— Как ты думаешь, что это такое?

Ланге долго всматривался в эти огоньки, потом вздохнул и произнес:

— Похоже, что это корабли. Корабли Вильмута. Всего тридцать кораблей! Я не знаю, как клипы смогли сконструировать прибор, который может из гиперсферы контролировать обычное пространство. Похоже, что эта наша игрушка способна и на еще более интересные штучки. Если попробовать вот так, — он подкрутил какую-то ручку.

Размеры огоньков на сфере уменьшились.

— Значит, — усмехнулся Барт, — это максимальное увеличение, — он повернул ручку в противоположную сторону. Изображение укрупнилось, огоньки по краям шара вынырнули на его поверхность. Когда ручка дошла до упора, изображение исчезло, остался только один крупный огонек.

— Как ты думаешь, что это такое, Джон? Похоже, что обломок скалы. — Барт скривился. — Мне кажется, что как раз сейчас мы пролетаем сквозь него. От этого как-то не по себе, а?

— А мне кажется, что это даже очень неплохо. Если мы таким образом сможем контролировать выход из гиперпространства, то нам ничего не будет страшно.

Барт кивнул.

— Ты прав, об этом я как-то не подумал. Но почему мы раньше не разгадали свойств этого прибора? Ведь мы входили в гиперпространство на этом корабле уже более тридцати раз.

— Мне кажется, что он начинает действовать только вблизи больших гравитационных масс. Сейчас нам необходимо сверить свое положение относительно Земли таким образом, чтобы можно было в гиперпространстве дойти до самой атмосферы планеты. Кстати, как там поживают наши «друзья»?

— Их корабли остались на границе системы, — ответил Ланге.

Джон кивнул и включил интерком корабля.

— Всем приготовиться к выходу! Полная боевая готовность на «разведчиках»! В солнечной системе находятся «гости». Мы попробуем пройти незамеченными, но если кто-то из них полюбозпытствует, что это за корабль пожаловал на Землю, вы встретите этих любознаек и щелкнете их по носам.

Огромный звездолет повис над тем, что было когда-то Восточной Суматрой. Мужчины стояли в молчании, вглядываясь в экраны. Даже Джон, который в отличие от всех остальных уже видел Землю после катастрофы, был так же сильно по-

давлен, как и они. Подсознательно он ожидал сейчас увидеть голую планету; скалы, залитые лучами солнца; землю, иссеченную дождями. Когда он был здесь с Доалем, деревья еще стояли зеленые. Но теперь листья на них пожелтели и сморщились. Джон думал, что сейчас на Земле все исчезло. Но все было по-другому. Большинство деревьев продолжали так же стоять, несколькими милями дальше темнела лента дороги, по обе стороны которой зияли выгоревшие проплешины леса. Остовы деревьев торчали вверх, целясь остриями сгоревших верхушек прямо в людей. Это была мрачная пародия на жизнь. Гниение разрушило немного, так как бактерии — та же форма жизни, а жизнь на Земле была полностью уничтожена.

Деревянные домики являли собой еще более жуткую картину. Почерневшие, промокшие от дождей доски не были покрыты даже обычной плесенью и от этого гнили. Не было ни термитов, ни крыс. Джон заметил птичье гнездо, свитое под крышей одного дома. И лежавшие в нем птичьи яйца напрасно ожидали тепла от материнской грудки.

Это было ужасное зрелище! Спустя восемь лет мертвые тела людей лежали все так же, как и на следующий день после катастрофы. Мужчины и женщины с детьми валялись рядом с животными, вытянув головы и разбросав руки. Джон заметил собаку, лежавшую рядом с маленьким мальчиком. Кто из них погиб первым? Кто из них из последних сил дополз к другу?

Из интеркома донеслись приглушенные крики гнева — ярость с неожиданной силой охватила людей.

На западе виднелись горы. Хмуро возвышались их голые и неприветливые вершины. У подножия показалась блестящая поверхность мертвого озера, когда корабль поднялся чуть выше, перелетая через вершины гор. Странно теперь было смотреть на воду, Джон всегда считал ее живым существом. А море, к которому они приближались теперь? Как после смерти всего живого на Земле волны могли все также ударять в берега, крутиться и кипеть своей собственной жизнью?

Джон наклонился и нажал клавишу на пульте.

— Доктор?

— Да, командор?

— Когда будут готовы данные об атмосфере?

— Через час я предоставляю полный рапорт. Но по предварительным данным могу сказать, что количество стронция-90 превышает допустимый уровень. Кроме того, очень много кобальта. Никогда бы не подумал, что металл можно распылить

на такие мельчайшие частицы и что они столько лет сохраняются в атмосфере.

— Кобальт-90? — Джон нахмурил брови. — Как это могло произойти?

— Может быть, какая-то боеголовка ударила прямо в склад кобальта? Думаю, вполне хватило бы.

— Та-ак, — Джон задумался. — А каково положение в общем? Как вы думаете, доктор, остаточная радиоактивность домов и предприятий может представлять для нас опасность?

— Боюсь, что да. Особенно при длительном нахождении на поверхности. Возможно, немного помогут адсорбенты?

— К счастью, у нас есть небольшой запас. Так вы думаете, что кратковременное пребывание на Земле не окажет сколько-нибудь серьезного влияния на организм?

— Не могу сказать, сэр. Сейчас можно только предполагать.

— Хорошо, — вздохнул Джон. — Спасибо.

Он встал с кресла и подошел к Барту.

— Думаю, что надо было бы попробовать на Балканах. Там была довольно развита промышленность, к тому же в это время года там сухо, — он посмотрел на Ланге. — Я поручаю командование тебе.

Барт стиснул зубы.

— Ты хочешь сказать, что отправляешься вниз? Но ведь это абсолютно бессмысленно, Джон!

— К черту! Думаешь, что мой авторитет в глазах экипажа возрастет, если я пошлю их в этот ад, а сам буду отсиживаться за броней корабля? Нет, мой милый, там нет тигров или волков! Там радиоактивный ад, и действие его бесшумно и невидимо. Он действует на мозг и приборы. К тому же, если что-нибудь будет не так, мы сразу же взлетаем.

Ланге был похож на человека, которого убедили приведенные доводы, но недовольство осталось.

— А что будет, если вильмутцы заинтересуются вами? Думаешь, посмотрят и улетят?

— Не забывай о плане Омниарха.

— О чем это ты?

— Если здесь нас погибнет слишком много, Омниарх будет стеречь остальных как зеницу ока. Другими словами, те, кто останется в живых, могут не беспокоиться ни о чем. Я же должен быть на Земле, чтобы решить, что нам потребуется, а что — нет. Ты один из тех, кому я могу доверить корабль и кто сможет правильно оценить ситуацию, если что-то пойдет не так, как нужно.

Ланге пробормотал себе под нос и пожал плечами.

— Хорошо. Ты — капитан. Как с проблемой энергии?

— Думаю, что необходимо поискать источники, которые можно было бы активировать. Если же это не удастся, то мы протянем кабель из корабля. Это можно сделать без особого риска загрязнить палубу радиацией.

— Хорошо. Как долго будет находиться снаружи первая смена?

— Десять часов. Со мной летят двадцать человек. Если все пойдет как надо, мы увеличим вторую партию. На палубе корабля тоже много работы. Кроме того, мы не можем все предусмотреть.

— Когда ты отправляешься?

— Как только сориентируемся в ситуации и определим местонахождение нужных нам объектов. Подготовку начинаем со следующего витка.

Скафандры, хотя и были сделаны из самых легких материалов (пластика, магния и алюминия), были предназначены для выхода в космическое пространство, а не для работы на поверхности планеты. В связи с тем, что сила тяжести составляла здесь один «g», передвижение людей было сильно затруднено. Обычное движение без скафандра по сравнительно ровной местности заняло бы всего полчаса, а скафандр добавлял к этому еще чуть ли не два.

Джон с трудом удерживал себя от постоянных взглядов на датчик излучения, вмонтированный в левый рукав. Скафандр не справлялся с поглощением выделяемого телом тепла. Его раздражало липнущее к телу белье, а также угнетали мысли, что каждую секунду каждую клеточку его тела пронизывает, хотя и ослабленная, но радиация. Их работа сравнительно быстро увенчалась успехом. В течение седьмого часа работы они сумели разыскать и доставить на борт корабля семнадцать готовых ракетных установок. Корабль висел в нескольких дюймах от поверхности, шлюзы были раскрыты, изнутри змеились кабели.

Типовая ракетная установка была очень тяжелой. При размерах шестьдесят на девять футов она весила около пяти тонн. Поэтому внутри был смонтирован гравипривод. На толстом конце были закреплены солидные плиты, предназначенные для защиты всей установки от толчков при стрельбе. Кроме этого, там же находились и прицелы, утопленные в упругом металлопластике. Вдоль каждой трубки протянулись

датчики, управляющие системой наведения. Благодаря этому ракеты всегда были наведены вдоль оси установки. Вторым достоинством этого оружия было то, что оно могло выпустить приличный снаряд калибром до семи с половиной футов со скоростью до трех тысяч футов в секунду. Благодаря соответственно спроектированным направляющим компьютер корабля, который управлял огнем, мог запланировать движение снаряда, запрограммированного на тепло, свет, массу, полет змейкой согласно теории вероятности, гарантирующий минимум потерь от ракет противника. Можно было выстрелить ракету с приводом или просто метнуть обычную металлическую болванку. Можно было даже катапультировать в космос человека в скафандре (на жаргоне космолетчиков это называлось «полет кадета»), но такой тип путешествия на другой корабль не отличался особой комфортабельностью и приятностью. Так что такая установка имела много достоинств и, без сомнения, могла пригодиться для космического боя.

При монтаже этих установок, созданных на Земле, по всей видимости, придется попотеть. Боевые посты на корабле не соответствовали станинам установок. Необходимо было изменить гнезда для крепления опор и даже электрические разъемы. Технически сделать это было несложно, но требовало тяжелого монотонного труда. Джон никак не мог приложить ума, что сделать с гигантскими люками, которые, по-видимому, предназначались не только для приема малых шлюпок.

На девятом часу работы начались первые неприятности.

Экипаж Джона был как раз внутри большого склада, собирая части очередной установки, когда в наушниках скафандра Джон услышал голос Барта:

— Джон, несколько кораблей Вильмута приближаются к Земле.

Браузен почувствовал, как желудок его сжался в комок.

— Вы видите их на детекторе массы?

— Нет. Мы пробовали крутить кое-какие приборы. Ты помнишь те диски на приборе с пружинками? То же самое я обнаружил на центральном пульте. При включении четырех переключателей срабатывает такая же система обнаружения как и та, что работала в гиперпространстве. В настоящий момент четыре корабля двигаются от пояса астероидов к Земле. Поскольку мы находимся на дневной стороне планеты, они нас пока что не засекли. Но как только они появятся на орбите Земли, мы попались. Если работы будут продолжаться и ночью, то свет нас тут же выдаст.

Кровь запульсировала в висках у Джона, и он ощутил почти что забытое желание опять попробовать дрона.

— Барт! — крикнул он. — Мы будем работать в темноте наощупь. Обрывай кабели и немедленно взлетай!

— Ты хочешь сказать, что остаешься? — голос Барта был полон удивления.

Джон разозлился.

— К черту, Барт! Делай, как я говорю! Мы не можем все бросить, ты это хоть понимаешь? У нас есть пищевые концентраты и вода. Трудно предусмотреть, что они предпримут. Сядут ли они на планету или сделают пару контрольных витков, удовлетворившись фотографиями и показаниями приборов. Вам нельзя оставаться здесь, они непременно засекут наш корабль масс-детекторами. Поэтому поднимайтесь на тысячу футов и будьте готовы уйти в подпространство.

— Джон, ты чокнулся! Почему бы и вам не перейти на корабль?

— Все не так хорошо, как ты думаешь. Выходи в подпространство и наблюдай за нами. Как только положение окажется критическим — возвращайся. А теперь — вперед!

— Хорошо, герой. Еще один вопрос. Как долго мы можем находиться вне пределов досягаемости их детекторов?

Джон принял такое решение сгоряча, и теперь заколебался. Надо было бы все тщательно рассчитать. Ведь они должны были оставаться здесь еще несколько часов, хотя излучение внутри склада оказалось не таким высоким, как они считали сначала.

— Что-то около десяти часов, — сказал он наконец. — Все зависит от того, что они предпримут. Если вы будете вынуждены ввязаться в бой, то помни, что ударить нужно будет внезапно всеми десятью «разведчиками», пока они не сообразят, что происходит. Но не делай этого, пока ситуация не станет критической. А сейчас взлет!

Барт промолчал. Но через мгновение массивные крышки люков сдвинулись с места и закрыли проемы, отрезав своей огромной массой силовые кабели, змеившиеся из недр корабля. Затем, беззвучно и легко дрогнув, корабль клипов взмыл в небо.

Джон стоял в воротах склада и наблюдал, как звездолет исчезает из виду. С трудом сглотнув, он внезапно ощутил себя маленьким и очень одиноким, оставшись без корабля. И глупым... Ведь Ланге мог оказаться прав...

Прошло минут десять. Внезапно от резкого визга завибрировали наушники скафандра. Это корабль прошел верхние

слои атмосферы. Джон повернулся и посмотрел внутрь склада. Все люди слышали его переговоры с Бартом, и сейчас мужчины стояли, молча глядя на своего командира. Он не видел их глаз за щитками шлемов. Но все же он почувствовал в их взглядах укор.

— Ну что? — сказал он чуть резче, чем хотел. — Принимаемся за работу, пока еще светло.

Никто ничего не сказал, и только трое обернулись назад, бросив взгляды на то место, где они недавно работали.

Потом Колтер спросил:

— Откуда мы возьмем энергию, если корабль улетел?

Джон шагнул в полутьму склада.

— Мы найдем источник энергии здесь. Тащите кабели, оставшиеся от корабля. Фред! Проверь состояние батарей, которые мы видели в том углу. Инструменты могут работать и на постоянном токе.

Потом уже никто ничего не говорил, но тишина, которая наступила, была очень напряженной.

Спустя тринадцать часов, проведенных в скафандре, при отсутствии нормального воздуха, воды и пищи, Джон ощутил головокружение. Кроме этого, несмотря на влажность внутри скафандра и воду, которую он время от времени потягивал из смкости, жажда чувствовалась все сильнее. Он понимал, что эту жажду никакая вода не утолит, но это понимание насколько не улучшало его самочувствия.

Он встал и начал нервно ходить, понимая, что нужно напрячь все силы, чтобы противостоять этому дьявольски неприятному нытью всех мускулов.

Он засомневался, чувствуют ли себя так же гнусно и остальные, хотя ему показалось, что один из мужчин плакал. Само сознание того, что ты находишься в ловушке, могло свести с ума любого даже без особых физических страданий. Но ведь никто из них не страдал еще и от жуткого желания почувствовать на языке зернышко дрона...

Джон испуганно оглянулся и заметил Фреда, который сидел, опершись спиной о стену и вытянув ноги. Его голова склонилась набок. Если он спал, то это было прекрасно. Джон и сам хотел немного отдохнуть...

Солнце уже склонилось к горизонту. Темнота внутри склада постепенно сгущалась. Никто не работал, так как они уже все сделали, что намечали, и Джон не был в состоянии запланировать еще что-либо.

Большинство сидело, некоторые лежали. Джон повернулся и неуверенно пошел к выходу, протянув руку в бронированной перчатке, чтобы опереться на косяк. И в этот момент вспомнил, что дверь излучала сильнее всего, поэтому он только выглянул наружу, поискав взглядом человека, который должен был быть на страже.

— Камерон! — его голос был невыразителен. — Камерон! Где ты?

Через несколько секунд он заметил фигуру человека, идущего вдоль стены, в восемнадцати ярдах от склада. На мгновение он ощутил зависть.

Джон пошел навстречу. Заметив его, Камерон поднял руку и нажал кнопку на левой стороне груди.

— Ты включал приемник, — пробормотал Джон и засомневался, было ли это нарушением приказа. Какого приказа? О боже, он начинает сходить с ума! К черту!

Он услышал голос Камерона:

— Я нужен тебе?

Джон долгое время вспоминал то, о чем хотел спросить. Наконец сказал:

— Что ты видел?

Камерон подошел поближе.

— Они пролетели южнее нас. Несколько минут назад. Я видел, как блеснул в лучах солнца корабль. И слышал звук, видимо, они захватили край атмосферы.

Джон был так изумлен, что даже вздох получился у него с трудом.

— Я заволновался, когда не сразу увидел тебя.

Камерон засмеялся.

— Это интересно, командор. Знаешь, зачем я туда ходил? Я на мгновение уснул, и, проснувшись, решил сходить в туалет.

Джон промолчал, но в мыслях отметил, что такое действительно вполне может быть забавным. Когда-нибудь, в будущем, если оно только у них будет, он тоже посмеется над этим. Сейчас он предпочел разглядывать потемневшее небо. В данный момент он не доверял своим умственным способностям, но почти точно сделал вывод, что вильмутцы правильно рассчитали и прислали отряд в солнечную систему. Затем он изменил ход мыслей и сказал:

— Я не вижу смысла нести дальше дежурство, Джим. Можешь идти.

— Я останусь здесь, командор, на случай, если...

— Думаю, что Барт вскоре должен вернуться за нами, —

перебил его Джон. — Иди, я останусь здесь. Имперцы не смогут заметить нас в этой темноте.

— Я останусь с тобой, — покачал головой Камерон.

Больше они не разговаривали. Они сели около стены склада и замолчали. Раз или два, Джон точно не помнил, он вставал и заглядывал внутрь склада, чтобы посмотреть, как чувствуют себя люди. Сейчас уже все сидели или лежали, и никто не разговаривал. Все находились в напряженном ожидании.

Небо было темным, звезд и Луны видно не было. Джон посмотрел на часы, с трудом различая светящиеся цифры. Ждать им оставалось по крайней мере еще часа два. А может случиться и так, что Барт окажется в боевом контакте. Джону это начало надоедать. Бомбы или лазерный разряд он воспринял бы сейчас как благословение. Он проворчал себе под нос:

— И это только твоя вина, Джон Браузен. Надо наконец перестать лакать эту проклятую воду, это единственное, что ухудшает состояние мочевого пузыря и в общем-то не уменьшает жажду. Здесь нет ни капли дрона! Запомни это!

Он спал, когда голос Барта внезапно загрохотал в наушниках. Просыпаясь, Джон с трудом вслушивался в слова:

— Они улетели, Джон! Вернулись на свою базу в пояс астероидов! Очевидно, они удостоверились, что здесь нет ни единого живого существа.

Джон коротко рассмеялся.

— Может быть, они не так уж и далеки от истины, а, Барт?

Голоса людей в складе, радостно перекликающиеся друг с другом, заглушили ответ Ланге.

С большим трудом Джон поднялся и вошел внутрь склада, где его тут же окружила толпа возбужденных товарищей. Когда первый из них выходил из дверей склада, на поле уже приземлялся огромный корабль.

Вот уже много лет после окончания училища Джон не работал столько. Он был еще очень слаб после тех доз радиации, которые он получил на Земле, и с трудом добирался до своей койки, чтобы вновь провалиться в очередной сон. Бриться он начал только тогда, когда отросшая борода стала мешать закрывать замки шлема. Большую часть времени он проводил в радиоактивных помещениях звездолета, руководя размещением и установкой оружия. Еду он проглатывал наспех и снова возвращался к работе. Он балансировал на грани получе-

ния опасной дозы облучения, но это его не волновало. Все заботы он оставил врачу. Джон не мог принудить своих людей к работе, скорее, он ругал их за то, что они не отдыхают. Работа была титанической, но все же она продвигалась. Тысячи галлонов воды вылетали в пространство. Если бы кто-нибудь оказался когда-нибудь в этом районе космоса, то он наверняка удивился бы — откуда здесь такая куча радиоактивного льда, в месте, где даже заваливающий кусок скалы большая редкость.

Когда каждый элемент вооружения был установлен на свое место, начались работы по установке приборов наведения. Каждая ракетная установка, каждый лучемет должны были управляться с помощью датчиков так, чтобы могли достичь любую точку пространства перед кораблем.

И еще наладка! Доводящая до безумия наладка всех этих систем и приборов! По истечении сотен мучительных часов количество готовых к бою установок все росло. Наконец, наступило время, когда корабль смог сделать залп тремя дюжинами снарядов, озарить пространство тридцатью лазерными снопами огня и ударить почти во все стороны из двадцати восьми тяжелых лучеметов. Конечно, не все орудия и лучеметы могли одновременно ударить в одну точку, так как они были разбросаны по всему корпусу огромного космического корабля. Оставалась еще часть корабля, которую так и не удалось дезактивировать. Не помогли даже сотни галлонов воды, с помощью которой смывали радиоактивную пыль. В бою, если эта часть будет атакована врагом, защитить корабль смогут только «разведчики».

Крышки люков изнутри были усилены металлопластом, найденным на складах Земли. С энергией тоже не было проблем, мощные кабели передавали ее в каждый закуток корабля, где проводились монтажные работы.

Фред Колтер, назначенный техническим офицером, заволновался было из-за чрезмерного потребления энергии, но Джон только улыбнулся.

— Я уже все просчитал, — сказал он. — Мы используем лишь одну десятую часть мощности энергетических установок корабля. Омниарх говорил, что корабль находится в полной готовности. Поэтому будем считать, что «полная готовность» означает и «полный запас энергии». Скорее у нас кончатся боеприпасы, чем прекратится подача энергии. Нам нужно было не спешить и взять как можно больше припасов. Насколько я помню, у нас всего семьдесят два тяжелых снаряда, ведь энергетические лучи не очень эффективное оружие

против защитных полей. Только снаряды-торпеды могут пробить оборону противника.

Колтер кивнул головой.

— Да, для неподвижных целей мы будем настоящим бедствием.

— Если мы будем вынуждены открыться. Но думаю, что мы легко сможем этого избежать. Что же касается наших ближайших целей, то Вез До Ган что-то крутит. По крайней мере, я надеюсь, что смогу выдавить из него еще несколько снарядов, не возбуждая при этом подозрений.

14

Бульвенорг из-под прищуренных век приглядывался к офицеру, сидящему в кресле для гостей по другую сторону стола. Он сплел толстые пальцы и крепко сжал их, потом положил руки на черную пластиковую поверхность стола.

— Я не верю! — почти крикнул он с угрозой в голосе, — что после такой долгой дороги к солнечной системе для осуществления наблюдения, вы смогли так просто откинуть все подозрения, связанные с замеченными аномалиями в работе приборов.

Лицо офицера потемнело.

— Но, сэр! — прошептал он. — То, что показали приборы, невероятно и невозможно!

Бульвенорг недобро ухмыльнулся.

— Невозможно? Я и не знал, что вы одновременно физик-теоретик, специалист по электронике и теолог. Но если это все же так, то будьте добры просветить меня. Почему и каким образом это невозможно?

Офицер немного помедлил, а потом начал объяснять срывающимся голосом:

— Корабль размером в небольшой город? Выход из подпространства прямо в верхние слои атмосферы? Но ведь это нонсенс, сэр! И этому есть только одно разумное объяснение. Высокий уровень радиации может вызвать изменения в нормальной работе приборов. Скорее всего, на очередную запись наложилось еще несколько записей. Мы консультировались со специалистами...

Бульвенорг гневно произнес:

— Значит, посылка стольких кораблей на такое расстояние, по крайней мере, доказала только одно наверняка — применение регистрирующей аппаратуры просто пустая трата времени и денег? Если вице-адмирал так хорошо знает, ка-

кая запись является хорошей, а какая нет (даже если приборы отбирались целой кучей специалистов), то почему бы и не разрешить вице-адмиралам или даже младшим офицерам и их помощникам сидеть по домам и проверять, что и как будет показывать аппаратура?

Офицер задрожал от гнева:

— Сэр! Привлеките к оценке ситуации любого специалиста на ваш выбор!

Бульвенорг склонился над столом и пробурчал:

— Вы уже сами назначили себе судьбу. Но возвратимся к делу. Аппаратура зафиксировала пролет ваших собственных кораблей и их размеры? Та аппаратура, которую мы оставили на этой планете?

— Да, но...

— Все параметры точно были зарегистрированы?

— Да, сэр, но все же...

— Во время облета планеты они работали безупречно?

Офицер пошевелился, устраиваясь поудобнее в кресле.

— Вы правы, сэр. Если вы позволите сказать вам...

Бульвенорг предупреждающе сложил ладони.

— Вы должны извинить меня, — сказал он, — если я нанес вам жестокую обиду. Но я уже почти целый час стараюсь услышать от вас хоть одно внятное слово.

Вот теперь офицер вскипел по-настоящему, и это понравилось Бульвеноргу, так как ярость всегда искренняя.

— Первый Заместитель! Корабли с такими размерами не могут существовать, хотя бы с точки зрения сопротивления материалов! Для меня было ясно, да ясно и сейчас, что прибор ошибочно зарегистрировал двойной пролет моего корабля. Я твердо в этом уверен!

— Понимаю. По-вашему, виной всему эта чудовищная радиация?

— Да, сэр.

— Тогда почему же другие приборы выдали точные результаты?

Офицер покраснел, но все же ответил:

— Все приборы были сброшены на парашютах, сэр. Может быть, один этот неудачно упал...

— Странно... странно, что оказался неисправен только один. Постойте, но потом он регистрировал данные о ваших кораблях, и в его работе уже не было неполадок! Значит так, перед этим он работал идеально, потом тоже. Боюсь, что вы просто идиот! Ваша первейшая задача была в том, чтобы ото-

брать надежную аппаратуру! Разве именно это было так трудно решить, если сравнить со всей вашей экспедицией в целом?

Офицер казался обескураженным:

— Разве я... должен был высаживаться?.. Хотя, да, нужно было сесть и забрать регистратор, чтобы наверняка убедиться, что он поломан.

Бульвенорг тяжело вздохнул.

— Адмирал! Если вы еще раз вспомните этот неисправный прибор, то я встану с кресла и стукну чем-нибудь тяжелым по вашей дубовой башке!

— Но ведь корабль таких размеров...

— Может быть, мы ошиблись с этими чертовыми размерами? Я сам просматривал ленты с информацией, выданной этим прибором. Там есть интересное место — корабль снижается, зависает на какое-то время, а потом прямо с места уходит в подпространство. Спустя какое-то время он возвращается. Вы видели эту запись.

Офицер опять покраснел.

— Но, сэр, — пробормотал он, — мой инженер-электронщик...

— ...описал вам это достаточно подробно, не так ли? И вы решили, что это признак неисправности прибора. — Бульвенорг наклонился к вице-адмиралу. — Признаюсь, что и мне трудно поверить в существование такого гигантского звездолета. Кроме этого, есть еще две вещи, в которые трудно поверить. Одна из них — странная случайность, что плохо работающий прибор мог дать такие четкие записи. А вторая, — как такой опытный офицер, как вы, зная об этих записях, мог проигнорировать их.

Офицер на этот раз промолчал. Через минуту он медленно, с застывшим лицом встал и произнес:

— Сэр, я признаюсь, что не просмотрел все записи. Кроме этого могу сказать, что никто из моих подчиненных не виноват в этом. И прошу Совет осудить меня и назначить кару.

Бульвенорг усмехнулся.

— Решение по этому делу не будет выноситься на Совет. Но с этой минуты вы можете считать себя в отставке. Поверьте, мне очень жаль, но иначе я поступить не могу.

После ухода адмирала Бульвенорг немного посидел в кресле, потом встал и подошел к интеркому.

— Густен!

— Да, сэр.

— Зайдите ко мне. И прихватите бутылку. Моя уже опустела и годится разве что на один глоток.

Густен появился довольно быстро. Выслушав рассказ Первого Заместителя, он довольно долго сидел, не притрагиваясь к полному бокалу. Потом сказал:

— Вы просматривали эту запись, сэр?

— Да. Хотите тоже посмотреть?

Густен покачал головой.

— Может позже... — буркнул он. — Раз вы так уверены.

— О, сколько бы я отдал за то, чтобы этого не было. Да, вы когда-нибудь слышали о металлах со сверхвысокой прочностью?

— Нет. Но если бы такая технология существовала, она стала бы сенсацией по всей Галактике.

— Поэтому попробуем на миг забыть, что является объяснимым и общепонятным. Допустим, что такой звездолет действительно существует. Кто бы его мог построить?

Густен посмотрел на собеседника и издал прерывистый вздох.

— Конечно же, клипы, — он взял свой бокал и одним глотком осушил его. — Думаете, что кошмарный сон начинается сбываться?

— Я боюсь этого. И можем ли мы теперь появление этого гигантского звездолета в окрестностях Земли связать с предположительным участием землян в интригах против нас и бизхов?

— Можем! — вздох Густена был исключительно тяжелым. — И это мне не нравится...

— И мне тоже. Ну что ж, старый приятель. Мы жили как герои, и не имеем желания умирать, как безымянные солдаты. Поэтому давай немного поразмыслим. Предположим, что сейчас нападающие ударят по дальним границам бизхов. Тогда мы должны взять под контроль Пустые Регионы. Кроме того, необходимо как можно быстрее предупредить этих пресмыкающихся, чтобы они поверили в нашу лояльность. И еще, крайне важно усилить активность нашей разведки в Бизхе и Гохде настолько, насколько это возможно.

15

На любого, кто мог надеть скафандр и выйти из корабля, Галактика, наблюдаемая из Пустых Регионов, производила огромное подавляющее впечатление.

Такой случай представился Джону — он должен был провести проверку одной из бойниц, где был установлен мощный

лазер. Во время испытаний луч ударил в край бойницы. При проверке оказалось, что повреждений нет.

Джон смотрел на звезды.

Прямо перед ним протянулся длинный кривой рукав Галактики, который был занят империей Вильмут. На продолжении этого рукава спирали, вместе со звездными соседями, вращалась и солнечная система. Сейчас этот участок Галактики был закрыт носом звездолета. Самые яркие звезды находились вдоль наружного рукава Галактики. Яркий шарообразный центр звездного скопления являлся как раз империей Вильмут. В центре этого скопления были сосредоточены вооруженные силы Вильмута для охраны добывающих и перерабатывающих производств. Если бы бизхи ударили именно сюда...

Силы этой империи, хотя и менее многочисленные, располагались на внутренней стороне рукава спирали Галактики в нескольких световых годах от региона Гохд. Таким образом, эти два государства граничили друг с другом (конечно, если не считать расстояния в один гиперпрыжок). Дронгалия, где когда-то намеревался закончить свою жизнь Джон, находилась как раз на рубеже этих двух империй. Именно там, на «границе» осело большинство людей, после окончания работы на Гохде. Джон почти интуитивно понимал такое решение: люди избегали той части спирали, в которой мертвая Земля кружила вокруг Солнца. А кроме этого, от Вильмута их прикрывала империя Гохд. Доаль и его товарищи были исключением, они старались обосноваться как можно ближе к Земле. А это влекло за собой опасную близость с Вильмутом. Может, они подсознательно желали своей скорой смерти?

Джон наклонил голову и долго-долго вглядывался в глубины космоса, пустота которого была разбавлена всего лишь несколькими одиночными звездами. Между этими звездами прорисовывались какие-то невыразительные овальные формы. Другие Галактики! Существует ли там жизнь?

Этого никто не узнает. Маловероятно, что и через десять миллионов лет станет что-нибудь известно.

Джон выключил радио, отрезая себя от шума человеческих голосов. В абсолютной тишине, нарушаемой только биением его сердца и шумом дыхательного аппарата, смотрел он в таинственное неизведанное. Потом опустил глаза и перевел взгляд в центр Галактики.

Он находился вблизи сосредоточения Пустых Регионов, между рукавами спирали; был виден только дрожащий блеск скопления звезд, похожий на густой туман. Может быть, в са-

мом деле, это и было чем-то вроде тумана? Неизвестно. Существа, живущие на краях рукавов спирали, могли проникать в глубину центра всего лишь на двадцать тысяч световых лет. Радиация и излучение электронного «газа» были настолько интенсивны, что пробивали любые виды защиты и уничтожали все живое на борту кораблей.

Джон краем глаза уловил какое-то движение и резко обернулся. Это были его товарищи, вышедшие из корабля вместе с ним для обследования обшивки. Он включил радио.

— Ну, как там?

— Все в порядке, командор. Двигаемся дальше?

— Нет, Колтер. Возвращаемся.

Джон и Барт сидели над контурной картой империи Бизх. Командор тыкал карандашом в район, очерченный кружком.

— Вот здесь! Можно ударить здесь, пополнить запасы продуктов и снаряжения и уйти в район Пустых Регионов. Можно будет атаковать две или три базы, на какое-то время парализовать их деятельность: уничтожить космодромы, звездолеты и сооружения.

Ланге хмыкнул:

— И самих бизхов тоже.

Джон долго смотрел на него. Потом сухо рассмеялся.

— Это говорит Барт. Барт, который вытащил меня с Дронгалии и свел с Омниархом.

— Я не говорю, — раздраженно махнул рукой Ланге, — что мы должны отступать! Но никто не может принимать убийство, если оно стало вызывать у него отвращение, не так ли? А мы не могли бы подстеречь их корабли в момент выхода из гиперпространства?

— Нужно мыслить реально. Бизх и Вильмут так или иначе столкнутся. Начнется тотальная война. На этом закончится наша работа. И тогда мы в открытую поговорим с Омниархом.

— Может быть, ты и прав, — вздохнул Ланге. — Но нельзя забывать, что нас теперь меньше двухсот человек... Ну что же. Какие это должны быть атаки? Налет с применением всех видов оружия?

— Нет. Тогда мы можем потерять много снарядов малого калибра, необходимых при обороне. Мы не станем подходить так близко, чтобы пришлось применять лучеметы. Войдем в гиперпространство на «Луне» с восемью «разведчиками» на расстоянии в одну десятую светового года от цели (Вез До Ган

как-то говорил, что Бизх не имеет патрулей на таком удалении от баз) и вынырнем плотной группой в десяти милях от их главной базы. После залпа тяжелых снарядов, запрограммированных на противоракетный маневр, стреляем кучей легких торпед и пробиваем их защиту. Затем прыжок в гиперсферу и... прощай!

Ланге был похож на утомленного человека — этот план ничем особенно не отличался от предыдущих.

— По крайней мере, — сказал он, — большинство обитателей базы успеет укрыться, раз мы не сразу ударим из лазеров.

Джон думал о том же. Чрезмерная чувствительность никогда не считалась достоинством генералов. А он и играл роль именно последнего генерала-человека.

Барт спросил:

— А что будем делать с «Бертой» и остальными «разведчиками»?

Джон удивленно поднял брови:

— «Берта»?

— Мы же должны будем как-то назвать этот колосс!

Браузен пожал плечами.

— Это будет наша спасательная группа. Если не случится ничего непредвиденного, ты останешься с остальными малыми кораблями. Ты применишь наш супердетектор массы и будешь вести наблюдение, чтобы рядом с нами внезапно не оказался вражеский флот. Если ты его зафиксируешь, то должен будешь сразу же идти в атаку. Уничтожь его. По крайней мере, ударь всеми стволами, которыми располагаешь! Но это только в крайнем случае.

— Если говорить честно, что это мне страшно не нравится, — Ланге нахмурил лоб. — То, что ты мне предлагаешь, похоже на отсидку в тылу.

— Барт! В бою надо всегда иметь кого-то, на кого можно положиться. Если бы мы всегда так действовали, нас, людей, наверняка было бы сейчас гораздо больше.

— Может быть.

Джон следил за показаниями хронометра, отмеряющего оставшееся время до выхода «Луны» из гиперпространства. Пять секунд. Он глубоко вздохнул и расслабил напрягшиеся мускулы.

Выход!

Экраны мигнули, и на них появилось изображение, на масс-детекторе проявились светлые точки. Он удостоверился,

что все его корабли появились одновременно с ним, и его пальцы забегали по клавиатуре пульта. Ожили датчики и указатели. Из интеркома раздался голос:

— Здесь шестой. Отказ в рулевом управлении.

Это было очень плохо. Один из кораблей в центре группы стал заметно уходить в сторону.

— Возвращайтесь! — скомандовал Джон. — Займите позицию позади нас и перейдите на ручное управление.

— Вас понял! — Джон узнал спокойный голос Джима Камерона.

На экране появились новые блески — это был первый залп снарядов типа «планета-пространство». После этого залпа стало понятно, что местный артиллерийский офицер тщательно проинструктирован об их прошлых атаках и построил оборону так, чтобы отражать подобное нападение. Что ж, это будет стоить обороне бизхов очень дорого.

Он взглянул на информационные дисплеи, расположенные над головой — цифры сливались в мигающую ленту, обозначая программы производящих маневры кораблей. Он почти не слышал звука от выстрелов очередных торпед с «Луны», но цифры говорили, что орудия работают без остановки. Тщательно отрегулированный гравипривод позволял совершать кораблю головокружительные маневры, мгновенные остановки и крутые виражи. Он посмотрел на экран внешнего обзора, чтобы удостовериться, что предпринимает в данный момент Камерон. Он повторял их действия безупречно и четко.

Их маленький флот сделал молниеносный скачок назад, как заяц, который убегает от разъяренной собаки. И вовремя, потому что лавина снарядов с планеты рассекла пространство в том месте, где они только что находились.

Корабли как будто дергались в непрерывном танце, чтобы сделать невозможным точное прицеливание мощных потоков энергии, поднимающихся с планеты. Корабельные лазеры плевались огнем, пытаясь подавить оборону противника. Хотя некоторые и промахивались, но разрушения, наносимые удачными попаданиями, были достаточно сильные, чтобы заставить командующего обороной завывать от злости. Насколько, конечно, бизхи умели выть.

Заревела сирена. Джон посмотрел на масс-детектор и глубоко вздохнул. Это была вражеская эскадра, вынырнувшая из подпространства почти на поле боя. Может быть, это и не было большой угрозой, так как люди были уже почти готовы уйти в гиперсферу, но...

— Камерон! Сближайся с нами!

— Иду, Джон! — голос Камерона не выдавал никакого волнения.

Во время маневров Камерон держался в стороне от их группы, так как ручное управление не позволяло делать резких поворотов. И сейчас он представлял собой отличную цель.

Сирены завывали еще раз, и Джон, глядя на масс-детектор, удостоверился, что появился одиночный звездолет по параметрам похожий на «Берту». Ланге появился вовремя! Почти вовремя, так как должны были пройти еще томительные секунды, пока «Берта» присоединится к их группе.

Джон двинул корабль вперед, выполняя противоракетный маневр, его пальцы летали по клавишам пульта управления. Вражеская эскадра двинулась на перехват. Экраны мигали и темнели от чрезмерной нагрузки, вызванной разрывами вражеских снарядов, торпед и вспышек энергетических лучей. Это был жестокий бой!

Медленно тянулись секунды. Джон нажимал клавиши, ведя постоянный диалог с компьютером, стараясь избежать гибельных ударов, и пока что ему это удавалось. К счастью, за исключением корабля Камерона, все компьютеры эскадры работали синхронно и обеспечивали одновременность выполнения всех маневров.

Внезапно в динамиках зазвучали голоса экипажа корабля Камерона, голоса ярости и отчаяния. Одновременно послышался грохот ломающихся переборок и свист воздуха, вырывающегося из отсеков.

Джон на мгновение прикрыл глаза. Кто-то с другого корабля сказал:

— Попадание в Шестерку. Они...

Джон проревел в микрофон:

— Прощай, Джим! Прощайте все! Знайте, что мы отмстим им!

Он посмотрел на экраны — враг перешел к обороне, поэтому можно было спокойно приблизиться к «Берте». Противник в общем-то имел перевес в орудиях, но все же его корабли предпочли отойти. Они сомневались, а не появится ли из гиперпространства еще пара таких же чудовищных кораблей, как эта «Берта»?

Джон посмотрел на часы. По времени выходило, что «Луна» уже давно могла уйти в подпространство, а «Берта» будет готова через двадцать секунд. Но это уже не имело значения, так как база и флот противника находились вне досягаемости орудий. На общей радиоволне царила тишина. Наконец Джон не выдержал:

— Барт! Собери на палубы все малые корабли и двигайся с ними к месту встречи.

Барт был обеспокоен тем, что увидел на масс-детекторе.

— Послушай, Джон! Я вижу группу кораблей на расстоянии нескольких миллионов миль. Они двигаются рывками, то ныряя в гиперпространство, то выходя в нормальный космос. Поэтому, собственно, они и опаздывают. Похоже, что они ко-го-то ищут.

— Наверняка, это вильмутцы, — проворчал Джон, — хотя с таким же успехом это могут быть и бизхи. Однако, думаю, что это все же вильмутцы, так как именно они имеют привычку шнырять в Пустых Регионах.

В принципе было все равно кто это. Самым важным было то, что погиб Камерон и еще семеро. Их всех, таким образом, осталось всего сто восемьдесят три человека! О боже, он проглотил слюну, пошли мне хотя бы щепотку дрона! «Мы должны сделать хотя бы один налет, еще один, — подумал он, — где-нибудь подальше отсюда. И надо сделать это сейчас. А уж потом все!» Пока же — сматываться, видимо, те корабли ищут именно нас!

— Внимание всем! Уходим в гиперпространство!

Лицо Барта на экране ничего не выражало, когда он спросил:

— Направление? У нас было обговорено два варианта отступления. Пустые Регионы или внутрь рукава, за территорией Бизх. Какой из них? Ты должен был решить.

— Я все помню. Думаю, что нам сейчас больше подойдут Пустые Регионы. У нас нет таких подробных карт, чтобы влезать внутрь рукава. Нам сейчас нужен часовой прыжок... Нет! Если вильмутцы уже догадываются о чем-нибудь, лучше не пользоваться земными единицами времени. Так будет лучше: больше согласуется с вильмутским временем. Выйдем из подпространства и осмотримся.

Джон выстучал программу полета на пульте. Потом встал и двинулся в химлабораторию, где должен был быть спирт. Это жуткое желание можно было погасить, хоть немного, только хорошим глотком алкоголя и парой часов сна.

Джон чувствовал себя прескверно, но выпитый спирт уменьшил желание получить наркотик. Тупым взглядом он вошел по залу Центрального Управления корабля клипов. Потом увидел Барта и выдавил из себя:

— Интересно, каким образом бизхи организовали эту за-

саду? Ведь только благодаря нашей системе масс-детекторов нам удалось избежать катастрофы, — он заморгал, глядя на приборы. — Думаю, что они сейчас держат в готовности, по крайней мере, два флота вблизи каждой базы.

Барт заинтересовался.

— А почему не один?

— Потому что ни один корабль не может находиться в готовности к гиперпрыжку более пяти часов непрерывно. Иначе вся аппаратура придет в негодность и разрегулируется. А состояние готовности должно быть постоянное. Поэтому-то и должны быть две команды, сменяющие друг друга.

Барт смутился:

— Конечно, как я сам-то не сообразил. Прости, это был глупый вопрос.

— Ничего, старик. Кстати, еще одно. Всегда где-то на расстоянии нескольких световых лет, а может быть, и меньше, будет находиться флот, готовый прийти на помощь защитникам базы. Едва мы выйдем из подпространства, база пошлет сигнал о помощи. Располагая точными данными о местонахождении базы, флот быстро подойдет к месту боя. С этим мы недавно и столкнулись.

— Так-так, — Барт поднял брови. — Логично. Но что общего это имеет с системой обнаружения на «Берте»?

— Прежде всего появляется возможность точно определить время и направление атаки. Все три засады, в которые мы попали, до сих пор имели определенные характерные черты. От нашего появления до появления врага из гиперпространства проходило минут десять. Очередность такова: время на программирование информации, время на передачу информации, время полета к базе...

— Это интересно.

— Минимальное время нашей атаки — четыре с половиной минуты. Выходим в нормальный космос, атакуем, ломаем оборону противника и исчезаем. Применение всей огневой мощи потребует очень много энергии, поэтому надо добавить еще минуту.

Барт кивнул.

— Имея данные о расположении противника, — продолжал Джон, — мы могли бы выбрать оптимальную точку выхода. Допустим, что флот, прикрывающий базу, находится на другой, противоположной стороне планеты. Тогда они должны будут как бы пронзить планету насквозь в гиперпространстве или облететь ее вокруг с большой скоростью. Тогда им нужно будет затормозить и развернуться, чтобы выйти нам в

тыл. А это потребует времени. Как и в том случае, если они прилетят со стороны. Им все равно необходимо будет время на торможение.

— Но если, — Барт был удивлен, — они смогут подойти по касательной? Тогда сохранится их скорость. А мы, проанализировав траекторию полета, можем вычислить точку их старта. — Он встал и начал ходить по залу. — Мы сможем определить их положение, пока сами еще будем находиться в гиперсфере. При ударе с близкого расстояния, а мы сможем сделать это с помощью вот этого прибора, — он похлопал по масс-детектору, работающему в гиперпространстве, — мы уходим в направлении, противоположном прилету.

Джон ухмыльнулся.

— Нет, не в противоположную сторону. Это может привести к столкновению. Мы должны найти оптимальную орбиту. Если ударим по базе сразу после выхода, а потом немедленно уйдем на эту орбиту, то нас не обнаружат.

Барт тоже ухмыльнулся:

— Мы не должны очень уж рисковать. Они могут оказаться проворнее и успеть просчитать орбиту.

— А мы можем делать повороты, — ответил Джон. — А кроме того, мы нападаем в последний раз. Существует только одна проблема...

— Какая?

— Флот-засада может двигаться в гиперпространстве со скоростью восемь световых лет в минуту, значит, в течение четырех минут, необходимых нам для атаки, они преодолеют почти тридцать световых лет. Допустим, что передача информации не требует времени. Думаю, что мы смело можем поделить это расстояние пополам. Получается пятнадцать световых лет. Накинем кое-какое время на непредвиденные задержки и будем считать, что группа кораблей дежурит где-то в семнадцати единицах от базы. Не думаю, что чудесная аппаратура «Берты» может иметь такую дальность действия.

— Я тоже, — кивнул Барт. — Не больше одного-двух световых лет.

— Так. Есть еще одно: они не рискнут «пронизать» планету, находясь в гиперсфере, если только не возникнет острая ситуация — в этом случае будут вынуждены. Уйдя после атаки в сторону солнца, мы, скорее всего, избежим столкновения. А сейчас посмотрим, насколько данные Вез До Гана являются ошибочными.

Атака прошла гладко, как и было запланировано...

Это была сухая, песчаная планета, диаметром около семи тысяч миль, с тяжелым железным ядром. По ее поверхности проносились песчаные бури, невысокие красные горы своим цветом наводили на мысль о большом количестве окиси железа. Рек почти не было, только кое-где попадалась чахлая растительность оливково-бронзового цвета. Атмосферное давление не превышало у поверхности десяти фунтов на квадратный дюйм. Кислорода в атмосфере было не более восьми процентов. Базу окружали купола, заполненные газом, пригодным по составу для бизхов. Там не было типично гражданских зданий, характерных для городов Бизх. Джон, как обычно, проводивший атаку на «Луне», очень обрадовался. На этой планете были только военные!

Они вынырнули из гиперпространства в четырех тысячах футов над куполами. Это было немного ниже, чем планировал Джон. Из-за этого могло увеличиться время подготовки к обратному прыжку. Песок на поверхности планеты за клубился от звуковых ударов двигателей звездолетов. И тотчас же обрушился огненный ливень. В интеркоме зазвучали проклятия артиллеристов, поносящие медлительность человеческих реакций, не приспособленных к обслуживанию боевых лазеров лучеметов. Изображение на экранах мигало и быстро сменялось. Джон едва успевал замечать, что творится на поверхности планеты. А там был ад. Возле базы в посадочных гнездах находилось около десятка легких звездолетов. В мгновение ока они оказались вдребезги разбитыми или сильно поврежденными. Ангары и купола были сорваны с места. Атака длилась всего семьдесят секунд, после чего корабли людей развернулись и ушли прочь от планеты.

Джону, просматривавшему видеозапись атаки, сделалось плохо. Кроме кораблей было уничтожено процентов восемьдесят строений и все купола. Могли ли уцелевшие бизхи дышать атмосферой планеты? Он надеялся, что могли.

В интеркоме царила удивительная тишина, словно весь экипаж переживал то, что и он сам. Но война есть война. Хотя, если вдуматься, это не война, это что-то другое. Это уже бойня! Может быть, это зрелище и годится для вильмутца, но только не для людей! Он с трудом сглотнул. Кроме всего прочего, раса бизхов не отличалась агрессивностью. Военные базы, устроенные ими — это только дань создавшемуся на сегодня политическому положению в Галактике. Джон был рад,

что на планете не оказалось много кораблей. Командующий базой, видимо, ждал атаки, но не так скоро, и поэтому поднял корабли из подземных укрытий для отправки в космос. Экипажи должны были быть довольны (те, что уцелели), что не успели занять свои места в звездолетах.

Джон снова проглотил слюну и посмотрел на часы. Оставалось меньше двух минут до прыжка. Пошла вторая минута, когда множество точек появилось на масс-детекторе. Согласно рассуждениям Джона, преследователи приближались к планете, когда группа нападавших ушла в сторону Солнца. Бизхи выпустили пару залпов, но это было сделано скорее от бессилия.

Джон непрестанно думал:

— Это только одна база. Здесь не могло быть большого количества обслуживающего персонала. Ведь у них есть еще много опорных пунктов. И мы виноваты в гибели небольшого числа бизхов. Небольшого...

Но от этого не становилось легче. Если бы сейчас на корабле оказалась хотя бы щепотка дрона, он без промедления проглотил бы ее. Он не мог не сравнивать эту планету с той, которая была ему когда-то родным домом. Отличие состояло в том, что здесь причиной разрушений оказался он сам. Может быть, из-за этого он и надрался (выпив почти литр спирта), как свинья.

На экранах масс-детектора «Берты» опять появились огни, вынырнувшие из гиперпространства в обычный космос, чтобы через пару минут опять исчезнуть в неизвестности. Джон раздраженно протянул руку к клавиатуре пульта. Барт молча наблюдал за ним, потом спросил:

— Мы можем выходить на траекторию полета к Гохду?

— Пока нет. Черт побери, если мы сделаем еще хотя бы один налет по указке Гохда! Но я обещал Везу, что мы немного осмотримся в этом районе перед уходом. Только мы не сделаем этого. Вместо того, чтобы выйти на расстояние действия телескопов и радиоперехвата, мы применим системы «Берты», чтобы определить положение звездолетов Бизх и планетных систем, на которых могут быть их базы. Именно такая информация и нужна Везу. И он не будет знать, каким образом мы раздобыли ее.

Барт с кислой миной спросил:

— Сколько времени это может занять? Мы так давно не чувствовали под ногами твердую поверхность планеты!

... — Несколько часов, — в голосе Джона чувствовалось раздражение. — Думаю, что это мы выдержим. — Он с трудом проглотил слюну и подумал: удастся ли на самом деле?

В действительности обнаружить базу бизхов удалось даже раньше. Одновременно в Пустых Регионах они наткнулись на загадку, которая затянула их возвращение «домой» на целых двенадцать часов.

Далеко за владениями Вильмута и почти на границе влияния Бизх, масс-детектор «Берты» выдал точку с очень интенсивной яркостью. Они заметили ее, находясь в гиперпространстве. Это была небольшая система типа «звезда-планета». Они занесли ее координаты на карту, не выходя в нормальный космос, и уже двинулись дальше, когда заметили на экране этот загадочный пурпурно-голубой блеск. Такой цвет им еще не встречался.

— Что бы это ни было, — заворчал Барт, вращая ручки настройки, — мы проходим мимо него всего в четырех световых годах, насколько точно мне удалось определить расстояние.

Джон подошел поближе.

— Может быть, это очередная звезда? Ведь мы до сих пор не знаем, как работают эти приборы. Может быть, клипы таким образом обозначали звезду, которая вскоре должна стать «новой»? А может быть, это сигнал опасности?

Барт пожал плечами и спросил в свою очередь:

— Мы должны присмотреться к этому повнимательнее, раз уж мы здесь?

Джон покачал головой. Он, как и все находящиеся в его подчинении люди, спешил ступить на твердую землю, после стольких месяцев, проведенных в космосе. Но, с другой стороны, странное явление должно быть изучено.

— Хорошо. Поблизости не видно чужих кораблей и мы можем подойти к этому странному объекту. Выйдем в обычный космос в полутора световых годах от него. Если это «новая», то мы успеем уйти в гиперпространство.

Оказалось, что это не «новая». И вообще даже не звезда. Там вообще ничего не было. Подходя в гиперпространстве к точке выхода, они отлично видели этот пурпурно-голубой блеск. Но, выйдя в обычное пространство, не увидели ничего. Они сделали несколько осторожных прыжков — и опять ничего. С такого близкого расстояния обычный масс-детектор должен был засечь любое количество материи, даже если она была меньше ванны.

Наконец, огонек появился. Джон набрал программу, требующую информации от компьютера.

— Домиано? — позвал он товарища через микрофон.

— Да, командор?

— Наблюдаем огонек в четверти мили от корабля. Приказываю на «Разведчике-7» вылететь на обследование этого объекта. Мы будем наводить вас по нашему масс-детектору.

Джон подождал, пока ему не доложили, что экипаж занял свои места в малом корабле, и выпустил его наружу.

— Мы отошли, командор, — доложил Домиано.

Джон ввел в компьютер, наводящий на цель «Разведчик-7», данные. Через некоторое время Домиано доложил:

— Мы ничего не наблюдаем, командор.

Джон посмотрел на экран радара, там ничего не было. Расстояния в гиперпространстве были гораздо больше расстояний в обычном пространстве. Тогда он запрограммировал запрос компьютеру и тотчас же получил ответ на дисплее:

«Объект, выявленный масс-детектором, не может быть обнаружен радаром».

Джон поразился этому абсурдному заявлению. Может быть, компьютер, приспособленный к условиям психологии другой расы, не может оперировать земными понятиями?

— Домиано, — позвал он опять. — Оставайся пока там, где находишься!

Потом задал следующий вопрос компьютеру:

— «Огонек существует в том месте?»

Ответ был обескураживающим:

— «Огонек не существует. Он находится в положении «маркера».

Слово «маркер» определенно было взято из английского языка, основы которого были заложены в этот чужой компьютер.

Джон снова задал вопрос:

— «Маркер изготовлен клипами?»

— «Да».

Он с облегчением вздохнул.

— Домиано, ты слышал?

— Да, командор. Подойти ближе и осмотреть его?

— Давай! Но будь осторожен.

— Есть, сэр.

Домиано был слишком осторожен, так как прошло более получаса прежде, чем раздался его голос из динамиков передатчика.

— Командор, тут ничего нет! Ни в оптике, ни на радаре, ни на масс-детекторе!

— Хорошо, возвращайся!

Пока «Разведчик-7» возвращался назад, Барт и Джон переключили систему детекторов на работу в нормальном пространстве. Дальнейшие распросы компьютера ничего не дали. Машина напоминала гениального идиота, который зациклился на существовании «огонька», объясняла, что этот объект находился в положении «маркера» и соглашалась... что ничего материального в этом месте нет.

В конце концов Барт пожал плечами:

— Здесь нет другого объяснения, кроме того, что это должен быть какой-то условный знак, который понятен только клипам и их приборам. Мы можем больше не обращать на него внимания.

Но эта загадка мучала Джона на протяжении всего много часового пути в район империи Гохд.

17

Бульвенорг и Густен сидели в Разведотделе, выслушивая рапорт офицера. Бульвенорг отметил, что молодой человек проявляет незаурядные способности логического мышления. Тем временем на столе появился рисунок чего-то, что скорее всего было космическим кораблем в пять или шесть раз больше обычной длины.

— Это, господа, рисунок, сделанный со слов очевидца. Судя по его описанию, вокруг корабля было около двадцати колец. Я применяю здесь слово «кольцо», хотя знаю, что значение этого слова бизхи могут перевести как «пояс» или поочередно уложенные круги (может быть, вместо кругов могут быть кружки, бизхи не делают такого различия). Круги не касаются друг друга и находятся на расстоянии, по крайней мере, длины их диаметра. Эти круги более темные, чем корпус, который кажется массивным и монолитным, за исключением этих кругов. Очевидец не наблюдал внешних сенсоров. Конечно, можно понять, что с такого расстояния от корабля он не мог разглядеть предметы столь малого размера. Но надо отметить, что бизхи имеют остроту зрения выше, чем у нас...

Он замолчал, давая время начальству повнимательнее изучить рисунок.

— ... Это позволяет сделать вывод, — продолжил он, — что корабль имеет триста или более этих темных кругов, на-

зовем их люками, из которых часть, или даже все, могут скрывать разного рода оружие. Очевидец утверждает, что видел по крайней мере тридцать открытых люков, откуда стреляло оружие. Оно было типовым: орудия, лучеметы и лазеры. Скорость у этого чудовища была такой же, как и у нападавших. Бизх утверждает (к сожалению, мы не в состоянии проверить верность его слов), что корабль был готов к прыжку в гиперпространство меньше, чем за четыре минуты.

— Так, — Бульвенорг протянул руку за снимком. — Этот свидетель оценил длину корабля в три тысячи футов?

— Да. Однако надо признать, что из-за неисправностей дальномеры и фотоаппараты не смогли зарегистрировать этот корабль.

Бульвенорг усмехнулся и повернул голову к Густену:

— Расчеты размеров корабля говорят о богатом воображении бизхов, — он снова уставился на молодого офицера. — А что они говорят о малых кораблях? Они сражались до тех пор, пока не появился большой корабль?

— Очевидец полностью подтверждает данные нашей разведки, сэр: отряд «разведчиков» и большой корабль измещением в сорок тысяч тонн.

— Не было найдено ни одного трупа в обломках подбитого «разведчика»? Можно было бы идентифицировать его и определить расу нападавших!

— Нет, сэр. Описывая то, что мы смогли собрать, можно употребить слова: «мясо нашинкованное и поджаренное».

— Из этого тоже можно было бы сделать кое-какие выводы...

— Нет, сэр. Очень многие гуманоидные расы содержат в клетках своего тела одни и те же химические связи.

— Личные вещи экипажа?

— Они могут принадлежать любому представителю любой гуманоидной расы.

— Ну что ж — протянул Бульвенорг. Он сделал небольшой глоток. — Меня поразило, что вам удалось уговорить командующего базой бизхов поделиться информацией. До сих пор этого не удавалось сделать.

Офицер улыбнулся.

— Им ничего другого не оставалось. Я дал ему свое честное слово, что среди нападавших не было ни одного вильмутца и что мы тоже кровно заинтересованы в решении этой загадки. И что главной целью нашей миссии является устранение возникающих недоразумений между нашими расами.

Бульвенорг так и прыснул от смеха.

— Это хорошо. Вы нашли самую убедительную причину, объясняющую ваши действия. Все было проделано в общем-то неплохо... Теперь вот что еще. Тот офицер бизхов, с которым вы контактировали при получении информации об этом гигантском звездолете. Мы не могли бы выкачать из него еще какую-нибудь ценную информацию?

Офицер покраснел:

— Да, сэр. Думаю, что он сможет помочь нам. Чтобы завязать контакт с чуждой нам формой жизни, мы имеем право прибегнуть к чему угодно...

Густен поднял руку, требуя внимания.

— Я твердо уверен, что атаки на Бизх не являются результатом деятельности какой-то подпольной группы военных нашей империи. Поэтому уже сейчас я могу доложить нашему правительству, что это провокация какой-то другой расы. В такой ситуации, хотя и существует необходимость взаимопонимания с бизхами на дипломатическом уровне, но все же пока не стоит выступать с таким предложением перед императором...

Бульвенорг от нетерпения постучал по столу.

— Об этом пока рано говорить! Я хотел бы услышать сейчас, что вам удалось раскопать в архивах?

Офицер кивнул:

— Да, сэр. Мы обнаружили в архивах все материалы, касающиеся потерянных в боях вильмутских кораблей типа «вооруженный разведчик». Данные за последние десять галактических лет. Подробный анализ каждого случая показал, что в шестидесяти случаях из ста экипажи погибших кораблей состояли из хелков.

Бульвенорг подпрыгнул в кресле.

— Шестьдесят процентов? — крикнул он. — Это невозможно! А в последние годы?

— Пятьдесят восемь процентов!

Бульвенорг вздохнул.

— А вы сумели установить каков процент гибели «вооруженных разведчиков» в тех экспедициях, в которых участвовали хелки?

Офицер улыбнулся:

— Да, около двадцати двух процентов.

Бульвенорг посмотрел на Густена, но тот с важной миной сделал жест отрицания.

Бульвенорг опять уставился на офицера.

— А что с большими кораблями типа «Нова»?

— Класа «Нова», сэр? Четыре погибших. И только один измещением в сорок тысяч тонн. Это был новый корабль, сэр, и совершал пробный полет. На его борту находились хелки-техники...

Бульвенорг встал и начал ходить по комнате. Внезапно он остановился и, глядя куда-то в пространство, тихо произнес:

— Прошу вас изложить все это на бумаге. И как можно быстрее. А дела по бунтам хелков? Это вы должны были тоже проверить! — Бульвенорг вернулся к своему креслу и тяжело сел. — Неужели эти факты такие же ошеломляющие?

— Боюсь, что да, сэр. Как вы знаете, сэр, время от времени исчезает определенное количество хелков, как, впрочем, и вильмутцев. Исчезновение хелков во время дальних космических рейсов является более частым, нежели исчезновение вильмутцев. Проанализировав все вероятности и сравнив факты, мы вычислили и построили модель организации беглецов, которая занималась фальсификацией записей, чтобы скрыть исчезновение собратьев. Можно с уверенностью сказать, что здесь замешан был, по крайней мере, один Большой Самец и, по всей вероятности, кражи кораблей происходили при его непосредственном участии.

Бульвенорг на мгновение прикрыл глаза. В его мозгу мелькнула смутная догадка. Он открыл глаза, вздохнул, посмотрел на офицера и тихо задал вопрос:

— Как вы думаете, молодой человек, может ли где-нибудь существовать тайная колония беглых хелков, действующих против нас?

— Это только предположение, сэр. К сожалению, рассекреченный нами Большой Самец хелков уничтожил себя еще до того, как мы смогли допросить его. Вы ведь знаете, сэр, что Большие Самцы могут управлять своими гормонами, вырабатываемыми в организме.

— Я вас спрашиваю, может ли в принципе существовать такая колония? — грозно произнес Бульвенорг, наклоняясь над столом и смотря офицеру прямо в глаза.

— Исходя из собранного нами материала, можно считать, что такая возможность существует, — тихо ответил офицер.

Бульвенорг перестал задавать вопросы и задумался. Потом он сделал утвердительный жест, хмуро улыбнулся своим подчиненным и буркнул:

— Это должно быть передано правительству. И как можно скорее.

Корабль типа «вооруженный разведчик» выскочил из гиперпространства вблизи Акиэля. Послав радиоответ на запрос с планеты, он пошел на посадку. Офицер, оставленный на планете с небольшим отрядом, доложил Джону:

— Командор! Вильмут совершил неожиданный налет на Дессу!

Джон пожал плечами:

— Это было неизбежно. Когда вы узнали об этом?

— Несколько дней назад. Гохдонцы передали нам известие об этом происшествии.

Он смотрел на Джона виноватым взглядом.

— Сэр, это может означать, что вильмутцы будут искать нас здесь?

— Не думаю, чтобы они стали сюда соваться. Никто не знает координат Акиэля. А что с людьми на Дессе? Они захвачены в плен?

— Гохдонцы ничего не знают. Они сами узнали об этом налете от капитана торгового судна союзной державы, который садился на Дессу за партией льна. Вильмутцы ударили сразу по лагерю людей, остальных жителей не тронули. После отлета нападавших, прибывшие на место представители местных властей обнаружили следы боя, но не было ни трупов, ни оставшихся в живых.

Джон погрузился в размышления. Что ж, это происшествие ничего не меняло. Важнее всего было сейчас встретиться с Омниархом.

— Вы объявили состояние боевой готовности? — спросил он.

— Да, командор, я также доложил обо всем Большому Самцу.

— Хорошо, лейтенант, я поговорю с ним.

Поиски Большого Самца заняли у Джона остаток дня и часть следующего. Когда Большой Семец был найден, он внимательно выслушал Браузена и сказал:

— Вот уже восемь дней нет никаких сведений о моем предке, командор. Я сам хотел бы встретиться с ним и обговорить кое-что. Боюсь, как бы чего с ним не произошло: эта новость о нападении вильмутцев и его молчание наводят на раздумья.

Джон раздраженно пробормотал себе под нос какое-то проклятье и громко произнес:

— Несмотря ни на что, мне нужно его найти. Дело очень важное.

— Найди его, Джон Браузен. Но имей в виду, что, если мой предок попал в неприятную историю, тогда цепочка, по которой мы связываемся друг с другом, может быть разорвана в любой момент, если этого уже не случилось. Тогда я сам должен буду позаботиться о безопасности этой планеты.

— Это означает, — вспыхнул Джон, — что вы наложите какие-то запреты на наши действия?

— Нет, Джон Браузен. Я не могу сделать этого. Но прошу вас прежде всего о сохранении тайны.

Джон постарался сдерживать гнев и раздражение. Затем тихо и спокойно он произнес:

— Конечно же, мы храним тайну. Но... мы сдержали слово и завершили первый этап плана Омниарха.

— Я отправлю эту информацию. Вы подождете ответа?

— Нет. Я еще должен встретиться с главнокомандующим Гохд. Как вы знаете, есть определенное место, в котором я уже встречался с Омниархом. Он оставил там наблюдателя.

— Эта информация также будет передана, командор.

Вез До Ган наморщил лоб.

— Нет, не имею понятия, где может скрываться Омниарх. Он физически очень силен и может устроить себе убежище почти на каждой хлорофильно-белковой планете. А поскольку ему удавалось столько лет скрывать свои мысли, то, следовательно, он является очень умным и хитрым существом. Например, — Вез До Ган усмехнулся, — он никогда не говорил, где находится Акиэль, хотя я неоднократно пытался разыскать эту планету.

— В любом случае спасибо, — вздохнул Джон. — Вы посмотрели мой рапорт, который я послал вам после налетов на границы бизхов?

— Да, — Вез поднял маленькую модель космического корабля, которая лежала на столе как пресс-папье и начал водить ею туда-сюда. — Как ты знаешь, мой друг, империя Гохд очень демократична и... терпит из-за этого очень много неудобств. В результате, мое начальство зарабатывает неприятности. Несмотря на это, высшие чиновники моего правительства согласились в свое время на небольшую операцию, которая должна была сдерживать экспансию бизхов, но сейчас они начали склоняться к другой точке зрения. Я получил приказ о прекращении дальнейших действий против бизхов. А, кроме всего прочего, я обязан ограничить контакты с людьми и другими наемниками.

— Это соответствует и моему рапорту. Мои подчиненные считают, что условия договора выполнены. И надеются, что ваши руководители не нарушат нашего соглашения о том, что нам выделяется планета, где мы могли бы поселиться.

— Может быть, приказом и запретят, — Вез глубокомысленно махнул рукой, — но есть возможность трактовать эти приказы так, как нам нужно. Лично я не намерен заставлять вас покидать эту планету, но вы не должны рассчитывать на расположение моего руководства, если оно вас там обнаружит. Я советую вам проявлять максимум осторожности.

Это заявление вызвало у Джона неприятное чувство. Он должен был играть краплеными картами со своим хорошим другом.

— Я по достоинству оцениваю твою заботу и благосклонность к нам, Вез, но это может поставить тебя в очень неприятное положение.

Вез До Ган ухмыльнулся.

— Это меня не волнует. Эти гонения на наемников не продлятся слишком долго. Известно, что в каждой империи постоянно разыгрываются какие-нибудь интриги. Не исключено, что Вильмут и Бизх договорятся о сотрудничестве и тогда, сам понимаешь...

Они довольно долго молчали, потом Вез прервал тишину:

— Коллега, хотя наши контакты с бизхами очень слабые и непостоянные, однако они все же существуют. От одного из наших разведчиков пришло сообщение.

У Джона возникло нехорошее предчувствие, но он все же заставил себя улыбнуться.

Вез До Ган продолжал:

— Знаю, что ты весьма чувствительная натура. Понимаю, что это очень свойственно твоей расе, — он умолк на несколько секунд. — В этом донесении говорится об огромном корабле, который невозможно построить, используя современную технологию. Координаты пространства, где был замечен этот корабль, совпадают с координатами, указанными в твоём рапорте... — он глубоко вздохнул. — Пойми, я тоже люблю свою расу. И все, о чем я сейчас прошу тебя, это отыскать какой-либо способ (насколько это возможно), чтобы моя и твоя лояльность могли существовать, не мешая друг другу. Прошу тебя очень подумать над этим.

— Это означает, — вспыхнул Джон, — что ты мне не доверяешь?

Вез До Ган, почти как человек, развел руками.

Джон успокоился и улыбнулся.

— Ну, хорошо, — произнес он. — Да, действительно, существует огромный корабль. Конечно, легко можно узнать, откуда он взялся. Так вот, он построен расой клипов. Хорошо, что ты вспомнил, что я должен соблюдать лояльность по отношению к твоей расе. И думать о безопасности тех нескольких десятков людей, которые доверили мне свою судьбу. Но есть, однако, еще кое-что... — он замолчал, сдерживая свои чувства. — Моя раса, — заговорил он тише, — не может умереть! И она не умрет! Понимаешь это, Вез? На одной планете находятся наши женщины, и они могут принести нам детей!

Он наблюдал за изменением выражения лица гохдонца — удивление, изумление, возбуждение и, в конце концов, веселье!

— Прошу тебя больше ничего мне не говорить! Я попробую немного поразмыслить. Конечно же, только Омниарх знает, где находятся эти ваши женщины, не так ли? И именно он вытащил тебя с Дронгалии, пообещав корабль и помощь. Он же помог тебе собрать людей. Нужно признать, что он дьявольски ловко все это придумал. — Вез До Ган внезапно стал серьезным. — Теперь я понимаю, как мало возможностей у тебя было, но, несмотря на это, не забывай, что я все же гохдонец. Скажи мне, Джон Браузен, как мы можем по-доброму уладить наши отношения?

Джон глубоко вдохнул в легкие воздух и произнес:

— Мне кажется, что такой способ можно найти. Когда мы встретимся с женщинами и укроем их в надежном месте, я отдам тебе этот корабль. Ты можешь полететь со мной и научиться управлять им. Моя раса и так очень мала, к тому же она получила очень хороший урок, чтобы и через сто лет не иметь охоты подниматься в космос. Нам нужна сейчас тихая планета в каком-нибудь закутке Галактики. И больше ничего. Я думаю, что мы будем счастливы даже если придется вернуться к передвижению на животных.

Вез До Ган надолго задумался.

— Ну что ж, — наконец прервал он тишину, — такое соглашение вполне возможно. Думаю, что никто из моих людей не будет против. А если даже и... то все равно будет поздно.

Невооруженный транспортный корабль Гохда типа «малый крейсер» (его легко было распознать благодаря вогнутым консолям, в которых находились гравиприводы специального назначения) вышел из гиперпространства между четырьмя

парами двойных звезд. Быстрый взгляд на шар масс-детектора подсказал Джону, что согласно договоренности «Луна» уже прибыла сюда, чтобы предупредить Барта о визите гохдонского корабля.

Джон посмотрел на Вез До Гана:

— Ну что ж, — Джон сделал широкий жест и усмехнулся. — Корабль перед вами, мой друг.

Вез, скорее всего, не услышал не единого слова. Он стоял, вытянувшись и уставясь на экран, на котором величественно плыл в пространстве огромный чужой звездолет. Его губы медленно двигались, не издавая, однако, никаких звуков, дыхание было учащенным. Наконец, он пришел в себя и повернулся к Джону:

— Во имя пространства! Он такой, как ты и говорил. Но ни одно описание не заменит грандиозного зрелища, хотя я был готов к чему-то подобному.

— Неплохо выглядит, не так ли? Ну что ж, давай перейдем на его борт, — Джон наклонился к микрофону. Но не успел он сказать и пару слов, как голос Барта прервал его:

— Джон? Слушай, у нас неприятности. Большой Самец прислал сюда один из наших кораблей с известием. Ральф Цолл говорит, что хелк едва не ударил его, когда тот отказался сообщить ему координаты этого убежища. Хелк еле-еле отпустил Цолла. Омниарх попал в беду. Вильмутцы узнали о нем и его планах. Они разыскивают его. Он скрывается на той планете, где мы раздобыли «Берту». Вильмутцы пока что точно не установили, что он именно там, но идут буквально по его пятам. Там, где он был перед этим, вильмутцы ведут наблюдение, на случай, если он объявится. У Омниарха нет корабля, ему не спастись, если только мы не придем ему на помощь. Большой Самец с Акиэля не знает, могут ли находиться в том районе большие силы Вильмута. Он говорит, что есть способ договориться с тобой, если ты доберешься туда. Цолл сообщил, что хелки на Акиэле ведут себя как рой ошалевших от бешенства пчел. Никогда бы не подумал, что они способны на такую ярость.

Джон внимательно посмотрел на экран.

— Когда Цолл объявился здесь?

— Около семи часов тому назад. Но сейчас его уже нет. Перед отлетом он настаивал на скорейшем возвращении на планету к Вез До Гану, когда... когда мы закончим со всем этим.

— Барт! — позвал он в микрофон. — Надо рассказать Везу о женщинах. Он ведь наш союзник.

После долгих минут молчания Барт отозвался. Его голос звенел от гнева и неудовольствия.

— Ну что ж... А Цолл полетел искать тебя. Он сказал мне, что дал слово Большому Самцу и не может его нарушить.

У Джона заломило в висках, и он ощутил внезапный спазм желудка.

— Цолл испуган до смерти, — сказал он. — К черту, Барт. Сейчас все зависит от Омниарха. Послушай! Мы выходим на палубу. За это время постарайся разослать приказ всем нашим людям. Пусть немедленно прибывают сюда! Вначале мы отправимся на планету, полученную у Гохда, чтобы забрать оттуда все снаряжение. Затем, двинемся на спасение Омниарха. Говорил ли Большой Семец что-нибудь о помощи?

— Да. Он обещал прислать достаточное количество хелков-воинов, а также техников, чтобы укомплектовать экипажи малых кораблей. Сам он тоже прилетит, когда будет знать куда.

— Хорошо. Передай наши координаты людям на Акиэле, и пускай они заберут Большого Самца с собой.

Гохдонский звездолет уже швартовался к «Берте», когда Джон решил, что внутрь корабля быстрее всего можно будет пройти через люк. Он с нетерпением ожидал раскрытия шлюзов после того, как ангар наполнится атмосферой, когда внезапно Вез поинтересовался:

— Джон Браузен, а где находится та планета, за которой наблюдают вильмутцы?

— В вашем районе. В нескольких световых годах от планеты, которую вы подарили нам.

— Жаль, конечно, — с сожалением вздохнул Вез, — что столько времени у нас в руках был этот корабль клипов, а мы даже не догадывались об этом. Ну, да ладно. Раз вильмутцы влезли на нашу территорию, это упрощает дело. Но, с другой стороны, они могут обвинить меня в нелояльности. Ну и пусть! Я сделаю это, если ты так хочешь! Я дам в ваше распоряжение личную гвардию. Тридцать совершенных, прекрасно оборудованных кораблей, хотя ни один из них не тяжелее легкого крейсера. К тому же, я готов встретиться с вами в том месте, какое ты укажешь. Если принять во внимание последние законы, я могу объявить их пиратами. Или можно их спровоцировать и вынудить к явной атаке. А потом и ударить!

— Зачем? — удивился Джон. — Не проще ли будет послать радиогранму? Это будет равносильно.

— Отлично! — Вез повернулся к пульту.

Огонек на контрольной панели показал, что давление снаружи и внутри корабля уравнилось. Человек и гохдонец вышли из камеры и двинулись по коридору, который должен был привести их в зал Центрального управления.

Внезапно Джон остановился.

— Вез!

— Что случилось?

— Если дело дойдет до сражения вблизи планеты, мы можем зацепить Омниарха!

Вез раскрыл ладонь в знак подтверждения и спросил:

— На планете существует органическая жизнь?

— В очень малой степени. Атмосфера там сухая и к тому же бедная кислородом.

Вез остановился.

— Что ж, — сказал он наконец, — думаю, что именно тебе придется командовать. Ты был там раньше... И к тому же речь идет о существовании твоей расы...

«Луна» нырнула в гиперпространство. По правде говоря, Джон и Вез хотели бы находиться сейчас на борту «Берты», судовые приборы которой показывали дислокацию вильмутцев. И в то же время, они не хотели видеть «Берту» из-за гвардии Вез До Гана. Это могло угрожать их недавно заключенному союзу.

Джон принялся размышлять, как провести сражение возле этой планеты. Он сомневался в том, что вильмутцы вступят в бой без колебаний. Скорее всего они могут решиться на бегство, как только «Луна» и «вооруженные разведчики» появятся из гиперпространства. Вильмутцы вынуждены будут моментально определить, чьи это корабли, такие похожие на их собственные. А как они отреагируют на эти корабли в союзе с флотом гохдонцев?

Сейчас это было не столь важно. Где же на этой безжизненной планете мог скрываться Омниарх? Наверняка не вблизи огромного пролома, образовавшегося из-за выходящей «Берты». Это было бы самоубийством — к этому времени вильмутцы наверняка успели обыскать дыру и ее окрестности несколько раз. А если они еще и догадались, что там находилось, то обследовали все довольно тщательно. А они, наверняка догадались обо всем, если уж Вез догадался о правде на основе одного рапорта. Если все же поиски убежища Омниарха займут много времени, то весьма вероятно появление всего флота вильмутцев возле этой планеты. Они с готовностью бросятся в

тотальную войну с Гохдом, как только их разведка донесет, что ставкой в этой войне является наследство клипов. А Джону было хорошо известно, что империя не ведет медленных и тяжелых войн. Он помнил те минуты бессильного отчаяния, когда внезапно все пространство вокруг земного флота озарилось блеском вильмутских боевых кораблей. Он помнил безнадежное ощущение приближающейся смерти и тот единственный шанс... даже не целый шанс, а крохотная частичка этого шанса, которая позволила ему смешаться с флотом врага на время, показавшееся вечностью, а на самом деле длившееся всего две с половиной минуты...

Это стало причиной замешательства имперцев и позволило кораблю Джона нырнуть в гиперпространство, успев при этом сделать залп всеми бортовыми орудиями. Происходило это спустя сорок восемь часов после катастрофы, и вильмутцы в пьяной радости победы гнали, разметывали остатки земного флота. Сейчас они могли быть такими же беспощадными. К счастью, по крайней мере, Барт Ланге и несколько мужчин были в безопасности на «Берте». В безопасности, но без информации, которая была так необходима им, и которой располагал только Омниарх.

Джон посмотрел на Большого Самца с Акиэля, крепко стоящего на своих широко расставленных ногах и сжимающего сильные большие ладони в кулаки, прижатые к грубому туловищу. Шея хелка была странно вытянута, а глаза уткнулись в хронометр, в тот самый, за которым краешком глаза наблюдал Джон.

ВЫХОД!

Джон мгновенно забыл о своих сомнениях, его глаза перебежали с экранов на детектор массы и обратно на экраны. Он считал корабли. Это не были его «разведчики», также это не были и корабли Вез До Гана. Они должны были выскочить через несколько секунд, чтобы дать Джону время для определения позиции врага.

— Джон! — крикнул Вез. — Они уже в зоне досягаемости телескопа. Можно определить их класс!

Джон сделал жест открытой ладонью, а затем его руки забегали по клавишам, программируя первые данные и сообщения для своих кораблей. Наверняка и между кораблями вильмутцев уже налажена связь, и рекой потекли приказы и информация. Джон к тому времени уже успел определить и локализовать все малые корабли противника на этой стороне планеты. Из интеркома раздался голос Кальнера Домиана и Ральфа Цолла:

— Визуальный контакт с крейсером Вильмута. На борту, согласно опознавательной таблице, двадцать тяжелых торпед или сорок легких, четыре лазера и четыре лучемета... командный звездолет эскадры, очевидно, находится на той стороне планеты... Радиотишина... Связь идет на лучевом уровне...

Внезапно на экранах появились одно за другим два пятнышка, следом за ними — третье, вынырнувшее из-за горизонта планеты. И они тут же начали сближение с легким крейсером вильмутцев. Третье пятнышко было самым ярким. Похоже, что это был флагман, крейсер типа «Нова». И вдруг на протяжении нескольких секунд экран детектора массы весь покрылся искрами. Джон с беспокойством, длившимся мгновение, наблюдал за тем, как отметки целей располагались на экране, но затем успокоился. Это были его корабли.

Через пять или шесть секунд все огоньки, означавшие корабли Вильмута, исчезли.

Джон ударил по клавише Интеркома:

— Всем внимание! Запрограммировать системы поиска и уничтожения! Если надо — применять сенсор! Я не знаю, что искать, но это ничего не значит!

Огоньки изменили свое положение, и небольшая флотилия начала окружать планету.

— Домиано!

— Да, сэр!

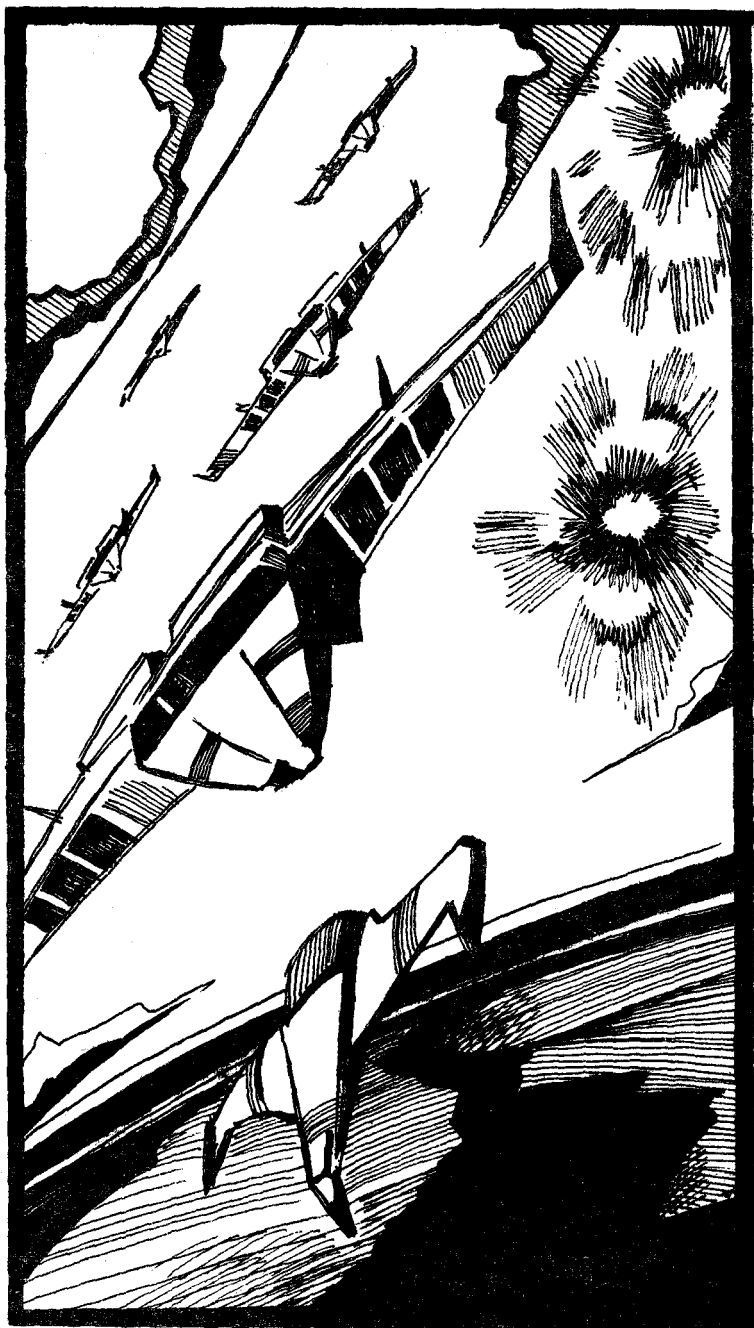
— Посылай Барту Ланге каждые пять минут позывные. И передавай ему все данные, какие только удастся собрать.

— Есть, командор!

Джон вздохнул. Сейчас начнется наихудшее. Полоса беспокойства, полоса ожидания. Вильмутцы наверняка только догадываются, что Омниарх находится здесь, но одно ясно и так — эта пустая планета стоит боя. Сколько времени займет у командующего вильмутцами выработка решения? Где находится его вышестоящее руководство, которое может приказывать начать сражение? Может быть, в темном пространстве в пяти минутах лета отсюда или, может быть, в нескольких часах, уже в регионе Вильмута? И как долго продлится поиск Омниарха, и смогут ли они его обнаружить?

Оказалось, что Джон недооценил старого хелка. Едва они сделали первые облеты планеты в надежде получить необходимую информацию, как в микрофоне раздался мужской голос:

— Здесь номер Восемь. Вижу блеск, напоминающий свет



морского маяка. Дальность около тридцати миль левее моего корабля. Приблизительно на линии терминатора. Похоже, что свет находится на высоте семи или восьми футов над поверхностью планеты.

Одновременно несколько кораблей Веза передали аналогичные сообщения.

— Держи его, Восьмой! — крикнул Джон. — Но будь осторожен! — И тут же он начал что-то говорить в микрофон по-гохдонски.

Через несколько минут номер Восемь вновь отозвался:

— Поймал слабую звуковую волну с поверхности. Думаю, что это Омниарх!

Джон, Барт, Омниарх и Большой Самец с Акиэля сидели в зале Центрального управления «Берты». Омниарх выглядел почти как всегда, несмотря на то, что его только что спасли.

— Мне могло хватить кислорода еще на десять-двенадцать часов, если бы мне не пришлось перебираться с места на место. Я выбрал себе убежище в откосе высохшего русла реки. У меня была радиостанция, немного бисквитов и фляга с водой. И конечно же, прибор дистанционного контроля клипов. В последнее время я смог узнать еще кое-что об их старой технологии. Мне удалось более подробно расшифровать записи клипов и произвести эффекты молнии и взрыва. Если бы не удалось использовать первое, то второе получилось бы наверняка. — Хелк посмотрел прямо в глаза Вез До Гана. — Никак не ожидал увидеть здесь столь милого моим глазам Командующего Объединенными Космическими Силами Гохда и его маленькую гвардию.

Вез со спокойным лицом слушал рассказ Омниарха и только по глазам можно было понять, сколь велико охватившее его внутреннее напряжение.

— На этой планете много изделий клипов? — бесстрастно спросил он.

Омниарх с напускным весельем покачал головой.

— Приятели и друзья. До сих пор в моих руках побывало двести четырнадцать предметов расы клипов. И думаю, что это еще далеко не все. А сейчас я хотел бы услышать от вас самое главное — к какому соглашению вы пришли. Вижу, что это так, коль скоро вы собрались все вместе.

— Да, — Вез До Ган сделал знак открытой ладонью. — Джон обещал мне этот корабль, когда он обоснуется со своими

людьми и женщинами на выбранной планете. Я многим риску, ставка очень высока...

— Включая, видимо, то, что ты не имеешь поддержки своего правительства, — кивнул Омниарх. — Извини меня, гохдонец, но я тоже должен буду поставить тебе небольшое условие. Видишь ли, мои планы едва не рухнули, и это вынудило меня к рискованным действиям. Сейчас речь идет о всей моей расе, восставшей против Вильмута. Нас не страшит даже то, что многие могут погибнуть в этой борьбе. Мы знаем, что только единицы смогут завоевать временную свободу и добраться до места (как это удалось мне рассчитать), где мы будем иметь шансы на абсолютную безопасность. Я говорю о расстоянии в сотню миллионов световых лет... — он по очереди поднял каждую из ног. — Успех нашего отхода будет зависеть от быстроты перелета и эскорта военных звездолетов прикрытия. На это потребуется ваша помощь, Вез До Ган, и Джона Браузуна.

В голосе гохдонца прозвучал легкий тон издевательства или оскорбления:

— Почему же я должен помогать тебе, уважаемый Омниарх? Это твоя, а не моя раса воюет и скорее всего безнадежно. А сейчас я хотя и ударился в определенные интриги, но это не значит, что я не чту интересы Гохда. Ты просишь, чтобы я обеспечил твою безопасность своими кораблями и экипажами. А как же наш официальный и очевидный мир с Вильмутом? Что мы сможем получить взамен, кроме неприятностей? Сколько будет стоить такой риск, как по-твоему?

Омниарх хмыкнул:

— Это хорошо, что ты договорился с Джоном Браузуном, хотя это не совсем соответствовало моему плану. Но все равно это согласуется с моим планом. А что же касается стоимости риска... В твоём распоряжении остаются все предметы клипов, укрытые на этой мертвой планете. Я могу проводить вас в исполинское хранилище, где находятся кое-какие артефакты этой загадочно исчезнувшей цивилизации. Хочу сказать, что это хранилище было создано исключительно моими усилиями. И мне бы очень не хотелось, чтобы оно попало в руки имперцев. — На его толстых губах появилась горькая улыбка. Омниарх посмотрел на Джона. — Я назвал это хранилище Вивариумом. В нем находится определенное количество различных типов животных, когда-то помещенных туда клипами. Там же находятся и женские особи вашего вида, Джон Браузен. — Омниарх перевел взгляд на гохдонца. — Но чтобы добраться до этого хранилища вам, Вез До Ган, потребует-

ся моя помощь. Даже если бы вы знали его точное местоположение, то попасть вовнутрь не смогли бы даже ваши лучшие ученые. И в течение многих ваших поколений... — Тут он на минуту прервался. — Извините, должен исправить некоторую неточность моего рассказа. Я не могу пожертвовать вам Вивариум. Он является гарантией безопасности тех из моей расы, которые останутся в живых. Это залог нашей безопасности. Но я отдам вам большинство из предметов, которые находятся там, а также всю информацию о технологии клипов.

Вез сорвался с кресла и заходил по залу. Повернувшись, он почти подбежал к Омниарху и почти уткнулся в лицо Великого Хелка.

— Ты говоришь так, как будто Гохду не удастся провести изыскания на планете, которая находится в нашем регионе! Кажется мне, хромоногий, что ты потерял все козыри и теперь блефуешь!

Омниарх выглядел как весельчак на ярмарке.

— Если хочешь, можешь искать! Думаю, что при помощи собранных тобою специалистов ты сможешь много попылить по планете. Но это, в общем-то, ничего не даст. Так и знай! Не забывай также и то, что когда вы будете безуспешно рыться в ее недрах, Вильмут тем временем будет стремиться к той же цели. Ни они, ни бизхи не упустят случая сделать правильные выводы, видя этот огромный звездолет, на борту которого в данный момент находимся мы. Так же они свяжут создавшуюся ситуацию и с хелками. Подозреваю, что уже через небольшой промежуток времени они будут знать очень много. Значит, и без меня и моих соотечественников найдется очень много претендентов на сокровища, и вы в этом деле будете только третьими.

— А кому сейчас принадлежит корабль, на борту которого мы находимся? — буркнул гохдонец.

Омниарх ответил с едва уловимой улыбкой:

— Командору Джону Браузену, который сейчас им командует, приятель. Но он связан со мной условием, гарантирующим что-то очень важное для его расы. Очень! И если он обещал тебе какие-то права на этот корабль, ну что же, это его дело. Меня это не интересует, за исключением конечного применения этого корабля.

Вез повернулся спиной к хелку и коротко спросил у Джона:

— Я могу отдать отсюда несколько приказов?

После минутного молчания Вез постарался разъяснить:

— Если уж я решил вляпаться в это безумие, то должен

приказать собрать более мощные силы. И должен предупредить своих начальников о возможности добыть предметы клипов.

Джон больше не колебался. Он хотел покончить с торгом, который легко мог перерасти в откровенный спор.

— Конечно, ведь мы товарищи по оружию, — сказал он.

20

«Луна» быстро мчалась над поверхностью безжизненной планеты. Джон нервничал, наблюдая за детектором массы. Вез сидел в кресле второго пилота, готовый каждую секунду послать сигнал своему флоту, находящемуся в нульпространстве в нескольких световых секундах от планеты. Омниарх прижимал к себе прибор дистанционного обнаружения предметов клипов.

До сих пор вблизи не появлялся ни один чужак. Внезапно хелк крикнул:

— Что-то есть. Вез! Джон!

Браузен резко остановил звездолет в миле над поверхностью планеты. Омниарх нажал какую-то клавишу на приборе. В течение долгой минуты ничего не происходило. Затем сирены «Луны» издали пронзительный вой. Джон бросил быстрый взгляд на приборы — это была неаварийная тревога. Какая-то довольно большая масса металла появилась вблизи корабля. Он выключил сирены. Затем по боковому визиру проследил курс. Вращая рукоятки, он увеличил изображение на экране. Что-то понемногу появлялось перед глазами, точно так же, как и тогда, когда гигантский корабль клипов медленно вырисовывался перед ним. Но этот предмет был гораздо меньше. Он имел футов двести в длину и футов десять в диаметре. Поверхность его была светло-серой, без каких-либо выступов, без характерных особенностей и имела форму идеального цилиндра. Он наблюдал, как это «нечто» свободно выходило из поля действия детекторов.

— Омниарх! Насколько оно безопасно, чтобы поднять его на палубу?

— Этот предмет абсолютно инертен. Но сначала позволь мне кое-что продемонстрировать. — Он снова наклонился над прибором дистанционного управления.

На экране Джон увидел небольшой предмет, который появился под неизвестным объектом, и стал медленно опускаться на поверхность планеты.

— Что это было? Крышка люка? — воскликнул гохдонец.

— Нет, Вез До Ган. Эта вещичка попросту пучок электрических проводов. Я приказал выбросить этот пакетик. Иначе нельзя было бы овладеть этим цилиндром, не уничтожив его при этом. То, что вы сейчас видите на экранах, — это просто масстраспортировщик, который обеспечивает пересылку предметов на любое расстояние. Но сам механизм этого аппарата, Вез До Ган, будет загадкой для еще многих ваших поколений. Даже после получения всей информации от меня. Я могу втянуть эту штуку в люк номер четыре. Если бы здесь была «Берта»... — с этими словами он открыл люк и медленно придвинул масстраспортировщик к «Луне», а затем аккуратно втянул его в люк.

Прошло одиннадцать часов. Прибыла «Берта», и корабли начали патрулировать пространство, подбирая на борт всякие предметы клипов. Безжизненная пустыня планеты исторгла из себя еще около двадцати масстраспортировщиков, контейнеры, по утверждению Омниарха, начиненные химикатами неизвестного предназначения, запасы плит странного металла, легкого и по прочности не имеющего равных в Галактике, приборы для научных исследований, инструменты и даже запасы пищи в маленьких запломбированных баночках.

Быть может, зрелище этого и натолкнуло Джона и Веза на размышления. Когда «Берта» исчезла в нульпространстве, Вез первым выложил беспокоившие его мысли:

— Омниарх! Насколько я помню, ты никогда не говорил, что эти предметы были зарыты на планете.

— Верно, Вез До Ган, — в голосе Великого Хелка звенела насмешка.

— Таким образом, все что мы выловили, — констатировал Вез, — внезапно появилось вблизи корабля, что и зафиксировали детекторы массы. Если бы они были зарыты в землю, даже на глубину мили, мы смогли бы заметить их с помощью наших приборов. Но они не были зафиксированы. А это может означать только одно. Их там не было! Значит, ты вызвал их через нульпространство из какого-то другого места!

— Верно. Можете считать, что это была моя маленькая штука.

Вез рассмеялся.

— Да, ты был прав. Мы могли копать до конца света. Что ж, хорошо. Но в таком случае уместен вопрос. Где находится этот склад, из которого ты транспортировал все эти штуки? Без сомнения, он очень далеко. Кроме того, можно сделать

вывод, что клипы или кто-нибудь еще, в настоящее время пользуются этим складом, непрерывно пополняя его запасы. Разве можно надеяться, что даже при соблюдении самых лучших условий хранения можно обеспечить отличную сохранность продуктов питания в течение минимум тридцати тысяч лет?

— Я не думал, Вез, что ты догадаешься, хотя в целом и не удивился бы, если бы так все и было. То, что я вам сейчас расскажу, будет еще более невероятно. Физического расстояния, на котором находятся эти предметы, просто не существует. Оно, это расстояние, не имеет в данном случае никакого значения. Важнее то, что они находятся на расстоянии в тридцать тысяч лет от нас. Не световых! Временных!

Вез и Джон, вытаращив глаза, смотрели на него и молчали. Омниарх улыбнулся.

— Не смотрите, как оглушенные, друзья и соратники. Это факт, который я и сам только частично смог понять. По-видимому, клипы овладели временем в определенных границах. Они, вероятно, не могли путешествовать в свое прошлое. Но могли всякий предмет, даже невероятно больших размеров, задерживать во времени. А также могли посылать предметы в будущее. Думаю, что они не успели закончить свои изыскания в этой области. Что-то отвлекло их. Долгой дорогой дошел я до расшифровки записей, в которых говорилось о двух зондах без экипажей, посланных в далекое будущее. Собственно, один из них, сделанный с огромным размахом, я и назвал Вивариумом. Он так огромен, что даже такой корабль как «Берта» покажется игрушкой по сравнению с ним! Там, Джон Браузен, и находятся ваши женщины. Там, Вез До Ган, находится невиданное количество изделий и предметов клипов, которые я тебе пообещал, — он остановился, чтобы перевести дух, затем продолжил: — Предметы, которые мы сейчас добыли, находились на другом складе, построенном для обеспечения экспедиции, которую они собирались послать уже после постройки Вивариума. Мы можем только гадать, что произошло. Может быть, катастрофа, а может быть, и еще что-то. Нигде не осталось никаких следов. Можно предположить, что есть еще несколько подобных складов. — Он улыбнулся толстыми губами. — Где-то, приятели (может быть, я должен был сказать когда-то?), какой-то склад работает нормально, обеспечивая через тысячелетия снабжение этой экспедиции. А может быть, клипы продолжают существовать, и кража этих товаров, в конечном итоге, приведет к большим неприятностям для нас? А может быть, они со-

гласились с такой эвентуальностью, что кто-то неизвестный использует их запасы? Этого посылающие клипы узнать не могут. Только их отдаленные потомки в состоянии проверить, что на складах что-то пропадает. Но мне почему-то кажется, что они не существуют в нашем времени.

Джон первым оправился от потрясения:

— Этот... этот Вивариум... Ты говоришь, что там женщины. И что вильмутцы охотятся за ними...

— Да, Джон Браузен. Но они не смогут добраться до них, если, конечно, не поймают меня. Я был там два раза. Вильмутцы, конечно, ничего не найдут, потому что Вивариум находится вне нашей Вселенной!

— Что значит «вне нашей Вселенной»?!

— Последний раз я задержал его в нашем прошлом. К сожалению, точного понятия этого прошлого не существует. Каждый раз меняющиеся мгновения прошлого существуют раздельно друг от друга, при этом постепенно отдаляясь от настоящего. Это похоже на равномерно отстоящие плоскости, перпендикулярные к линии, которую называют временем, и движущиеся одна за другой.

Вез заговорил, и в его голосе сквозило недоверие.

— Ты оставил Вивариум в прошлом?

— Да. Это все, что я смог сделать.

У Джона от злости кровь запульсировала в висках:

— Ты хочешь сказать, что женщины недостижимы для нас?

— Недостижимы в нашей действительности? Да, прежде всего они недостижимы для Вильмута, пока остаются там. Но я могу и... должен, так как этого требуют интересы моей расы переправить ваших женщин и весь Вивариум в наше настоящее.

Вез До Ган неуверенно спросил:

— Если ты сам задержал Вивариум в прошлом, то как же ты сумеешь вернуть его?

Хелк выдавил из себя звук, соответствующий земному хихиканью:

— Не напрягай свой мозг, гохдонец, чтобы понять этот парадокс. Я уже сам участвовал в таком эксперименте. И должен сказать, что мое возвращение было очень простым, хотя я и ожидал его конца с определенным нервным напряжением. Не забывайте, друзья, что у меня уже очень долго находится эта игрушка, — и он показал на прибор дистанционного управления. — Я оставил его здесь в моей действительности и

запрограммировал на контроль и возвращение небольшого корабля, служившего мне в этом путешествии.

Через минуту ошеломленный Джон спросил:

— Как далеко в прошлом находится Вивариум? И... — он проглотил слюну, — женщины?

Темные, глубоко посаженные глаза Омниарха заблестели.

— Около тринадцати с половиной ваших минут, человек. Но это значит, что с таким же успехом они могли бы находиться и в другой Галактике.

Вез До Ган отошел немного в сторону, чтобы выслушать рапорт вошедшего офицера-гохдонца. Потом, улыбаясь, повернулся к Омниарху и Джону:

— Вещи клипов очень заинтересовали мое руководство. А это моментально меняет ситуацию! Конечно, нужно избегать открытой конфронтации с Вильмутом, но нам позволено любыми путями добыть то, что ты нам обещал. И не только моя гвардия готова отправиться туда, куда ты прикажешь. И нам дают все корабли, которые Гохд захватил в последнее время. Два очень похожих на «Луну» корабля, тридцать крейсеров, более ста малых «разведчиков». Все они полностью вооружены. А взамен я должен доставить все предметы клипов, которые будут обнаружены. И еще, — он подошел поближе к хелку, продолжая улыбаться. — Я забыл сказать о так называемом Вивариуме. Кое-что должно ведь перепасть и мне.

Хелк ответил улыбкой, но в голосе его чувствовалось нетерпение.

— Когда эта эскадра прилетит сюда?

— Через пятьдесят или шестьдесят долей. Как только удастся собрать все, что еще может летать!

Омниарх переступил с ноги на ногу.

— В таком случае считаю необходимым, чтобы мы отправились в путь. Оставим здесь только один корабль, как проводника. Мы не можем ждать!

Вез отрицательно покачал головой:

— При подготовке отлета мы едва ли уложимся в двести долей. К тому же нам требуется еще кое-какое вооружение.

Омниарх издал звук, похожий на гневный вскрик:

— Если нужно, то организуйте встречу позже. Но я настаиваю, чтобы все двинулось в путь как можно скорее. Остальные хелки будут постепенно подтягиваться к нам.

— Хорошо... — вынужден был согласиться Вез До Ган. — Где мы встречаемся?

Омниарх быстро подал таблицу с координатами. Джон знал это место. Далеко в области Дискретности, между рука-

вами спирали. Почти так же далеко, как и в последнем налете на биззов.

Вез вышел. Во время его отсутствия Омниарх сказал:

— Я не знаю размеров флота, который мы можем встретить. Хелкам-невольникам в сотнях мирах дан приказ захватывать военные или торговые корабли вильмутцев и добираться до места встречи. Вероятно, не все из них прибудут. Я побаиваюсь, что Вильмут вовремя раскрыл этот план, оповестив подчиненные ему планеты о возможном восстании хелков. Миллионы из нас погибнут и миллионы останутся заточенными в каторжных мирах...

Он посмотрел на Джона печальными глазами.

— Ты на своей шкуре почувствовал с какой жестокостью вильмутцы реализуют принятые решения. Когда-то они решили уничтожить твою расу, Джон. Сейчас они могут затеять то же самое и против моей. А мы не можем сделать так, как сделали вы: разбиться на маленькие группки и расселиться по множеству миров. Большой Самец не может допустить этого! Каждый из нас должен ощущать рядом и вокруг себя присутствие колоний. Мы должны воспринимать ощущение временных отрезков прошлого, настоящего и будущего. А это требует реализации нашей мечты о свободе.

В первый раз после Уничтожения Джон обрадовался, что в отличие от хелков все гуманоиды могут довольствоваться любыми условиями жизни и легко адаптироваться. Любой гуманоид технически развитой цивилизации в случае необходимости мог стать рабочим, или схватиться за оружие и воевать. Воевать даже голыми руками! Применять в бою зубы и даже ногти.

Он сел и устался на Омниарха.

— Тот... Вивариум, о котором ты говорил. Я понимаю, что там созданы все условия для жизни. Но пространство! Разве оно так велико, чтобы вместить миллионы твоих хелков?

— Да, Джон Браузен! Это кажется невероятным, но поверь, что это так. Я провел много часов, исследуя его автоматы и механизмы, провел несколько небольших экспериментов. И многие тысячи часов думал об этом. Но смог лишь в небольшой степени понять его возможности и способы функционирования.

В его глазах, вглядывавшихся в Джона, отразилось беспокойство:

— Даже способ, которым я намереваюсь обеспечить безопасность своей расы, для меня сплошная загадка. Я попро-

бую организовать группу самых квалифицированных специалистов, которые помогли бы мне изучить все, когда мы окажемся там, но я не уверен, что из них до цели доберется достаточное количество. И когда Вивариум перенесется в прошлое, там должны оказаться и все хелки. Это будет огромная и трудная задача.

— Ты из соображений безопасности не сообщал мне подробностей, когда это произойдет? А у тебя не будет трудностей с определением места, достаточно удаленного от Вильмута?

Омниарх улыбнулся.

— Независимо от того, как долго ты будешь путешествовать, это несравненно мало по сравнению с моим путешествием. Когда женщины покинут Вивариум, а их место займут хелки, нам надо будет перебросить Вивариум в далекое прошлое.

Большой Самец с Акиэля вошел в Центральный Пост управления и стал рядом с Омниархом.

«Как два волка», — подумал Джон. Он сидел в командирском кресле и внимательно всматривался в хелка. В конце концов, он спросил голосом его:

— А что вы будете делать, если это дело не выгорит? Если вам не удастся справиться с механизмами Вивариума?

— Тогда, — медленно произнес хелк, — наш род больше не будет иметь права на жизнь, раз не смог добиться свободы. Мы выработаем в своих организмах смертельный яд...

21

«Берта» мчалась сквозь гиперпространство. Джон, Барт и двое хелков стояли перед укрепленной в подвесках картой района, через который они пролетали. В иллюзорной сфере золотые блестки были часто сгруппированы на ее поверхности. Они показывали все корабли, сопровождающие «Берту». Это была только маленькая часть флота Джона, гвардия Вез До Гана, а также корабли, недавно приданные им гохдондами. Все они стремились в точку встречи, назначенную хелком. Ланге подошел к сфере, повернул ручку настройки — и рой кораблей тут же устремился внутрь сферы. На поверхности шара появилось большое яркое пятно. Оно состояло из маленьких ярких точек столь многочисленных, что пересчитать их было невозможно. Это была группа беглецов-хелков.

Барт внезапно посмотрел на Омниарха.

— Скажи, зачем сфера находится на подвесках?

Омниарх был погружен в свои мысли и, казалось, не слышал вопроса.

Ланге опять повторил вопрос, и только тогда хелк очнулся и ответил:

— Это своего рода амортизаторы и изоляторы, — он протянул руку и коснулся волосатой ладонью сферы. Тотчас же указатели в окошечках дрогнули, а изображение изменилось. — Ты видишь? Я дотронулся и все изменилось. Поэтому сфера должна быть очень надежно прикреплена и изолирована от вибрации и сотрясений. Должен заметить, что эти амортизаторы выполнены из специального пластика...

— Почему же эта игрушка просто не летает в воздухе на гравитационной подушке? — перебил его Барт.

Омниарх усмехнулся:

— Это уже другой вопрос, а на него я не могу тебе ответить.

Он снова стал наблюдать за детектором массы.

— С этого расстояния мы даже не можем увидеть какие там корабли, военные или грузовые. Зато мы сразу же можем заметить появление звездолетов Вильмута.

Хелк повернулся к Джону:

— Из соображений безопасности при выходе из гиперсферы мы должны рассеяться на миллионы миль. Беглецы будут постоянно прибывать и группироваться в небольшие отряды. Как ты намереваешься обеспечить порядок и охрану такого количества кораблей?

Джон задумался. Он представил себе огромное стадо овец, охраняемое несколькими пастухами и парой собак в дикой, полной волков степи.

— Я предлагаю, — сказал он, — после встречи сформировать колонну, которая начнет двигаться на гравипроводе в направлении цели. Таким образом, мы будем своевременно обнаруживать всех опоздавших, которые будут выходить из гиперпространства. Большинство наших сил, в случае чего, выйдут навстречу звездолетам Вильмута, если они появятся на нашем курсе. Одновременно по бокам и сзади колонны на равных расстояниях мы разместим «вооруженных разведчиков».

Барт нервно произнес:

— А если какие-нибудь опоздавшие появятся прямо по курсу движения колонны?

Джон пожал плечами.

— Наш план исключает такую возможность.

— Да, — кивнул Омниарх. — Кроме того, я предложил

бы запланировать несколько небольших прыжков в нульпространство, чтобы избежать встречи с вильмутцами. Прыжки не вдоль нашего курса, а несколько в сторону, чтобы сбить их с толку. Джон поднял брови.

— Но это чревато происшествиями! Мы можем потерять кучу кораблей из-за того, что они вовремя не получают нужную информацию или из-за каких-нибудь поломок при прыжках.

Омниарх долго смотрел в сторону.

— Без сомнения. Без этого наше предприятие не обойдется. Хотя, конечно же, надо постараться свести потери к минимуму. Но, как говорите вы, люди, на войне, как на войне!

Ожидание становилось невыносимым.

— Выход!

Джон постарался одновременно контролировать показания детектора массы и экрана внешнего обзора.

О, боже! Две тысячи двести семьдесят девять кораблей на обычном удалении от них! И количество их непрерывно росло! Шар детектора массы покрывался мелкой пылью изображений кораблей по мере того, как очередные корабли выходили из гиперпространства.

Цифры на экране компьютера мелькали, не успевая сменять одна другую. Темп нарастал. Минуты, десятки минут, часы тянулись в тягостном напряжении. Минута — и блеск! Минута — и три блеска! Две минуты — два блеска! Три минуты...

Джон смотрел на Омниарха.

— Ты установил временные границы для их появления?

— Они уже прошли, — темные глаза Омниарха внимательно следили за экранами. А количество кораблей намного меньше, чем я ожидал. Мне трудно говорить об этом... Но тем не менее, двинулись!

Джон пробежал взглядом по детекторам дальнего обнаружения. До сих пор чужих кораблей замечено не было. Или, быть может, их скрывал блеск своих? Ведь большинство кораблей беглецов было украдено у вильмутцев. Сколько, интересно, шпионов могло скрываться на них?

Он повернулся к Омниарху:

— Мы оставим здесь один звездолет как маяк, который отправит последних прибывших к месту встречи.

— Если ты считаешь, что так будет безопасно, Джон Браузен, оставляй.

Омниарх неподвижно стоял рядом с интеркомом. Затем резким движением дотронулся до клавишей компьютера. В

зале стали слышны голоса хелков-пилотов и командиров кораблей, докладывающих о состоянии звездолетов и количестве пассажиров на борту.

— Омниарх! Прежде всего выясни, сколько всего у нас имеется военных звездолетов и какого класса? И самое главное, убедись, что говоришь именно с представителями своего рода.

Хелк усмехнулся, а Большой Самец придвинулся и произнес:

— Не бойся, командор! Если мы уже начали восстание нашей расы, то ни один из нас не изменит Омниарху. Оставшиеся Большие Самцы или воины скорее погибнут в бою, сражаясь до последнего дыхания, чем запятнают свою честь предательством. Все наши сородичи никогда не смогут даже представить себя изменниками.

Джон с сомнением кивнул, оставляя проблему шпионов Омниарху.

— Выбери корабль, который мы оставим здесь, — сказал он старому хелку.

— Я уже выбрал. Тяжелый крейсер с полным вооружением и оборудованный сенсорно-лучевыми радарам. Он сейчас приближается к колонне сбоку. К твоему флоту мы добавляем одиннадцать боевых кораблей, Джон Браузен. Пять тяжелых и шесть средних крейсеров. Кроме этого, тебе будут приданы двадцать три «вооруженных разведчика». Они не имеют комплекта торпед, так как находились в ангарах, откуда их похитили.

Джон нахмурил брови.

— Это будет не очень большая помощь, если нагрянут большие силы противника.

— Пускай только сунутся. Свобода или смерть!

Джон скривился как от страшной зубной боли. Такое положение дел его не устраивало. Но делать было нечего. Остутать уже было поздно. Вдруг на экране появились новые точки.

— Домиано! — крикнул он в микрофон.

— Да, сэр!

— Подготовка к гиперпрыжку. Готовность номер один! Быстро! Корабли противника!

— Есть, командор!

Активизировались системы корабля, обеспечивающие прыжок. Задержав дыхание, Джон наблюдал на экране внешнего обзора за кораблем, который был им оставлен в арьергарде. Дюжина или больше только что появившихся точек нача-

ли окружать его. Внезапно на детекторе появились новые корабли и сходу вступили в бой на гравипроводе. Скорее всего, это были опоздавшие хелки, которые вырвались из гиперпространства и, оценив безнадежность ситуации, ввязывались в столь безнадежный бой, даже не пытаясь бежать. Блестящие огоньки кораблей хелков гасли один за другим, по мере того, как их настигали торпедные залпы вильмутцев.

Одному из кораблей обороняющихся удалось исчезнуть без помощи Вильмута, что означало, что он ушел в гиперпространство. Но куда он попадет? Ведь у экипажа совершенно не было времени для правильной ориентации прыжка! Хелки, находившиеся на его борту, были обречены на верную смерть. Оторвавшиеся от своего рода, они были похожи на муравьев, оставшихся без муравейника.

Медленно тянулось время. Вытянутый рой огоньков, высвеченный детектором, плавно разворачивался. Огромное их количество должно было рассредоточиться, чтобы при выходе из гиперсферы корабли не оказались «наложенными» друг на друга с последующим взаимным уничтожением. Со всех звездолетов, за исключением «Берты», нельзя было наблюдать из гиперсферы, что делается в нормальном пространстве. Находясь в прыжке, они были глухи и слепы.

— Джон! — голос Барта позвал командира к пространственной сфере. На самом ее краю появилась пурпурно-голубая точка, медленно перемещающаяся в центр сферы.

— Ты помнишь это?

Джон помнил. Он тут же повернулся к Омниарху:

— Мы движемся туда?

— Да, Джон Браузен!

— Мы уже были в этом месте!

— Да, командор! — Барт улыбнулся. — Но на тридцать минут позже.

И снова потянулось время, которое двигалось все медленнее и медленнее, хотя, как показали сенсоры и компьютер «Берты», все корабли хелков держали хороший темп. Однако некоторые из них оторвались от колонны настолько, что с трудом можно было уловить их сигнал. Джон и Вез присоединились к прогуливающемуся по палубе Омниарху.

— Как интересно, — сказал Джон, — каким образом эта система детекторов может регистрировать такие дальние корабли и отличать их от неподвижных объектов?

— Это связано с потреблением энергии. Даже на неподвижном корабле протекают энергетические процессы: регенерации воды, воздуха, работа аппаратуры и датчиков. Когда

происходит пуск двигателя, то энергетическое излучение меняет свою частоту и вид. Это и регистрируется. Если же корабль будет мертв и его энергетика заморожена, то наши приборы, конечно, не смогут его обнаружить.

Джон пожал плечами и стал ходить по рубке. Время шло. Стрелка хронометра медленно двигалась по кругу. Приблизилось время выхода, когда все подняли головы и посмотрели на нее. Тонкая дрожащая стрелка сделала еще пару прыжков и...

ВЫХОД!

Экраны внешнего обзора были залиты огнями. Ожило радио. Из динамиков послышались различные слова. По-английски, по-гохдонски, на языке хелков. Заревела сирена. Джон посмотрел на приборы, ориентируясь в пространстве и определяя местоположение ближайших к ним кораблей, и отключил сирену. Омниарх, припав к экранам, комментировал увиденную картину.

— Два корабля вынырнули из гиперпространства и оказались частично вошедшими друг в друга. Произошла аннигиляция и пространство заполнилось продуктами распада. Два крейсера докладывают о неисправностях систем управления огнем.

Джон быстро сориентировался.

— Пускай отойдут от колонны подальше, на случай, если произойдет самопроизвольный пуск торпед.

— Они уже получили приказ сделать это.

Снова начался хаос. Корабли, которые во время прыжка отошли от колонны, стали сбиваться в клубок. Джон переключил управление на компьютер и с беспокойством стал наблюдать за детекторами массы. Вильмутцы могли захватить в плен хелков, которые были ранены, и узнать из их памяти место встречи. Он смотрел на экраны, где транслировалась картина внешней стороны рукава спирали и представил себе целый флот, мчащийся к ним через гипersферу с неумолимой неотвратимостью.

Затем он увидел, что Омниарх включил прибор дистанционного контроля клипов и начал вращать рукоятки. Джону хотелось крикнуть: «Поторопись же! Быстрее!», но он все же сумел сдержаться.

На мгновение Омниарх прервал свое занятие и сделал глубокий вдох, раздувший его и без того огромное тело. Две волосатые руки задрожали.

— Быстрей, хелк!

Казалось, что Омниарх сидит так уже много часов. Его ру-

ки медленно манипулировали рукоятками, глубоко посаженные глаза всматривались в показания датчиков. Внезапно он что-то нажал, опять вздохнул и медленно встал. Джон машинально бросил взгляд на хронометр — прошло не более четверти часа.

— Сколько еще это может продлиться? — не выдержал Барт.

Темные глаза повернулись в его сторону

— Не более двух минут.

Джон смотрел на часы и не верил, что секундная стрелка может двигаться так медленно. Минута... Семьдесят секунд... Он посмотрел на сферу. Нет, там пока ничего опасного не было.

Они не были в гиперсфере, и поэтому ему приходилось следить за обычным детектором массы. Что он ожидал?

От времени, обещанного Омниархом, оставалось четыре секунды... две... одна...

Стрелка прошла отметку и двинулась дальше. Ничего не произошло. Не вышло! НЕ ВЫШЛО!!!

Джон почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. И вдруг, без предупреждения, без звука произошла какая-то перемена. Все палубы и рубка управления осветились пурпурно-голубым светом.

Джон с трудом втянул в себя воздух. В голове мелькнула мысль, что это какое-то смертельное излучение, от которого он распадается на составные части, даже не ощущая боли. И в самом деле, он ничего не чувствовал, кроме, разве что, странного напряжения. Но это было ему так знакомо... Он сосредоточился. Ну, конечно же, это был страх!

Вез что-то сказал, спокойный голос Омниарха возразил:

— Это всего лишь выделение энергии перехода. Конечно же ее видно на миллионы миль. Посмотрите на передние экраны.

Джон выдохнул воздух и услышал голос Ральфа, кричащего по радио:

— Командор! Оно имеет длину более двухсот миль и десять миль в диаметре. Но детекторы массы...

Сирена завывала с некоторым опозданием. Джон с трудом протянул руку, чтобы выключить ее. Откуда взялась здесь эта огромная масса? Она материализовалась из ничего, внезапно проявилась в этой действительности. Все сенсорные датчики кричали об этом, не оставляя больше никаких сомнений.

Он увидел, что Омниарх что-то бормочет в микрофон на языке хелков, показывая волосатой рукой на экраны. Затем

он увидел маленькую точку, которая мчалась рядом с появившимся огромным объектом. Джону хватило времени, чтобы сообразить, что это, и крикнуть:

— Цолл! Направь телескоп на этот маленький корабль хелков!

Воцарилась тишина. Через несколько минут Ральф отошел:

— Командор! В неизвестном объекте образовалось отверстие, куда и влетел корабль.

Вез До Ган закончил свое кружение по палубе и остановился возле Омниарха:

— Я разделяю твое беспокойство о судьбе твоих сородичей, а также желание Джона заполучить женщин. Однако, мои цели заключаются в приобретении предметов, изготовленных клипами. Когда же мое желание исполнится?

— Когда первый исследовательский звездолет сообщит нам, что нет преград для моих сородичей, и они смогут начать загрузку Вивариума. По-видимому, из-за их разбросанности они не сразу смогут собраться вместе, да это и ни к чему, так как может начаться столпотворение, если все ринутся разом, хотя Вивариум и такой большой. Самое главное: полеты кораблей будут происходить через главный шлюз. И как только начнется погрузка, все пойдет как по маслу, и вы сможете заняться своими предметами, Вез. Естественно, в это же время Джон Браузен сможет вывести женщин. В сегмент, где они находятся, можно попасть только на корабле типа «разведчик». Что же касается твоих предметов, гохдонец, то я не смогу уделить им много времени, как и вам для дачи объяснений. Вы будете заниматься своими делами сами. Тем более, что множество предметов можно будет грузить на корабли прямо внутри Вивариума.

Вез не без повода изобразил на лице кислую мину.

— Спасибо и на том, хелк. По крайней мере, я проинформирую своих подчиненных о предстоящей тяжелой работе.

Джон хотя и внимательно вглядывался в экран внешнего обзора, все же пропустил появление маленького «разведчика», вынырнувшего из исполинского тела Вивариума. Ральф Цолл заметил его первым и доложил:

— Командор! «разведчик» хелков! Квадрат 2-4.

Джон увидел, как Омниарх, старый, сильный хелк, уже начал отдавать приказания своим соплеменникам. Он повернулся к Джону, и тот заметил, что глаза его горят торжествующим огнем:

— Большинство женщин живы и чувствуют себя превос-

ходно. Мне жаль, что несколько из них погибли. Поверь, я в этом не виноват. Я предлагаю вам подняться на борт «разведчика» и тотчас же отправиться в Вивариум.

Корабли Веза и Омниарха отплыли в сторону, и «вооруженный разведчик», на борту которого находились Джон, Колтер и четверо других обалдевших от впечатлений мужчин, помчался к шлюзу, казавшемуся неправдоподобно маленьким на огромном теле Вивариума.

Однако внутри пространство оказалось столь огромным, что создавалось впечатление, будто внутри находится сам космос, только без ярких точек звезд. Несколько слабых огоньков исходило от кораблей, находившихся уже внутри.

В туннеле, в который вошел их корабль, они почувствовали, что просто потерялись. В конце концов они влетели в люк, которым кончался туннель, и обнаружили описываемый Омниархом центр круга.

Фред Колтер, сидящий в кресле второго пилота, направил мониторы на огоньки, горящие впереди. На экране высветился «разведчик». Джон наклонился над микрофоном:

— Говорит Браузен. Вызываю Омниарха. Это не ты летишь впереди нас?

— Да, Джон Браузен, если только мой оператор правильно идентифицировал твою радиоволну. Как дела? Ты мог когда-нибудь ожидать, что окажешься внутри солнца?

— Не понял, — Джон наморщил лоб.

— Шахта, в которой мы находимся, проходит через середину другой, более крупной шахты. А наружная поверхность этой большей шахты излучает тепло, свет и другие виды энергии к сегментам Вивариума. Эти сегменты имеют вид плоских цилиндров, установленных рядом с другой шахтой, параллельной солнечной вдоль их оси. И солнечный свет является отличным для разных сегментов. Представляешь себе?

— Весьма туманно, — наморщив лоб, Джон вглядывался в приборы.

Температура на обшивке корабля не поднималась!

— Не удивительно. Изоляция между шахтами весьма совершенна.

В пространстве между ними находится также огромное количество автоматов, обеспечивающих функционирование Вивариума, а также автоматические заводы, обычно не работающие, если не требуется их продукция. Там же находится и двигатель с гигантским запасом топлива, аппаратура движе-

ния в гиперсфере, а также приборы для работы со временем. Именно там и найдет Вез До Ган большую часть вещей, которые осчастливят его.

Омниарх захихикал.

— Я должен лететь дальше, Джон Браузен. Через минуту вы увидите корабль, который я оставил, чтобы указать вам вход в сегмент с женщинами. Советую вам входить осторожно; гравитационные условия и область, в которой они живут, достаточно своеобразны. Я бы с удовольствием проводил тебя, но боюсь напугать ваших женщин.

22

Это был длинный коридор, не слишком широкий даже для малого «разведчика», имевший боковые ответвления, которые, вероятнее всего, связывали внутреннюю и наружную шахты. Когда, наконец, они миновали очередной переход, их взору открылось огромное пространство. Джон зачарованно смотрел на панораму, раскинувшуюся перед ним. За несколько секунд они пролетели несколько миль над поверхностью этой гигантской площадки. Вверху, над ними, на огромной высоте проходила труба (примерно полмили в диаметре). Только небольшая ее часть, тот конец, со стороны которого они влетели, была темной. Остальные тридцать миль этой трубы излучали яркий желтый свет. Это и было местное «солнце».

«Суша» покрывала огромные стены цилиндрического сегмента шириной около восьмидесяти миль. На краях возвышались горы, в середине были долины и поблескивала вода — большие водоемы, в которые впадало несколько рек. Местность между реками и горами была поросшей лесом и небольшим кустарником. Трава и некоторые деревья имели привычный зеленый цвет, но были растения желтого и оранжевого цветов. На вершинах гор вдоль близлежащего хребта лежал снег. Видимо, «труба» давала не только освещение, но и смену времен года.

В голове у Джона сильно пульсировала кровь. Он направил корабль вбок, вдоль континента. Они летели довольно низко, не более десяти миль над поверхностью. Джон быстро застучал по клавишам, вводя в компьютер запрос, и через минуту машина выдала ответ, что на поверхности гравитация равна земной.

Затем он дрожащими руками направил телескоп на то место, где, по словам Омниарха, десять лет тому назад были оставлены женщины.

Но ничего не увидел.

— Вероятно, — бормотал он, — с тех пор они перенесли свой лагерь куда-то в более удобное место.

Он окинул взглядом экраны внешнего обзора.

НИЧЕГО!!!

Фред Колтер стоял за его спиной.

— Омниарх упоминал какой-то ручей. Он говорил, что лагерь находится возле устья ручья, впадающего в небольшое озеро.

Джон внимательно вглядывался в проплывающую под ним местность. Его беспокоила боль в легких и желудке, от напряжения дрожал каждый мускул. Пусто! А день уже кончался...

Они спустились пониже и начали описывать медленные круги.

Внезапно Фред схватил Джона за плечо и закричал:

— Там! Вон там! Палатка! — тыкал он пальцем в экран.

Джон с трудом смог затормозить корабль.

С пистолетом в руке, на случай встречи с опасными животными, Джон вышел из люка. Запах травы напоминал Землю, но кусты вдоль ручья имели странный оранжевый цвет. Со стороны этих кустов доносилось слабое странное позвякивание. Рядом с Джоном шел Фред, а в нескольких шагах позади — остальные мужчины. Они бесшумно подошли к краю поляны и остановились в зарослях, наблюдая за лагерем. Он казался вымершим. Нервы Джона были натянуты до предела, он с трудом проглотил слюну. О, боже, как было бы хорошо сейчас попробовать хоть немного дрона... Глубоко вздохнув, Джон крикнул: «Эй!»

Но из горла вырвался какой-то сдавленный непонятный звук. Следующая попытка оказалась удачнее.

— Э-эй!!

В пятидесяти ярдах от них из зарослей донесся какой-то смутный, сначала отдельный, полный удивления вскрик, а потом и множество голосов.

И вдруг Джон и его товарищи на какое-то мгновение потеряли разум. Они побежали к этим кустам, одновременно что-то крича.

В глубине зарослей раздались крики и радостный плач, плач женщин!

И Джон сломя голову бежал на этот плач.

И тут из-за кустов появилась первая женщина...

Воцарилась странная, напряженная тишина. Две группы

людей резко остановились и стали настороженно рассматривать друг друга.

Джон ощутил резкую боль в груди и испугался, что может не выдержать сердце.

Внезапно из группы женщин раздался тихий, полный недоверия, удивления и отчаяния голос:

— Фред?

Колтер на секунду задержал дыхание, затем втянул в себя воздух, как рыба, выброшенная на берег.

— Элиза?

Женщина, проскользнув между подругами, вышла из группы. Фред побежал ей навстречу. Они молча обнялись. Теперь слова не имели никакого значения.

Остальные стояли и смотрели на них некоторое время, не двигаясь. Но затем обеими группами овладели ничем не сдерживаемые рыдания, и они бросились друг к другу...

23

Эвакуация женщин из Вивариума заняла четыре часа. И все это время Джон провел за пультом управления «Берты», тревожно ожидая появления блестящих точек, — кораблей Вильмута, которые в любой момент могли появиться в опасной близости от них, вынырнув из гиперсферы. Экраны дальнего обнаружения «Берты» показывали роение далеких «разведчиков» врага, которые обшаривали отдаленные рукава спирали, постепенно приближаясь к ним. Но пока что люди не были обнаружены.

Он сделал перерыв только для последнего похода в Вивариум за остатками личных вещей женщин. Его сопровождали четверо мужчин и молодая женщина по имени Лиза Дувал. Она была Старшей среди этой небольшой колонии землян. Она была небольшого роста, с очень гибкой и подвижной фигурой. Она была немногословна, но ее карие глаза с интересом следили за всем, что ее окружало. Пролетев вдоль центральной шахты к сегменту, они приземлились возле лагеря.

Когда были собраны все вещи, включая даже старые кресла и обломок зеркала еще земного происхождения, Лиза притихла, рассматривая опустевшее место, некогда бывшее их домом. Ее глаза стали влажными. Джон понимал девушку, ведь здесь прошло ее детство и первые девичьи годы. И ничего не было удивительного в том, что она ощущала печаль, навсегда оставляя это место.

Она повернулась к нему:

— Я знаю, что у нас мало времени и нужно торопиться с отлетом, но я хотела бы кое с кем попрощаться.

Джон с немим удивлением посмотрел на нее.

— Неужели, кто-нибудь спрятался и не хочет улетать? Почему же вы не захотели сказать нам об этом?

Она энергично покачала головой.

— Нет, нет. Это не человеческое существо, — она посмотрела ему прямо в глаза.

Он нахмурился и буркнул:

— Ну что ж, улаживай это дело, но как можно быстрее.

Они двинулись по тропинке, проложенной вдоль ручья, вдоль странных звенящих кустов, до лужайки, обрамленной деревьями, похожими на земные тополя. Они обошли возвышенность небольшого холма и вышли на берег озера.

Толстое создание с черным мехом, весом около пятидесяти фунтов внезапно появилось из норы на берегу и направилось к ним. Джон ничуть не испугался и с удивлением смотрел на это странное создание. Только сейчас он разглядел чужое поселение с многочисленными норами в береговом откосе, возле каждой норы находилось что-то похожее на веранду с террасой из сплетенных веток.

Вблизи животное напоминало очень большого и толстого бобра.

Оно имело большие мощные зубы, выпирающие из пасти, и приближалось к ним быстрыми плавными шагами.

Джон немало удивился, когда животное заговорило:

— Лиза! А я боялась, что ты не придешь попрощаться с нами.

— Я бы никогда так не поступила, — сказала девушка. — Но мы спешим и не можем долго задерживаться.

По щекам существа что-то пробежало, и Джону показалось, что это были слезы.

— Мы будем тосковать без вас. Нам будет очень не хватать тебя, Высокая Без Меха. Высокая Добрая Соседка.

Лиза тоже заплакала.

— Мы тоже будем скучать о вас, Добрые Соседи. Прощайся за меня и за нас всех со своим мужем, твоими детьми и всем твоим племенем.

— Я сделаю это, Высокая Соседка. Мы очень рады за вас, что наконец-то нашли ваши мужчины и прилетели за вами, — толстое создание подняло свои влажные глаза на Джона. — Вы сейчас увезете их навсегда?

— Мы должны это сделать, Милая Соседка.

— Мы никогда не забудем вас, — сказала Лиза, шмыгая

носом. — И всего того, что вы сделали для нас. Мы навечно ваши должники и будем молиться за вас каждое утро и вечер.

— Да, вы были хорошими соседями. Мы вместе прятались от Большого Зверя, — вздохнуло существо. — Что мы теперь будем делать без вас? Мой муж сейчас делает оружие, однако что оно сможет сделать в наших слабых лапках?

— Другие существа, — сказала Лиза, — сильные и добрые будут жить здесь. Они не дадут вас в обиду Большому Зверю!

Существо забеспокоилось:

— Они большие? У них есть клыки? Они не будут есть нас?

Лиза вопросительно посмотрела на Джона.

— Хелки — цивилизованная раса. К тому же, они травоядные.

Девушка медленно встала с травы.

— Мы должны идти, Добрая Соседка, — произнесла она, вытирая слезы. — Должны.

Слезы обильно потекли по щекам существа.

— Прощайте навсегда. Могу ли я назвать тебя нашим именем? Мой муж говорит, что невозможно, потому что ты другой расы.

Лиза кивнула:

— Я согласна, Добрая Соседка.

Существо встало на задние лапы и, подражая людям, поклонилось:

— До свидания, Наименьшая из Клана.

Лиза тихо плакала, пока они быстро шли к кораблю. Джон напоследок обернулся — толстое создание, неподвижно застыв на месте, печальными глазами смотрело им вслед.

Ситуация, сложившаяся на борту «Берты», была неожиданной и удивительной. Джон не смог объяснить ее, однако рассуждая логически, понял, что так и должно было быть. Однако Вез и горстка гохдонцев-специалистов, составляющих часть экипажа корабля, казалось, совсем не удивлялись этому.

Фред и Элиза Колтер разместились в отдельной каюте.

Остальные же женщины и мужчины странно уклонялись от образования пар и создания семей. Женщины хотели и дальше жить группой в какой-нибудь части «Берты». Того же хотели и мужчины. Это отнюдь не значило, что среди них не возникало связей (о которых все знали и постоянно подшучи-

вали друг над другом), но, пока еще преобладало взаимоуважение личной независимости. Быть может, это было следствием долгой жизни обеих групп в изоляции, а может быть, было порождено чувством большой ответственности, какого-то значительного самопожертвования для будущего своей расы. Во всяком случае, почти не было проблем с соперничеством, хотя мужчин и было больше, чем женщин в два раза.

Переход хелков в Вивариум был уже почти закончен. Флот Вильмута, продолжая поиски, неумолимо приближался к границам действия детекторов, которыми они могли обнаружить людей.

Джон и Вез в нетерпеливом ожидании прогуливались по рубке управления. Время от времени они встречались лицом друг с другом, хмурили брови и расходились в разные стороны. В конце концов, Вез не выдержал, остановился и заговорил с Джоном, глядя ему прямо в глаза:

— Приятель, я должен уладить с тобой кое-какое дельце.

Джон вздохнул и тоже остановился.

— Ты имеешь в виду, сколько нам еще придется торчать здесь, охраняя Вивариум?

— Несомненно. Ты получил своих женщин, а я свои предметы. И мы понимаем друг друга. А наше понимание Омниарха и его целей не столь полное и не такое тесное. Должны ли мы откладывать осуществление своих планов и замыслов, ожидая пока он попусту тратит время, изучая управление Вивариумом?

Джон внимательно посмотрел на собеседника.

— Я думаю, что он вот-вот кончит. Не забывай, что наш договор обуславливает это время для его нужд.

— Я это прекрасно помню. — Вез был раздражен. — Но сколько продлится это время?

— Не знаю. Но насколько я себе представляю, он занимается не пустопорожними разговорами, а делом, не уделяя времени даже для сна, отдыха и еды.

Вез со злостью раскрыл ладонь в знак согласия.

— Не делай из меня палача, Джон Браузен! Я ведь не ратую за то, чтобы мы тотчас же убрались отсюда. Но сколько же может длиться это ожидание?

Джон удержал закипевшую злость.

— А ты постарайся не делать из меня машину с запрограммированными ответами. Хорошо? Я не хочу отвлекать его по пустякам, но все-таки свяжусь с ним и спрошу.

Вез изобразил на лице хмурую мину, словно этот ответ его не удовлетворил.

Видеосвязи с Вивариумом не было (почему-то этот вид волн его стены не пропускали), поэтому они не видели выражения лица Омниарха, но в голосе его чувствовалась чрезвычайная усталость.

— Я понимаю ваше нетерпение, но ничего не могу поделать. Наша работа дала определенные результаты, но они еще не совсем те, которые нужны. Ситуация сложилась так: я почти уверен, что смогу овладеть аппаратурой движения во времени, однако в разных частях Вивариума мы натолкнулись на повреждения в управляющих цепях. Эти повреждения не являются следствием метеоритных атак, а скорее всего произошли из-за какой-то внутренней аварии очень много лет назад. Я не обратил на это внимания, когда был здесь в последний раз. Есть даже пролом в стенах между сегментами. Может быть, твои женщины могут об этом что-то рассказать. Я не знаю, могут ли другие повреждения механизмов повлиять на прыжок во времени. Ты помнишь, что я отправил Вивариум из нашей действительности в прошлое на несколько минут. На этот раз я должен отправиться с ним на тысячу лет назад для того, чтобы Вильмут навсегда забыл о такой расе как хелки. Мы сейчас работаем очень много, пытаюсь обнаружить каждую неисправность и ее влияние на работу аппаратуры. Я прошу вас об одном: дайте мне еще десять часов! Вы можете сделать это?

Джон посмотрел на Веза, который со злостью сделал подтверждающий жест открытой ладонью.

— Мы сделаем это! И желаем тебе счастья, — сказал Джон.

24

Круговой поиск вражеских эхо-сигналов продолжался. Детекторы дальнего обнаружения не регистрировали приближения чужих кораблей. Так прошли два часа, потом следующие два. Джон уже стал надеяться, что вильмутцы уже потеряли надежду отыскать беглецов в этом районе космоса.

И вдруг подала голос сирена.

Джон взглянул на шар детектора массы... О, боже! Район вокруг центра шара был полон мощных сигналов. Компьютер детектора выдавал данные: тысяча четырехсот... тысяча шестьсот... две тысячи... Никогда, за исключением собравшихся в своих звездолетах хелков, он не видел такого огромного флота. И все корабли были военными!

Нажав несколько кнопок, он пробежал взглядом по экра-

нам, и опять его пальцы пробежали по рядам кнопок. В интеркоме послышалась смесь голосов на английском, на гохдонском и на языке хелков (несколько их боевых звездолетов охраняли вход в Вивариум). Он не мог ожидать от них многого. Только бы устояли хотя бы на своих местах! Он глянул на Вез До Гана. И через мгновение тот забормотал приказы подчиненным.

Все было ясно и просто.

— Приготовиться к бою!

Голос Домиано включился в общий разговор:

— Командор! Омниарх хочет поговорить с тобой!

Джон на секунду заколебался, потом ответил:

— Давай его!

Радиоволны с трудом пробивались через эфир — Джон едва различал слова хелка:

— Джон Браузен и Вез До Ган! Мы зафиксировали появление флота Вильмута. Я не могу вас просить об организации обороны против такой армады. Но я прошу у вас всего несколько минут — десять или пятнадцать... Если вы сможете столько продержаться, то мы рискуем включить аппаратуру в том состоянии, в каком она есть сейчас. Если все пройдет нормально, то Вивариум исчезнет с ваших глаз навсегда. Тогда вы сможете стартовать с чистой совестью и нашими наилучшими словами за содеянное. Самое большое пятнадцать минут. Согласны?

Джон повернулся к Везу. У гохдонца было странное выражение лица. Браузен почти догадался, о чем думает этот человек. Решиться остаться здесь на пятнадцать минут... Они оба понимали, что с их флотом шансов у Омниарха неизмеримо больше, чем без них, даже за эти пятнадцать минут. Вез раскрыл ладонь в согласии.

Джон коротко бросил в микрофон:

— Только пятнадцать минут! Держись!

И занялся приготовлениями к этому поспешному бою, который ему сейчас предстоял.

Внезапно из динамика донеслись спокойные, но очень знакомые слова — в рубке послышался голос вильмутца:

— Вез До Ган? — поинтересовался голос. — Отзовись, если ты на борту одного из этих жалких суденышек!

Гохдонец вздрогнул и заморгал глазами, затем засмеялся и сделал жест открытой ладонью. Джон, первоначально застигнутый врасплох, пришел в себя и понял — если враг хочет говорить, то это просто замечательно!

Вез наклонился к микрофону:

— Здесь Вез До Ган! Кто спрашивает меня и зачем?

Из динамика раздался звук, похожий на хихиканье и бормотанье одновременно.

— Меня зовут Бульвенорг, я назначен главой всего этого флота, цель которого тебе, без сомнения, ясна. Как тебе нравится мое небольшое соединение, гохдонец? Кстати, мы с тобой когда-то встречались на конференции по делам мелких изменений в соглашении между нашими империями. Понимаю, что ты сейчас занимаешь позицию, аналогичную той, которую я занимал совсем недавно.

На лице Вез До Гана отразились гордость и превосходство, когда он ответил:

— Я хорошо тебя помню, Бульвенорг. Ни одному из нас не удалось повлиять на результаты конференции, но сейчас у нас есть шансы, не так ли? Кроме этого, я тоже выполняю специальную миссию. Да, если говорить о твоих кораблях, то, без сомнения, это импозантное зрелище. Беря также во внимание прежнюю ситуацию... Я почти уверен, что цена сражения немного другая, чем в тот раз. Мне было бы по-настоящему жаль, когда бы пришлось это доказывать таким способом.

Раздался издевательский смех.

— Ты можешь легко избежать этого. Скоро мы поболтаем с тобой в другой обстановке. Да, кстати, это ты приложил руку к военным беспорядкам на территории бизхов? Знаю, что эти нападения были осуществлены несколькими недобитками, случайно уцелевшими отдельными особями земной расы, которая была настолько глупа, что рассердила нашего властителя одной из провинций. Мне пришла в голову мысль, что эти отщепенцы сейчас могут быть с тобой. Ты можешь успокоить мое любопытство, подтвердив это допущение? Хотя, собственно, это не имеет никакого значения.

Джон тотчас же отозвался, опередив Веза. Может быть, это было и глупо, но он уже не мог сдержаться от бешенства.

— Говорит один из этих отщепенцев, Бульвенорг! Я всегда к твоим услугам! Могу ли я что-нибудь сделать для тебя, кроме одного — убить?

Следующее мгновение только шум работающей аппаратуры нарушал молчание. Даже переговоры других кораблей стихли, и Джон понял, что все прислушивались к их диалогу. Затем вильмутец заговорил:

— Это случайно не Джонатан Браузен?

— Что с того?

Бульвенорг вздохнул:

— В общем-то ничего. Это подтвердило еще одно мое

предположение. Ты великолепный тактик, Браузен. Я даже начинаю жалеть, что твоя раса была уничтожена нами. — Вильмутец сделал короткую паузу, затем обратился к Везу:

— Гохдонец, война между нашими империями не является ни твоим ни моим делом. Пойдем на компромисс. Забудем об этой небольшой, хотя и неприятной операции с хелками. Я понимаю ее цель. И если тебе это интересно, то я даже солидарен с тобой... Ты получил все, что хотел. Ты можешь оставить себе несколько этих мужчин, если питаешь к ним какие-то сентиментальные чувства или считаешь их очень ценными наемниками. И несколько кораблей, которые ты захватил, можешь оставить себе. — Он помолчал. — Все, что я хочу, это вон то, громадное, на что я сейчас смотрю, а кроме того, всех хелков, понимаешь, всех до единого, они должны получить по заслугам. И вон тот огромный звездолет, на борту которого они наверняка находятся.

Вез посмотрел на Джона и улыбнулся. Затем сказал в микрофон:

— Ты просишь меня о вещах, которые я тоже не понимаю. Могу сказать только одно, что знаю об этом огромном теле, о котором ты упоминал, только то, что видел, как все хелки вошли в него. И, по крайней мере, ни один из них до сих пор не вышел наружу. Думаю, что они хотят остаться там. Как ты знаешь, рабство не является характерной чертой цивилизации Гохд, оно противоречит всей нашей этике, поэтому ты не должен просить меня помочь тебе в поисках беглецов. А если говорить о корабле, то он мой, и на его борту нахожусь я со своим экипажем. А это значит, что он является суверенной территорией Гохда...

Бульвенорг прервал его:

— Остановись, Вез До Ган! Неужели ты думаешь, что моя империя позволит оставить в ваших руках такое количество изделий клипов? Думаю, что пора уже заканчивать эти наши ненужные разговоры!

И в подтверждение этого на экранах радаров и детекторах массы появилась туча торпед первого залпа. Бульвенорг констатировал:

— Если ты не выполнишь моих требований, то мы, я с сожалением должен проинформировать тебя об этом, начинаем войну с вашей империей.

Вез потемнел от злости.

— Мы — не хелки, Бульвенорг, и у нас не одна безоружная солнечная система! Мы сумеем постоять за себя! А что касается твоих угроз...

Тихий голос Домиано раздался из командирского динамика:

— Командор! Через минуту хелки будут готовы к прыжку.

Сердце Джона забилося сильнее. Улыбаясь, он подал знак Везу и посмотрел на экраны, транслирующие изображение Вивариума и нескольких вооруженных кораблей хелков, которые, развернувшись, ринулись во входные отверстия гиганта. Он положил палец на клавиши на пульте компьютера и быстро проговорил в микрофон:

— Внимание всем, всем, всем! Через пять секунд уходим! Компьютеры переключить на управление прыжком!

Вез, громко смеясь, прервал разговор с вильмутцем и быстро повторил приказ по-гохдонски. Затем открытой ладонью подал знак Джону. Джон сильно нажал клавишу «Нуль» и ...

И ничего не произошло.

Вез и Джон посмотрели друг на друга, едва слыша доносящиеся из динамиков угрозы Бульвенорга.

Экраны озарились вспышками разрывов первых торпед, попавших в их защитное поле и уничтоженных им.

Джон отметил, что защита работает на пределе. Он нажал еще несколько клавиш, задавая программу компьютеру и одновременно подавая команду эскадре:

— Уходим на гравипроводе!

Он еще раз попробовал нажать клавишу «Нуль», но вновь ничего не произошло, хотя приборы показывали, что вся аппаратура и двигатель готовы к прыжку. Команда, отданная компьютеру, включила гравипровод, но «Берта» ни на йоту не сдвинулась с места!

Голос Бульвенорга замолк. Торпеды теперь летели беспрерывно. Внезапно «Берта» задрожала. Попадание! Заревели аварийные сирены, но приборы показали, что обшивка корабля не повреждена. Шум стоял такой, что Джон едва слышал голоса из интеркома. Он до предела усилил звук и наклонился к динамику.

— ... не входим в подпространство? — Ральф Цолл отчаянно кричал.

Ошеломленный Джон смотрел на экраны и вдруг понял, что все остальные корабли исчезли, а «Берта» осталась одна против флота врага; наедине с двухтысячной эскадрой Вильмута.

Очередной грохот — это вражеская торпеда прорвала оборону, миновав огонь малых противоракет и лазерных лучей. Джон почувствовал, как борются его люди с повреждениями и его охватила гордость за них. Нет, мы не сдадимся! Но как сейчас слаба была их оборона! Даже если этот мощный корпус

выдержит, то выделяющаяся при прямом попадании энергия непременно уничтожит их.

Вез нажал какие-то кнопки на панели компьютера и крикнул в микрофон:

— Домиано! Соедини нас с Омниархом!

Сильный голос старого хелка долетел до них, едва пробившись сквозь помехи, создаваемые врагом с помощью специальных устройств, препятствующих работе компьютеров.

— Клянусь честью, Вез До Ган! Это не я вас задержал! Джон Браузен, это... О, боже! Единственное, что приходит мне в голову, то, что Вивариум вошел в состояние автоматической обороны. И поэтому задерживает каждый корабль клипов, находящийся рядом. Мы сейчас исследуем все механизмы, выключающие эту оборону. — Омниарх внезапно замолчал и сделал сильный вдох. — Послушайте, друзья! Если вы продержитесь еще минуты две, то мы уйдем в подпространство. Нам уже почти удалось отключить эту идиотскую оборону!

Джон и Вез таращились друг на друга и молчали. Потом оба повернулись к хронометру.

Удары и сотрясения следовали непрерывно. Кто-то выругался по интеркому от бессилия и злости. Барт Ланге доложил:

— Крышка люка сорвана!

Джон повернул голову и посмотрел на пульт контроля жизнеобеспечения корабля. Который из люков? Мозг землянина давал сбой. Ах, вот этот! Часть корабля, куда попала торпеда, была изувечена взрывом, герметические перегородки отсеки утечку воздуха. Что еще можно было сделать кроме того, как наблюдать за прыжками стрелки хронометра?

Затем он внезапно ощутил, что внутри него все сжалось и перевернулось. Он попытался вскочить с кресла, но потерял равновесие и упал на пол, ничего не соображая...

25

Фигуры людей в рубке «Берты» зашевелились. Барт Ланге прохрипел, шаря вокруг себя руками:

— Что случилось?

У Джона в голове все перемешалось, словно он тысячу часов пробыл в камнедробилке, но все же долг был превыше всего, и он заставил себя собраться и сжать свое сознание в кулак. Первым делом он попытался оценить ситуацию, окинув взглядом показания приборов и детекторов.

— Похоже, что мы пробили нуль-пространство, — сказал он через мгновение. Потом неуклюже подполз к своему креслу и взгромоздился на него. Наклонившись к микрофону, сказал:

— Всем членам экипажа! Приказываю осмотреться в отсеках и на палубах, попытаться по мере сил устранить повреждения в аппаратуре. Курсограф дает направление нашего движения к империи Гохд.

Домиано слабо отозвался:

— Что произошло, сэр?

— По всей вероятности, Вивариум удерживал нас от входа в подпространство, а как только он сам исчез, то следом провалились и мы. Попал ли он в свое прошлое... неизвестно. Во всяком случае он исчез, и это позволило нам двигаться. По крайней мере, мне так кажется. Мы вынуждены будем довольствоваться тем, что осталось. Что же касается других кораблей, то, вероятнее всего, они ушли в гиперпространство согласно моему приказу. — Он посмотрел на Барта.

— Сколько «разведчиков» у нас на борту?

Барт задумался.

— Четыре. По крайней мере было тогда, когда...

— Выясни, — приказал Джон и обернулся, уловив движение за своей спиной. Лиза Дувал вошла в рубку. Она была бледная, но спокойная. Он спросил ее:

— У вас все в порядке?

Она медленно кивнула головой.

— Мы только очень испугались. Что произошло?

— Я думаю, что выяснение этого вопроса займет у нас много времени. — Он улыбнулся. — Но сейчас уже неприятности позади, по крайней мере, мне так хочется думать.

Стоящий перед детектором нульпространства Ланге завопил, показывая на него:

— Джон, смотри!

Джон подошел поближе. Барт показал на знакомый пурпурно-голубой блеск вблизи центра шара.

— Вот это! Это тот самый знак, показывающий, где мы были, — он засмеялся и показал на рассеянные маленькие точки. — Вильмутцы рассредоточились на маленькие группы и, вероятно, начали новые поиски. Бьюсь об заклад, что они готовы сразиться сами с собой!

Подошедший Вез произнес важным голосом:

— Пока они там остаются, они не смогут атаковать Гохд. Мы будем дома задолго до них. И будем готовы на случай, если они осмелятся реализовать свои угрозы!

Сейчас, когда все было позади, Джон ощутил страстное желание почувствовать во рту вкус зернышка дрона. Но он заставил себя выдержать эту пытку, сейчас он не мог позволить себе даже глотка алкоголя, чтобы заглушить это чувство. Он посмотрел вслед уходящей Лизе, которая пошла успокоить женщин, и опять повернулся к Везу:

— Твои корабли доберутся до баз быстрее нас. Поэтому я предлагаю, чтобы мы прежде всего полетели к той планете, которую ты подарил нам. Если ты не против, мы используем ее в качестве базы.

— Конечно. Но мне потребуется один из ваших кораблей и несколько передатчиков.

Джон ответил движением открытой ладони. Затем посмотрел на часы, показывающие время выхода из гиперсферы. Оставалось два часа и пятьдесят минут. Время двигалось так медленно, как оно могло течь только здесь, в н и г д е ! Но стрелки хронометров все-таки двигались безостановочно, и вскоре оказалось, что до выхода осталось всего десять минут. Барт опять подошел к детектору нуль-пространства и наморщил лоб.

— Сотрясения, которые получила «Берта», могли разрегулировать этот прибор. Он не может сейчас даже показать положение звездной системы нашей планеты.

Джон вздохнул:

— Разве ты не знаешь, что звезда там двойная? Мы попадем куда надо.

— Не сомневаюсь. Но все-таки все это выглядит не так, как должно было быть. Мне казалось, что я очень хорошо запомнил эту часть пространства.

— С приборами или без них, мы найдем нашу планету. Я знаю этот район, как свой карман.

В конце концов, они все же отыскивали планету, хотя поиски продолжались значительно дольше, чем они планировали.

Выход!

Джон медленно подвел «Берту» к атмосфере планеты. Они вышли на ночную сторону и радаром обследовали озерцо и берег. Затем снизились и послали запрос.

Ничего! Никакого ответа!

Джон снизил звездолет на минимальную высоту и включил экраны внешнего обзора. Все выглядело не так, как должно было быть. Джон почувствовал нарастающую тревогу. И через мгновение убедился в своих подозрениях. На планете не было ни одного «разведчика», хотя, когда они улетали, они ос-

тавили здесь несколько штук. На месте их стоянки виднелась какая-то металлическая груда хлама, заросшая кустами и несколькими деревьями. Не было ни малейших следов построек, или каких-нибудь следов пребывания людей.

Джон медленно повернул голову к Везу.

— Мне кажется, что будет лучше всего, если мы как можно быстрее покинем это место и вернемся к какому-нибудь цивилизованному обществу, если таковые еще существуют.

Вез медленно, в знак согласия, раскрыл ладонь.

26

«Берта» кружилась вокруг спокойно выглядевшей планеты несколько часов на высокой орбите, чтобы не испугать ее обитателей, пока Вез До Ган не вернулся на малом катере. Он рассказал подробности своих исследований, о которых кое-что они уже знали.

— Я едва мог с ними разговаривать, — сказал он. — Они сильно изменились в культурном отношении. Язык просто стал варварским. У них есть старинные предметы из металла, на которые они просто молятся. Я внимательно прослушал некоторые их легенды.

— Как давно это произошло? — перебил Джон.

— Я пробовал установить дату и получилось что-то около одиннадцати или двенадцати тысяч лет тому назад. Но я мог и ошибиться. Они даже не удивились, увидев меня. Культура их предков, судя по всему, была межзвездного происхождения. Я не пробовал объяснить, что прибыл из далекого прошлого, и что некоторые из них вполне могут оказаться моими потомками. — Он слабо улыбнулся. — Я оказался не в таком плохом положении, как вы, когда считали, что все ваши женщины погибли. Наши женщины там, внизу, выглядят здоровыми и привлекательными.

Джон уставился в пол.

— Ну что ж, — наконец произнес он. — Ничего не поделаешь. Теперь вот что — ты останешься с нами? На борту находятся многие вещи, принадлежащие тебе, не говоря уже о самом корабле! Конечно, могут найтись другие миры, похожие на Гохд, но только более приспособленные и более развитые чем этот.

Вез вздохнул:

— Я думаю, что этого не будет. Я даже не уверен, что хотел бы насаждать знания в этот, едва вступающий в жизнь мир. Я думаю, надо будет здесь и остаться, — он опять улыб-

нулся. — Ты не будешь против, если я со своими четырьмя товарищами останусь у вас?

— Конечно же нет! Большинство из нас осядут на той планете, которую ты подарил нам несколько тысяч лет назад. И по крайней мере, на какое-то время, я думаю, мы будем счастливы. А что касается «Берты»... решай сам. В конце концов, это ведь твой корабль.

— Не надо, Джон Браузен. Будем считать, что этот корабль наш общий, хорошо? Мы должны сделать на нем несколько разведочных полетов, пока еще мы недостаточно прочно приросли к этой земле.

— Удостовериться, что случилось с империей Вильмут, не так ли? Или что произошло с другими космическими культурами?

— Да, Джон.

Браузен подумал немного и потом сказал:

— Есть еще одно место, где бы я хотел побывать напоследок.

Вез улыбнулся.

— Я понял. Наверняка, ты имеешь в виду Землю.

«Берта» задержалась возле зеленой планеты почти на целый местный год, который был немного длиннее земного. Затем они осуществили двенадцатичасовой прыжок и убедились, что ситуация, в которой оказалась империя Вильмут, так же самая, что и в империи Гохд. Скорее всего и империи Бизх была уготована та же судьба. В общем, в обоих рукавах Галактики больше не существовало сколько-нибудь значимых космических культур.

Они натолкнулись на следы, очень слабые, давней межзвездной войны, которая произошла, по меньшей мере, десять тысяч лет тому назад. И которая уничтожила все культуры, овладевшие глубоким космосом в этом секторе Галактики, а их жалких обитателей отбросила на самую низкую ступень развития. Не осталось никаких подробностей о событиях тех дней.

Сделали они несколько путешествий и в эти миры. С одного из них Вез привез симпатичную молодую гохдонку, которую звали Фрезелия. После полутора лет жизни на зеленой планете Джон с Бартом Ланге, Луисом Домиано, Ральфом Цоллом, а также с Лизой Дувал посетили Землю.

По разным причинам Джон смог увидеть Веза только спу-

стя год после возвращения из этого полета. Вез был любопытен и интересовался, в каком состоянии находится Земля.

— Мы поначалу были просто ошеломлены, — рассказывал Джон. — Не говоря уже о том, что воздух и почва перестали быть радиоактивными, а вода потеряла половину первоначального уровня радиации — там появилась жизнь! Мы видели кусты, которые были похожи на меховую шкуру какого-то экзотического животного. Видели траву, местами зеленого, местами пурпурного цвета. От следов бывлой катастрофы не осталось и следа, — он посмотрел на дом, в котором сейчас жил (они сидели на скамейке в небольшом садике перед домом и потягивали пиво, весьма неплохое). — Мы были уверены, что вся жизнь была там полностью уничтожена. Но, видимо, семена и кое-какие бактерии все же сохранились. Может быть, они были где-то глубоко под поверхностью или заморожены в лед, и излучение их не достало. А затем некоторые из них вернулись к жизни, — он сделал пару глотков. — Я до сих пор не понимаю, как это все произошло в океане. Может быть, какие-то формы жизни находились в океанских впадинах или в иле, где их не уничтожили химические превращения, происходящие в толще вод. Во всяком случае, океаны Земли сейчас наполнены микроскопическими водорослями и самыми примитивными формами животной жизни. Думаю, что эти водоросли в довольно быстром темпе смогут восстановить атмосферу.

— Какой сейчас процент кислорода? — спросил Вез.

— Около десяти процентов. Мы подсчитали, что через год там уже может быть около четырнадцати процентов!

— И вы смогли бы поселиться там?

— В принципе это возможно, но пока что я не вижу в этом никакого смысла. Содержание кислорода все еще низкое. Пока что мы планируем доставить туда деревья, траву, а для рек и озер рыб, которые смогли бы акклиматизироваться в нынешних условиях Земли.

— А что с морями? Много ли еще радиоактивных веществ в них?

— Нет. Большинство уже очистились. Морских животных тоже надо будет завезти, если мы найдем какие-нибудь подходящие для нас виды.

Вез улыбнулся:

— А кроме этого? Ты уже что-то присмотрел?

— О, конечно! В районе, где некогда владычил Вильмут, есть несколько планет, я их специально посетил с этой целью, на которых растут растения, способные легко приспособиться

к нынешним земным условиям. Сейчас я планирую полететь туда и захватить некоторые образцы, чтобы акклиматизировать их на Земле.

Вез вздохнул:

— Ты не побывал в маленьких империях в отдаленных районах Галактики? Я имею в виду торговые миры...

— Мы наведывались в некоторые. Большинство из бывших полных жизни миров перестало существовать. Эта война... — он замолчал на мгновение. — Мы побывали даже на Дронгалии. Из чистого интереса. Сейчас это просто обожженная, спекшаяся масса шлака, летающая по орбите вокруг своего солнца. Нигде нет даже зернышка дрона.

Вез удивленно вскинул брови:

— Что?

Потом он улыбнулся и лукаво спросил:

— И какое впечатление это произвело на тебя?

Джон повернулся и обнял за плечи сидящую рядом Лизу.

— Для меня это было абсолютно безразлично. Чистая правда!

К о н е ц

СОДЕРЖАНИЕ

Звездный путь	5
Закон Чарли	7
Кинжал разума	28
Фальшивый Мак-Кой	44
Равновесие страха	58
Время обнажиться	80
Мири	95
Совесть Короля	122
Маленький Пушистик. Роман	141
Забыть о Земле. Роман	299

3-43

Серия «Звездный путь». Сборник фантастических произведений: Джеймс Блиш «Звездный путь», Х. Бим Пайпер «Маленький Пушистик», Кэрол М. Кэппс «Забыть о Земле». (Пер. с англ. М. Коркин, И. Русакова). — СПб.: издательство «МСТ», 1992 г., 448 с.

ISBN 5-7109-0001-X

Название и эмблема серии запатентованы во Всероссийском центре «Информпатент». Перепечатка отдельных глав и произведений в целом, выпуск томов сторонними организациями без разрешения издательства запрещены и будут преследоваться по закону.

ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Сборник фантастических произведений

Художественный редактор И. Мальский

Корректоры Н. Суровцева, Г. Шевченко

Сдано в набор 25.09.92. Подписано в печать 24.10.92. Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 28,0. Уч.-изд. л. 23,2. Тираж 50 000 экз. Заказ № 131.

Издательство «МСТ»: 195278, Санкт-Петербург, пр. Косыгина, 26/1.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор». 197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

**В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ
С Е Р И И:**

Джеймс БЛИШ

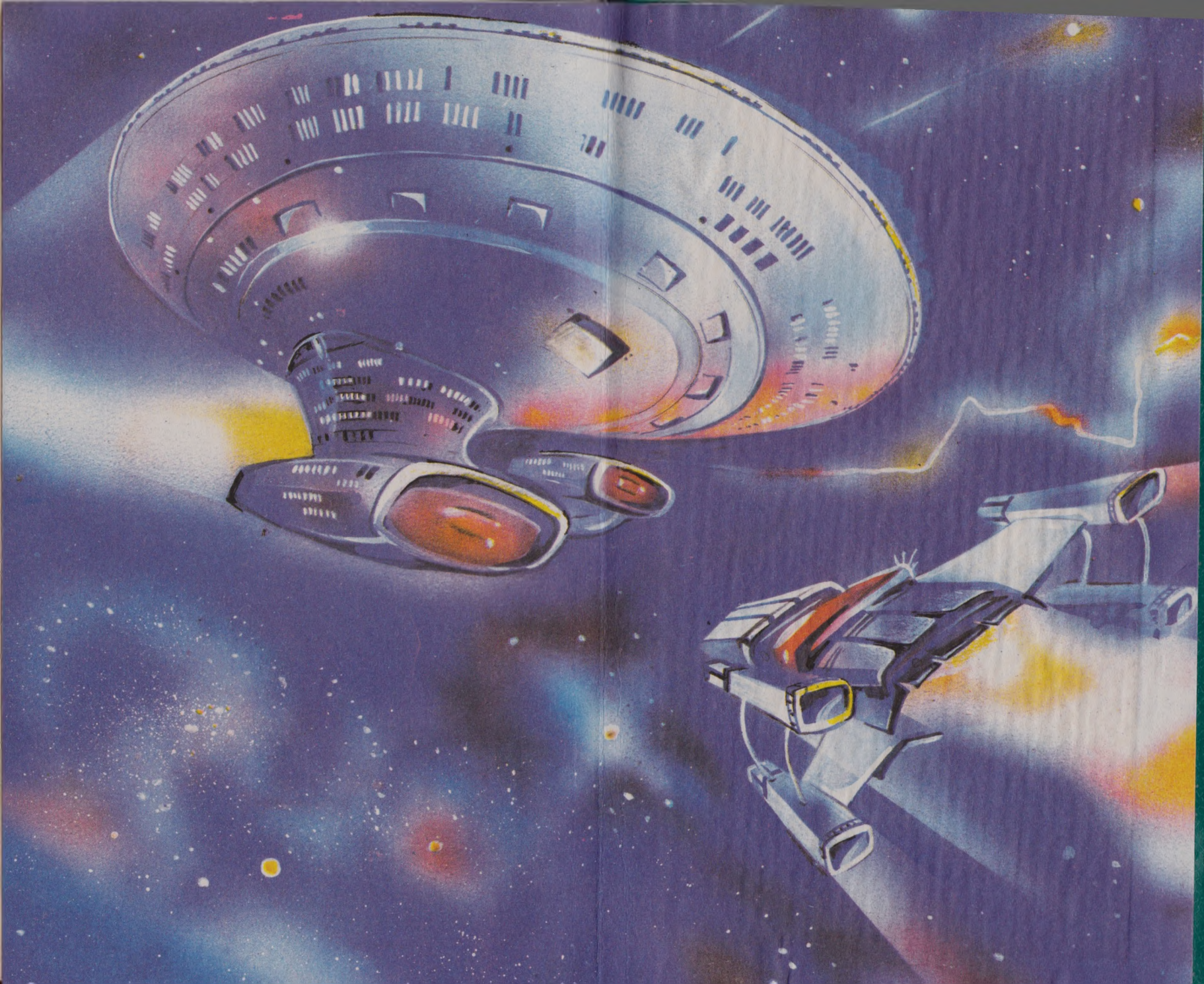
ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

Х. Бим ПАЙПЕР

**МАЛЕНЬКИЙ ПУШИСТИК - II
(ПУШИСТИК РАЗУМНЫЙ)**

Гордон Р. ДИКСОН

СОЛДАТ, НЕ СПРАШИВАЙ



ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ



ЗВЕЗДНЫЙ ПУТЬ

...Капитан Кирк запоздало понял, что простертыми фигурами на полу были Томлинсон и его помощник, оба погибли, когда ромуланин нанес первый удар по «Энтерпрайзу». А затем, Спок каким-то образом достиг пульта управления и дважды ударил почти парализованными пальцами по клавише открытия огня. Ромуланский корабль взорвался...

«Звездный путь»

...Джек быстро повернулся и увидел два больших глаза, таращившихся на него из клубочка золотистого меха. Что бы это ни было, у него была круглая голова, большие уши и лицо, похожее на человеческое...

«Маленький Пушистик»

— Да, — кивнул Барт. — Мы тогда бросились в драку сломя голову и потеряли все. Но сейчас совсем другое дело. Этот беглый хелк в течение двух тысяч лет имел шпионов в империи Вильмут. Понимаешь, Джон, в течение двух тысяч лет! Он видел гибель Земли и знает причины гибели, истинные причины! Он видел как мы воевали, и как из нас хотели сделать рабов...

«Забить о Земле»